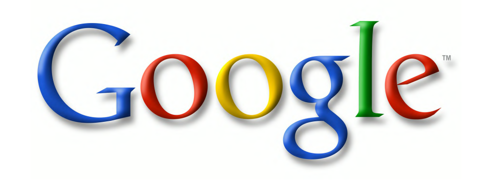

350.947
E27iz
1884a
A 457559

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

АЛЕКСАНДРЫ ЕФИМЕНКО

Члена: Императорскаго русскаго Географическаго Общества, Юридическаго Общества при Университетѣ Св. Владиміра и Историко-филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ:

ОБЫЧНОЕ ПРАВО.

Изданіе В. И. Каспрова.

МОСКВА.

„Русская" типо-литографія, Большая Дмитровка, д. Шаблыкина.

1884.

105-405823

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ предлагаемомъ выпускѣ собраны работы мои по обычному праву, печатавшіяся втеченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, въ различныхъ журналахъ. И такъ, интереса новизны онѣ не имѣютъ. Чѣмъ же могла бы я оправдать ихъ вторичное появленіе въ свѣтъ?

Нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ работъ обратили на себя въ свое время вниманіе публики и спеціалистовъ: вниманіе, частью благосклонное, частью не благосклонное, но въ общемъ гораздо болѣе лестное для меня, чѣмъ я могла и смѣла разсчитывать. Но то было время, а теперь другое. Тогдашнее вниманіе читающей публики еще не даетъ права разсчитывать на теперешнее. И если я рѣшилась на отдѣльное изданіе, то руководствовалась въ своемъ рѣшеніи совсѣмъ иными соображеніями. А именно вотъ какими. Разработка народнаго обычнаго права за послѣднее время мало подвинулась впередъ. Даже фактическій матеріалъ накопляется туго—ужъ не говоря объ обобщающихъ или хотя бы даже лишь сводящихъ трудахъ. Поэтому мои работы—хотя, можетъ быть, и устарѣлыя въ нѣкоторыхъ частностяхъ — въ цѣломъ должны имѣть почти тоже самое значеніе, какое имѣли и въ моментъ своего перваго появленія въ свѣтъ.

Хотя понятіе народнаго обычнаго права и получило уже въ общественномъ сознаніи извѣстное право гражданства, но-

едва-ли все-таки будетъ лишнимъ, если я здѣсь отмѣчу нѣсколькими чертами его значеніе, теоретическое и практическое.

Научное значеніе обычнаго права теперь уже стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Эволюціонный принципъ, въ его примѣненіи къ изученію общественныхъ, а, слѣдовательно, и правовыхъ явленій, необходимо отводитъ должное—и очень важное—мѣсто знакомству съ тѣми разнообразными стадіями правоваго развитія, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ обычнаго права. Важнѣе сказать нѣсколько лишнихъ словъ о томъ практическомъ значеніи, какое имѣетъ изученіе обычнаго права.

Наше общерусское стремленіе къ народу находитъ свое естественное выраженіе въ желаніи изучать народъ, знать его. Изученія эти до-сихъ-поръ складывались въ двѣ главныя группы—этнографическую и экономическую. Этнографическая первенствуетъ и давностью происхожденія, и богатствомъ матеріала, и научностью пріемовъ разработки; экономическая возникла недавно, но уже представляетъ собой въ нѣкоторомъ родѣ особую литературу, хотя, надо признаться, литература эта страдаетъ грубой, сырой фактичностью и,—что еще важнѣе,—такими методологическими недостатками, которые крайне затрудняютъ научную разработку ея матеріала. Особнякомъ отъ этихъ двухъ главныхъ группъ стоятъ изученія народнаго міровоззрѣнія, т.-е. представленій народа о нравственномъ и справедливомъ, выражающіяся, съ одной стороны,—въ сектантствѣ, съ другой—въ обычномъ правѣ. Этимъ изученіямъ посчастливилось гораздо меньше, особенно обычному праву.

Справедливо-ли это?

И да, и нѣтъ, смотря потому, съ какой посмотрѣть точки зрѣнія. Если видѣть въ народѣ только пассивный элементъ,

служащій лишь для воздѣйствія на него сверху, то конечно, изученіе формъ его быта, а въ особенности экономическаго положенія—все, что требуется. Но если смотрѣть на народъ, какъ на активный элементъ, способный, въ той или другой формѣ, участвовать въ общегосударственной жизни—положеніе мѣняется: знакомство съ душей народа—скромнѣе говоря, съ его взглядами на право и нравственность—становится вопросомъ настоятельной необходимости. Какая же правильнѣе изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія? Хотя авторъ, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, и не высказывается нигдѣ прямо по этому поводу, но его тенденція очевидна: народъ *долженъ* быть признаваемъ за активный элементъ. Но съ того времени, какъ была писана большая часть этихъ статей, прошло пять, десять лѣтъ—много времени, для интеллигентнаго русскаго человѣка. И вотъ авторъ, умудренный годами и опытомъ, уже не осмѣливается больше прибѣгать къ категорическимъ утвержденіямъ, а лишь скромно спрашиваетъ: можетъ-ли у насъ народъ не быть признаваемымъ за активный элементъ? у насъ—когда мы ежеминутно, ежесекундно чувствуемъ на себѣ страшное давленіе этой народной массы? у насъ—гдѣ это давленіе совершенно парализуетъ интеллигенцію, ставя ее въ положеніе, можно сказать, безвыходное? Скажутъ, можетъ быть: народъ въ данномъ случаѣ не является активнымъ дѣятелемъ, а слѣпой, пассивною силой. Пусть такъ; но фактъ на лицо: не мы, интеллигенція, на него воздѣйствуемъ, а онъ на насъ. Можемъ-ли же мы не интересоваться душой этого народа, не стараться проникнуть во всѣ особенности его нравственныхъ и правовыхъ воззрѣній?

Да, какъ бы мы ни относились къ народной правдѣ—съ полнымъ-ли ея признаніемъ, какъ дѣлаетъ авторъ въ предлагаемыхъ статьяхъ, или съ такимъ же полнымъ ея отрица-

ь—кажется, надо признать за несомнѣнное, что знать се-таки совершенно необходимо.

Необходимо и намъ, интеллигенціи,—еще болѣе необхо- законодателю. Теперь, когда вѣра въ абсолютную пра- ю правду отодвигается въ область преданій, открывается законодательнаго творчества просторъ къ широкому и отворному примѣненію и развитію правовыхъ началъ, енныхъ въ народное сознаніе. Но если законодатель- и не рѣшится на такой шагъ, который не можетъ не ставляться ему очень радикальнымъ, все-таки оно без- вно не можетъ игнорировать обычное право. Оно обя- регулировать обычное право, точно опредѣлить его о и районъ дѣйствія—это прямой долгъ законодатель- по отношенію къ тому огромному большинству насе- , которое руководствуется въ своей правовой жизни и исключительно нормами обычнаго права.

Всѣ эти—и подобныя—соображенія съ особенной силой ны выступить на сцену именно теперь, когда готовится рма нашихъ гражданскихъ законовъ. Извѣстно, что ком- іи, которой порученъ былъ ихъ пересмотръ и состав- проэкта гражданскаго уложенія, уже кончила свой ъ. Слѣдовательно, дѣло на ходу. Въ трудахъ коммис- принимали участіе ученые спеціалисты, близко знакомые обычнымъ правомъ, какъ напр. г. Пахманъ. При такихъ віяхъ было бы самой прискорбной неожиданностью, бъ и теперь законодательство обошло обычное право же, какъ оно обходило его раньше. Надо думать, что не будетъ.

Нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ въ настоящей книгѣ ра- моихъ по обычному праву вызвали—и въ общей и въ іально ученой литературѣ—критическія замѣчанія и воз-

раженія. Я въ то время не сочла удобнымъ отвѣчать на все, что мнѣ въ этомъ смыслѣ предъявлялось. Оно и къ лучшему. Теперь, когда смотришь изъ извѣстнаго отдаленія, виднѣе, что въ представлявшихся мнѣ возраженіяхъ было существеннаго, дѣйствительно заслуживавшаго вниманія и отвѣта.

Вотъ что я могу припомнить изъ такого, по поводу чего стоитъ еще и теперь сдѣлать нѣкоторыя объясненія.

Г. Побѣдоносцевъ, во второмъ изданіи своего курса гражданскаго права (2-я часть, стр. 71—74) удѣлилъ нѣсколько страницъ полемикѣ со мной по поводу моей статьи: «Народныя воззрѣнія на бракъ». Присяжные ученые такъ рѣдко удостоиваютъ своимъ вниманіемъ журнальныя статьи— тѣмъ болѣе въ курсахъ—что мнѣ, конечно, нельзя обойти такой необычный фактъ. Къ сожалѣнію, я очень мало имѣю что прибавить новаго къ сказанному мною въ статьѣ. Центральный пунктъ, противъ котораго направлены возраженія г. Побѣдоносцева, есть высказанная мною мысль, что основныя положенія нашего брачнаго права, разсматривающія бракъ какъ нравственное, а не юридическое отношеніе, даютъ мало гарантій интересамъ лица и вообще оказываются, въ извѣстномъ смыслѣ, слишкомъ высокими для жизни, пренебрегая ея требованіями во имя своего возвышеннаго нравственнаго идеала. Мысль, какъ кажется, вѣрная, и г. Побѣдоносцевъ самъ въ заключеніе говоритъ, что «нельзя не согласиться съ г-жей Ефименко, что нашъ гражданскій законъ дѣйствительно оставляетъ безъ вниманія требованія дѣйствительной жизни, когда бесусловно отрицаетъ юридическую силу всякихъ гражданскихъ записей и условій о бракѣ, и отвергаетъ иски, возникающіе изъ нарушенія такихъ условій». Но тѣмъ не менѣе г. Побѣдоносцевъ очень

вооружается противъ моей постановки, будто бы стремящейся *низвести* законъ съ его идеальной высоты и отдать его на служеніе низменнымъ матеріальнымъ интересамъ жизни. Я меньше всего наклонна что-нибудь «низводить», а напротивъ, стремилась бы, елико возможно, все «возводить». Но ужь если возводить, такъ возводить. Пусть г. Побѣдоносцевъ явится орудіемъ воплощенія въ законѣ самыхъ высокихъ нравственныхъ, хоть бы евангельскихъ, истинъ,— и я, конечно, буду въ числѣ его поклонниковъ и послѣдователей. Но г. Побѣдоносцевъ — юристъ, и какъ таковой прекрасно понимаетъ, что законъ не есть вмѣстилище нравственныхъ истинъ. Почему выходитъ такъ, какъ будто онъ этого не понимаетъ, я не знаю. Въ самомъ дѣлѣ, чему служитъ законъ: охраненію ли матеріальныхъ интересовъ жизни или удовлетворенію нашихъ нравственныхъ потребностей? Нельзя совершенно отрицать и второе; но ставить первое въ подчиненное положеніе по отношенію къ этому второму, какъ дѣлаетъ г. Побѣдоносцевъ, совершенно невозможно. «Не дѣлай», «не прикасайся», — основные императивы закона—неужели это требованія «высшаго духовнаго начала», какъ увѣряетъ г. Побѣдоносцевъ, а не простыхъ матеріальныхъ интересовъ жизни?

Но существенно важной и заслуживающей вниманія я считаю полемику, возникшую по поводу статьи: «Трудовое начало въ обычномъ правѣ». Автору досталось тогда не мало. Съ одной стороны, заявлялось, что авторъ не открылъ Америки, такъ какъ въ выводахъ его нѣтъ ничего новаго; съ другой стороны, къ нему относились такъ, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ открывалъ какую-то нелѣпую Америку, установлялъ совершенно новыя и совершенно неосновательныя научныя положенія. Можно возражать, конечно, только

по адресу аппонентовъ второй категоріи, и то, разумѣется, не на счетъ Америки, а на счетъ основательности. Укажу прежде всего на внимательный и добросовѣстный разборъ моей работы, сдѣланный г. Гольмстеномъ въ Русскомъ Обозрѣніи (1878 г. № 5). Г. Гольмстенъ шагъ за шагомъ разбираетъ мою аргументацію, доказывающую существованіе въ народномъ обычномъ правѣ трудоваго начала, какъ самостоятельнаго юридическаго принципа, и заключаетъ рѣшительнымъ протестомъ противъ признанія «не только въ нашемъ обычномъ правѣ, но и вообще самостоятельнаго юридическаго значенія труда, какъ правоваго принципа». Г. Кулишеръ, въ одной изъ своихъ работъ въ Вѣстникѣ Европы— къ сожалѣнію, не знаю ни названія ея, ни времени помѣщенія—пришелъ тоже къ полному отрицанію правоваго значенія труда: онъ исходилъ уже не изъ юридическихъ идей и теорій, какъ г. Гольмстенъ, а изъ фактовъ сравнительнаго этнологическаго изученія. Припоминаю еще рѣзко неблагосклонныя замѣчанія г. Пахмана (Обычное гражданское право въ Россіи т. II стр. 11, 20, 211, 377), на благосклонность котораго, впрочемъ, я и не смѣла разсчитывать.

Итакъ, права я или нѣтъ: можетъ-ли трудъ, при какихъ-нибудь условіяхъ, быть правопроизводящимъ, какъ выражаются юристы, фактомъ или не можетъ?

Давно уже про насъ, русскихъ, говорится, что мы ничего не можемъ знать, что̀ нѣмцемъ не написано въ книжкѣ. И я, признаться, устанавливая свои положенія, немало смущалась, что не могу, подобно моимъ аппонентамъ, сослаться ни на какого нѣмца. За то какъ же обрадовалась, когда узнала, что наконецъ таки и на моей улицѣ праздникъ, что—нѣмецъ нашелся. Нѣмецъ этотъ—Робертъ Шелльвинъ. Въ прошломъ году появилось его сочиненіе: «Трудъ

и его право» («Arbeit und sein Recht, rechtlich volkswirthschaftliche studien zur socialen Frage, Berlin), сочиненіе, какъ разъ трактующее, хоть съ иныхъ сторонъ и съ иныхъ точекъ зрѣнія, о томъ щекотливомъ вопросѣ, который служитъ содержаніемъ моей статьи. Работа Шелльвина не публицистика, тѣмъ болѣе не памфлетъ: это настоящій нѣмецкій добросовѣстный ученый трудъ. Одна изъ главныхъ цѣлей его сочиненія доказать, что трудъ можетъ и долженъ имѣть правовое значеніе: разумѣется, авторъ не знаетъ, что въ народномъ русскомъ правѣ — да, вѣроятно, и въ другихъ народныхъ правахъ, гдѣ они еще не вытѣснены окончательно — осуществляется хоть и въ примитивномъ видѣ то, что онъ считаетъ возможнымъ и обязательнымъ для права культурнаго. Вообще, Шелльвинъ высказывается во многихъ мѣстахъ своего труда въ очень близкомъ моимъ положеніямъ смыслѣ, и высказывается не голословно, а во всеоружіи европейской юридической и экономической науки. Онъ утверждаетъ, что для римскихъ юристовъ было само собой подразумѣвающимся, что трудъ не свободенъ и что собственность есть господствующая правовая категорія; что современное культурное право еще не вышло изъ-подъ давленія правовыхъ институтовъ римскаго рабскаго государства; что все наше частное право, которое въ такомъ совершенствѣ разработало институтъ собственности и обязательства, почти не затронуло право личности и труда; что вообще наше современное право объявляетъ трудъ за неправоспособный; что это огромный пробѣлъ и общественное зло, которое должно быть устранено законодательнымъ признаніемъ самостоятельнаго юридическаго значенія труда, какъ правопроизводящаго факта (стр. VII, 138—149, 241 и слѣд.). Разумѣется, я не имѣю возможности слѣдить за аргумен-

таціей Шелльвина и только могу отослать любопытствующаго читателя къ его талантливо-написанной книгѣ. Мнѣ тутъ важно лишь слѣдующее: во-первыхъ, что мои выводы уже совсѣмъ не такая Америка, а во-вторыхъ, что они могутъ не казаться абсурдными даже если стоять исключительно на почвѣ права культурнаго. А вѣдь даже и г. Гольмстенъ, мой архи-юридическій оппонентъ, не отрицаетъ того, что народное обычное право носитъ въ себѣ не мало характеристическихъ чертъ, рѣзко его отличающихъ отъ современнаго культурнаго права и что два различныхъ экономическихъ строя порождаютъ два различныхъ типа права.

Защищаться-ли мнѣ по существу всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ пунктовъ, на которые дѣлались нападенія? Не знаю, право,—нужно-ли это. Вѣдь всѣ эти нападенія возможны только потому, что нападающіе, исходя изъ готоваго строя юридическихъ воззрѣній, никакъ не могутъ допустить признанія за трудомъ самостоятельнаго правоваго значенія. Хотя г. Гольмстенъ и упрекаетъ меня въ предвзятой мысли, подъ которую я будто-бы подтягиваю факты, но откуда-бы я взяла эту предвзятую мысль? Я не имѣю ни малѣйшихъ притязаній на ученость въ юридическомъ смыслѣ, но все-таки уже настолько вкусила отъ плодовъ юридической науки, что мысль о введеніи въ юридическую область труда, какъ правоваго принципа, не могла не казаться мнѣ самой очень дерзкою. Трудно прать противъ рожна вѣками сложившейся науки съ безчисленнымъ множествомъ авторитетныхъ именъ, книгъ, традицій, съ массой затраченной умственной работы. Но я не видѣла выхода, не видѣла возможности объяснить ту массу фактовъ, какая была у меня передъ глазами, не сдѣлавши извѣстнаго, дерзкаго, допущенія. Не отрицаю, что отдѣльные факты

могутъ быть подведены подъ категоріи культурнаго права. Сила не въ этомъ, а въ томъ, что есть факты, несомнѣнно подъ него неподводимые, несомнѣнно требующіе моего допущенія—возьмемъ хоть факты наслѣдственнаго права—и затѣмъ, что совокупность ихъ, т. е. фактовъ обычнаго права, несравненно легче объясняется съ помощью моего допущенія, чѣмъ безъ него.

Теперь я хочу еще сказать нѣсколько словъ по поводу моей послѣдней работы: «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ»—работы историческаго характера, но на обычно-правовую тему. Работа эта была, можно сказать, незамѣчена публикой. Не имѣю основаній жаловаться на это обстоятельство, такъ какъ совершенно понимаю и уважаю его причины: статья слишкомъ загромождена массой фактовъ, которые не могутъ не казаться, съ точки зрѣнія обыкновеннаго образованнаго читателя, мелочными и скучными. Но я цѣню эту свою работу настолько выше всѣхъ моихъ остальныхъ работъ по обычному праву, что не могу удержаться отъ соблазна сдѣлать попытку побѣдить читательское равнодушіе и скуку. Можетъ-быть мнѣ удастся заинтересовать читателя предварительнымъ короткимъ указаніемъ на смыслъ и значеніе работы.

Главная цѣль ея — уяснить вопросъ о происхожденіи нашей сельской поземельной общины. Принадлежа къ самымъ крайнимъ поклонникамъ народа и его общины, я не убоялась на два года всецѣло погрузиться въ изученіе архивныхъ документовъ, чтобъ почерпнуть себѣ желаемое знаніе у самыхъ его источниковъ: обстоятельства поблагопріятствовали мнѣ, доставивъ цѣнный и какъ нельзя болѣе пригодный для моей цѣли матеріалъ. Черезъ два года я вынырнула—но, увы, читатель, вынырнула съ полнѣйшимъ

убѣжденіемъ, что наша поземельная община вовсе не исконная форма нашего землевладѣнія, какъ я до тѣхъ поръ была глубоко и всецѣло убѣждена: она есть продуктъ относительно поздняго времени, съ одной стороны—заключительное звено длиннаго историческаго процесса, съ другой—плодъ внѣшняго воздѣйствія. Разумѣется, я говорю только объ извѣстной намъ формѣ сельской поземельной общины: исключительная наклонность великорусскаго племени къ коллективизму, его способность къ творчеству въ сферѣ общественныхъ формъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Одно изученіе артелей на томъ же самомъ крайнемъ сѣверѣ, на которомъ я изучала вопросъ о происхожденіи общины, можетъ вполнѣ убѣдить въ этомъ. Въ высшей степени любопытно слѣдующее. Та форма, которую мнѣ съ большимъ трудомъ удалось возстановить по архивнымъ документамъ—долевое владѣніе, которое я считаю переходомъ къ современной поземельной общинѣ—какъ оказывается, въ нѣкоторыхъ своихъ разновидностяхъ до сихъ поръ еще существуетъ. Въ трудахъ курскаго земскаго статистическаго бюро (Курскій уѣздъ) есть описаніе землевладѣнія такъ-называемыхъ четвертныхъ крестьянъ (бывшихъ однодворцевъ): владѣніе это очевидно сохраняетъ типичныя черты того самого архаическаго строя, который найденъ мною на крайнемъ сѣверѣ.

Но если публикѣ не суждено заинтересоваться моей работой, то я надѣюсь, что ученые спеціалисты отдадутъ должное по крайней мѣрѣ хоть тому фактическому матеріалу, который въ нее вложенъ.

Мнѣ бы хотѣлось посвятить свою книгу нашей учащейся молодежи, особенно студентамъ-юристамъ нашихъ университетовъ. Но посвященія вышли изъ моды, и, какъ все вы-

шедшее изъ употребленія, рѣжутъ глаза. Поэтому ограничусь тѣмъ, что выскажу свое завѣтное пожеланіе. Пусть книга моя, которая вмѣщаетъ въ себѣ результатъ почти десятилѣтняго труда, обратитъ хоть двѣ-три молодыя, еще не нашедшія себѣ приложенія, силы къ изученію народнаго обычнаго права, и я буду считать себя совершенно удовлетворенной и вознагражденной.

Александра Ефименко.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО.

НАРОДНЫЯ ЮРИДИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ НА БРАКЪ.

Есть два пути, которыми возникаютъ юридическія нормы. Одинъ путь, когда онѣ являются, какъ результатъ воли законодателя,—это путь искусственный. Другой—тотъ, которымъ вырабатывались основы права, когда онѣ возникаютъ, какъ результатъ дѣйствія общихъ причинъ, какъ явленіе стихійное, помимо участія той или другой личности, — это путь естественный. Несмотря на кажущуюся противоположность между этими двумя процессами возникновенія юридическихъ нормъ, онѣ родственны. Воля законодателя въ значительной степени направляется тѣми же общими причинами, которыя производятъ и естественныя юридическія нормы. Кромѣ того второй изъ этихъ процессовъ, которымъ начинается развитіе права, мало по малу, общими условіями развитія жизни, усложненіемъ ея явленій, необходимо переходитъ въ первый. Но когда мы имѣемъ возможность наблюдать оба эти процесса въ одно и то же время, у одного и того же народа, намъ рѣзко бросаются въ глаза ихъ отличительныя черты: условность и произвольность одного, органическая необходимость другого.

Развиваясь этимъ органически необходимымъ процессомъ, естественныя юридическія нормы народа, его обычно-правовыя воззрѣнія, являются результатомъ вліянія всѣхъ соціальныхъ факторовъ и особенно факторовъ экономическихъ. Но, разъ сложившись, юридическія возрѣнія сами являются вид-

ымъ соціальнымъ факторомъ, оказывая свое вліяніе на всѣ
гороны жизни, при преобладающемъ тяготѣніи къ сторонѣ
кономической, какъ къ наиболѣе родственной — взаимодѣй-
віе, которое служитъ такимъ характеристическимъ призна-
омъ всѣхъ соціальныхъ явленій. Такимъ образомъ обычно-
равовыя воззрѣнія народа находятся въ тѣсной связи со
сѣмъ складомъ народной жизни и съ тѣмъ, въ особенности,
то составляетъ ея экономическую сторону. Оставлять въ
ренебреженіи юридическія воззрѣнія народа—значитъ не же-
ать понимать народную жизнь вообще, не понимать эконо-
ическую сторону этой жизни въ частности. Тѣсная связь,
акая существуетъ между правовою и экономическою об-
астями, выступаетъ даже въ томъ относительно частномъ
опросѣ, который я дѣлаю предметомъ настоящаго очерка,
е. во взглядахъ крестьянства на бракъ.

Разъясненіе взглядовъ, какіе имѣютъ наши крестьяне на
ракъ, кромѣ своего научнаго интереса, имѣетъ и интересъ
рактическій, жизненный. Въ предисловіи указано, что въ
астоящее время работаетъ коммиссія для составленія нова-
гражданскаго уложенія. Неужели она обойдетъ—можетъ
бойти—наше брачное законодательство, слабыя стороны ко-
раго такъ краснорѣчиво демонстрируются ежедневной прак-
кой и массой судебныхъ разбирательствъ по супружескимъ
ламъ? Обычное же право нашего крестьянства можетъ, съ
ной стороны, дать матеріалъ для перестройки брачнаго
рава, съ другой—и что еще важнѣе—сообщить то руководя-
ее начало, на основаніи котораго должна совершаться эта
рестройка. У насъ уже бывали попытки къ реформамъ въ
ласти брачнаго права, но какъ-то ни къ чему не приводи-
: такъ напр. лѣтъ девять тому назадъ былъ поставленъ
очередь вопросъ о реформѣ церковнаго суда и вмѣстѣ съ
мъ вопросъ о томъ, должна ли юрисдикція бракоразвод-
ыхъ дѣлъ остаться въ вѣдѣніи духовной власти или перей-
къ свѣтской? Въ это время появилась одна любопытная
ошюрка. Принадлежа къ ярымъ противникамъ всякихъ
беральныхъ реформъ въ брачно-правовой области, авторъ ея
ень основательно заявлялъ, что, проэктируя законъ, кото-
ый касается всего народа, надо знать мнѣніе о немъ на-
да, „всей многомилліонной массы православнаго русскаго

народа". Авторъ убѣжденъ, что онъ знаетъ это мнѣніе и что оно вполнѣ согласно съ его доводами. Онъ убѣжденъ, что народъ смотритъ на бракъ, какъ на актъ исключительно религіозный, что ему противно всякое вмѣшательство въ дѣло брака чего либо, имѣющаго характеръ свѣтскій, гражданскій, что въ дѣлахъ брачныхъ онъ имѣетъ довѣріе только къ священству. Еслибъ это было такъ, то предполагаемое измѣненіе, конечно, имѣло бы противъ себя очень вѣскій аргументъ, единственно вѣскій изъ всѣхъ, представляемыхъ авторомъ. Но я въ предлагаемой статьѣ надѣюсь доказать, что народная жизнь, наблюдаемая въ разнообразныхъ мѣстностяхъ, при разнообразныхъ условіяхъ, не только не даетъ никакихъ основаній заключать, чтобы это было такъ, но, напротивъ, неизбѣжно заставляетъ придти къ выводамъ діаметрально противоположнымъ тѣмъ, какіе высказываетъ упомянутая брошюра.

Прежде чѣмъ я приступлю къ изложенію современныхъ взглядовъ крестьянства на бракъ,—взглядовъ, стоящихъ въ нѣкоторыхъ существенно важныхъ пунктахъ въ разрѣзъ со взглядами, проводимыми нашимъ современнымъ законодательствомъ,—считаю не лишнимъ указать на замѣчательное сходство этихъ взглядовъ съ историческимъ прошлымъ нашего формальнаго брачнаго права, хотя это сходство и не обусловливалось заимствованіемъ народа у постановленій законодательства.

Наше формальное брачное право сложилось подъ исключительнымъ вліяніемъ греко-римскаго законодательства; древне-русское обычное брачное право, о которомъ мы имѣемъ очень мало историческихъ свѣдѣній, ничѣмъ не заявило себя въ законодательной сферѣ, можетъ быть, потому, что брачныя дѣла предоставлены были въ исключительное вѣдѣніе духовенства, конечно, мало расположеннаго обращаться къ народнымъ обычаямъ. Въ то время, когда русскіе обратились къ греко-римскому брачному праву, само оно находилось въ періодѣ развитія. Будучи по кореннымъ римскимъ законамъ актомъ гражданскимъ, бракъ съ тѣмъ же значеніемъ существовалъ и въ греко-римскомъ законодательствѣ; но съ теченіемъ времени началъ въ него вкрадываться элементъ религіозный, и бракъ сталъ получать двойственный

характеръ, однако все-таки съ значительнымъ преобладаніемъ гражданскаго элемента надъ религіознымъ. Какъ относительно поздно появился въ византійскомъ брачномъ правѣ элементъ религіозный, видно изъ того факта, что еще въ Прохиронѣ Василія Македонянина (вторая половина IX-го вѣка), вошедшемъ въ наши Кормчія, нѣтъ никакого постановленія, которое дѣлало бы обязательнымъ заключеніе брака при посредствѣ церкви. Только Левъ Философъ сдѣлалъ вѣнчаніе необходимой принадлежностью заключенія брака, значитъ, только со временъ этого императора бракъ по греко-римскому законодательству получилъ свой двойственный характеръ. Но если дѣло заключенія брака удалось, хоть и поздно, подчинить религіи, то иначе было съ дѣломъ его расторженія. Каноническія постановленія, ограничивающія расторженіе брака только естественною смертью или прелюбодѣяніемъ одного изъ супруговъ, до такой степени несовмѣстны были со взглядами на предметъ греко-римскаго общества, что законодательство, постоянно стремившееся къ ограниченію свободы расторженія браковъ, никогда не доходило до исключительности постановленій каноническихъ. Супруги разводились всегда собственною властью, такъ что, еслибъ, учиняя разводъ, они вышли изъ предѣловъ ограниченій, налагаемыхъ свободѣ развода формальнымъ правомъ, то это не уничтожило бы дѣйствительности развода, а только давало государству право преслѣдовать нарушеніе закона; такимъ образомъ христіанская Византія сохранила у себя свободу развода, вытекавшую у нея изъ взгляда на бракъ, какъ на простой гражданскій договоръ. Изъ этого же взгляда вытекали различнаго рода обязательства, которыми обставляли стороны заключаемый ими брачный договоръ. Напр., законъ допускалъ обязательства о вступленіи въ бракъ и обезпеченіе этихъ обязательствъ задатками, неустойками и т. п.

Брачное право, заимствованное изъ Византіи, явилось къ намъ съ тѣмъ же двойственнымъ характеромъ, съ какимъ существовало и тамъ, при значительномъ преобладаніи элемента гражданскаго. Но, при маломъ развитіи русской государственной жизни, когда еще не было и не могло быть отчетливыхъ представленій о необходимости обособленія ея различныхъ отправленій, когда духовенство захватывало въ свои

руки дѣла, не имѣвшія въ себѣ вовсе ничего религіознаго,— и брачное право попало въ исключительное вѣдѣніе духовной власти. Единственнымъ судомъ по брачнымъ дѣламъ сталъ судъ церковный, руководствомъ—Кормчія, заключавшія въ себѣ съ каноническими постановленіями и закономъ Моисея, греко-римскіе гражданскіе законы, въ видѣ закона суднаго людямъ царя Константина, Эклоги и Прохирона. Кромѣ того церковь, по мѣрѣ надобности, не стѣснялась обращаться и къ другимъ источникамъ греко-римскаго законодательства. Духовенство, принявъ въ свое вѣдѣніе византійское брачное право съ его вышеупомянутымъ двойственнымъ характеромъ, приняло, слѣдовательно, и то, что составляло его гражданскую сторону. Но принявъ и поддерживая эту сторону, духовенство естественно не могло развивать ее, такъ какъ это выходило бы уже изъ предѣловъ его компетентности. Иначе могло оно отнестись къ религіозной сторонѣ брачнаго права, въ развитіи которой оно было вполнѣ компетентно, и потому эта сторона неизбѣжно должна была въ русскомъ брачномъ правѣ получить такое значеніе, какого она не имѣла въ правѣ византійскомъ. Но какъ отнеслись къ новому брачному праву тѣ, для кого духовенство переносило его изъ Византіи? Все, что касалось гражданской стороны брачнаго права, повидимому, привилось легко и скоро, такъ какъ оно не вносило никакого новаго начала въ существовавшія уже отношенія и понятія. Но принятіе элемента религіознаго, совершенно новаго и чуждаго, встрѣтило упорное сопротивленіе. Исходя изъ своихъ представленій о бракѣ, какъ объ актѣ гражданскомъ, русскіе долго не хотѣли, напр., принять вѣнчаніе и заключали свои браки безъ церковнаго обряда. Только въ высшей общественной средѣ, между князьями и боярами, проповѣдь духовенства о безусловной необходимости вѣнчанія для дѣйствительности брака производило свое дѣйствіе; масса же не хотѣла ничего знать о ней. Борьбу духовенства съ народнымъ обычаемъ жить въ брачномъ союзѣ безъ благословенія церкви можно прослѣдить по посланіямъ, поученіямъ и грамотамъ митрополитовъ и архіепископовъ даже въ теченіе XV-го и XVI-го столѣтій; на нее есть указанія и въ Стоглавѣ. Не менѣе упорную борьбу пришлось вынести духовенству и изъ-за свободы развода, какая господствовала въ русскомъ

народѣ. Признавая бракъ въ самомъ его началѣ, въ его заключеніи, актомъ гражданскимъ, русскій народъ естественно стремился сохранить за собою право произвольно расторгать брачный союзъ, право, вытекающее изъ признанія за этимъ союзомъ договорнаго харатера. Свобода развода у нашихъ предковъ, вѣроятно, существовала или въ тѣхъ же самыхъ формахъ, или въ близкихъ къ нимъ, въ какихъ она и по настоящее время существуетъ у православныхъ юго-западныхъ славянъ, въ цѣлости сохранившихъ, благодаря особеннымъ историческимъ условіямъ, многое изъ общаго всѣмъ славянамъ прошлаго. У сербовъ, черногорцевъ и болгаръ, въ силу издревле установившагося обычая, духовная власть и теперь допускаетъ разводъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, напр., въ иныхъ мѣстностяхъ считается достаточнымъ простое желаніе той или другой стороны. У нихъ установились извѣстныя символическія дѣйствія, посредствомъ которыхъ совершается актъ развода, и обычаемъ опредѣляются всѣ послѣдствія этого акта, какъ относительно дѣтей, такъ и имущества (см. книгу г. Богишича. Pravni obiçaji u Slovena, u Zagrebu, 1867, стр. 135—137).

Надо думать, что потребность въ свободномъ разводѣ была очень сильна въ древне-русскомъ обществѣ, такъ какъ наше духовенство, какъ ни склонно было стремиться къ ограниченію этой свободы, не только не удержалось, по отношенію къ этому вопросу, на почвѣ каноническихъ постановленій, но нашло нужнымъ прибѣгнуть къ греко-римскому гражданскому законодательству и даже къ нему отнеслось довольно свободно. Въ двухъ сборникахъ указовъ греческихъ царей въ Эклогѣ и Прохиронѣ, помѣщенныхъ въ Кормчихъ, причины, по которымъ можетъ происходить разводъ, опредѣлены различно. Духовенство нетолько приняло всѣ въ ихъ совокупности, но еще расширило ихъ свободнымъ толкованіемъ и даже допустило совсѣмъ новыя. На византійскихъ законахъ основывался у насъ разводъ по причинѣ различныхъ преступныхъ дѣйствій супруга, особенно прелюбодѣянія, безвѣстнаго отсутствія или оставленія одного супруга другимъ, пострижепія въ монашество, неспособности къ брачному сожительству и по мн. др. Греко-римское основаніе къ разводу—проказа, которой подвергся супругъ, расширено было у насъ

до болѣзни вообще, хотя, конечно, съ извѣстными ограниченіями. Еще допускались у насъ разводы по слѣдующимъ поводамъ, не заимствованнымъ изъ византійскаго законодательства: когда, по причинѣ дурнаго поведенія одного изъ супруговъ, брачная жизнь становилась для другого несносною; когда жена подвела воровъ, которые обворовали бы мужа; въ случаѣ неплодія жены. Установивъ такъ широко причины къ расторженію браковъ, духовенство не обставило стѣсненіями и совершеніе этого расторженія: для развода требовалось только разрѣшеніе духовнаго отца. Лишь во второй половинѣ XVIII вѣка окончательно запрещено было священно-и церковно-служителямъ писать разводныя письма.

Но и эти, относительно очень широкія рамки, какія установило свободѣ развода наше брачное законодательство, казались народу слишкомъ тѣсными, и борьба духовенства съ народомъ за ограниченіе этой свободы вышеупомянутыми рамками составляетъ одну изъ сторонъ той общей борьбы, которую пришлось выдержать духовенству за религіозный элементъ брака. Еще въ половинѣ XVI вѣка, какъ видно изъ посланія новгородскаго архіепископа Ѳеодосія въ Устюжну Желѣзопольскую, мужья пускали своихъ законныхъ женъ, а пущеницы посягали за иныхъ мужей.

Борясь за укорененіе въ народныхъ понятіяхъ и обычаяхъ того, что составляло религіозный элементъ брака, духовенство, какъ уже было сказано выше, не стремилось уничтожить въ пользу этого элемента той двойственности въ характерѣ брачнаго союза, съ какою оно заимствовало это учрежденіе изъ Византіи: гражданская сторона брака, если не развивалась нашимъ духовнымъ брачнымъ законодательствомъ, все-таки поддерживалась имъ. Отсюда имъ признавалась всегда законность разнаго рода гражданскихъ обязательствъ, вытекавшихъ изъ гражданскаго, договорнаго характера брака. Въ Византіи, при заключеніи брачнаго союза, существеннѣйшую принадлежность составлялъ актъ гражданскаго обрученія, или брачнаго договора. Этотъ актъ гражданскаго обрученія, брачнаго договора, или сговора, мы видимъ и у насъ въ допетровскую эпоху: заключались словесно или письменно разнаго рода обязательства, какими договаривающіяся стороны хотѣли обставить заключеніе брака. Много такихъ пись-

менныхъ обязательствъ XV-го и XVI-го вѣковъ дошли до насъ подъ названіемъ рядныхъ, или сговорныхъ записей. Въ этихъ рядныхъ или сговорныхъ, условливались о времени заключенія брака, о приданомъ со стороны невѣсты или выводныхъ деньгахъ со стороны жениха, о разныхъ частныхъ обстоятельствахъ, какими могъ сопровождаться бракъ въ томъ или другомъ случаѣ; необходимою принадлежностью записи было опредѣленіе неустойки, которую должна была платить сторона отступившая въ пользу обиженной. Неустойки эти назывались зарядами и доходили иногда до очень большихъ суммъ. Дѣла по нарушенію брачныхъ обязательствъ принадлежали вѣдѣнію церковнаго суда, который руководствовался при ихъ рѣшеніи греко-римскими гражданскими законами, нетолько признававшими законность этихъ обязательствъ, но и дававшими имъ свои юридическія опредѣленія.

Такимъ образомъ, разсматривая историческое развитіе нашего брачнаго права, мы замѣчаемъ, что духовенство, принявшее въ свое вѣдѣніе юрисдикцію брачныхъ дѣлъ, борется постоянно за религіозную сторону брака съ противодѣйствующими тенденціями русскаго общества, но вовсе не стремится достигнуть исключительности для этой стороны; напротивъ, оно признаетъ и поддерживаетъ въ бракѣ гражданскій элементъ почти въ такой же степени, въ какой признавало его греко-римское гражданское законодательство. Но мало по малу развивается государственный организмъ, чувствуется потребность въ болѣе и болѣе строгомъ обособленіи различныхъ его отправленій: однимъ изъ проявленій этой потребности являются серьезныя столкновенія между церковною и свѣтскою властями по вопросу о подсудности вообще и брачныхъ дѣлъ въ частности. Начало XVIII-го вѣка кладетъ конецъ этой борьбѣ, передавъ церковь, какъ подчиненное учрежденіе, въ вѣдѣніе государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ эпоху въ исторіи нашего брачнаго законодательства. Только часть брачныхъ дѣлъ оставляется въ рукахъ духовной власти, остальное переходитъ къ свѣтской; брачное законодательство переходитъ въ руки свѣтской, общей законодательной власти, постановленія которой дѣлаются обязательными и для церкви. Но—странное дѣло — вмѣстѣ съ переходомъ брачныхъ дѣлъ отъ духовной власти къ свѣтской совершается и другого рода

явленіе: гражданскій элементъ брака, игравшій такую видную роль, пока брачныя дѣла были подвѣдомственны духовной власти, начинаетъ отступать на задній планъ, подчиняется религіозному, и наше свѣтское брачное законодательство становится на строго религіозную почву, обнаруживая стремленіе возможно послѣдовательнѣе проводить по всѣмъ частямъ брачнаго права принятую имъ точку зрѣнія. Петръ Великій положилъ начало этому новому направленію, запретивъ неустойки, рядныя и сговорныя записи съ обязательнымъ характеромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоживъ и значеніе гражданскаго обрученія, но онъ еще дѣйствовалъ не изъ принципа, а просто изъ соображеній практическихъ; однако толчокъ, данный имъ въ эту сторону, привелъ къ тому, что религіозное пониманіе брака сдѣлалось принципомъ нашего законодательства, создало свои юридическія теоріи, и послѣднее выраженіе той послѣдовательности, съ какою оно проводится, мы можемъ найти въ современныхъ рѣшеніяхъ кассаціонныхъ департаментовъ сената по брачнымъ дѣламъ.

Итакъ, взглядъ на бракъ исключительно какъ на таинство, проводимый нашимъ законодательствомъ, есть продуктъ позднѣйшей эпохи въ развитіи нашего русскаго брачнаго права. Но законодательство, сдѣлавъ поворотъ къ этому исключительному взгляду, нетолько не увлекло за собою на новый путь взглядовъ и симпатій народа, но даже нисколько не повліяло на эти взгляды. Народъ вполнѣ остался при своемъ старомъ воззрѣніи на бракъ, какъ на гражданскій актъ, лишь освящаемый благословеніемъ церкви, — воззрѣніи, которое развилось самобытно изъ общаго склада народныхъ понятій, но укорененію котораго, конечно, должно было содѣйствовать и наше старое византійско-русское брачное законодательство. Какъ укоренилось это воззрѣніе въ „многомилліонной массѣ православнаго русскаго народа", въ крестьянствѣ, какъ послѣдовательно оно проводится, надѣюсь, будетъ ясно изъ тѣхъ фактовъ, къ изложенію которыхъ я приступаю.

Прежде всего я хочу доказать, что въ народѣ заключеніе брака ничѣмъ существенно не отличается отъ заключенія договора вообще, что, слѣдовательно, бракъ, по способу своего заключенія, есть частный видъ гражданскаго договора. Но мнѣ

обходимо предпослать нѣсколько словъ о крестьянскомъ договорѣ вообще. Такое безусловно необходимое юридическое ношеніе, какъ договоръ, существующее въ каждомъ человеческомъ обществѣ, хоть немного возвысившемся надъ со-янiемъ первобытной дикости, есть и у нашего крестьянза, и, какъ многое, имѣетъ у него своеобразныя формы, гя, конечно, по существу оно не можетъ сильно уклонять- отъ того опредѣленія, которое вытекаетъ и изъ закона. оеобразность заключается, главнымъ образомъ, въ способѣ рѣпленія договоровъ. Формы скрѣпленія договоровъ, предлаемыя закономъ, замѣняются у крестьянъ различными симвоческими дѣйствіями, имѣющими у нихъ полную юридическую іу. Вотъ главнѣйшія изъ этихъ дѣйствій: контрагенты удаютъ другъ друга по рукамъ, которыя разнимаетъ посторон-і, въ качествѣ свидѣтеля, или схватываются правыми руками локтяхъ, или, если предметъ договора вещь, передаютъ изъ ы въ полу и т. д.; затѣмъ молятся вмѣстѣ Богу, пьютъ морычъ, или литки. Послѣ совершенія контрагентами того или угого изъ этихъ дѣйствій актъ договора считается заключенмъ и юридическія послѣдствія, вытекающія изъ него, вступившими въ свою силу. Обезпечиваются договоры, по крестьянму обычаю, какъ и по закону, задатками, неустойками, за-ами, поручительствомъ и т. д. При совершеніи договора купродажи, при осмотрѣ предмета договора, считается, по обыо, позволительнымъ во что-бы то ни стало расхваливать ю вещь, приписывая ей небывалыя достоинства. Все, что ставляетъ принадлежность договора крестьянъ вообще, нацитъ свое полное приложеніе и къ ихъ свадебному договору. нтрагентами являются, въ огромномъ большинствѣ случаь, родители или старшіе родственники договаривающихся ракѣ сторонъ, иногда самъ женихъ и родители невѣсты. По ключеніи договора и приведеніи его въ исполненіе, они назыотъ другъ друга сватами, какъ въ иныхъ мѣстностяхъ и ı заключеніи договора купли продажи, мѣнѣ и проч.

Инниціатива предложенія свадебнаго договора принадлегъ сторонѣ мужчины. Начинается дѣло обыкновенно не іно заинтересованной стороной, а чрезъ посредство довѣнаго лица — свата или свахи. Порученіе, которое беретъ себя сватъ, составляетъ содержаніе частнаго договора

между нимъ и женихомъ, скрѣпляемаго обычнымъ способомъ: бьютъ по рукамъ и молятся вмѣстѣ. Будучи заинтересованъ въ томъ, чтобъ успѣшно выполнить порученіе своего довѣрителя, сватъ употребляетъ всѣ усилія для приведенія дѣла къ благопріятному исходу. Излагая свое порученіе, сватъ старается выставить въ самомъ лучшемъ свѣтѣ какъ личность своего довѣрителя, такъ и всѣ послѣдствія, главнымъ образомъ послѣдствія экономическія, имѣющей состояться сдѣлки. Считаю не лишнимъ привести со словъ крестьянина Шенкурскаго уѣзда (Архангельской губ.) одинъ очень краснорѣчивый по своей полнѣйшей безъискуственности образчикъ того, какъ старается сватъ, въ интересахъ своей стороны, подѣйствовать на умъ, чувства и волю стороны противной: „Хватись—чего у мужика нѣту!" разсказываетъ сватъ—„хлѣба стараго полъ-житницы, четыре скотины на воду ходитъ, два теленка на сѣнѣ, пятигодовалый быкъ на корму, конь тоже хорошій, одиннадцать овецъ, и деньги водятся, домикъ живетъ (порядочный). А хоть изъ платья-то: шубъ бѣлыхъ, сукманинъ, кафтанъ у парня, рубаха дорогого кумачу, тяжевые штаны, поясъ изъ дорогого прядена шленской шерсти, и кисти какія наведены! не то что кисти, да и концы-то у пояса развѣ на два вершка—да что на два! чуть не на три—вышиты золотомъ! Срядится, просто золотой, все бы на него глядѣлъ. Ну, да что говорить: парень ходитъ на сплавку, гроша не промотаетъ, не пьяница, а осенью-то ходитъ въ лѣсъ: у него въ лѣсу насторожено сорокъ петлей да тридцать кулемъ,—сколько онъ переловитъ зайцевъ! Есть ружье и собака, стрѣляетъ бѣлку. Собака у него, говорятъ, хороша: я чулъ (слышалъ) у старовѣра Митрохи цѣлковый давали за собаку-то. И мордъ плести мастеръ, и рыбу ловитъ въ озерахъ—щукъ; да есть, ты самъ слыхалъ" и т. д.

Согласіе свое приступить къ дѣлу сторона невѣсты, т. е. родители или замѣняющіе ихъ родственники, выражаетъ тѣмъ, что бьетъ со сватомъ по рукамъ: это вступленіе, которое, не имѣя юридически обязательнаго характера, ставитъ уже сторону невѣсты въ нравственное обязательство продолжать дѣло—навести справки насчетъ жениха и лично сдѣлать осмотръ его житья-бытья, если не имѣется на этотъ

счетъ всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній. Осмотръ женихова житья-бытья, когда онъ имѣетъ мѣсто, дѣлается также обстоятельно, какъ бы онъ дѣлался и для всякой другой серьезной цѣли: не забываются ни хлѣвъ, ни закромы, ни амбары, ни чуланы, ни сундуки и кошельки. Но легкій взглядъ нашего крестьянина на честность въ юридическихъ отношеніяхъ, выработавшій общерусскія пословицы въ родѣ: „товаръ лицомъ показать", „не обманешь—не продашь" и т. д., заявляетъ себя и тутъ: не рѣдко случается, что въ домъ жениха, на время осмотра, приносятся чужія вещи, приводится чужой скотъ. Удовлетворительный результатъ осмотра, выражаемый согласіемъ съ невѣстиной стороны, запивается на мѣстѣ обильнымъ могарычемъ, который поставляетъ женихъ.

Но осмотръ, согласіе, выражаемое одной стороной, и могарычъ, поставляемый другой, не закрѣпляютъ еще договора. Съ рѣшающимъ юридическимъ значеніемъ является лишь актъ такъ называемаго сговора, соотвѣтствующаго гражданскому обрученію греко-римскаго и нашего стараго русскаго брачнаго законодательства.

Крестьянскій сговоръ заключаетъ въ себѣ три главныхъ момента (я беру этотъ актъ въ его наиболѣе характеристической формѣ; по разнымъ мѣстностямъ бываютъ несущественныя видоизмѣненія): осмотръ лицъ, имѣющихъ вступить въ брачный союзъ, (откуда названія сговора: смотрѣнье, глядинки, глядѣшки и т. д.) собственно договоръ объ условіяхъ, какими стороны желаютъ обставить дѣло, и наконецъ, скрѣпленіе этого договора обычными обрядами, отъ которыхъ сговоръ получаетъ названіе рукобитья, заручанья, пропоя, заноя, винопитья и т. д.

На осмотръ какъ женихъ, такъ и невѣста являются въ самомъ лучшемъ видѣ, особенно невѣста: ее набѣливаютъ, нарумяниваютъ, одѣваютъ въ самое лучшее платье, однимъ словомъ, не упускаютъ изъ виду ничего, что могло бы возвысить ея наружныя достоинства. Этотъ осмотръ не пустая формальность, такъ какъ часто случается, что сторона жениха тутъ видитъ дѣвушку въ первый разъ. Пока невѣста еще не выведена на показъ, сторона жениха говоритъ: „наше (т. е. жениха) смотрите и свое покажите", или „просимъ

нашъ товаръ посмотрѣть и свой показать" и т. д. Въ иныхъ мѣстностяхъ дѣвушку осматриваютъ самымъ безцеремонньмъ образомъ: подходятъ къ ней со свѣчей, разсматриваютъ и ощупываютъ ея лицо, руки, шею.

Собственно брачный договоръ заключаетъ въ себѣ, кромѣ окончательнаго изъявленія согласія на бракъ и опредѣленія времени, когда онъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе, еще разнообразныя условія насчетъ расходовъ той и другой стороны, насчетъ обоюдныхъ подарковъ и даровъ, насчетъ подмоги, насчетъ приданаго или кладки, смотря потому, гдѣ и что въ обычаѣ, иногда насчетъ неустойки. Тутъ же даются въ обезпеченіе исполненія договора залоги деньгами или вещами. О всѣхъ подробностяхъ брачнаго договора будетъ сказано ниже.

Для скрѣпленія договора употребляются на сговорѣ всѣ обычные способы, о которыхъ уже говорено. Бьютъ по рукамъ, или просто, или черезъ полу кафтана, теперь уже непосредственно сами контрагенты, т. е. родители лицъ, имѣющихъ вступить въ брачный союзъ, иногда только отцы, а мать и прочіе родственники разнимаютъ руки. Вообще, лица, разнимающія руки, играютъ роль свидѣтелей, и въ число ихъ, въ иныхъ мѣстностяхъ, приглашаютъ священника, какъ уважаемое и нейтральное лицо. Затѣмъ всѣ присутствующіе молятся Богу, родители благословляютъ жениха и невѣсту, и наконецъ пьютъ могарычъ, поставляемый и на этотъ разъ стороной жениха.

Сговоромъ и обрядами, его сопровождающими, считается брачный договоръ скрѣпленнымъ и получаетъ обязательную силу. Отказаться отъ него считается дѣломъ безчестнымъ, долженствующимъ навлечь на виновнаго какъ небесную, такъ и земную кару, въ видѣ взысканій расходовъ, даровъ, платы за безчестье, а иногда даже и уголовнаго наказанія. Въ тѣ времена, когда вѣнчаніе не вошло еще въ обыкновеніе, вѣроятно, сговоромъ и скрѣплялся окончательно брачный союзъ; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ встрѣчается мѣстами обычай обходиться сговоромъ безъ вѣнчанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи церковный обрядъ хотя и считается обязательнымъ, тѣмъ не менѣе сговоръ даетъ право жениху и невѣстѣ жить между собою брачно, и они,

дня сговора, или заручинъ, называются уже молодыми,
э. новобрачными.

Разсмотримъ теперь ближе тѣ условія, которыя состав-
ютъ содержаніе крестьянскаго брачнаго договора. Они
аются имущественныхъ интересовъ договаривающихся о
кѣ сторонъ. Вотъ къ какимъ группамъ можно свести эти
нородные интересы: 1) свадебные расходы, 2) кладка,
приданое, 4) подарки, 5) условія о количествѣ свадеб-
:ъ гостей, 6) неустойки, залоги, задатки и т. д.

Такъ какъ празднованіе свадьбы у крестьянъ имѣетъ
з особое важное общественное значеніе, о которомъ я
жу ниже, то и расходы на веденіе свадьбы представ-
ютъ одну изъ видныхъ сторонъ свадебнаго дѣла. Какъ
ичина этихъ расходовъ, такъ и то, какая изъ сторонъ
ствуетъ въ нихъ преимущественно, зависитъ и отъ сте-
и благосостоянія сторонъ, и отъ мѣстнаго обычая, и отъ
імнаго договора. Всего распространеннѣе то обыкнове-
что до заключенія свадебнаго договора всѣ расходы ле-
ъ на жениховой сторонѣ: она обязана поить родственни-
ь невѣсты при осмотрѣ житья-бытья, обязана доставить
) и съѣстные припасы на угощеніе присутствующихъ
сговорѣ, хотя сговоръ дѣлается и въ домѣ родителей
ѣсты. Расходы на празднованіе собственно свадьбы рас-
ѣляются между сторонами; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ
юдствуетъ обычай такъ-называемой кладки, расходы не-
тиной стороны большею частью фиктивные, такъ какъ
производятся на деньги жениха.

Кладка—деньги, которыя, по свадебному договору, долж-
быть даны стороной жениха сторонѣ невѣсты на свадеб-
расходы. Величина кладки различна: она соразмѣряется
ь съ общимъ уровнемъ благосостоянія жителей той или
ой мѣстности, такъ, въ частности, съ уровнемъ благо-
оянія сторонъ, договаривающихся о бракѣ. Скажу нѣ-
ько словъ объ этомъ интересномъ обычаѣ, который такъ
оминаетъ первобытные нравы и покупку невѣстъ. Обы-
кладки очень распространенъ во внутренней Россіи и,
цимому, обладаетъ большою жизненною силою, такъ
ь болѣе и болѣе расширяетъ область своего распростра-
я: его принимаютъ крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной

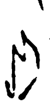
зависимости, которые, по особенностямъ своего положенія, не могли его имѣть раньше, и малороссіяне тамъ, гдѣ они, какъ напр. въ Воронежской губ., живутъ не компактною массою. Крестьяне, а особенно крестьянки, съ которыми мнѣ случалось говорить о кладкѣ, выражаютъ сознаніе того дурнаго вліянія, какое имѣетъ этотъ обычай на положеніе женщины: являясь въ семью мужа какъ результатъ извѣстныхъ затратъ со стороны этой семьи, и затратъ иногда довольно чувствительныхъ, женщина дѣлается предметомъ постоянныхъ упрековъ за эти затраты и стремленій возвратить затраченное съ лихвою на ея рабочей силѣ.

Гдѣ кладка бываетъ статьей брачнаго договора, тамъ, большею частію, не дѣлается условій о приданомъ: значительная часть изъ немногаго, что идетъ съ дѣвушкой, покупается на тѣ деньги, которыя получаются въ кладку, или и прямо доставляется женихомъ; напр. женихъ, кромѣ денежной кладки, даетъ полушубокъ, сапоги, полость для постели и т. д. Тамъ же, гдѣ нѣтъ кладки, видное мѣсто въ брачномъ договорѣ занимаетъ условіе о приданомъ. Изъ приданаго, въ обыкновенномъ крестьянскомъ быту, дѣлается договоръ только о платьѣ, которое должна принести съ собою невѣста, рѣдко о „награжденіи", т. е. деньгахъ, скотѣ или какихъ нибудь вещахъ сверхъ платья. Послѣднее „награжденіе" дается иногда помимо договора, изъ добраго желанія родителей.

Подарки составляютъ видную часть брачнаго договора. Обѣ стороны, въ полномъ составѣ всѣхъ своихъ членовъ, надѣляются ими обоюдно. Брачные подарки въ настоящее время имѣютъ различное значеніе. Подарки относительно лицъ, берущихъ на себя посредничество при заключеніи брачной сдѣлки, т. е. свата или свахи, играютъ роль платы за ихъ трудъ; такое же значеніе имѣютъ подарки священнику и знахарю. Другая часть подарковъ является съ явнымъ юридическимъ характеромъ залоговъ. Наконецъ, третья часть, повидимому, не имѣетъ никакого юридическаго значенія, кромѣ своего прямаго, и есть, вѣроятно, остатокъ какого нибудь древняго обычая, утратившаго свой смыслъ, напр., обычая при покупкѣ невѣсты у отца, дополнительной платы роду; въ настоящее время подарки эти символически

выражают то, что въ имѣющемъ состояться брачномъ союзѣ заинтересованы нетолько два лица, заключающіе его, но и многіе другіе, т. е. родственники, надѣляемые подарками. Между подарками собственно видное мѣсто занимаютъ дары, т. е. тѣ подарки, которые идутъ отъ невѣсты роднымъ жениха. Тамъ, гдѣ нѣтъ кладки, они имѣютъ наибольшее значеніе между расходами невѣстиной стороны, занимаютъ первое мѣсто въ брачномъ договорѣ и изъ-за нихъ часто расходятся свадьбы; гдѣ есть кладка, дары покупаются на нее. Подарки, играющіе роль залоговъ, даются не послѣ заключенія брачнаго договора, какъ тѣ, о которыхъ сейчасъ говорилось, а при самомъ заключеніи и служатъ его обезпеченіемъ. Самые обыкновенные изъ этихъ подарковъ—платокъ со стороны невѣсты и кольцо со стороны жениха; дарятся также и другія вещи той или другой стороной, смотря по ихъ взаимнымъ условіямъ.

Кромѣ подарковъ, которые играютъ роль залоговъ, даются при заключеніи свадебнаго договора и настоящіе залоги деньгами или вещами. Даются залоги или которой нибудь одной изъ сторонъ, если есть поводъ къ сомнѣнію въ томъ, что она сдержитъ условіе, или обоюдно, напр. такъ: женихъ даетъ деньги или одежду, а со стороны невѣсты дается платье; при одностороннемъ залогѣ дается обыкновенно договоренная сумма денегъ. Въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ напр. въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губ., значительная доля участія въ устройствѣ брачнаго союза принадлежитъ самимъ брачущимся, гдѣ, слѣдовательно, большое значеніе имѣетъ предварительное условіе молодыхъ людей насчетъ ихъ взаимнаго согласія вступить между собою въ бракъ, тамъ женихъ и невѣста сами скрѣпляютъ свой договоръ или обоюднымъ залогомъ, или одна дѣвушка даетъ въ обезпеченіе своего обязательства что нибудь цѣнное, напр., нѣсколько своихъ платьевъ, жемчужное ожерелье и т. п. Иногда въ обезпеченіе брачнаго договора назначается той или другой стороной неустойка.

Брачные договоры заключаются большею частью словесно. Гдѣ грамотность распространена, тамъ дѣлаютъ такъ-называемыя росписи о дарахъ, т. е. подаркахъ отъ невѣсты родственникамъ жениха; они не имѣютъ характера и значенія

оффиціальныхъ документовъ. Кромѣ того, въ Архангельской губ. заключаются, хотя и рѣдко, формальные брачные договоры, „сговорныя письма", являющіяся прямымъ продолженіемъ до-петровскихъ рядныхъ, или сговорныхъ, записей. Въ сговорныхъ письмахъ, какъ и въ древнихъ записяхъ, опредѣляется время, когда договоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе, т. е. когда быть браку, назначается залогъ или неустойка въ обезпеченіе исполненія договора, перечисляется приданое; если женихъ принимается въ домъ, то опредѣляются права его по отношенію къ имуществу тестя; если невѣста вдова, имѣющая дѣтей, то условливаются насчетъ положенія и обезпеченія ея дѣтей и т. д. Образцы крестьянскихъ сговорныхъ писемъ можно найти въ книжкѣ: „Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи". П. Ефименко, (стр. 125—137).

Брачный договоръ, т. е. подготовительныя къ нему дѣйствія и самое его заключеніе со всѣми обычными обрядами, составляетъ существо крестьянскаго брака, все остальное—дополнительныя дѣйствія, заключающія въ себѣ признаніе этого договора обществомъ и церковью, съ одной стороны, и символы, остатки разныхъ эпохъ въ исторіи брака, утратившіе въ настоящее время свой смыслъ и держащіеся исключительно въ силу привычки, съ другой. Отсюда видно, на сколько правы тѣ, которыя строятъ особыя теоріи русскаго брака, опираясь на православный русскій народъ и на народный духъ. Гражданскій элементъ брака, всякое проявленіе котораго такъ сильно преслѣдуется нѣкоторыми изъ нашихъ ученыхъ юристовъ на основаніи вышеупомянутыхъ теорій, играетъ въ представленіяхъ народа настолько важную роль, что оттѣсняетъ все остальное на второе, подчиненное мѣсто.

Договорная сторона брака имѣетъ для крестьянъ полную, обязательную юридическую силу. Нарушенія брачнаго договора вездѣ принимаются волостнымъ судомъ въ свое вѣдѣніе, и возстановленіе нарушенныхъ правъ по обязательствамъ, касающимся этого договора, даетъ постоянно матеріалъ множеству рѣшеній крестьянскихъ судовъ. Вотъ взысканія, къ какимъ приговариваетъ судъ виновную въ нарушеніи договора сторону: 1) уплата неустойки, если о ней бы-

ло условлено въ договорѣ, 2) возвращеніе подарковъ, залоговъ и кладки, 3) потеря залоговъ или тѣхъ подарковъ, которые играютъ роль залоговъ, 4) уплата расходовъ, сдѣланныхъ по поводу готовившейся свадьбы, 5) уплата такъ-называемаго безчестья, т. е. личнаго оскорбленія, за каковое принимается отказъ отъ брачнаго договора, 6) уголовное наказаніе, если нарушеніе договора осложнялось какими-нибудь обстоятельствами, увеличивающими, въ глазахъ суда, отвѣтственность подсудимаго.

Назначеніе неустойки на случай отступленія той или другой стороны отъ брачнаго договора не есть явленіе общее, такъ какъ, сколько намъ извѣстно по матеріаламъ, собраннымъ въ Архангельской губ., этимъ способомъ обезпеченія договора пользуются только богатые крестьяне, назначающіе иногда въ неустойки довольно крупныя, по крестьянскому масштабу, суммы. Такъ напр. былъ случай назначенія въ неустойку 300 руб., кромѣ 100 руб., шедшихъ въ залогъ. Насчетъ взысканія неустойки я имѣю одно рѣшеніе волостнаго суда, очень интересное по своимъ подробностямъ, рисующимъ въ безъискусственной формѣ тѣ крайности, до какихъ развился у крестьянъ взглядъ на бракъ, какъ на договоръ, въ которомъ невѣста, а часто и женихъ, являются просто вещью, имѣющею въ глазахъ договаривающихся сторонъ такое же значеніе, какъ и всякій другой объектъ договора. Волостной старшина жалуется, что крестьянинъ, просватавъ за него свою дочь и положивъ 50 руб. неустойки, отказывается отъ исполненія и того и другаго изъ данныхъ обязательствъ. Отвѣтчикъ объяснилъ, что, во-первыхъ, онъ заключилъ обязательство подъ условіемъ, если старшина дастъ ему въ подмогу 150 руб.; во-вторыхъ, что считаетъ свое обязательство недѣйствительнымъ, такъ какъ далъ его, т. е. просваталъ дочь, въ пьяномъ видѣ. Показанія свидѣтелей не подтвердили перваго изъ этихъ объясненій; а второе отвергъ судъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что „совершеніе поступка въ пьяномъ видѣ не даетъ права на снисходительное взысканіе: будь пьянъ, да уменъ“. (Арх. губ.). Итакъ, отвѣтчикъ присужденъ былъ поплатиться деньгами за то, что упустилъ изъ виду то нравоучительное положеніе, которое изрекъ ему въ заключеніе судъ. Но при чемъ

здѣсь то человѣческое существо, по поводу котораго заключаются въ пьяномъ видѣ договоры и расторгаются въ трезвомъ, даются неустойки и т. д.?

Когда, при заключеніи брачнаго договора, которая либо изъ сторонъ получаетъ залогъ, а потомъ отказывается отъ исполненія договора, то считаетъ себя безусловно обязанной возвратить этотъ залогъ, такъ что дѣла о возвращеніи залоговъ доходятъ до суда только въ томъ случаѣ, если они усложняются чѣмъ нибудь постороннимъ; напр. обиженная сторона не желаетъ получать одинъ залогъ, а требуетъ, вмѣстѣ съ нимъ, вознагражденія за расходы и т. д. Въ тѣхъ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, которыми я располагаю, взыскиваются залоги постоянно съ невѣстъ. Какъ видно изъ одного рѣшенія, женихъ далъ отцу невѣсты „въ вѣрности сватовства" въ залогъ 10 руб. (10 руб., какъ залогъ со стороны жениха отцу невѣсты, попадается и въ другомъ мѣстѣ). Когда отецъ невѣсты нарушилъ условіе, то обиженная сторона, черезъ довѣреннаго свата, предъявила въ судѣ искъ, но не 10 руб., а 25 руб., считая 15 руб. „за убытки по несостоявшемуся сватовству". Отвѣтчикъ „сдѣлалъ споръ" въ 15 руб. убытковъ, но взятые въ залогъ 10 руб. призналъ и тутъ же представилъ (Арх. губ.). Такъ и въ другихъ случахъ: залогъ, если онъ не возвращенъ раньше, возвращается на судѣ безъ всякихъ споровъ и принужденія. Но залогъ отцу невѣсты даетъ женихъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ въ Архангельской губ., существуетъ приданое; гдѣ господствуетъ кладка, тамъ повидимому не дается залогъ, а при заключеніи договора сторона жениха выдаетъ отцу невѣсты всю кладку или часть ея. При нарушеніи договора стороною невѣсты, кладка, такъ же какъ и залогъ, возвращается безпрекословно, и до суда дѣло доходитъ опять-таки лишь при усложненіи обстоятельствъ. Если сторона, нарушившая условіе, сама дала залогъ деньгами или вещами, она, естественно, теряетъ его, и дѣлъ о такихъ залогахъ не возникаетъ.

Гораздо болѣе обильную тему для судебныхъ разбирательствъ представляютъ дѣла о подаркахъ. Подарокъ, какъ юридическое отношеніе, имѣетъ въ крестьянствѣ значеніе, нѣсколько отличающееся отъ принятаго законодательствомъ:

онъ имѣетъ значительно болѣе условный характеръ, болѣе опредѣляется посторонними обстоятельствами. Это мы можемъ замѣтить и на свадебныхъ подаркахъ. Они всегда даются подъ условіемъ имѣющаго состояться брачнаго союза, и если дѣло разстраивается, стороны теряютъ право удерживать подарки и обязываются ихъ возвратить. Но вотъ тутъ-то и возникаютъ столкновенія. Конечно, сторона, виновная въ нарушеніи договора, возвращаетъ полученные ею подарки безпрекословно. Но какъ быть относительно потерпѣвшей стороны? Она нерѣдко считаетъ себя въ правѣ удержать полученные подарки, иногда до тѣхъ поръ, пока виновная сторона не удовлетворитъ ее какимъ-либо способомъ за нарушеніе договора, иногда и вовсе. Судъ, возстановляя права обиженной стороны, вмѣстѣ съ тѣмъ присуждаетъ ее обыкновенно къ возвращенію подарковъ; слѣдовательно, судъ не признаетъ, что нарушеніе договора даетъ право на удержаніе подарковъ обиженною стороной. Исключаются только тѣ подарки, которые даны лично жениху при заключеніи договора, имѣя видъ залога: они остаются у жениха, если онъ дѣйствительно является лицомъ обиженнымъ, т. е. если онъ не подалъ самъ повода къ нарушенію договора—въ противномъ случаѣ онъ лишается права удерживать у себя подарки; если же удерживаетъ, и дѣло доходитъ до судебнаго разбирательства, то оно обыкновенно оканчивается не въ пользу жениха, хотя бы инниціатива въ нарушеніи договора и не принадлежала ему. Напр., невѣстина сторона, нарушившая условіе, требуетъ съ жениха 7 бѣлыхъ платковъ, 5 руб. и серебрянный перстень, данные ему при рукобитьѣ, т. е. на сговорѣ, требуетъ, опираясь на то, что женихъ совершилъ обманъ, заявивъ, что семейство его не выйдетъ на рекрутскую очередь больше десяти лѣтъ, между тѣмъ какъ оно должно выйти не больше, какъ черезъ два года. Судъ нашелъ уважительнымъ такое требованіе и удовлетворилъ истцовъ. (Арх. губ.). Дѣла о подаркахъ возникаютъ значительно чаще въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ первенствующее значеніе имѣетъ приданое, а не кладка, въ мѣстностяхъ послѣдняго рода свадебные подарки играютъ гораздо меньшую роль, а потому и столкновенія по поводу ихъ случаются рѣже. Въ цѣломъ первомъ томѣ «Трудовъ коммиссіи по пре-

образованію волостныхъ судовъ» (Тамбовская губ.), мы находимъ одно только рѣшеніе, касающееся возвращенія подарковъ, и изъ него видно, какое ничтожное развитіе получила тамъ эта сторона брачнаго договора, имѣющая въ другихъ мѣстностяхъ такое важное значеніе, что изъ-за нея нерѣдко нарушаются брачныя условія и возникаютъ многочисленныя судебныя разбирательства. Какъ видно изъ рѣшенія, упомянутаго выше, невѣста подарила жениха двумя утирками (полотенцами), а сама взяла отъ жениха «изъ семейнаго положенія» 5½ фун. шерсти и одинъ столешникъ (скатерть); между тѣмъ послѣ пропоя и сговора отказалась выйти замужъ. Судъ, приговоривъ виновную въ нарушеніи договора сторону къ уплатѣ расходовъ, постановилъ обратно обмѣняться подарками, т. е. сторона жениха должна возвратить полученныя ею утирки, а невѣста — взятые изъ семьи жениха шерсть и столешникъ.

Тамъ, гдѣ, какъ напр. въ *Архангельской* губ., при существованіи приданаго, *и обычай свадебныхъ* подарковъ получилъ большое развитіе, *оригинально выдерживается* условный характеръ этихъ *подарковъ. Если тотъ* или другой изъ сочетавшихся [illegible] *умираетъ вскорѣ* послѣ свадьбы, когда не вошло еще *въ силу право опредѣляемой* обычаемъ давности, подарки, *именно тѣ изъ нихъ*, которые были [illegible] жениху и его [illegible], должны быть отданы обратно. [illegible] возвращеніе подарковъ, какъ дѣйствіе стѣснительное [illegible] пріятное, часто *не исполняется* добровольно, и тогда [illegible] гаютъ къ *волостному* суду, который и удовлетворяетъ [illegible] болѣе или менѣе [illegible] удовлетвореніемъ [illegible] роны. [illegible] жены, или сама [illegible] бракъ [illegible] —отецъ или [illegible] ственники, [illegible]. Требованія [illegible] значительные [illegible] бракъ расторгается [illegible] мужа; [illegible] которыми [illegible] отецъ невѣсты [illegible] рубашку, [illegible] (Арх. губ.) [illegible] съ [illegible] рубашка [illegible] уборъ [illegible] съ [illegible] въ 4 р. 3 [illegible] все эти требованія. [illegible] бракъ расторгается

ие
гъ
ор-
.хъ,
динъ
гвѣт-
зна-
(Там-
ıпая до-
одного
еско-ста-
томъ 6-й)
: женихъ,
брачнаго
томъ осно-
у невѣсты
ю своего от-
правило, что
тить издержки,
причины къ на-
легчаетъ послѣд-
ками, залогамъ и
не по отношенію
ı быть возмещены.
о изъ условій брач-
значенный срокъ, сто-
ою отъ обязательства,

жены, исковыя претензіи бываютъ гораздо значительнѣе: родные умершей требуютъ нетолько подарки, данные въ семью мужа, но и все, что было раздарено его родственникамъ, иногда взыскиваютъ даже свадебныя издержки. Искъ о свадебныхъ издержкахъ судъ оставляетъ безъ послѣдствій, но на счетъ возвращенія подарковъ онъ удовлетворяетъ истца: возвращаются всѣ вещи, какія были даны въ видѣ подарка въ семью умершей, а за тѣ подарки, которые шли постороннимъ роднымъ, уплачиваются деньги.

Огромное большинство дѣлъ, возникающихъ по нарушенію брачнаго договора, наполняется требованіями вознагражденія за расходы и издержки, предъявляемыми одною стороною къ другой.

Обыкновенно, сторона жениха, прежде чѣмъ начнетъ свадебное дѣло, вполнѣ взвѣшиваетъ всѣ его выгоды и невыгоды и начинаетъ переговоры о брачной сдѣлкѣ лишь тогда, когда окончательно убѣдится въ ея выгодности. Въ гораздо менѣе удобномъ положеніи стоитъ по отношенію къ дѣлу сторона невѣсты. Она играетъ пассивную роль; ей предлагаютъ сдѣлку, часто давая для окончательнаго рѣшенія очень короткій срокъ. „Дѣвка такой товаръ, что залежится, совсѣмъ съ цѣны спадетъ", думаютъ родные невѣсты и слишкомъ часто торопятся устроить сговоръ—заключить сдѣлку. Но вотъ сдѣлка заключена, а между тѣмъ открываются обстоятельства, которыя бросаютъ невыгодный свѣтъ на ея послѣдствія. Сторона невѣсты отказывается исполнить договоръ, сторона жениха обращается въ судъ. Такимъ образомъ во всѣхъ волостныхъ судахъ разбирается множество исковъ о вознагражденіи расходовъ и издержекъ, предъявляемыхъ женихами, очень рѣдко невѣстами.

Основное положеніе, которое принимаютъ всѣ волостные суды при судебныхъ разбирательствахъ подобнаго рода, то, что право взыскивать расходы и издержки принадлежитъ не обѣимъ сторонамъ, какъ это признается относительно подарковъ, а только сторонѣ пострадавшей; сторона, нарушившая договоръ, не имѣетъ этого права. Крестьянинъ (Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, т. 1 стр. 151) жалуется на другого крестьянина, что тотъ, просватавъ дочь свою за его сына и допустивъ его сдѣлать харчей на 13 руб. 10 к.,

„неизвѣстно по какому случаю отъ выдачи въ замужество дочери отказался, отзываясь, что дочь его не желаетъ идти въ замужество за сына просителя"; (интересно это „неизвѣстно по какому случаю" и „отзываясь": нежеланіе дочери идти замужъ, выставляемое на видъ отказывающеюся стороной, не уважительная причина, а пустой „отзывъ", т. е. отговорка). Отвѣтчикъ, объяснивъ причины отказа, объявилъ, что онъ самъ сдѣлалъ харчей на 5 руб. 50 коп., значитъ, предъявилъ искъ о своихъ расходахъ. Судъ постановилъ: „взыскать съ отвѣтчика понесенный истцомъ убытокъ 13 р. 50 к., которыми и удовлетворить этого послѣдняго; понесенный же отвѣтчикомъ убытокъ 5 р. 50 к. проситель не долженъ возвращать, такъ какъ отвѣтчикъ отказался отъ выдачи дочери, а не истецъ". Этотъ безъискусственно-формулированный принципъ проводится во всѣхъ рѣшеніяхъ, которыми я располагаю; исключеніе представляетъ одинъ только случай, когда, очевидно изъ снисхожденія къ отвѣтчику, вычли его небольшой расходъ изъ той довольно значительной суммы, которую ему приходилось уплатить (Тамбовская губ.).

Во всѣхъ ли случаяхъ обязана сторона, нарушившая договоръ, уплатить издержки? Изъ мотива къ рѣшенію одного малороссійскаго волостнаго суда (Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край, томъ 6-й) можно какъ будто вывести отрицательный отвѣтъ: женихъ, который отказался отъ исполненія заключеннаго брачнаго условія, присуждается къ уплатѣ издержекъ на томъ основаніи, что онъ не могъ доказать существованія у невѣсты падучей болѣзни, которую выставлялъ причиною своего отказа. Но это случай исключительный. Общее правило, что сторона, нарушившая договоръ, должна уплатить издержки, хотя бы она имѣла и очень уважительныя причины къ нарушенію—существованіе этихъ причинъ облегчаетъ послѣдствія нарушенія по отношенію къ подаркамъ, залогамъ и другимъ обезпеченіямъ договора, но не по отношенію къ расходамъ, которые всегда должны быть возмещены. Наприм., женихъ не исполняетъ одного изъ условій брачнаго договора—не пріѣзжаетъ въ назначенный срокъ, сторона невѣсты считаетъ себя свободною отъ обязательства,

и дѣвушка выходитъ замужъ за другого, но расходы жениха уплачиваются; при заключеніи договора женихъ обманываетъ сторону невѣсты насчетъ положенія своей семьи относительно рекрутской повинности, сторона невѣсты съ полнымъ правомъ нарушаетъ договоръ и все-таки уплачиваетъ расходы жениха; отецъ просватываетъ свою дочь тѣмъ способомъ, какимъ громадное большинство велико-русскихъ крестьянъ просватываетъ своихъ дочерей, и умираетъ,—дочь отказывается отъ исполненія договора, заключеннаго нетолько не ею, но можетъ быть, вовсе безъ ея вѣдома и согласія, и все-таки присуждается къ уплатѣ расходовъ; родители нарушаютъ договоръ, такъ какъ дочь энергически протестуетъ противъ его исполненія, и опять-таки уплачиваютъ расходы и т. д. Надо замѣтить, что расходы взыскиваются обыкновенно только тогда, когда дѣло разошлось послѣ заключенія брачнаго договора, т. е. послѣ сговора; но случается, хотя и не часто, что обращаются въ судъ съ требованіемъ удовлетворенія за расходы, когда отказъ послѣдовалъ и до сговора. Напр., одинъ крестьянинъ жалуется на другого въ причиненіи ему убытковъ черезъ отказъ въ выдачѣ дочери въ замужество за его сына, объясняя, что онъ сосваталъ у отвѣтчика дочь и былъ съ женихомъ у невѣсты, и отвѣтчикъ согласенъ былъ выдать свою дочь за его сына, пили вино; былъ также и отвѣтчикъ у него въ домѣ, гдѣ тоже угощалъ его, какъ будущаго роднаго, а между тѣмъ тотъ отказалъ ему въ невѣстѣ. Отвѣтчикъ объяснилъ, что хотя и разсчитывалъ выдать дочь свою за сына истца и былъ у него, чтобы смотрѣть мѣсто, причемъ былъ принятъ и угощенъ, но и самъ также угощалъ истца, когда тотъ пріѣзжалъ къ нему съ женихомъ,—окончательнаго же согласія на выдачу дочери не было; а такъ какъ угощеніе было обоюдное, да притомъ невозможно было и требовать многаго, такъ какъ сватовство еще не было кончено, то и не считаетъ себя обязаннымъ платить. Судъ нашелъ, что „такъ какъ окончательнаго согласія не было, и никакого сватовства безъ попойки не бываетъ“, то и слѣдуетъ отказать въ искѣ (Тамбовская губ.). Если сторона потерпѣла отъ отказа значительные убытки, то судъ, снисходя къ этому обстоятельству, допускаетъ уплату нѣкоторой незначительной части расходовъ. Крестьянка

жалуется, что она засватала у крестьянина дочь его за своего сына и былъ будто-бы „по обряду христіанскому совершенъ заговоръ", а между тѣмъ тотъ отказалъ, чѣмъ и причинилъ убытковъ на 16 руб. По показанію истицы издержано приготовленіемъ къ заговору мяснаго, водочнаго и проч. съѣстнаго припаса на 5 р. и употреблено на запой на 5 р.; кромѣ того, она съ родными своими, для совершенія обряда и по другимъ надобностямъ, ѣздила въ село на восьми лошадяхъ, въ четыре поѣздки полагаетъ на каждую лошадь на 13 верстъ въ оба пути по 75 коп., а на всѣ причитается 6 р.— всего убытковъ 16 руб. Отвѣтчикъ показалъ, что онъ „законнаго договора" съ истицей не совершилъ, а только сказалъ, что согласенъ отдать дочь свою, если та будетъ согласна, а между тѣмъ послѣдняя не согласилась; онъ добровольно уплачиваетъ истицѣ 2 р. Судъ постановилъ взыскать съ отвѣтчика еще 1 руб. и удовлетворить тѣмъ просительницу (Тамб. губерн.).

Разсмотримъ теперь поближе, что такое искъ о расходахъ и издержкахъ. Главная его составная часть есть искъ о расходахъ на угощеніе, преимущественно на вино, такъ какъ вино есть существеннѣйшая принадлежность свадебнаго угощенія. Будутъ или не будутъ другіе расходы, а вино жениха непремѣнно пьется на сговорѣ и непремѣнно за него платятся родные невѣсты, если нарушатъ условіе. Въ тѣхъ мѣстностяхъ внутренней Россіи, гдѣ существуетъ кладка, сторона жениха устраиваетъ на свой счетъ „запой, или харчи, по обряду христіанскому", какъ выражаются рѣшенія, т. е. угощеніе своимъ роднымъ и роднымъ невѣсты въ домѣ послѣдней. На это угощеніе, кромѣ водки, покупаются и съѣстные припасы, стоимость которыхъ также взыскивается съ виновной стороны. Вотъ какъ вычисляетъ одинъ истецъ свои расходы на это угощеніе: „харчей употреблено во время запоя на 6 р. 70 к., именно 4 арбуза—20 коп., полпуда баранины 50 коп., три четверти вина 3 руб.". Иногда вычисленія эти бываютъ гораздо подробнѣе и притязательнѣе. Вмѣстѣ съ расходами на угощеніе часто взыскиваютъ прогоны на лошадей для ѣзды къ невѣстѣ, для разъѣздовъ по приготовленію къ свадьбѣ, по сзыванію гостей и т. д. Всѣ подобныя требованія судъ удовлетворяетъ вполнѣ или частію, смотря

по выяснившимся на судебномъ разбирательствѣ обстоятельствамъ дѣла. Но онъ обыкновенно отказываетъ въ требованіяхъ вознагражденія за проволочку времени, за прогульные дни, иногда даже за продовольствіе въ теченіе этого потраченнаго времени, заявляемыхъ нерѣдко истцами, находя подобныя требованія черезчуръ притязательными, изрѣдка принимаетъ въ разсчетъ „проводку времени", какъ обстоятельство, увеличивающее отвѣтственность виновной стороны. Считаю нелишнимъ привести отрывокъ изъ одного рѣшенія (Арх. губ., Пинежскаго уѣзда), показывающій, какъ требовательны бываютъ иногда иски о расходахъ. „Помолились Богу при свидѣтеляхъ, и онъ (женихъ), для вѣрности даннаго слова, подарилъ кольцо, а она ему платокъ и матери его платокъ же, и, по обыкновенію, по ихъ желанію угощалъ родственниковъ и сосѣдей невѣсты на свой счетъ, что̀ стоило ему 4 рубля. Сверхъ того стоило за наѣздъ въ Совполь (селеніе, гдѣ жила невѣста) два раза впередъ и обратно за 176 верстъ прогоновъ, по 3 коп. на версту, 5 р. 28 к., потеря рабочаго времени двухъ сутокъ на двухъ человѣкъ 1 руб. и суточнаго содержанія по 20 коп. на человѣка 80 коп., и потомъ за наѣздъ въ г. Пинегу 70 верстъ впередъ и обратно съ содержаніемъ—2 руб. 50 к.; всего 13 руб. 58 коп. Поэтому проситъ тѣ деньги взыскать за отказъ отъ вступленія въ законный бракъ". Еще взыскиваютъ женихи за приготовленія къ свадьбѣ, если они уже были сдѣланы, по части закупки съѣстныхъ припасовъ, солоду и хмѣлю на пиво и т. д.; судъ присуждаетъ обыкновенно виновную сторону уплатить стоимость сдѣланныхъ затратъ, оставляя закупленное въ пользованіи истца.

Иски о расходахъ такъ часто имѣютъ слишкомъ притязательный характеръ, что почти ни одно требованіе не удовлетворяется въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно предъявляется на судъ. Но чѣмъ судъ руководствуется, ставя предѣлъ слишкомъ притязательнымъ требованіямъ? Во-первыхъ, собственнымъ соображеніемъ, напр., судъ находитъ, что на первоначальное угощеніе 15 руб. (которые требуетъ истецъ) при сватовствѣ очень много, если же и израсходовано, то довольно необдуманно, расточительно, а можно допустить не болѣе какъ на 6 руб., которыми и постановлено удовлетворить просителя. (Арх. губ.). Во-вторыхъ, показаніями

свидѣтелей. Свидѣтелями являются сватъ или сваха, которые необходимо участвуютъ во всемъ ходѣ свадебнаго дѣла, и гости, присутствующіе при угощеніи, чаще родные той или другой стороны. При вычисленіи расходовъ принимается иногда во вниманіе и то обстоятельство, чьихъ родственниковъ было больше при угощеніи: если родственниковъ истца, онъ получаетъ меньшее вознагражденіе за расходы, если родственниковъ отвѣтчика—большее. Случается, что сторона, пострадавшая отъ нарушенія договора, сама раздѣлывается съ виновною стороною, напр. такъ: удерживаетъ лошадь, на которой пріѣхала сваха съ отказомъ отъ исполненія условія и отдаетъ лошадь только по усиленной ея просьбѣ, оставивъ у себя сани, хомутъ и дугу, которые замѣняетъ худою упряжью; на судѣ мотивируетъ свой поступокъ тѣмъ, что „для чего было родственникамъ невѣсты не отказать во-время", затѣмъ „ввели жениха въ проволочку времени, лишніе расходы и разъѣзды". (Арх. губ.). За такое самоуправство судъ лишаетъ обиженную сторону права взыскивать какіе-либо расходы кромѣ денегъ за вино, выпитое на сговорѣ.

Теперь перейдемъ къ искамъ о такъ-называемомъ безчестьѣ, т.-е. объ удовлетвореніи за личную обиду, какою считается отказъ отъ вступленія въ бракъ. Иски о безчестьѣ предъявляются на судъ въ какомъ-либо изъ варіантовъ слѣдующей формы: отецъ жениха жалуется на отца невѣсты, что тотъ отказалъ ему въ невѣстѣ, чѣмъ и обезчестилъ сына его, за каковое безчестье онъ полагаетъ столько-то рублей". Такъ какъ дѣла по нарушенію брачныхъ договоровъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, начинаются женихами, то и иски о безчестьѣ почти всегда ведутся ими, въ рѣдкихъ случаяхъ женщинами. Какъ видно изъ рѣшеній, волостные суды, по отношенію къ искамъ о безчестьѣ, не представляютъ такого однообразія во взглядахъ, какъ по отношеніи къ искамъ о расходахъ. Сѣверные волостные суды, по большей части, отказываютъ въ требованіяхъ безчестья, заявляя, что въ нарушеніи условія о вступленіи въ бракъ никакого безчестья для обиженной стороны нѣтъ, согласно взглядамъ мѣстныхъ крестьянъ, которые говорятъ, что „для парня посвататься—все равно, что дровней попросить: не дадутъ въ одномъ мѣстѣ, дадутъ въ другомъ"; постановляется судомъ плата за

безчестье, и то въ относительно незначительныхъ размѣрахъ (рублей 5), только тогда, когда нарушеніе договора сопровождалось какими-либо обстоятельствами, увеличивающими непріятныя послѣдствія отказа для пострадавшей стороны. Волостные суды внутренней Россіи назначаютъ плату за безчестье, и иногда довольно значительную (рублей 30), но не въ каждомъ случаѣ, а соображаясь съ обстоятельствами дѣла. Малороссійскіе волостные суды почти всегда даютъ удовлетвореніе по искамъ о безчестьѣ. Я говорю о тѣхъ случаяхъ, когда безчестьѣ взыскиваетъ сторона жениха. Когда вознагражденія за оскорбленіе, причиненное нарушеніемъ договора, требуетъ женщина, хотя это случается и рѣдко, требованія ея всегда удовлетворяются судомъ, который „принимаетъ во вниманіе мѣстный обычай, что когда невѣста была уже сосватана, но послѣ за своего жениха не вышла въ замужество, тогда уже такую невѣсту женихи обѣгаютъ". (Тамб. губ.). Значитъ, для дѣвушки отказъ отъ вступленія съ нею въ бракъ, послѣ того какъ уже было сдѣлано „предбрачное условіе", по выраженію одного малороссійскаго волостнаго суда, имѣетъ серьезныя послѣдствія, и она должна получить за нихъ удовлетвореніе, которое и получаетъ въ платѣ за безчестьѣ.

Въ какихъ же случаяхъ требуется и взыскивается безчестьѣ, въ какихъ нѣтъ? Въ требованіяхъ безчестья отказываютъ безусловно, если дѣло разошлось, когда не было еще окончательнаго сватовства, т. е. не былъ еще заключенъ договоръ. Но въ какихъ случаяхъ взыскивается безчестьѣ, когда дѣло разошлось послѣ сговора, относительно волостныхъ судовъ сѣверной и внутренней Россіи, трудно сказать опредѣленно; можно только замѣтить, что оно взыскивается тогда, когда непріятныя послѣдствія отказа были для потерпѣвшей стороны тяжелѣе обыкновеннаго, вслѣдствіе лишней проволочки времени, лишнихъ расходовъ и т. п., такъ что плата за безчестьѣ теряетъ отчасти свой характеръ удовлетворенія за оскорбленіе личное, съ какимъ она является въ рѣшеніяхъ судовъ малороссійскихъ. Тамъ женихъ, которому отказали, прямо требуетъ удовлетворенія „за сдѣланное ему, какъ это въ простонародіи посмѣяніемъ считается, безчестье", или за то, что „онъ опороченъ передъ обществомъ въ своемъ

званія". Какъ видно изъ рѣшеній малороссійскихъ волостныхъ судовъ, тамъ установилась даже норма платы за безчестье, именно двойная сумма расходовъ, которые взыскиваются съ нарушившей условіе стороны. Принимается судомъ во вниманіе также и то обстоятельство, если дѣвушка, не ограничивалась тѣмъ, что нарушаетъ условіе, еще и поноситъ своего жениха разными непріятными словами, потемняющими честь молодаго человѣка, и не разсчитывается съ нимъ, какъ бы слѣдовало зарученной дѣвушкѣ. Приговоривъ одну такую невѣсту къ уплатѣ довольно значительной суммы безчестья, судъ находитъ нужнымъ добавить, что «послѣ того (т. е. послѣ уплаты) женихъ не имѣетъ уже никакого дѣла къ ней, и она послѣ сего свободна выходить въ замужество за кого ей угодно».

Сверхъ всѣхъ взысканій, какимъ подвергается сторона, нарушившая договоръ, въ пользу пострадавшей, которая удовлетворяется и за имущественный ущербъ и за личное оскорбленіе, будто-бы заключающееся въ отказѣ отъ вступленія въ бракъ, судъ иногда подвергаетъ виновную сторону и уголовному наказанію, если находитъ, что нарушеніе договора сопровождалось какими-либо отягчающими вину обстоятельствами. Въ великорусскихъ губерніяхъ употребляется, какъ такое наказаніе, арестъ, въ малорусскихъ штрафъ въ мірской капиталъ. Подвергается наказанію тотъ, кто заключилъ договоръ, родители или сами брачущіеся. Послѣдніе ведутъ дѣло отъ себя очень рѣдко; невѣста почти исключительно въ томъ случаѣ, если она вдова. Одна такая вдова была арестована, по жалобѣ просителя ея—жениха, при волостномъ правленіи на трое сутокъ за обманъ, который состоялъ въ томъ, что она изъявила желаніе выдти замужъ за просителя, причемъ выпитъ былъ штофъ водки, и затѣмъ отказалась; дѣло въ томъ, что своимъ отказомъ она причинила просителю много издержекъ и убытковъ на угощеніе, на проѣзды и на прогулку—всего на 47 руб., по его словамъ (Тамб. губ.). Также, по одному рѣшенію, наказывается штрафомъ въ 5 руб. женихъ, отказавшійся отъ вступленія въ бракъ послѣ совершеннаго уже предбрачнаго условія (западно-русскія губ.). Но такъ какъ свадебныя дѣла ведутся, въ большинствѣ случаевъ, родителями брачу-

щихся сторонъ, то и наказанія за нарушеніе договора выпадаютъ, главнымъ образомъ, на ихъ долю. Родители наказываются при существованіи обстоятельствъ, отягчающихъ ихъ вину, напр., когда они допускаютъ лишніе расходы и потомъ нарушаютъ условіе, или когда они обвиняются не въ однократномъ нарушеніи; напр. отецъ наказывается трехсуточнымъ арестомъ при волостномъ правленіи за то, что просваталъ свою дочь за одного, потомъ за другаго, нарушилъ и второй разъ условіе, отдавъ ее за третьяго. (Тамб. губ.).

Вообще, разбирая дѣла по нарушенію брачныхъ договоровъ, волостной судъ всегда принимаетъ во вниманіе облегчающія или отягчающія вину обстоятельства и сообразно имъ постановляетъ свой приговоръ. Поэтому виновная сторона постоянно старается представить какія нибудь причины къ отказу, которыя могли бы въ глазахъ суда уменьшить ея отвѣтственность; напр. она выставляетъ на видъ несоблюденіе какого нибудь пункта договора стороною противной, или какое нибудь независящее отъ ея воли обстоятельство, въ родѣ болѣзни и т. д. Недурно обрисовывается характеръ крестьянскаго брака такимъ фактомъ: когда одна невѣста заявила, послѣ заключеннаго уже брачнаго условія, что она не можетъ его исполнить по случаю болѣзни, то былъ посланъ фельдшеръ для ея осмотра (Арх. губ.).

Когда замужъ выходитъ вдова съ дѣтьми, то въ свадебный договоръ входятъ условія между нею и будущимъ мужемъ о томъ, какъ устроить дѣтей и ихъ обезпечить. Насчетъ этого обстоятельства заключаются иногда и письменныя условія, которыя, при разбирательствахъ, принимаются судомъ, какъ законные документы: судъ расматриваетъ, какой женщина „заключила договоръ о выходѣ въ замужество" или „на какихъ условіяхъ бралъ ее (мужъ) въ замужество", и на основаніи этихъ договоровъ постановляетъ свои рѣшенія. (Тамб. губ.).

И такъ, мы видимъ, какъ далекъ истинный взглядъ народа на бракъ отъ того, что представляютъ обществу подъ именемъ „народныхъ воззрѣній" на предметъ разные созидатели теорій, которымъ нужны эти „народныя воззрѣнія", чтобъ дать хоть кажущуюся опору своимъ, богъ-знаетъ на

чемъ основаннымъ, измышленіямъ; мы видимъ, какое широкое развитіе, охватывающее всѣ стороны дѣла, получилъ у крестьянъ договорный элементъ брака, почти исключающій участіе чего бы то ни было, ему посторонняго; мы видимъ, наконецъ, что онъ, этотъ договорный элементъ, не только широко охватываетъ всѣ стороны дѣла, но и проводится послѣдовательно до крайнихъ своихъ выводовъ, переходя даже за тѣ предѣлы, передъ которыми должно было бы остановиться развитое нравственное чувство. Всѣ теоріи, основанныя на признаніи какого-то особеннаго православнаго народно-русскаго духа, который, исполняя собою все, спеціально присутствуетъ въ бракѣ, какъ зародышѣ гражданственности, кажутся до такой степени несостоятельными съ точки зрѣнія фактовъ, что рѣшательно не постигаешь, чему приписать ихъ возникновеніе: близорукости ли и незнанію, или умышленной недобросовѣстности? И надо замѣтить, что вышеизложенный взглядъ на бракъ не составляетъ исключительной принадлежности крестьянства. Хотя, въ настоящее время, только у крестьянъ видимъ мы его развитымъ въ полную и законченную систему, но частныя проявленія его можно прослѣдить во всѣхъ слояхъ нашего общества. Обратитесь къ любому горожанину—мѣщанину, купцу, чиновнику, пожалуй, священнику. Пока вы будете говорить ему, что, какъ признаютъ наши законы, бракъ есть таинство, онъ вполнѣ съ этимъ согласится; но попробуйте дѣлать изъ этого основнаго положенія тѣ выводы, какіе дѣлаются высшею судебною властью и дѣлаются вполнѣ логично, попробуйте увѣрить его, что никакія обязательства относительно вступленія въ брачный союзъ не должны имѣть мѣста, что нельзя взыскивать расходовъ и издержекъ въ случаѣ нарушенія обязательства—все это покажется ему настоящею нелѣпостью. Юридическая практика постоянно представляетъ доказательства того, какъ въ обществѣ проскальзываетъ въ видѣ отдѣльныхъ проявленій, отрывковъ, то, что такъ систематически развито въ народѣ: даются заемныя обязательства, исполненіе или неисполненіе которыхъ связано съ обязательствомъ вступить въ бракъ (Рѣш. кассаціон. деп. 1871 г. № 761), росписки о вступленіи въ бракъ (Рѣш. касс. деп. 1870 г. № 1825) и т. д.; а какое множество аналогичныхъ фактовъ представ-

ляетъ намъ наблюденіе окружающей жизни. Хорошо ли это, дурно ли, я оставляю пока въ сторонѣ всякую оцѣнку, а желаю только установить фактъ, игнорированіе котораго подаетъ поводъ къ созданію вышеупомянутыхъ теорій, ставящихъ русскій народъ, по отношенію къ вопросу о бракѣ, на какую-то совсѣмъ исключительную почву. Рѣзкимъ доказательствомъ того, какъ неумѣстна эта исключительность, какъ далеки онъ нея расположенія и взгляды общества, можетъ служить тотъ фактъ, что даже среда юридическая, съ правовыми воззрѣніями, профильтрованными черезъ теоретическое изученіе предмета или практическое знакомство съ нимъ, что даже эта среда проявляетъ иногда тенденціи, корень которыхъ лежитъ въ разсмотрѣнныхъ выше взглядахъ народа. Дѣла старыхъ судебныхъ установленій могли бы намъ представить много доказательствъ этого; но мы возьмемъ примѣры, болѣе близкіе и интересные, изъ новой судебной практики. Напр., по сообщенію Голоса (№ 187 за 1873 г.) у одного изъ мировыхъ судей Петербурга разбиралось слѣдующее дѣло: одна молодая дѣвушка заявила искъ къ молодому человѣку въ суммѣ 300 руб., основывая искъ этотъ на томъ, что молодой человѣкъ, ухаживая за нею въ теченіе очень продолжительнаго времени и увѣривъ ее въ намѣреніи жениться на ней, потомъ не привелъ въ исполненіе своего обѣщанія, чѣмъ и причинилъ ей убытки, такъ какъ она, на основаніи его увѣреній, надѣясь выдти за него замужъ, не воспользовалась разными представлявшимися ей служебными мѣстами и напрасно теряла время, а также несла матеріальный ущербъ, принимая жениха и тратясь на угощенія. Мировой судья приговорилъ отвѣтчика къ уплатѣ суммы, нѣсколько меньшей противъ заявленной истицею. Ясно, что мировой судья призналъ имѣющимъ силу обязательство о вступленіи въ бракъ и, сдѣлавъ такимъ образомъ уступку взглядамъ народа, сталъ въ разрѣзъ съ направленіемъ нашего современнаго брачнаго законодательства. Подобный же взглядъ на бракъ проявился въ одномъ рѣшеніи, и уже не единоличной, а коллективной судебной власти, с.-петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, который отказалъ въ одномъ искѣ о взысканіи издержекъ по поводу нарушенія обѣщанія о вступленіи въ бракъ, мотивировавъ свой отказъ, между прочимъ,

ссылкою на общій законъ о правѣ каждаго лица, достигшаго гражданскаго совершеннолѣтія, т. е. 21 года, вступать свободно въ какіе-либо договоры, обязательства или сдѣлки—отвѣтчикъ былъ еще несовершеннолѣтній, когда давалъ обѣщавіе. (Рѣш. касс. деп. 1869 г. № 292).

Всѣ проявленія подобнаго рода взгляда на бракъ въ средѣ юридической сильно преслѣдуются высшею судебною инстанціей, на которой лежитъ обязанность выяснять духъ законодательства,—кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената. Съ неумолимою послѣдовательностью кассируетъ онъ всѣ рѣшенія, которыя уклоняются съ того пути логическихъ выводовъ, какіе онъ самъ дѣлаетъ изъ основныхъ положеній закона, что бракъ есть таинство и что онъ не можетъ быть законно совершенъ безъ взаимнаго и непринужденнаго согласія сочетающихся лицъ. Дѣлаетъ же онъ изъ этихъ основныхъ положеній такіе выводы, что, такъ какъ „бракъ есть таинство, доступное вступающимъ въ него лишь по взаимной любви, свободно отъ принужденія", то и вступленіе въ него не можетъ быть содержаніемъ договора, не можетъ обусловливаться какимъ-либо обязательствомъ, что, слѣдовательно, должно признавать безусловно ничтожными всѣ росписки, заемныя и другія обязательства, обусловливающіяся вступленіемъ въ бракъ, что, слѣдовательно, не должны имѣть мѣста иски о возмѣщеніи расходовъ и издержекъ на приготовленіе къ свадьбѣ, какъ предполагающіе въ основѣ своей существованіе не признаваемыхъ закономъ обязательствъ и т. д... Я нахожу, что, если принять эти основныя положенія въ томъ ихъ исключительномъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ сенатъ, то всѣ выводы, какіе онъ дѣлаетъ, дѣлаются совершенно правильно. Но слѣдуетъ ли понимать эти основныя положенія такъ исключительно въ виду того, что выводы изъ нихъ не могутъ привести къ желательнымъ результатамъ? Что собственно имѣется въ виду достигнуть такою постановкою предмета? Имѣется въ виду поставить бракъ на идеальную высоту, приличную ему, какъ акту религіозному, „доступному вступающимъ въ него лишь по взаимной любви". Идеалъ, безспорно, высокій; но вся бѣда въ томъ, что это одинъ изъ тѣхъ нравственныхъ идеаловъ, которые напрасно будутъ вноситься кодексами на свои страницы, потому что

юридическія средства безсильны для ихъ осуществленія. А между тѣмъ, въ погонѣ за достиженіемъ недостижимаго, за осуществленіемъ того, къ осуществленію чего нѣтъ подъ рукою никакихъ цѣлесообразныхъ средствъ, лишаются покровительства закона многочисленныя юридическія отношенія, которыя, и не будучи признаваемы de jure, будутъ существовать de facto, такъ какъ существованіе ихъ есть совершенно естественный и логическій результатъ взглядовъ на предметъ народа; игнорированіе же закономъ существующихъ юридическихъ отношеній всегда ведетъ къ деморализаціи, такъ какъ позволяетъ менѣе совѣстливому эксплуатировать болѣе совѣстливаго, обманщику и плуту безнаказанно продѣлывать штуки надъ честнымъ человѣкомъ. Въ томъ исключительномъ взглядѣ на основныя положенія нашего брачнаго законодательства и въ той строгой послѣдовательности выводовъ, оставляющей безъ вниманія жизненную практику и ея нужды, какіе мы видимъ въ толкованіяхъ сената, нельзя не замѣтить увлеченія теоріями, которыя развиваются нѣкоторыми нашими учеными юристами, напр. Лешковымъ, Побѣдоносцевымъ и др.

Крестьянскій бракъ имѣетъ еще нѣкоторыя особенности, стоящія въ тѣсной связи съ его основнымъ характеромъ—преобладаніемъ въ немъ элемента гражданскаго, договорнаго. Одна изъ видныхъ особенностей та, что бракъ у крестьянъ является въ значительной степени актомъ общественнымъ въ противоположность тому строго-индивидуальному, личному характеру, съ какимъ онъ выступаетъ изъ опредѣленій закона. Въ чемъ же проявляется то, что я называю общественнымъ характеромъ крестьянскаго брака? Въ томъ, что, при заключеніи каждаго брачнаго союза дѣйствующимъ лицомъ, въ той или другой формѣ, является все окружающее общество. Общество до такой степени проникнуто сознаніемъ своего права на вмѣшательство въ дѣла этого рода, что не останавливается даже иногда принудить молодыхъ людей сочетаться бракомъ, если находитъ необходимымъ это сочетаніе по какимъ-либо своимъ соображеніямъ, экономическимъ или нравственнымъ. Но эти случаи имѣютъ исключительный характеръ: общее правило, что начинаются брачныя дѣла по частной иниціативѣ или брачущихся сторонъ или, гораз-

до чаще, ихъ родныхъ, а общество принимаетъ участіе только въ веденіи дѣла. Въ чемъ же выражается его участіе? Во-первыхъ, въ матеріальной поддержкѣ, когда она бываетъ нужна, т. е. въ случаѣ бѣдности лицъ, вступающихъ въ бракъ; во-вторыхъ, въ поддержкѣ нравственной: каждое лицо изъ окружающаго общества считаетъ не только своимъ правомъ, но и обязанностью, вмѣшиваться въ дѣло совѣтами, указаніями, сообщеніемъ свѣдѣній, касающихся дѣла и т. д., и наконецъ, въ-третьихъ, прямымъ, непосредственнымъ участіемъ всѣхъ окружающихъ въ отправленіи свадьбы. Болѣе близкіе изъ этихъ окружающихъ имѣютъ въ свадебномъ дѣлѣ различныя роли съ спеціальными обязанностями (напр. тысяцкій, сватья и т. д.), присутствіе которыхъ считается безусловно необходимымъ и при обрядѣ церковнаго вѣнчанія; все остальное общество принимаетъ участіе въ свадебномъ пиршествѣ. Свадебное пиршество, или свадьба въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ важное значеніе въ крестьянскомъ бракѣ: посредствомъ свадьбы бракъ какъ-бы освящается общественнымъ признаніемъ, подобно тому, какъ религіознымъ обрядомъ онъ освящается церковью. Это важное общественное значеніе свадьбы видно, между прочимъ, и изъ того, что каждый имѣетъ право, до извѣстной степени, принимать въ ней участіе: будь знакомый или незнакомый, чужой или свой, другъ или врагъ— никто не можетъ запретить ему во время празднованія свадьбы входа въ домъ: онъ имѣетъ право видѣть самихъ брачущихся и все, что происходитъ въ домѣ, и пожалуй тутъ же высказать вслухъ свое мнѣніе о видѣнномъ; онъ можетъ принять участіе въ свадебныхъ развлеченіяхъ, пляскѣ и пѣніи; онъ имѣетъ свою долю и въ свадебномъ угощеніи пивомъ, водкой, табакомъ, свадебными гостинцами. Все это— неотъемлемое право всѣхъ и каждаго. Понятно, что свадебное пиршество въ глазахъ народа есть безусловно необходимая принадлежность брака. Каждый тянется изъ всѣхъ силъ, чтобъ приличнымъ образомъ съиграть свадьбу. Кто не имѣетъ средствъ, тому помогаютъ родные, сосѣди или міръ вообще: въ чемъ другомъ можетъ встрѣтить нуждающійся недостатокъ въ поддержкѣ, но никогда въ этомъ. Иногда міръ дѣлаетъ складчину деньгами, чаще прямо несутъ

изъ съѣстныхъ припасовъ кто что можетъ, женщины приготовляютъ пироги, хлѣбъ. Бракъ безъ оффиціальныхъ лицъ, требующихся обычаемъ, и безъ свадебнаго пиршества для крестьянина есть нѣчто совсѣмъ неудобопредставляемое, и не для одного крестьянина: множество горожанъ нашихъ провинціальныхъ захолустьевъ, въ этомъ отношеніи, вполнѣ раздѣляютъ народный взглядъ. Помню я, въ томъ городкѣ нашей сѣверной окраины, гдѣ мнѣ пришлось жить, этотъ взглядъ господствовалъ вполнѣ. Случилось, что къ намъ забрело изъ губернскаго города выраженіе „гражданскій бракъ". Недоумѣвая на счетъ понятія, какое содержаніе было бы прилично вложить въ это выраженіе, почтенные мои сограждане надумались наконецъ, что представившійся ихъ вниманію необыкновенный случай церковнаго вѣнчанія безъ соблюденія прочихъ обычныхъ формальностей и есть именно гражданскій бракъ; отсюда возникло у насъ выраженіе „вѣнчаться гражданскимъ бракомъ".

Предположеніе, высказанное мною выше, что свадебное пиршество имѣетъ значеніе признанія брака со стороны общества, получаетъ полную силу достовѣрности при ознакомленіи съ нѣкоторыми обычаями малороссіянъ. Важное общественное значеніе свадебнаго пиршества, „весілля" выступаетъ у малороссовъ очень рельефно вслѣдствіе того обстоятельства, что у нихъ часто отбываніе „весілля" не совпадаетъ съ церковнымъ вѣнчаніемъ, такъ какъ, по обычаю, не считается необходимою одновременность этихъ двухъ актовъ, принятая великорусскимъ крестьянствомъ. Откладывается празднованіе свадьбы недѣли на двѣ, на мѣсяцъ обыкновенно вслѣдствіе хозяйственныхъ разсчетовъ: поторопившись повѣнчать молодыхъ людей, чтобъ не разстроился бракъ или чтобъ избѣжать насмѣшекъ, сплетенъ и проч., родители часто не могутъ вдругъ собраться со средствами, чтобы отпраздновать свадьбу, такъ какъ отбываніе „весілля" всегда влечетъ за собою расходы. Но замѣчательно то, что церковное вѣнчаніе, не сопровождаемое „весіллемъ", не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій состоявшагося брака, не даетъ сторонамъ ни супружескихъ правъ, ни обязанностей, которыя вступаютъ въ свою силу послѣ свадебнаго пиршества. Общество не допуститъ, чтобъ новобрачная, до „весілля", перешла въ домъ новобрач-

наго, не допустить ихъ до фактическаго супружества; какъ же можно такъ, чтобъ „весілля" не справить, говоритъ народъ: „хоть по чарці выпыть да короваю зъісты, а все-таки треба". Съ другой стороны бывали такіе случаи, что молодые люди, отбывъ „весілле", жили вмѣстѣ безъ церковнаго вѣнчанія и считались супругами. Если тотъ, или другой изъ супруговъ умираетъ послѣ вѣнчанія, но до „весілля", то считаясь несостоящимъ въ бракѣ, онъ погребается съ тѣми обрядами, какими обыкновенно сопровождается погребеніе дѣвушки или неженатаго парня. Итакъ, мы видимъ, что тутъ актъ общественнаго признанія, выражаемый „весіллемъ", въ которомъ принимаетъ участіе все общество, не только необходимъ для дѣйствительности брака, но что онъ совсѣмъ отстраняетъ на задній планъ церковное вѣнчаніе, давая ему значеніе второстепеннаго и несущественно важнаго обряда. Признаніе брака обществомъ важнѣе признанія его церковью, общественная сторона важнѣе религіозной. И это обычай, не ограниченный какою-либо небольшою мѣстностью, а распространенный по всей Малороссіи и существующій даже въ Воронежской губерніи, гдѣ малороссійскій элементъ пришлый и играющій подчиненную роль.

Все, что мы говорили о взглядахъ крестьянъ на бракъ, касалось православной части нашего народа; но за нею стоитъ еще болѣе чѣмъ десяти-милліонная масса раскольниковъ, которую нельзя оставить безъ вниманія. Конечно, раскольники, по общему складу своихъ воззрѣній, какъ и, въ частности, по складу воззрѣній обычно-правовыхъ, не могутъ ничѣмъ существеннымъ отличаться отъ своихъ православныхъ сосѣдей, значитъ, все сказанное о договорной сторонѣ брака равно касается какъ тѣхъ, такъ и другихъ; но они различаются въ своихъ догматическихъ взглядахъ на бракъ и часто въ способахъ заключенія брачнаго союза, и вотъ на эту-то сторону я и хочу теперь обратить вниманіе.

Духовные христіане, или молокане, отвергая таинства вообще, отвергаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и таинство брака, значитъ признаютъ бракъ исключительно за актъ гражданскій, заключаемый по принятымъ ими гражданскимъ обрядамъ, между которыми главное мѣсто занимаетъ свидѣтельство ихъ общины. Лица, желающія сочетаться бракомъ, являются въ собраніе

общины, и начальникъ ея спрашиваетъ громко: „признаютъ-ли другъ друга мужемъ и женою“. Утвердительный отвѣтъ брачущихся заключаетъ бракъ. Значитъ, у нихъ существуетъ настоящій гражданскій бракъ, съ тою только разницею отъ принятыхъ западными законодательствами способовъ заключенія гражданскаго брака, что письменный актъ, обставленный извѣстными формальностями, у нихъ замѣняется согласіемъ и свидѣтельствомъ присутствующей общины. Необходимость присутствія и согласія общины подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе объ общественномъ характерѣ, отличающемъ нашъ крестьянскій бракъ. Съ такимъ же значеніемъ, какъ у молоканъ, является бракъ у духоборовъ и субботниковъ. Нѣкоторыя секты безпоповцевъ, не отрицающихъ таинствъ въ принципѣ, но отрицающихъ ихъ фактически за отсутствіемъ настоящаго священства, считаютъ всякое сожительство мущины съ женщиной, будь оно скрѣплено обрядами православной церкви, или чѣмъ-нибудь другимъ,—все равно, за блудъ; но отрицаемый теоретически, фактически бракъ существуетъ со всѣми обычными юридическими послѣдствіями, какими обставляется всякій другой крестьянскій бракъ, такъ что онъ имѣетъ характеръ не простого сожительства, а брака, основаннаго на гражданскомъ договорѣ. То же самое и у такъ-называемыхъ божьихъ людей (хлыстовъ, скопцовъ), которые отвергаютъ бракъ и въ принципѣ. Другія раскольничьи секты не отрицаютъ таинства брака не только въ возможности, но и въ дѣйствительности. Но и у нихъ заключеніе брака иногда имѣетъ совершенно гражданскій характеръ, особенно въ разныхъ ученіяхъ поморскаго толка. Одинъ изъ наставниковъ этого толка училъ, что для заключенія законнаго брака достаточно благословенія родителей и согласія обще-народнаго; другой, что для законности брака нужны только слѣдующія условія: согласіе сторонъ, благословеніе родителей, обрученіе, свидѣтели и законныя лѣта. Послѣднее ученіе, развиваясь, приняло вполнѣ форму гражданскаго брака. Въ покровской часовнѣ возникло учрежденіе для заключенія браковъ посредствомъ ихъ записи въ „брачную книгу“; такія же брачныя книги заведены были при часовняхъ и частныхъ молельняхъ и въ другихъ городахъ. У нихъ составилась и форма брачнаго контракта, имѣвшаго видъ клятвеннаго письма, об-

ращеннаго къ общественному собранію; этимъ контрактомъ брачущіеся торжественно удостовѣряли свой союзъ въ присутствіи свидѣтелей. Или вотъ какъ, напр., заключаетъ браки безпоповская секта аароновцевъ (въ Архангельской губ.). Желающихъ сочетаться бракомъ благословляютъ родители, потомъ они подаютъ другъ другу руки, говоря: „желаю тебя въ жену“ „въ мужа моего“, цѣлуются, кладутъ начало; если нѣтъ родителей, обѣщаніе кладется передъ пятью свидѣтелями. Затѣмъ новобрачную крутятъ (свадебный обрядъ, состоящій въ томъ, что дѣвичій головной уборъ замѣняется уборомъ замужней женщины) и устраивается свадебный пиръ, на которомъ присутствуютъ всѣ офиціальныя свадебныя лица — тысяцкій, сватья, дружки.

Въ заключеніе, скажу еще нѣсколько словъ на счетъ расторженія браковъ у крестьянъ. Формальный разводъ, затрудняемый нетолько тѣсно ограничивающими его постановленіями закона, но и длинною, а главное, убыточною процедурой, посредствомъ которой онъ единственно можетъ быть добытъ, конечно, недоступенъ для нашего крестьянства. Гдѣ тутъ думать о формальномъ разводѣ, когда въ большинствѣ случаевъ для крестьянина обременительно, въ денежномъ отношеніи, и заключеніе брака посредствомъ церковнаго вѣнчанія, вслѣдствіе чего явилась пословица: „не страшно жениться, а страшно къ попу подступиться“. Мнѣ извѣстенъ въ средѣ крестьянства только одинъ случай формальнаго развода (въ Арх. губ.) изъ-за неспособности мужа къ брачному сожительству, и то имѣвшій мѣсто вслѣдствіе исключительно-благопріятнаго условія—родства жены съ однимъ богатымъ купцомъ, который могъ оказать свое содѣйствіе у мѣстной епархіальной власти: по совершеніи развода, мужъ долженъ былъ возвратить своей бывшей женѣ все ея приданое и, кромѣ того, уплатить свадебныя издержки. Вообще, формальные разводы такая рѣдкость, что масса крестьянства и не знаетъ о возможности расторженія брака этимъ путемъ, откуда и произошли пословицы въ родѣ: „женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ“, или „худой попъ обвѣнчаетъ, и хорошему не развѣнчать“. Но юридическій разводъ крестьяне замѣняютъ разводомъ фактическимъ. Окажется мужъ неспособнымъ къ брачному сожительству, а между тѣмъ, супруги находятъ удобнымъ жить вмѣстѣ,—мужъ

предоставляетъ женѣ полную свободу распологать своими склонностями; но, обыкновенно, какъ въ этомъ, такъ и во множествѣ другихъ случаевъ, фактическій разводъ совершается посредствомъ того, что супруги расходятся, дѣлаютъ „расходку", по крестьянскому выраженію. Расходки бываютъ или по обоюдному согласію сторонъ, или по инниціативѣ одной изъ нихъ. Когда расходка производится по обоюдному согласію сторонъ, въ нее никто не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться; напр. волостной судъ нисколько не стѣсняется дать свою санкцію акту, которымъ расходящіеся супруги опредѣляютъ условія, на какихъ они расходятся, и даютъ взаимныя обязательства не вмѣшиваться больше въ дѣла другъ друга. Расходки, по односторонней инниціативѣ, являются въ слѣдующихъ двухъ формахъ: или мужъ прогоняетъ жену, или жена убѣгаетъ отъ мужа. Въ томъ и другомъ случаѣ является сторона недовольная, и дѣло идетъ обыкновенно на судебное разбирательство. Судъ иногда возстановляетъ сожительство, если не находитъ достаточно уважительныхъ причинъ къ его расторженію, и чаще возстановляетъ сожительство во второмъ случаѣ, т.-е. когда жена убѣгаетъ отъ мужа; но если признаетъ существованіе такихъ причинъ, то не стѣсняется укрѣпить своимъ признаніемъ расходку, хотя бы другая сторона и не была на нее согласна: этимъ нерѣдко женщины защищаются отъ жестокости мужей. Къ счастію, крестьянскіе мужья ничего не знаютъ о своемъ законномъ правѣ требовать къ себѣ женъ для совмѣстнаго жительства, такъ же какъ волостной судъ не знаетъ, что онъ поступаетъ противозаконно, укрѣпляя супружескія расходки.

Цѣлая бездна лежитъ между взглядами на бракъ народа и взглядами на тотъ же предметъ законодательства, между народнымъ брачнымъ правомъ и брачнымъ правомъ законнымъ. Введеніе христіанства положило начало этому раздвоенію; но долго, очень долго—почти черезъ всю нашу исторію, дѣло шло путемъ соглашенія различныхъ взглядовъ, путемъ уступокъ, однимъ словомъ, тѣмъ путемъ, на которомъ постоянно была передъ глазами возможность примиренія. Теперь, когда одинъ изъ этихъ двухъ взглядовъ получилъ окончательное преобладаніе, развился до своихъ послѣднихъ выводовъ и за-

крѣпился въ строгія законныя нормы—возможность примиренія теряется изъ виду. И вотъ, представляется явленіе, поражающее своею ненормальностью: одно государство, одна національность, ничего, кромѣ различія сословій—и два брачныхъ права, основанныхъ на двухъ существенно-различныхъ началахъ. Такое положеніе вещей, конечно, не можетъ казаться желательнымъ, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на вещи.

А между тѣмъ возможность примиренія исчезла; появиться вновь она можетъ только тогда, когда то или другое изъ противоположныхъ направленій отклонится отъ своего первоначальнаго пути. Для котораго же изъ двухъ направленій существуетъ возможность такого отклоненія? Народное право, какъ явленіе стихійное, имѣющее своимъ принципомъ не мотивъ, а причину, не можетъ дѣлать никакихъ отклоненій, никакихъ уступокъ: оно можетъ быть только вырвано съ корнемъ — съ тѣми условіями, которыя его создали, вырвано, значитъ, путемъ перевоспитанія народа и измѣненія условій его жизни, тѣмъ путемъ, на которомъ время измѣряется вѣками. Но если законодательство найдетъ ненормальнымъ настоящее положеніе вещей, оно всегда можетъ, опираясь, между прочимъ, и на свое историческое прошлое, нѣсколько отступить отъ принятой имъ исключительной точки зрѣнія, вступить на путь соглашеній, который можетъ наконецъ привести къ желательному единству. Отступить нѣсколько у насъ тѣмъ возможнѣе, что брачное законодательство находится въ рукахъ гражданской власти, а для власти гражданской не можетъ быть обязательна та исключительность, которой должна была держаться власть духовная, когда имѣла брачное право въ своихъ рукахъ и которой она все-таки не держалась. Въ самомъ дѣлѣ, изъ приведеннаго выше, въ началѣ статьи, короткаго очерка исторіи нашего брачнаго права, можно было видѣть, что духовенство, завѣдывая брачными дѣлами, вовсе не старалось стать на исключительно религіозную почву, какою была для него почва каноническихъ постановленій, но заимствовало греко-римскіе гражданскіе законы, стоявшіе на иной точкѣ зрѣнія, и даже позволило себѣ свободнымъ толкованіемъ расширять ихъ, дѣлая уступки потребностямъ общества—это съ одной стороны. Съ другой стороны, граждан-

ская власть, когда взяла въ свое распоряженіе брачное право, сочла себя достаточно компетентной, чтобъ не стѣсняться ни правилами каноническими, ни постановленіями Кормчихъ, а выбрала изъ нихъ то, что нашла удобнымъ принять, допустивъ также казавшіяся ей необходимыми измѣненія и дополненія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что исключительная точка зрѣнія, изъ которой исходитъ наше брачное право, принята законодательствомъ не какъ необходимый результатъ, неизбѣжное слѣдствіе историческаго прошлаго: она не можетъ съ правомъ опереться на почву историческую. Но она не можетъ опереться и на почву народнаго духа, на которомъ воздвигаютъ свои непрочныя постройки нѣкоторые ученые теоретики. Чѣмъ же руководствовалось законодательство, становясь на свою исключительную точку зрѣнія? Мотивъ, по которому законодательство приняло свое настоящее положеніе относительно брачнаго права, кажется, создался независимо отъ причинъ внѣшнихъ, подъ вліяніемъ исключительно отвлеченныхъ, теоретическихъ побужденій и соображеній; мотивъ этотъ — достиженіе того идеала, заимствованнаго изъ области религіи и морали, который выражается въ слѣдующемъ опредѣленіи брака: „таинство, доступное вступающимъ въ него лишь по взаимной любви и согласію, свободно отъ всякаго принужденія". Идеалъ, безспорно, высокій, чрезвычайно высокій, такъ что увлеченіе имъ понятно какъ нельзя болѣе. Но надо помнить, что, когда онъ изъ религіозно-моральной области низводится на степень простой законодательной нормы, въ немъ обнаруживается одинъ, но за то существенно-важный, недостатокъ, парализирующій все его высокое значеніе: недостижимость, или, точнѣе сказать, непримѣнимость къ его достиженію тѣхъ средствъ, какими только и располагаетъ законодательство. Изъ совокупности тѣхъ основныхъ условій брака,—какъ это понятіе вытекаетъ изъ опредѣленія закона,— чего можно достигнуть законодательными мѣрами? Огражденія отъ того вида принужденія, который выражается грубымъ физическимъ насиліемъ; но оградить браки отъ тысячи видовъ всякаго другаго принужденія, а тѣмъ болѣе привести въ исполненіе, чтобъ браки заключались по взаимной любви— для этого законодательство не имѣетъ въ своемъ распоряже-

ніи ничего, такъ какъ у него нѣтъ средствъ дѣйствовать на религіозныя или моральныя чувства, цѣлесообразнымъ развитіемъ которыхъ единственно достижимъ вышеупомянутый идеалъ.

Стремясь къ достиженію того, что по самому существу дѣла оказывается для него недостижимымъ, законодательство оставляетъ безъ вниманія нужды жизни, нужды общества, которое, стоя на своемъ, очень незавидномъ, нравственномъ уровнѣ, не хочетъ руководствоваться никакими возвышенными идеалами, дѣлая ихъ, въ минуты досуга, предметомъ своихъ платоническихъ созерцаній, а въ обыденномъ порядкѣ вещей двигаясь лишь своими физическими потребностями, своими матеріальными интересами. Такимъ образомъ законодательство не достигаетъ своей прямой, непосредственной цѣли, является вредная рознь между закономъ и жизнью: существующій законъ не имѣетъ практическаго примѣненія, возникаютъ de facto юридическія отношенія, не получающія юридической, законной санкціи и т. д.

Мы видѣли, что такое бракъ по теоріи закона,—что такое онъ по взглядамъ общества?

Никому, конечно, не покажется новостью, если я скажу, что мотивами брака у насъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются разсчеты матеріальные, грубо матеріальные; что стороннее принужденіе, въ той или другой формѣ, есть явленіе совершенно обыкновенное, такъ какъ молодое, хотя мало развитое, то и не успѣвшее еще окончательно развратиться, чувство часто сторонится отъ корыстной сдѣлки. Въ меньшинствѣ случаевъ, гдѣ играетъ роль такъ называемая любовь, чѣмъ она является? Плодомъ воображенія, стремящагося сколько нибудь прикрасить неприглядную торгашескую дѣйствительность, или, большее, увлеченіемъ привлекательною внѣшностью—развѣ это понимается подъ любовью въ томъ высокомъ опредѣленіи брака, какое даетъ законъ? „Удовлетвореніе согласной съ разумною природою человѣка потребности общенія всѣхъ органическихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ силъ, дарованныхъ человѣку для развитія, труда и наслажденія въ жизни“ (такъ опредѣляетъ цѣль брака одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ юристовъ г. Побѣдоносцевъ, стоящій на точкѣ зрѣнія закона, въ своемъ соч.

„Курсъ гражданскаго права")—подходитъ-ли что менѣе, тѣмъ это опредѣленіе, къ явленіямъ окружающей насъ жизни? Соотвѣтствіе возраста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и физическихъ потребностей и жизненной опытности, сходства характеровъ, взглядовъ на жизнь, степени развитія, никто на эти условія, безъ которыхъ не можетъ быть настоящей любви, настоящаго супружескаго общенія, не обращаетъ никакого вниманія; всякая дисгармонія—физическая, умственная, нравственная, постоянная черта нашихъ брачныхъ союзовъ. Въ виду такого положенія вещей, что же можетъ сдѣлать законъ для осуществленія своихъ опредѣленій? Почти ничего, онъ безсиленъ. И странно, законодательство упускаетъ изъ виду и то немногое, что оно могло бы сдѣлать для достиженія поставленныхъ имъ цѣлей: напр., законъ, опредѣляя вполнѣ раціонально наименьшій и наибольшій возрастъ для вступленія въ бракъ, не кладетъ никакого ограниченія несоотвѣтствію возраста, исключающему возможность осуществленія вышеупомянатаго брачнаго идеала (напр. старикъ до 80 лѣтъ можетъ жениться на дѣвушкѣ 16 лѣтъ, и тому подобныя безобразныя аномаліи, не предупреждаемыя закономъ, встрѣчаются на практикѣ, являясь прямымъ издѣвательствомъ надъ всякими идеалами). Насколько основныя положенія брачнаго права стоятъ въ разрѣзъ съ соотвѣтствующими явленіями жизненной практики, настолько же мало и результатъ брака—фактическая семья, воплощаетъ въ себѣ тѣ основныя начала, на которыхъ строится семья по закону, выводящему и семейно-правовыя свои нормы изъ тѣхъ же теоретическихъ, религіозно-моральныхъ основаній. Такъ какъ семья не имѣетъ прочныхъ основъ при своемъ возникновеніи, ей негдѣ ихъ взять и дальше, и вотъ этотъ важный союзъ, краеугольный камень общественнаго строя, является расшатаннымъ въ своемъ основаніи. Не любовь, не взаимное уваженіе, не обоюдная поддержка на жизненномъ пути—предполагаемыя закономъ основы семейной жизни—скрѣпляютъ этотъ союзъ въ дѣйствительности, а причины чисто внѣшнія: матеріальные разсчеты, страхъ законной силы, страхъ общественнаго мнѣнія и т. д. Еслибы супруги и убѣдились горькимъ жизненнымъ опытомъ, какъ необдуманно поступили они, заключивъ между собою союзъ при отсут-

ствія условій его прочнаго и разумнаго существованія, легкомысленно увлекшись примѣромъ другихъ, которые, вступая такимъ же способомъ въ браки, „вѣдь живутъ же"—дѣлать нечего, ихъ ошибка, часто сдѣланная почти безсознательно, особенно у женщинъ, оказывается роковой. Съ неумолимою строгостью является законъ, который, стоя на своей идеальной высотѣ, не знаетъ жизни практической, не снисходитъ къ ея ошибкамъ, не дѣлаетъ уступокъ ея нуждамъ. „Любите другъ друга, уважайте, поддерживайте, оказывайте снисхожденіе къ слабостямъ другъ друга", говоритъ супругамъ законъ: „а если нѣтъ", добавляетъ практика жизни, „разрывайте вашъ союзъ преступленіемъ, или, еще лучше, разрушьте его на дѣлѣ, оставивъ внѣшность, маскируйте все лицемѣріемъ, громче говорите о высокомъ и святомъ значеніи семьи, чтобъ ближній не догадался посмотрѣть, что кроется подъ вывѣскою вашихъ фразъ и внѣшнихъ приличій,—другого исхода нѣтъ".

Идеальная точка зрѣнія, принятая законодательствомъ въ примѣненіи ея къ отправленію правосудія, дѣлается причиною многихъ странныхъ явленій въ области юридической. Считая взаимную любовь брачущихся существеннѣйшимъ условіемъ брака, законъ признаетъ только такіе брачные союзы, которые заключены при соблюденіи этого условія, и такія семьи, которыя вытекаютъ изъ подобныхъ браковъ; всякія другія семьи законъ признаетъ не незаконными, но не существующими, просто не хочетъ знать, что есть такія семьи. Подобное заключеніе можно вывести изъ того, что законъ не предусматриваетъ, не хочетъ принимать во вниманіе такихъ случаевъ, которые вытекаютъ изъ семейнаго устройства, не основаннаго на вышеупомянутыхъ идеальныхъ условіяхъ. Обиды и оскорбленія между супругами игнорируются закономъ; они для него не существуютъ, какъ явленія такого порядка, который несовмѣстимъ съ предполагаемою имъ семейною гармоніей.

Но, наконецъ, практика жизни заставляетъ законъ уклониться съ пути его суровой послѣдовательности: не можетъ же въ современномъ благоустроенномъ обществѣ быть оставленъ безъ вниманія, напр., тотъ фактъ, который законъ понимаетъ подъ выраженіемъ „увѣчья, ранъ, тяжкихъ по-

боевъ или иныхъ истязаній или мученій". Однако, дѣлая уступку съ одной стороны, привлекая къ суду мужа, законъ, съ другой, хочетъ остаться послѣдовательнымъ своей основной идеѣ, которою обусловливается нерасторжимость брачнаго союза,—и вотъ происходитъ странная аномалія: мужъ подвергается, по приговору суда, наказанію за жестокое обращеніе съ женой, положимъ тюремному заключенію, а жена все-таки не получаетъ права жить отдѣльно отъ своего мужа тирана, все-таки остается вполнѣ въ его власти.

Отдавая полную дань уваженія высокимъ стремленіямъ нашего брачнаго права, нельзя не замѣтить однако, что достоинство того или другогѣ закона измѣряется не только высотою его цѣлей, но и тѣмъ, насколько онъ способствуетъ достиженію этихъ цѣлей. Наше брачное право, такъ совершенное въ своихъ основаніяхъ въ первомъ отношеніи, оставляетъ очень многаго желать во второмъ. Глубокая рознь лежитъ между идеализмомъ закона и матеріализмомъ жизни. Для жизни законъ остается мертвою буквою: жизнь по необходимости беретъ обрядовое, внѣшнее значеніе этой буквы, не обращая никакого вниманія на ея духъ,—и законъ, въ своемъ настоящемъ видѣ, не имѣетъ никакихъ средствъ дѣйствовать на жизнь, направлять ее сообразно своимъ стремленіямъ. Это недостатокъ, и такой коренной недостатокъ, подрывающій значеніе закона, что онъ долженъ уничтожиться дальнѣйшимъ развитіемъ брачнаго и семейнаго права. Подготовить возможность осуществленія своихъ высокихъ идеаловъ законъ можетъ только тогда, когда онъ сойдетъ съ своей идеальной высоты, когда онъ приметъ во вниманіе обыденныя представленія и понятія, нужды и требованія жизненной практики.

Народные взгляды представляютъ готовое основаніе для законодательства, если оно, сознавъ непрактичность своего настоящаго направленія, захочетъ нѣсколько отступить отъ его исключительности. Особенность этихъ взглядовъ, какъ мы видѣли—сильное развитіе договорнаго, гражданскаго элемента, развитіе, доходящее даже до безобразныхъ крайностей. Сдѣлавъ уступку въ сторону народныхъ взглядовъ, законодательство тѣмъ самымъ взяло бы и de facto дѣло брака въ свои руки, регулировало бы его развитіе, пріобрѣло бы воз-

можность уничтожить уродливыя крайности, являющіяся результатомъ неправильнаго развитія, вообще, ставъ на ту почву, на которой стоитъ жизнь. получило бы возможность дѣйствовать на нее и направлять ее по своему пути, къ своимъ цѣлямъ и идеаламъ. Кромѣ того, народный принципъ, введенный въ законодательство, положилъ бы начало развитію настоящаго русскаго брачнаго права, основаннаго, не въ ученыхъ теоріяхъ, а въ дѣйствительности, на истинно-народныхъ началахъ, брачнаго права единаго для всѣхъ сословій, для всѣхъ религіозныхъ убѣжденій.

Пойдетъ ли развитіе нашего брачнаго права тѣмъ путемъ на который я указываю, путемъ обращенія къ народнымъ началамъ, или какимъ-нибудь другимъ, или нѣтъ, одно очевидно, что движеніе въ сферѣ нашего брачно-семейнаго права неизбѣжно, такъ какъ уже слишкомъ вопіютъ жизненныя потребности. Нѣкоторые признаки этого движенія замѣтны, въ послѣднее время, въ рѣшеніяхъ высшей судебной инстанціи—кассаціонныхъ департаментовъ сената. При отсутствіи законовъ, обезпечивающихъ, напр., личныя права супруговъ отъ обоюдныхъ посягательствъ, сенатъ старается подводить дѣла объ этихъ посягательствахъ, насколько возможно, подъ дѣйствіе общихъ законовъ и начинаетъ признавать вмѣняемыми въ вину супругу такого рода дѣйствія: «употребленіе насилія, не заключающаго въ себѣ ни ранъ, ни увѣчій, ни побоевъ», «нанесеніе женѣ побоевъ, не имѣющихъ свойствъ обиды дѣйствіемъ». Затѣмъ мы замѣчаемъ со стороны судовъ признаніе полнѣйшей невозможности для судебной власти водворить жену на совмѣстное жительство съ мужемъ насильственно и противъ ея воли. Законъ призналъ подлежащими разсмотрѣнію съѣзда мировыхъ судей просьбы женъ крестьянъ, переселяемыхъ по приговорамъ обществъ, объ оставленіи ихъ въ мѣстѣ жительства по жестокому обращенію съ ними мужей или ихъ развратному поведенію. Это собственно въ сферѣ семейныхъ отношеній. Въ сферѣ же брачнаго права осуществлена такая важная реформа, какъ признаніе законности раскольничьихъ браковъ, совершенныхъ гражданскимъ порядкомъ.

Все это вызвано насущнѣйшими потребностями жизни, но имъ, конечно, удовлетворяется только часть, и, надо при-

знаться, только очень незначительная часть этихъ потребностей. Но будемъ надѣяться, что движеніе, разъ вызванное существующими потребностями, не остановится въ началѣ своего пути, на совершеніи только части великаго дѣла. Путь для движенія лежитъ широкій, свободный отъ тѣхъ препятствій, какими, напр., загромождалъ католицизмъ пути западно-европейскихъ законодательствъ. Свѣтская законодательная власть, въ рукахъ которой находится у насъ брачное право, не будучи стѣсняема ни своимъ положеніемъ, ни историческимъ прошлымъ, смѣло можетъ создать такую систему брачнаго права, которая удовлетворяла бы потребностямъ жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, направляла бы эти потребности сообразно болѣе высокимъ идеаламъ, чѣмъ тѣ, какими двигается современное общество. Народные взгляды могли бы составить одинъ изъ важныхъ элементовъ этой системы.

ЖЕНЩИНА

ВЪ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬѢ.

Собственно, мнѣ надо было-бы озаглавить свой очеркъ такъ: „Женщина по обычному праву нашего крестьянства“, но, признаюсь, побоялась я названія, звучащаго такъ тяжеловѣсно. Дѣлаю же объясненіе на первыхъ порахъ, чтобъ не ввести въ заблужденіе читателя, который бы приступилъ къ статьѣ совсѣмъ не съ тѣми требованіями, какимъ она имѣетъ претензію удовлетворить, и разочаровался бы, найдя не то, чего ожидалъ. Я, дѣйствительно, намѣрена посмотрѣть на вопросъ о положеніи крестьянской женщины почти исключительно съ той стороны, съ которой онъ опредѣляется понятіями крестьянъ о справедливости, ихъ обычнымъ правомъ.

Когда начинаешь углубляться въ данныя, представляемыя изученіемъ обычнаго крестьянскаго права, — чувствуешь, какъ, мало-по-малу, измѣняются или, вѣрнѣе сказать, проясняются твои взгляды на народъ. Однообразная, безразличная, неподвижная народная масса превращается въ общество, съ своеобразною жизнію, съ своеобразными понятіями и интересами, а главное — въ общество, хотя и едва замѣтно, но несомнѣнно движущееся впередъ. Подъ внѣшнимъ покровомъ застоя совершается процессъ развитія: мы можемъ видѣть, какъ однѣ формы жизни начинають изживать свое содержаніе, какъ на смѣну ихъ выступають новыя, какъ новыя, сначала робко, потомъ все смѣлѣе, ведутъ свою

борьбу за существованіе, пока совершенно не вытѣснятъ старыхъ съ того поля, которое уже не принадлежитъ болѣе этимъ послѣднимъ, но на которомъ онѣ, тѣмъ не менѣе, еще упорно держатся. Борьба формъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ борьба и идей, воплощеніемъ которыхъ являются эти формы, и результатъ борьбы—измѣненіе взглядовъ личности на окружающее и на отношеніе къ себѣ этого окружающаго—не замедлитъ дать себя знать. Но эти процесы развитія совершаются крайне медленно, и вотъ почему народная жизнь, наблюдаемая въ относительно короткій періодъ времени, производитъ впечатлѣніе застоя и неподвижности.

Все, что было сейчасъ сказано вообще о народѣ, приложимо вполнѣ и къ крестьянской женщинѣ. Съ теченіемъ времени происходили измѣненія и въ ея судьбѣ,—измѣненія, направленныя въ ея пользу. Можетъ быть, читатель, знакомый съ жалкимъ положеніемъ современной крестьянки, сочтетъ парадоксомъ это положеніе, но я надѣюсь его доказать. Но гдѣ же взять необходимые матеріалы, чтобъ воспроизвести картину того процесса, который мы назвали процессомъ развитія, процессомъ медленнаго поступательнаго движенія въ жизни нашего крестьянства? Наша писанная исторія всегда такъ акуратно обходила народъ, что напрасно было бы искать въ ней указаній или хотя бы даже намековъ на древнѣйшія судьбы женщины. Какъ же быть въ такомъ случаѣ? Ничего не остается, какъ обратиться къ изученію настоящаго, которое, въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ, сохраняетъ формы различныхъ періодовъ прошлаго, сохраняетъ иногда цѣликомъ, иногда въ измѣненномъ видѣ, но часто такъ, что по нимъ смѣло можно составлять заключенія о предъидущемъ, когда эти формы были не архаизмомъ, а естественною и органическою частью цѣлаго. Важнымъ пособіемъ для воспроизведенія древнѣйшихъ формъ народнаго быта можетъ служить изученіе родственныхъ намъ народовъ, особенно юго-западныхъ славянъ. Посмотримъ же, какъ измѣнялось положеніе крестьянской женщины.

I. ЗАДРУГА и ВЕЛИКОРУССКАЯ СЕМЬЯ.

Общепринятое положеніе, что, чѣмъ примитивнѣе какое-либо человѣческое общество, тѣмъ меньше значенія имѣетъ въ немъ каждая отдѣльная личность, которая совершенно подавляется коллективностью, будь эта коллективность родъ, семья или какой другой видъ совмѣстной жизни. Свобода личности, возможно большая ея индивидуализація—вотъ одна изъ формулъ человѣческаго прогресса. Чѣмъ больше общество допускаетъ индивидуальности въ своихъ членахъ, тѣмъ выше это общество; наоборотъ, чѣмъ ниже спускаешься по лѣстницѣ цивилизаціи, тѣмъ болѣе стадный, безличный характеръ принимаетъ общество. Въ первобытныхъ общественныхъ единицахъ, родѣ и семьѣ, личность имѣетъ значеніе, только какъ членъ этого рода или семьи; внѣ ихъ она теряетъ почву для своего существованія, теряетъ всякій смыслъ. Да это и понятно; во времена отсутствія гражданственности, произвола и господства физической силы личность можетъ чувствовать себя болѣе или менѣе безопасной единственно подъ защитой той коллективной среды, къ которой принадлежитъ. Если родъ или семья поглощали личность мужчины, то тѣмъ болѣе они поглащали личность женщины, которая, вслѣдствіе естественныхъ своихъ условій, имѣла еще меньше шансовъ на то, чтобъ существовать внѣ той коллективной единицы, которой она была членомъ. Почти всегда и вездѣ женщина являлась, только какъ членъ рода или семьи. Да надо сказать, что она и до сихъ поръ сохраняетъ то-же положеніе.

Такъ какъ женщина всегда является, только какъ членъ семьи, то измѣненія въ ея положеніи связаны тѣсными и неразрывными узами съ измѣненіями, какія происходили въ средѣ самой семьи. Поэтому мы прослѣдимъ, какія фазы развитія прошла крестьянская семья, прежде чѣмъ она достигла, да и то еще далеко не вездѣ, той формы, которая принята всѣми цивилизованными народами.

Всѣ согласны въ томъ, что настоящему общественному устройству предшествовало устройство родовое. Немного вопросовъ удостоивалось такого вниманія со стороны нашихъ ученыхъ, какъ вопросъ о родовомъ бытѣ и о томъ, въ какомъ порядкѣ застала исторія нашихъ предковъ—въ родовомъ

или семейно-общинномъ. Много было исписано бумаги, много перьевъ было со славою переломлено на ученыхъ турнирахъ, а вопросъ все-таки остается, какъ былъ, вопросомъ открытымъ. Безплодность изысканій нашихъ ученыхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что они подступали къ предмету не съ той стороны, съ которой онъ единственно доступенъ. Они не стараются уяснять то или другое выраженіе лѣтописи или законодательнаго памятника посредствомъ изученія жизни, какъ своего народа, такъ и родственныхъ ему другихъ народовъ изъ находящихся на низшихъ ступеняхъ культуры,—жизни, которая часто сохраняетъ остатки древнѣйшихъ формъ. Изъ отвлеченныхъ соображеній выводятъ они ту или другую теорію,—теорію-ли родового быта или общинно-семейнаго,—и подводятъ подъ нее всѣ факты, какіе только можно подтянуть, причемъ одни и тѣ-же факты, одни и тѣ-же выраженія лѣтописей и др. памятниковъ служатъ для подтвержденія и того и другого положенія, сообразно точкѣ зрѣнія, на какой стоитъ его авторъ *). А между тѣмъ стоило-бы обратиться къ изученію народной жизни глухихъ мѣстностей Россіи,—и много пунктовъ, возбуждающихъ ученые споры, разъяснилось-бы какъ нельзя лучше. Очень важно также для нашей древней исторіи и для вспомогательныхъ къ ней наукъ, какъ, напр., бытовой археологіи, изученіе юго-западныхъ славянскихъ племенъ. Начавъ свою историческую жизнь вмѣстѣ съ нашими предками, они на дальнѣйшемъ пути были застигнуты такими неблагопріятными условіями, которыя заставили ихъ, во многихъ отношеніяхъ, какъ-бы окаменѣть въ древнѣйшихъ бытовыхъ формахъ. Напр., Черногорія до сихъ поръ сохраняетъ раздѣленіе на роды и такіе слѣды родового быта, которые могутъ дать лучшее понятіе о родовомъ бытѣ нашихъ предковъ, чѣмъ многіе томы ученыхъ изслѣдованій, исходной точкой для которыхъ были не факты, а собственныя измышленія ихъ авторовъ.

Для насъ нѣтъ надобности снова встряхивать вопросъ о томъ, въ какихъ бытовыхъ формахъ застала нашихъ предковъ

*) Просимъ читателя имѣть въ виду, что статья наша писана десять лѣтъ тому назадъ. За это время воды утекло порядочно, и молодое поколѣніе ученыхъ, воспитанныхъ на пріемахъ и методахъ историко сравнительной школы, работаетъ теперь надъ изученіемъ эволюціи общественныхъ формъ.

исторія, а недостатокъ матеріяловъ не позволяетъ возстановить полную картину родоваго быта, изъ котораго они несомнѣнно вышли: былъ-ли то бытъ, подобный быту нашихъ инородцевъ финскаго и тюркскаго племени, или другой какой видъ родового общежитія? Одно несомнѣнно, что у юго-западныхъ славянъ есть такая форма семейнаго устройства, которая держится на чисто-родовыхъ началахъ, носитъ на себѣ всѣ слѣды древнѣйшаго происхожденія. Это такъ-называемая *ЗАДРУГА*. Русское общество очень мало знакомо съ жизнью нашей близкой родни—юго-западныхъ славянъ, а между тѣмъ эта жизнь представляетъ такія поразительныя аналогіи съ жизнью нашего крестьянства, что необходимо должна остановить на себѣ вниманіе изслѣдователя народнаго быта. Вотъ хоть-бы такое явленіе, какъ задруга,—явленіе, которое въ общеевропейской жизни могло имѣть мѣсто развѣ сотни лѣтъ тому назадъ,—какъ не остановиться на этомъ археологическомъ образчикѣ, представляющемъ такую аномалію въ общемъ строѣ цивилизованной жизни, какъ не остановиться особенно намъ, кровно связаннымъ съ этимъ образчикомъ?

Что-же такое задруга? Это маленькое общество, состоящее изъ нѣсколькихъ семей, тѣсно связанныхъ между собою родствомъ. Держится это маленькое общество на началахъ до такой степени противоположныхъ тѣмъ, съ которыми мы сроднились въ качествѣ участниковъ европейской цивилизаціи, что необходимо нѣсколько отрѣшиться отъ привычныхъ воззрѣній, чтобъ понять сущность устройства задруги. Краеугольные камни современнаго общественнаго устройства цивилизованныхъ странъ—личность и частная собственность—находятся въ задругѣ, въ зародышевомъ состояніи. Въ сферѣ отношеній личныхъ—основной принципъ задруги есть поглощеніе отдѣльнаго лица коллективнымъ лицомъ задруги, представителемъ которой является старѣйшина; въ сферѣ отношеній имущественныхъ—полная нераздѣльность, принимающая не только общее производство и общее пользованіе орудіями труда, но и общность потребленія.

Число членовъ задруги очень различно у различныхъ славянскихъ племенъ, въ различныхъ мѣстностяхъ. Большій или меньшій объемъ задруги зависитъ отъ большей или меньшей склонности того или другого племени къ задруж-

ному устройству, а, главное, отъ мѣстныхъ экономическихъ условій. Задруга вполнѣ развивается только въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ; напр., въ Славоніи число членовъ задруги доходитъ до 100 человѣкъ; гдѣ земли мало и вообще кормиться отъ нея трудно, гдѣ, слѣдовательно, жители должны расходиться по чужимъ сторонамъ, отыскивая себѣ занятіе, напр., въ Хорватіи, тамъ человѣкъ 20—наибольшее число, которое можетъ жить въ одной задругѣ. Въ большую задругу входитъ до десяти и болѣе отдѣльныхъ семей. Помѣщаются онѣ или въ одномъ общемъ домѣ, или въ отдѣльныхъ маленькихъ пристройкахъ, въ родѣ сараевъ, группирующихся около главнаго дома, гдѣ живетъ въ такомъ случаѣ глава задруги съ несемейными ея членами; но на зиму всѣ перебираются обыкновенно въ общій домъ, такъ какъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ не дѣлается даже и печей. Уже изъ этого факта видно, какъ мало мѣста отводится задругой для семейнаго элемента: отдѣльныя помѣщенія служатъ только временнымъ убѣжищемъ семьи, главнымъ образомъ спальней, вся-же жизнь и дѣятельность членовъ задруги сосредоточивается въ общемъ домѣ. Задруга совершенно поглощаетъ семью, и это поглощеніе сказывается во всѣхъ мелочахъ внѣшней жизни.

Въ благопріятныхъ условіяхъ задруга иногда такъ разростается, что члены ея безъ церковнаго разрѣшенія могутъ вступать между собою въ брачные союзы,—такъ отдаленно между ними родство. Но, несмотря на то, цементомъ, сплачивающимъ задругу, все-таки считается родство. Только родство это понимается задругой очень широко, далеко переходя за предѣлы родства исключительно кровнаго. Наймется, напр., въ задругу слуга или служанка, отдадутъ въ задругу изъ города незаконнорожденнаго ребенка на воспитаніе,—новые члены тотчасъ входятъ въ кругъ родственныхъ отношеній задруги, такъ-какъ внутри себя она иныхъ отношеній не знаетъ. Такое лицо, вошедшее въ задругу,—лицо совершенно постороннее—получаетъ права и беретъ обязанности настоящаго члена-родственника, и связь его съ задругой закрѣпляется тѣмъ, что оно принимаетъ какъ-бы фикцію родства, называя членовъ задруги дядюшками, тетушками и т. п. родственными именами.

Задруга страшнымъ гнетомъ лежитъ на личностяхъ своихъ членовъ. Ни малѣйшаго проявленія индивидульности не допускаетъ она и не можетъ допустить, такъ-какъ эта свобода нарушала-бы ея единство и была-бы покушеніемъ на ея цѣлость. Каждая отдѣльная часть этого маленькаго общественнаго организма почти только и живетъ, что стремленіями и интересами цѣлаго; все, что только ни дѣлается, все дѣлается въ видахъ этого цѣлаго, которое рѣшительно не знаетъ и не хочетъ знать, что каждая изъ его частей есть живое существо, имѣющее свои желанія и стремленія, можетъ быть, идущія въ разрѣзъ съ желаніями и стремленіями другихъ. Часть тутъ подчиняется цѣлому до совершеннаго поглощенія, до полнѣйшаго обезличенія. Что за жалкую, пассивную роль играетъ въ задругѣ каждый изъ ея членовъ (кромѣ старѣйшины)! Работаетъ онъ не тогда и не такъ, какъ-бы ему хотѣлось, а тогда и такъ, какъ приказано старѣйшиной, какъ того требуютъ интересы задруги. Работаетъ онъ, зная, что не можетъ распорядиться ни малѣйшей долей изъ продуктовъ своего труда. Правда, онъ будетъ сытъ и одѣтъ, но не такъ, какъ онъ нашелъ-бы наилучшимъ, а такъ, какъ находятъ другіе, какъ находитъ задруга. Почувствуетъ онъ стремленіе вырваться изъ задруги, уйти, напр., на чужую сторону, задруга можетъ не отпустить его, если находитъ его руки не лишними. Даже въ такомъ дѣлѣ, какъ бракъ, гдѣ-бы, казалось, такъ безусловно необходимо было принимать въ соображеніе желаніе личности, даже въ этомъ случаѣ онъ совершенно подчиняется задругѣ. Ей выгодно, чтобъ члены ея женились какъ можно раньше, доставляя, такимъ образомъ, лишнихъ работницъ въ задругу. Поэтому, какъ только юноша достигнетъ совершеннолѣтія, лѣтъ восемнадцати, спѣшатъ его женить, хотя-бы онъ и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія жениться. Выборъ невѣсты также зависитъ отъ задруги, которая соображается не со вкусами жениха, а прежде всего принимаетъ въ разсчетъ, достаточно-ли богата и почтенна та задруга, гдѣ намѣчена невѣста, а затѣмъ уже обращаетъ вниманіе и на достоинство невѣсты, т.-е. на то, что задруга считаетъ достоинствами дѣвушки,—на ея трудолюбіе и поведеніе. Такъ-какъ въ интересахъ задруги, чтобъ женились, по возможности, всѣ, то установился въ ней

строго-соблюдаемый обычай очереди, въ какой должны вступать въ бракъ ея члены; напр., если въ задругѣ живетъ нѣсколько братьевъ съ семействами, то сначала женятъ старшаго сына старшаго брата, затѣмъ старшаго сына втораго брата и т. д.; потомъ идутъ вторые сыновья, начиная опять съ старшаго брата. Очередь наблюдается такъ строго, что если очередной рѣшительно не можетъ жениться почему-либо, напр., если онъ уродъ или неизлечимо-болѣнъ, то право очереди все-таки остается за нимъ и онъ можетъ не позволить жениться слѣдующему очередному, если тотъ не вступитъ съ нимъ въ сдѣлку, не пріобрѣтетъ отъ него позволенія. Этотъ формализмъ обычая, очевидно, выгоденъ задругѣ, такъ какъ заставляетъ каждаго члена смотрѣть на женитьбу въ одно и то-же время и какъ на свое неотъемлемое право, и какъ на обязанность или повинность, которую онъ во что-бы то ни стало долженъ нести для общей пользы.

Да, тяжело съ нашей точки зрѣнія такое зависимое, пассивное положеніе человѣка въ задругѣ. Но надо сказать, что не на всѣхъ оно лежитъ одинаковымъ гнетомъ. Старшіе, естественно, страдаютъ отъ него меньше, чѣмъ младшіе, мужчины меньше, чѣмъ женщины, и, наконецъ, есть въ задружной іерархіи одно положеніе, которое, повидимому, не только освобождаетъ отъ какого-либо гнета съ чьей-нибудь стороны, но даетъ человѣку возможность соединить въ своемъ лицѣ тѣ гнетущія силы, отъ которыхъ страдаютъ другіе. Это положеніе главы задруги—старѣйшины.

Старѣйшина—старшій въ родѣ, старшій по лѣтамъ и степени родства; въ видѣ исключенія бываетъ, что вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ старѣйшиной дѣлается не наистаршій, а кто-нибудь изъ остальныхъ членовъ рода, чаще—второй по старшинству. Власть старѣйшины надъ личностями членовъ имѣетъ чисто-патріархальный характеръ. Надо видѣть главу задруги, въ кругу его домочадцевъ, напр., передъ началомъ трапезы, когда онъ окуриваетъ ладаномъ поочередно всѣхъ домашнихъ, благоговѣйно наклоняющихъ передъ нимъ свои головы, или когда начинаетъ и оканчиваетъ общую молитву: такъ и вѣетъ отъ него древнимъ патріархомъ — жрецомъ рода. Какъ истый патріархъ, держитъ онъ судъ и расправу, миритъ ссорящихся, наказыва-

етъ виновныхъ, причемъ младшимъ достаются отъ него и побои, и удары плетью, распредѣляетъ трудъ между всѣми членами задруги. Какъ патріархъ, представитель своего рода, является онъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ этого маленькаго общества по отношенію, напр., къ государственной власти, которая знаетъ только его одного, только съ нимъ однимъ имѣетъ дѣло. Его власть надъ личностями членовъ задруги очень обширна, но тѣмъ не менѣе его нельзя вполнѣ назвать деспотомъ. Надъ нимъ стоитъ сила, которая такъ-же гнететъ его, какъ и всѣхъ другихъ, низводя личность на степень простаго исполнителя своихъ велѣній, своего слѣпаго орудія. Сила эта—обычай. Трудно представить себѣ, какое вліяніе имѣетъ въ патріархальномъ обществѣ обычай. Въ данномъ случаѣ сила обычая сдерживаетъ произволъ старѣйшины, въ извѣстныхъ предѣлахъ никѣмъ и ничѣмъ кромѣ нея несдерживаемый, и этотъ фактъ достаточно выразительно показываетъ, какъ велика эта сила. Въ задругѣ вліяніе обычая направлено къ тому, чтобы охранять ея интересы, чтобы дать безусловный перевѣсъ обществу надъ отдѣльной личностью, которая должна отойти на самый заднiй планъ, и старѣйшина, слѣпо повинуясь обычаю, сообразуетъ свои дѣйствія исключительно съ интересами задруги, хотя-бы они и не гармонировали съ его личными интересами.

Такимъ образомъ, видно, что личность каждаго изъ обыкновенныхъ членовъ задруги почти совершенно подавлена коллективнымъ лицомъ, которое то властью старѣйшины, то силою обычая уничтожаетъ въ зародышѣ всякую самостоятельность, всякое стремленіе къ индивидуальности въ своихъ членахъ. Старѣйшина представляется единственною личностью, но и въ немъ личное начало не развертывается въ той ширинѣ, какая открывается ему его исключительнымъ положеніемъ. Вліяніе обычая, сдерживающаго проявленія произвола со стороны старѣйшины, сказывается особенно рѣзко въ имущественныхъ отношеніяхъ задруги.

Имущественныя отношенія задруги устроены очень оригинально. Все задружное имущество составляетъ собственность не отдѣльныхъ лицъ, даже не общую собственность всего ряда лицъ, составляющихъ въ данный моментъ задругу, а собственность задруги въ лицѣ всѣхъ ея настоящихъ, прошед-

шихъ и будущихъ членовъ. Каждое поколѣніе членовъ задруги только пользуется имуществомъ: глава задруги и ребенокъ послѣдняго изъ ея членовъ имѣютъ равное и неотъемлемое право пользованія—не болѣе. Право это дается просто тѣмъ, что извѣстное лицо принадлежитъ къ задругѣ; передаваться отъ одного человѣка къ другому оно не можетъ. Поэтому наслѣдство въ задружномъ имуществѣ не имѣетъ смысла: членъ, выходя изъ задруги, совершенно теряетъ всякія права на общее имущество; дѣти, родившіяся въ задругѣ, получаютъ право пользованія не какъ наслѣдники своихъ отцовъ, а какъ самостоятельные члены. Надо сказать, что это характеристическое свойство имущественныхъ отношеній не составляетъ исключительной особенности задруги: оно—принадлежность всѣхъ бытовыхъ формъ, построенныхъ на чисто родовыхъ началахъ.

Такимъ образомъ, старѣйшина, по отношенію къ задружному имуществу, только его управитель — и ничего больше. Онъ не имѣетъ права на самостоятельное распоряженіе и малѣйшей его частью. Какъ управитель, глава хозяйства, онъ производитъ разные хозяйственные обороты, покупаетъ, продаетъ—словомъ, дѣлаетъ все, что требуется общими интересами, но и то дѣлаетъ не иначе, какъ съ вѣдома и совѣта тѣхъ членовъ задруги, которые считаются достаточно компетентными въ этомъ дѣлѣ, именно всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ. Очевидно, что власть, такъ стѣсненная обычаемъ въ имущественныхъ отношеніяхъ, не можетъ быть вполнѣ деспотическою, несмотря на весь свой видимый патріархальный абсолютизмъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ сущность устройства задруги. Устройство это показываетъ, что жизнь, которая могла уложиться въ тѣсныя рамки задруги, еще насквозь пропитана родовыми началами. Родство, какъ основа общежитія, полное подавленіе личности родомъ, патріархальное управленіе, особенности имущественныхъ отношеній—все это существенныя свойства быта, основаннаго на родовыхъ принципахъ, и задруга является полнѣйшей представительницей этихъ принциповъ. Многіе вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ другіе народы утратили подобныя формы семейнаго устройства, а славянская задруга все стоитъ,—стоитъ, какъ какой-нибудь древній памятникъ, говорящій объ иныхъ, давно-прошедшихъ временахъ. Но отчего-же духъ новаго времени, сметающій ста-

рое во всѣхъ закоулкахъ, куда онъ успѣетъ проникнуть, отчего онъ не произвелъ никакого вліянія на задругу? Дѣло въ томъ, что хотя славянскіе народы, сохранившіе задругу, и мало удалены по своему географическому положенію отъ вліянія Запада, тѣмъ не менѣе до послѣдняго времени историческія условія совершенно замыкали ихъ отъ этого вліянія, а тяжелый иноземный гнетъ мѣшалъ самобытному развитію, заставляя крѣпко держаться за все національное, даже въ его мелочныхъ, случайныхъ и уродливыхъ проявленіяхъ. Кромѣ того, при хищническомъ владычествѣ турокъ, задруга представляла для человѣка извѣстныя гарантіи безопасности, какихъ была лишена отдѣльная семья. Въ княжествѣ Сербіи задружная форма задерживалась еще искусственно правительствомъ, которое находило, что эта форма выгоднѣе для государства, чѣмъ обыкновенная семья, такъ-какъ, соединяя капиталъ и трудъ отдѣльныхъ лицъ въ большія семейныя ассоціаціи, какова задруга, она увеличиваетъ благосостояніе народа. Это соображеніе имѣетъ свою долю правды, но правительство вотъ что упускаетъ изъ виду: пока отношенія человѣка къ окружающему будутъ держаться на началахъ, выработанныхъ патріархальными, родовыми порядками, пока личность будетъ подавлена родомъ, недопускающимъ и тѣни индивидуальности въ своихъ членахъ, пока жизнь будетъ заключена въ тѣсныя рамки родовой семьи, — никакой шагъ впередъ невозможенъ для народа. Народъ обреченъ на вѣчную неподвижность во всѣхъ сферахъ жизни, обреченъ быть муміей среди живыхъ людей. Какъ для сказочной царевны въ заколдованномъ снѣ, будутъ для него проходить годы, столѣтія, не производя въ немъ ни малѣйшихъ перемѣнъ, а кругомъ будетъ кипѣть и волноваться жизнь, разрушая и сметая старое и постоянно созидая новое. Вотъ какую участь готовитъ сербское правительство своему народу, удерживая искусственно форму, рѣшительно непригодную для нашего времени. Но, къ счастію, ни одно правительство не имѣетъ достаточно силы, чтобъ сдержать то, непригодность чего входитъ въ народное сознаніе, чтобъ заставить личность отказаться отъ того, что начинаетъ чувствоваться ею, какъ сильная естественная потребность. Задруга начинаетъ отживать свой вѣкъ и у юго-западныхъ славянъ.

Очень нерѣдки раздѣлы задруги, т. е. распаденія на составные элементы семьи, какъ въ княжествѣ Сербіи, гдѣ этому противодѣйствуетъ правительство, такъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Но еще замѣчательнѣе то, что въ задругу, гдѣ она существуетъ и, повидимому, еще крѣпко держится, начинаютъ проникать враждебные элементы, грозящіе ей разрушеніемъ въ близкомъ будущемъ и, вообще, служащіе симптомами явленій совсѣмъ иного порядка, чѣмъ тѣ, какія положены въ основаніи задруги. Къ числу наиболѣе рѣзкихъ изъ этихъ симптомовъ принадлежитъ развитіе въ задругѣ частной собственности. Въ зародышѣ мы встрѣчаемъ ее въ каждой задругѣ, такъ какъ вездѣ предоставляется члену право имѣть что-либо свое, совершенно независимое отъ общаго: но размѣръ этой частной собственности очень незначителенъ. Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ задруга начинаетъ предчувствовать возможность своего разложенія, тамъ члены начинаютъ сильно стараться пріобрѣсть побольше въ свою частную собственность, чтобъ обезпечить себя на случай раздѣла: частная собственность члена идетъ ему сверхъ того пая, который онъ, при раздѣлѣ, получаетъ изъ общаго задружнаго имущества, дѣлящагося поровну между всѣми кровными родственниками безъ всякаго различія. Средства для пріобрѣтенія чего-либо въ свою частную пользу членъ задруги находитъ въ постороннихъ заработкахъ. Кончитъ онъ свою обязательную работу на задругу, останется свободное время,—онъ работаетъ что-нибудь на сторону и деньги, полученныя за трудъ, есть его частная собственность. А то онъ можетъ идти куда-нибудь на чужую сторону и часть заработковъ отдаетъ задругѣ, часть беретъ себѣ; если же задругѣ нуженъ его трудъ, онъ можетъ нанять вмѣсто себя работника. Такъ сколачиваетъ онъ нѣсколько денегъ, на которыя можетъ пріобрѣсти и свой собственный кусокъ земли; но пользоваться этою землею отдѣльно онъ не можетъ, а долженъ отдать его въ пользованіе задруги и только при раздѣлѣ получаетъ его сверхъ того пая, какой слѣдуетъ изъ общаго семейнаго имущества. Частную свою собственность членъ задруги можетъ передать въ наслѣдство и, вообще, распоряжается ею безъ вѣдома и согласія прочихъ.

Другимъ явленіемъ, противорѣчащимъ основнымъ прин-

ципамъ задруги, служитъ выборъ старѣйшины членами рода, причемъ избраннымъ бываетъ иногда и кто-либо изъ младшихъ членовъ, если онъ пріобрѣлъ довѣріе и расположеніе задруги какими-нибудь качествами ума или характера. Выборная власть, конечно, не можетъ отличаться тѣмъ патріархальнымъ характеромъ, который составляетъ характеристическую черту задружнаго управленія.

Но зачѣмъ-же мы такъ долго останавливаемся на задругѣ? спросятъ, можетъ быть.

Всякій, кто присматривался къ той характерной формѣ семейнаго устройства, которую такъ неопредѣленно называютъ великорусской или большой крестьянской семьей, замѣтитъ рѣзкія черты сходства между нею и задругой. Въ иныхъ отношеніяхъ сходство такъ велико, что заставляетъ почти отожествлять эти двѣ формы, какъ и дѣлаетъ проф. Богишичъ въ своей книгѣ: Pravni obiçaji u Slovena. Но такое полное отожествленіе есть ошибка, и замѣтить ее нетрудно, если подойти къ фактамъ безъ предвзятой идеи и остеречься отъ увлеченія тѣми чертами сходства, какія представляютъ великорусская семья и задруга. А черты сходства дѣйствительно поразительны. Великорусская семья, какъ и задруга, есть соединеніе нѣсколькихъ родственныхъ семей съ общимъ имуществомъ: какъ тамъ, такъ и тутъ на первомъ планѣ стоитъ общій интересъ, интересъ цѣлаго, которымъ поглощаются совершенно интересы отдѣльныхъ частей. Задружному старѣйшинѣ соотвѣтствуетъ великорусскій большакъ, набольшій, хозяинъ. Совершенно такъ-же, какъ старѣйшина, большакъ является представителемъ своей семьи во всѣхъ ея внѣшнихъ сношеніяхъ. По отношенію къ личностямъ членовъ семьи его управленіе отличается тѣмъ-же неограниченно патріархальнымъ, а по отношенію къ имуществу тѣмъ-же почти исключительно распорядительнымъ характеромъ. Обычай и тутъ является тою-же верховною и подавляющею силою. Большакъ есть глава двора; онъ отвѣчаетъ за свой дворъ относительно неправной уплаты повинностей, выполненія работъ и обязательствъ, и съ нимъ заключаютъ всѣ условія. Всѣ члены двора подчинены большаку; онъ имъ назначаетъ работы въ домѣ;

онъ-же можетъ отдавать ихъ и въ работники. Большакъ есть полный распорядитель надъ деньгами и имуществомъ двора въ извѣстныхъ предѣлахъ, обусловливаемыхъ обычаемъ и міромъ: онъ не можетъ совершенно произвольно растрачивать общее имущество, между прочимъ и потому, что если онъ употребитъ во зло свою власть, то міръ остановитъ его, по жалобѣ прочихъ членовъ. Большакъ получаетъ нетолько всѣ деньги, вырученныя отъ продажи продуктовъ хозяйства, но и тѣ, которыя заработаны кѣмъ-бы то ни было изъ остальныхъ членовъ. Имущество есть общая принадлежность семьи, находящаяся въ завѣдываніи домохозяина; отдѣльной личной собственности у членовъ семьи почти нѣтъ, и потому по смерти ихъ наслѣдство не открывается. Имущество это не составляетъ также личной собственности и самого большака, и потому, хотя при жизни его и находится въ его распоряженіи, но по смерти его, въ большей части губерній, оно обыкновенно не дѣлится, а, продолжая быть общимъ достояніемъ семьи, переходитъ въ хозяйственное распоряженіе его преемника. Преемникомъ-же бываетъ или братъ, т. е. дядя оставшимся сыновьямъ умершаго, или старшій изъ его сыновей. Если случаются раздѣлы, то имущество въ такихъ семьяхъ чаще всего дѣлится поколѣнно.

Все вышеприведенное есть ничто иное, какъ проявленіе тѣхъ-же родовыхъ началъ, которыя управляютъ и задругой, слѣдовательно, общихъ съ нею. Что-же въ великорусской семьѣ особеннаго, отличающаго ее отъ задруги? Есть одна особенность, и очень существенная, хотя и не бросающаяся рѣзко въ глаза; все прочее, отличающее великорусскую семью отъ задруги, есть простое слѣдствіе этой основной причины (разумѣется, внѣшнія, несущественныя различія, — результатъ различныхъ внѣшнихъ условій—остаются сами по себѣ).

Задруга — чистѣйшая представительница родовыхъ началъ, которыя управляютъ всѣми проявленіями задружной жизни. Тѣже начала, какъ мы уже видѣли, господствуютъ и въ великорусской семьѣ; но тутъ ихъ господство далеко не такъ безусловно, какъ въ задругѣ. На борьбу съ ними выступаетъ новая сила, въ видѣ *начала экономическаго*, трудового. Пока борьба эта ведется не за господство, а за право существованія; но тѣмъ не менѣе новый элементъ, вводимый

этою борьбою, нѣсколько ограничиваетъ власть старыхъ началъ и кладетъ свой характеризующій отпечатокъ на великорусскую семью. Надо замѣтить, что великорусская семья на огромномъ пространствѣ Великой Россіи и отчасти Сибири не представляетъ одной, прочно установившейся формы; начала, заправляющія ею, вездѣ одни и тѣ-же, но степень ихъ относительнаго значенія различна въ различныхъ мѣстностяхъ. Одни виды великорусской семьи ближе къ задругѣ, потому преобладаніе родовыхъ началъ въ нихъ безусловнѣе; другіе дальше отъ нея уклоняются и начало экономическое въ нихъ проявляется сильнѣе. Возьмемъ одну изъ формъ послѣдняго рода и посмотримъ, какую роль играетъ въ ней то, что мы называемъ началомъ экономическимъ.

Въ такой семьѣ право на власть дается не исключительно преимуществомъ старшинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ способностью къ труду, къ наживѣ. Старшій по лѣтамъ или степени родства стоитъ во главѣ семьи обыкновенно только до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ работать, если не впереди другихъ, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ другими; какъ только онъ одряхлѣетъ или, вообще, лишается способности къ работѣ, его мѣсто замѣняетъ другой, болѣе способный. Такъ же часто бываетъ, что во главѣ такой семьи, становится болѣе способный къ наживѣ, отстраняя другихъ, имѣющихъ родовыя преимущества. Наживщики, и почти только одни наживщики, имѣютъ вѣсъ и значеніе въ такой семьѣ; имъ принадлежитъ семейное имущество, а не роду, какъ въ задругѣ. Если членъ семьи, работникъ, берется напр., въ солдаты, онъ имѣетъ право получить свой пай изъ того имущества, въ пріобрѣтеніи котораго онъ участвовалъ; но изъ того, что было нажито послѣ него, слѣдовательно, безъ его участія, онъ не получитъ уже ни малѣйшей доли. Когда семья распадается, имущество дѣлится не по числу членовъ рода, какъ въ задругѣ, а по числу лицъ, участвовавшихъ въ пріобрѣтеніи этого имущества, по числу наживщиковъ, и при этомъ право крови не имѣетъ почти никакого значенія, между тѣмъ какъ въ задругѣ имущество дѣлится только между кровными родственниками. Родной сынъ хозяина, т. е. глава семьи, устраняется отъ участія въ дѣлежѣ, если онъ жилъ гдѣ-нибудь на чужой сторонѣ и не помогалъ семьѣ, между

тѣмъ, какъ совершенно посторонній, напр., пріемышъ, работавшій на семью, выступаетъ полноправнымъ членомъ и получаетъ настоящую долю. Если въ семьѣ, по какому-либо случаю, останутся одни малолѣтніе, неспособные къ работѣ, и кто-нибудь изъ постороннихъ беретъ на себя какъ-бы роль опекуна,—ведетъ хозяйство, распоряжается всѣмъ и воспитываетъ малолѣтнихъ, то, когда эти послѣдніе выростутъ, они не могутъ взять въ свои руки хозяйство и свое имущество, пока не умретъ опекунъ или не передастъ его самъ въ ихъ руки; по понятіямъ крестьянъ, онъ своимъ трудомъ на пользу наслѣдниковъ во время ихъ малолѣтства пріобрѣлъ право старшинства, право считаться настоящимъ распорядителемъ дома и имущества, помимо законныхъ наслѣдниковъ. И это понятно. Крестьянское хозяйство состоитъ изъ дома, скота, платья, домашней утвари и хозяйственныхъ орудій; все это въ извѣстныхъ, очень умѣренныхъ, размѣрахъ. Очевидно, что такое имущество не можетъ быть капиталомъ, процентами съ котораго могли-бы существовать малолѣтнія. При незначительности капитала первенствующая роль въ экономическихъ процессахъ принадлежитъ труду; поэтому немудрено, что въ случаѣ, разсмотрѣнномъ выше, крестьяне отдаютъ преимущество опекуну, представителю труда, передъ законными наслѣдниками—представителями капитала.

Мы взяли изъ жизни великорусской семьи нѣсколько фактовъ, служащихъ проявленіемъ въ ней того, что мы назвали началомъ экономическимъ. Эти факты касаются главнымъ образомъ имущественныхъ отношеній членовъ: въ этой сферѣ экономическія начала естественно находятъ себѣ болѣе удобную почву. Отношенія личныя также не остались совершенно внѣ вліянія этихъ началъ, доказательствомъ чего служитъ выборъ въ хозяева самаго способнаго къ наживѣ изъ членовъ семьи, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Но вообще надо сказать, что личныя отношенія членовъ семьи сильнѣе подчинены господству родовыхъ, патріархальныхъ началъ, чѣмъ отношенія имущественныя. Откуда-же взялись эти экономическія начала, медленно подтачивающія основы патріархальныхъ порядковъ?

Увы, не какимъ-либо идеальнымъ свойствамъ русской натуры, не чувству уваженія къ труду, будто-бы спеціально-

свойственному нашему крестьянину, должно приписать это явленіе: причина его въ крайне тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, которыми обставлена жизнь нашего крестьянства, въ той упорной вѣковой борьбѣ за существованіе, которую оно должно вести съ природой и себѣ подобными, вести подъ страшнымъ гнетомъ физическихъ и общественныхъ преградъ. Въ этой борьбѣ изъ-за куска хлѣба народъ утратилъ много изъ такъ-называемыхъ патріархальныхъ добродѣтелей, не замѣнивъ ничѣмъ потеряннаго; въ этой борьбѣ погибло много изъ того, что составляетъ поэзію въ міросозерцаніи первобытныхъ народовъ, которою дышутъ пѣсни всѣхъ патріархальныхъ славянскихъ народовъ,—все это потеряно великорусскимъ народомъ въ погонѣ за кускомъ хлѣба, за наживой. Потеря велика; но за то цѣлостность патріархальнаго міровоззрѣнія разрушена. Въ него закрался новый элементъ, прямо ему враждебный; личность начинаетъ сознавать себя, какъ нѣчто самостоятельное. Если въ сознаваніе человѣка вкрадывается мысль, что несправедливо отдавать преимущество происхожденію, зависящему единственно отъ слѣпого случая, передъ личными заслугами и достоинствами, въ значительной степени зависящими отъ самого человѣка,—это уже большой шагъ впередъ. Великорусская семья сдѣлала этотъ шагъ, оставивъ позади себя задругу, вращающуюся въ заколдованномъ кругу исключительно родовыхъ отношеній и понятій. Такимъ образомъ, великорусскую семью такого рода можно разсматривать по сравненію съ задругой, какъ форму прогрессивную.

Примѣромъ того, какъ рѣзко проявляются иногда въ жизни нашего крестьянства экономическія начала, можетъ служить одинъ видъ семьи: это, такъ сказать, семья фиктивная. Особенность ея въ томъ, что она состоитъ изъ лицъ, вовсе не связанныхъ между собою родствомъ, совершенно постороннихъ. Баронъ Гакстгаузенъ, который обратилъ вниманіе и на семейное устройство у русскихъ крестьянъ, такъ описываетъ одну такую семью, замѣченную имъ въ селеніи Ярославской губерніи: „Главой семейства былъ бездѣтный старикъ, уже болѣе двадцати лѣтъ лишившійся жены, а большухой—вдова, его дальняя родственница, имѣвшая пятнадцатилѣтнюю дочь; мужъ покойной дочери большухи былъ

женатъ въ другой разъ, и онъ-то съ своей женой и съ пятью дѣтьми исполнялъ главныя обязанности по хозяйству". Но въ этой семьѣ все-таки есть нѣкоторая родственная связь, хотя, очевидно, не она сплачиваетъ эту семейную ассоціацію, а экономическій разсчетъ. Мнѣ случалось видѣть семьи еще болѣе удивительныя. Напр., бездѣтный крестьянинъ приглашаетъ къ себѣ на житье женатаго крестьянина изъ большой семьи. Этотъ крестьянинъ умираетъ, остается его бездѣтная жена, которую старикъ выдаетъ снова замужъ, принимая ея мужа опять къ себѣ въ домъ, какъ-бы зятя къ дочери. У этой четы опять нѣтъ дѣтей, онъ беретъ чужую дѣвушку вмѣсто дочери и выдаетъ замужъ, въ свою очередь, принимая въ домъ ея мужа. Такимъ образомъ, оказывается, что въ одномъ домѣ живутъ три поколѣнія чужихъ: старикъ, замѣняющій дѣда, первая чета—второе поколѣе, и вторая чета—третье. И живутъ они себѣ не лучше и не хуже другихъ семей чисто-кровныхъ, и никто не удивляется такой странной семьѣ, такъ какъ она вовсе не рѣдкость въ крестьянствѣ. Такой союзъ людей, конечно, вынуждается экономической необходимостью, но отчего принимаетъ онъ не форму свободной ассоціаціи, а рѣшительно не соотвѣтствующую ему форму семьи? Вѣроятно, отъ того, что крестьяне, находясь подъ вліяніемъ родовыхъ понятій, только съ союзомъ, имѣющимъ видъ семейный, кровный, соединяютъ понятіе о прочности, гарантирующей цѣлость такого союза и исполненіе членами ихъ взаимныхъ обязательствъ.

Но если задруга, форма цѣльная, не можетъ болѣе сопротивляться духу времени и распадается, тѣмъ менѣе устойчивой должна быть старая великорусская семья, въ самой себѣ носящая зародыши своего разложенія. Законъ старается искуственно задержать великорусскую семью, какъ задерживаетъ онъ и сербскую задругу; но что значитъ сила закона передъ естественною силою вещей? Большая семья крѣпко держится лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя болѣе замкнуты отъ внѣшнихъ вліяній; лишь только проникнутъ туда какимъ-нибудь образомъ эти вліянія, семья начинаетъ дѣлиться съ неудержимою силою. Особенно гибельны оказываются для большой семьи отхожіе промыслы, и на это есть двѣ причины: во-первыхъ, крестьянинъ, знакомясь во время пре-

-быванія въ чужихъ мѣстахъ съ иными порядками, инымъ семейнымъ устройствомъ, начинаетъ сильнѣе сознавать недостатки своихъ домашнихъ порядковъ; во-вторыхъ, большіе заработки на отхожихъ промыслахъ пробуждаютъ въ крестьянинѣ эгоистическое стремленіе не вносить заработаннаго въ общее семейное имущество, гдѣ это заработанное перестаетъ уже быть его частной собственностью, а пользоваться имъ самому, отдѣльно. Подобнымъ сепаративнымъ стремленіямъ трудно пробудиться между членами семьи, которые остаются дома и занимаются земледѣліемъ, гдѣ удача гораздо меньше зависитъ отъ личныхъ качествъ работника. Вообще, земледѣльческія занятія болѣе, чѣмъ промышленныя, благопріятствуютъ существованію какъ задруги, такъ и великорусской семьи. Въ земледѣльческихъ частяхъ Архангельской губ., напр., большая семья еще сохранилась, между тѣмъ, какъ въ промышленныхъ—ея почти вовсе нѣтъ: родъ занятій есть одна изъ главныхъ, хотя, конечно, не единственныхъ причинъ, обусловливающихъ склонность народа къ той или другой формѣ семейнаго устройства, къ большой или малой семьѣ.

Малой семьѣ принадлежитъ будущее. Уже и теперь она въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершенно вытѣснила большую или составляетъ преобладающую форму. Распространяется она чрезвычайно быстро: тамъ, гдѣ еще недавно, на памяти старыхъ людей, господствовала большая семья, теперь уже ея почти нѣтъ. Надо думать, что съ развитіемъ промышленности, съ уничтоженіемъ остатковъ крѣпостного права и съ новыми экономическими условіями великорусская большая семья скоро совершенно исчезнетъ или будетъ попадаться только какъ рѣдкое исключеніе.

Крестьянская малая семья, по своей внѣшности, совершенно тожественна съ общеизвѣстною формою семьи, принятой всѣми цивилизованными народами; но одинаковый внѣшній видъ прикрываетъ, въ данномъ случаѣ, различное содержаніе, и наша крестьянская малая семья представляетъ нѣкоторое различіе даже съ семьей другихъ сословій русскаго народа. Образовавшись непосредственно изъ большой семьи, она унаслѣдовала многія ея понятія и принципы; но они, сформировавшись въ новую форму, естественно нѣсколько

видоизмѣнялись. Этотъ-то процессъ взаимодѣйствія старыхъ началъ и новой формы и производитъ особенности, отличающія крестьянскую малую семью, какъ отъ большой крестьянской семьи, такъ и отъ семьи другихъ сословій. Ниже, разсматривая отношенія между супругами въ крестьянской малой семьѣ, мы увидимъ, въ чемъ заключаются эти особенности.

II. КРЕСТЬЯНСКАЯ ЖЕНЩИНА.

Такъ развивались и измѣнялись тѣ рамки семейнаго устройства, въ которыя укладывалась жизнь женщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялось, конечно, и ея положеніе, но измѣнялось гораздо меньше, чѣмъ можно было-бы предположить, судя по перемѣнамъ во всемъ остальномъ. Великорусская большая семья, по отношенію къ женщинѣ, усвоила почти цѣликомъ патріархальныя понятія задруги; малая-же семья многое заимствовала у большой. Такимъ образомъ, даже въ малой крестьянской семьѣ положеніе женщины въ значительной степени опредѣляется понятіями, вынесенными изъ родового быта.

Каково-же положеніе женщины при господствѣ родовыхъ понятій? Каждый знаетъ, насколько оно не завидно у славянскихъ народовъ, сохранившихъ патріархальные порядки. Обратимся къ фактамъ, которые будемъ брать какъ изъ жизни задруги, такъ и великорусской семьи: обѣ эти формы, какъ увидимъ ниже, не отличаются существенно ничѣмъ по отношенію къ женщинѣ, такъ-какъ экономическія начала великорусской семьи обходятъ женщину, которая почти никогда не бываетъ пріобрѣтателемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Какое-же мѣсто занимаетъ женщина въ родовой семьѣ?

Если она дѣвушка,—ея назначеніе, весь смыслъ ея существованія заключается въ томъ, чтобы уйти изъ своей семьи въ чужую, выйти замужъ. Если она замужняя, взята, значитъ, изъ чужой семьи, она привязана къ настоящей семьѣ только своимъ мужемъ: умри онъ, она можетъ возвратиться назадъ въ свой родъ, но, можетъ, конечно, и остаться въ родѣ своего мужа, въ томъ и другомъ случаѣ, чтобъ работать, сколько есть силъ и за то получать содержаніе.

Значитъ, прежде всего въ положеніи женщины нѣтъ прочности, нѣтъ органическихъ узъ, которыя связывали бы ее съ семьей, и это одна изъ причинъ, почему женщина занимаетъ въ родовой семьѣ послѣднее мѣсто. Все ея значеніе въ подобной семьѣ заключается въ томъ, что она должна исполнять всевозможныя работы по хозяйству и доставлять роду новыхъ членовъ, главнымъ образомъ, сыновей, какъ настоящихъ его представителей; дѣвочки только допускаются, какъ необходимое зло. Если у черногорца родится сынъ, объ этомъ радостномъ событіи даютъ знать ружейными выстрѣлами; появленіе дѣвочки, разумѣется, никто не думаетъ салютовать—никто не радуется ей.

Что родовые порядки не признаютъ за женщиной никакого человѣческаго достоинства,—показываютъ самые обычаи, обусловливающіе заключеніе брачнаго союза. Въ старину, при отсутствіи центральной государственной власти или ея слабости, при распряхъ между родами, которые тогда были естественно сильнѣе и значительнѣе, чѣмъ теперь, такъ-какъ только въ родовомъ союзѣ личность находила защиту отъ произвола и насилія, въ то время славяне добывали себѣ женъ похищеніемъ. Распространяться на эту тему нѣтъ необходимости, такъ какъ объ этомъ довольно было говорено историками. Скажемъ только, что у морлаковъ до сихъ поръ сохранилось обрядовое похищеніе невѣстъ. Когда водворились болѣе мирные порядки, такой способъ заключенія брачныхъ союзовъ со всѣми его неудобными послѣдствіями сдѣлался неумѣстнымъ. Его смѣнила покупка женъ, которая и до сихъ поръ держится почти у всѣхъ славянскихъ племенъ. У однихъ она сохранилась въ полной силѣ, у другихъ, болѣе развитыхъ, держатся слѣды ея въ свадебныхъ обрядахъ, слѣды, настолько ясные, что по нимъ можно заключить, какъ недавно еще пошатнулась эта форма совершенія брачныхъ союзовъ. Есть писатели, и между прочимъ г. Богишичъ, которые во что-бы то ни стало желаютъ прикрыть рѣзкую наготу того факта, что славяне до сихъ поръ стоятъ на ступени развитія, допускающей покупку женъ, и объясняютъ этотъ дикій обычай то такъ, то иначе, то турецкимъ, то финскимъ, то татарскимъ и Богъ знаетъ еще какимъ вліяніемъ. Страненъ—этотъ квасной патріо-

тизмъ! Поможетъ-ли дѣлу то, что мы будемъ всякими возможными и невозможными средствами доказывать, что славянскому племени присуще, предпочтительно передъ всякими другими племенами высокое уваженіе къ женщинѣ, что славянка всегда пользовалась большею свободой сравнительно съ женщинами другихъ народовъ; потомъ, видите-ли, какъ-то затерлись эти высокія свойства славянской натуры, которая, вѣроятно, по своей мягкости отпечатлѣла на себѣ всѣ шероховатости и угловатости другихъ народовъ, приходившихъ съ нею въ соприкосновеніе. А тамъ, ужъ, конечно, сброситъ она съ себя эти внѣшнія шероховатости и воспрянетъ во всемъ блескѣ своихъ прекрасныхъ природныхъ свойствъ. И эти quasi-патріотическія и ученыя галлюцинаціи выдаются за историческіе факты.

Въ своемъ первобытномъ неподкрашенномъ видѣ обычай покупки невѣстъ сохранился въ Славоніи, Далмаціи, Черногоріи, княжествѣ Сербіи, въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ. Въ началѣ нынѣшняго вѣка въ княжествѣ Сербіи произошелъ интересный экономическій феноменъ: спросъ на невѣстъ превысилъ предложеніе. Такъ-какъ невѣсты—такой товаръ, количество котораго не можетъ быть увеличиваемо по произволу, и цѣнность котораго, слѣдовательно, всегда опредѣляется уравненіемъ запроса и удовлетворенія, то явился естественный результатъ такого положенія вещей—цѣнность невѣстъ поднялась. Невѣсты такъ вздорожали, что бѣдному человѣку стало рѣшительно не по средствамъ покупать этотъ необходимый товаръ. Тогдашній сербскій князь Георгій Черный сжалился надъ бѣдными людьми и издалъ законъ, опредѣлявшій таксу на невѣстъ, — не больше дуката за штуку. Очевидно, храбрый князь нисколько не зналъ политической экономіи, а то не издалъ бы такого закона въ виду его совершенной безполезности передъ естественными законами вещей. Впрочемъ, намъ неизвѣстны практическіе результаты этой экономической мѣры.

Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ цѣна на невѣстъ опредѣляется обычаемъ, стѣсняющимъ проявленія свободной конкурренціи. Въ Далмаціи за дѣвушку платится отъ десяти до двѣнадцати золотыхъ дукатовъ. Въ Славоніи плата распредѣляется слѣдующимъ образомъ между членами задруги, изъ

которой продается въ замужество дѣвушка: старѣйшинѣ дается 12 флориновъ, отцу дѣвушки 19, матери 2, каждому изъ братьевъ по 6, остальнымъ членамъ задруги по 7. Въ Великороссіи во многихъ мѣстахъ сохранился обычай платы за невѣсту, только, къ сожалѣнію, мы мало имѣемъ подъ рукой фактовъ. Въ Мыщевскомъ уѣздѣ Калужской губерніи родители невѣсты уговариваются о томъ, сколько денегъ женихъ долженъ заплатить за невѣсту и останавливаются обыкновенно на суммѣ отъ 55 — 70 рублей, если позволяютъ средства; тоже въ Малоярославскомъ, Мосальскомъ и Тарусскомъ уѣздахъ. Въ Лукоянскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи и въ другихъ мѣстахъ той же губерніи отецъ невѣсты уговаривается съ отцомъ жениха на счетъ того, сколько женихъ долженъ заплатить деньгами и одеждой. Въ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи плата за дѣвушку бываетъ 20, 30 и 40 рублей и болѣе, смотря по средствамъ. Въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи отецъ жениха платитъ за невѣсту для сына 3—30 рублей и т. д. Если не ошибаемся, тоже и въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской губерніи и въ особенности въ Нерехтѣ, по словамъ Терещенки, не только бѣдные, но и богатые поселяне считаютъ за безчестье отдать дочь даромъ. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ больше чести для дѣвушки, и о величинѣ платы тотчасъ провозглашается по всей деревнѣ. Въ Усть-Цильмѣ, Архангельской губерніи, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ этой губерніи самымъ безцеремоннымъ образомъ рядятся о цѣнѣ невѣсты. Обряды при этомъ совершенно тѣ же, что и при всякой куплѣ-продажѣ: бьютъ другъ друга по рукамъ, запиваютъ, передаютъ изъ полы въ полу, какъ и всякій другой товаръ. Въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ степныхъ губерніяхъ плата за невѣсту опредѣляется простою конкурренціею: кто больше дастъ кладки (такъ называется плата за невѣсту), за тѣмъ и остается дѣвушка. Если ужъ ей черезчуръ противенъ покажется ея суженый и она, паче чаянія, заявитъ какой-либо протестъ, то ее выталкиваютъ просто-на-просто въ шею къ сватамъ, отъ которыхъ она, для соблюденія формальности, обязана принять паляницу, выталкиваютъ подъ угрозою жестокаго наказанія за непослушаніе. Семья такъ твердо вѣ-

ритъ въ непреложность своихъ правъ на личность дѣвушки, что ни слезы несчастной, ни угрозы ея сжить себя со свѣту не имѣютъ никакого вліянія на рѣшеніе. Сдѣлка заключена, деньги получены; чего-же еще? Вѣдь и корова, которую ведутъ со двора, можетъ заортачиться въ воротахъ, такъ неужто-жь нарушать изъ-за этого сдѣлку? И, странное дѣло, этотъ дикій обычай, вмѣсто того, чтобъ ослабѣвать, распространяется въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ его прежде вовсе не было; напримѣръ, въ Казанской губерніи, между бывшими крѣпостными, возникъ этотъ обычай послѣ освобожденія. Въ замѣткахъ одного мироваго судьи встрѣчаемъ мы слѣдующее любопытное мѣсто, передающее собственныя мнѣнія крестьянъ объ этомъ предметѣ. „Теперь пошло заведеніе на кладку, это какъ лошадь продаютъ, торгуются, какъ хорошіе цыгане, съ недѣлю торгуются, разъ-другой изъ избы-то выдутъ, да помаленьку, по гривенкѣ сбавляютъ, а женихъ-то зачастую и не видитъ невѣсты. Одинъ у насъ эдакимъ манеромъ взялъ чистую дуру: загнетъ палецъ въ ротъ, да и сосетъ. Прежде безъ кладки отдавали, да лучше было; я самъ въ бѣленькой рубашкѣ женился, а нынѣ все красныя рубахи пошли, а кладки менѣе 25 или 50 рублей и не думай. Мы своего женили, такъ одной кладки 75 р. отдали, да шелки, да кумачи—сотъ семь уложили на разные подарки и угощенья: одно раззоренье и грѣхъ! Сейчасъ и говоритъ свекровь-ли, деверь-ли: „ты и сама того не стоишь, что мы за тебя заплатили“ и дальше и больше—словомъ-то ей въ лобъ, да въ лобъ, глядишь и до святыхъ волосъ дошло, а тутъ и къ мировому приспѣло.(„Вѣсти. Европы“ 1872 г., №2, ст. „Современная глушь“).

Мы привели тѣ изъ извѣстныхъ намъ фактовъ, гдѣ обычай покупки невѣстъ сохранился еще въ своей почти первобытной прелести. Но можно сказать положительно, что едвали есть хотя одна мѣстность въ славянскихъ земляхъ, гдѣ, въ свадебныхъ обрядахъ, не сохранились-бы болѣе или менѣе рѣзкіе слѣды, остатки этого обычая. Какое другое значеніе могутъ имѣть всѣ эти дары и выкупы, которые женихъ долженъ давать то за косу невѣсты, то за приданое, за сундуки съ имуществомъ невѣсты и т. п.: въ какомъ-бы-то ни было видѣ, а женихъ непремѣнно долженъ поплатиться, и это господствующій обычай, какъ въ нашихъ русскихъ

крестьянскихъ свадьбахъ, такъ и въ свадьбахъ прочихъ славянъ.

Въ Болгаріи, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прямо опредѣляется, за что именно идетъ плата на этотъ разъ въ видѣ цѣннаго подарка, дѣлаемаго невѣстѣ передъ вѣнчаніемъ: это цѣна дѣвичества. Не только женщина получаетъ такую плату, но и мужчина въ нѣкоторыхъ случаяхъ; напр., если вдова выходитъ замужъ за юношу, то должна подарить ему что-нибудь.

Изъ всего приведеннаго выше прямо вытекаетъ заключеніе, что въ нравахъ славянскихъ племенъ нѣтъ никакого особеннаго уваженія къ женщинѣ, къ ея человѣческому достоинству. Въ цивилизованномъ обществѣ возможно покупать женщину и толковать въ то-же время объ уваженіи къ ней; но такія первобытныя общества, какъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, руководствуются вполнѣ своими непосредственными естественными чувствами, и не доходятъ до такихъ тонкостей, посредствомъ которыхъ совмѣщаются вещи несовмѣстимыя. И, разумѣется, морлакъ, который обращается съ своей женой, какъ съ существомъ низшей породы, какъ съ животнымъ, поступаетъ искреннѣе и логичнѣе чѣмъ какой-нибудь цивилизованный человѣкъ, покупающій женское тѣло, и въ то же время проповѣдующій прекрасныя вещи о правахъ женщины и т. п.

Да, надо быть очень развращеннымъ, чтобъ уважать то, что можно купить, чтобъ уважать человѣческое достоинство въ товарѣ, въ вещи, которую всегда можно получить въ обмѣнъ за извѣстную сумму денегъ или вещей. Славянинъ, человѣкъ вовсе не хитроумный, прямо и просто смотритъ на дѣло. Купилъ, ну и значитъ властенъ дѣлать, что хочу: хочу съ кашей ѣмъ, хочу съ масломъ пахтаю. А то еще захотѣли какого-то уваженія.

Изъ всѣхъ юго-западныхъ славянъ черногорцы наиболѣе сохранили свою первобытную непосредственность; остатки родового быта у нихъ рѣзче, чѣмъ у другихъ славянскихъ племенъ,—и женщины въ Черногоріи пользуются меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ гдѣ-либо. Трудно представить себѣ болѣе униженное положеніе. Если черногорка идетъ и увидитъ, что какой-нибудь мужчина хочетъ перейти черезъ ея дорогу,

она должна остановиться и ожидать, пока онъ пройдетъ: она не смѣетъ пройти раньше. Когда мужчина идетъ мимо нея, она должна подойти къ нему, поклониться, поцѣловать его руку, затѣмъ уже идти дальше. Если мужчины приходятъ въ домъ, женщина должна ихъ привѣтствовать, цѣлуя имъ руки. Вотъ еще одинъ очень хактеристическій обычай, существующій у черногорцевъ, далматинскихъ морлаковъ, хорватъ и прочихъ сербскихъ племенъ. Если мужу приведется заговорить о женѣ, то онъ употребляетъ при этомъ оговорку: „da prostite", т.-е. извиняется въ томъ, что завелъ рѣчь о такомъ пошломъ предметѣ. Вукъ Караджичъ, извѣстный собиратель сербскихъ пѣсенъ и проф. Богишичъ объясняютъ этотъ обычай стыдливостью поселянина, которому при словѣ жена приходитъ въ голову мысль о его тайныхъ отношеніяхъ къ ней. Объясненіе нѣсколько натянутое: странно предполагать щекотливость, развитую до такихъ неестественныхъ размѣровъ въ обществѣ, допускающемъ покупку невѣстъ, плату за дѣвичество и пр. Но пусть это объясненіе будетъ и справедливо; все-таки какъ долженъ мужъ относиться къ женѣ, если онъ стыдится даже и говорить объ ней прямо, безъ оговорокъ?

Изъ соображеній, изложенныхъ выше, о сущности устройства родовой семьи, а также и изъ того взгляда, какой въ ней мужчина имѣетъ на женщину, вытекаетъ само собой, что роль женщины въ такой семьѣ должна быть крайне незавидна. Правда, женщина есть членъ рода, такъ-же какъ членъ *ея* всякій ребенокъ, только-что явившійся на свѣтъ, какъ членомъ его считается и слуга и служанка. Но женщина не можетъ быть полноправнымъ членомъ, какъ мужчина, не можетъ имѣть никакого голоса въ дѣлахъ управленія семьей, Она должна только работать, работать и работать. Всякій мужчина въ семьѣ старше ея. Въ задругѣ она не смѣетъ даже сѣсть за трапезу вмѣстѣ съ мужчинами, а должна прислуживать имъ. Изъ этого, въ высшей степени подчиненнаго и зависимаго, почти рабскаго положенія женщины естественно слѣдуетъ, что она должна быть обременена работой. Станетъ-ли высшій работать, если имѣетъ возможность передать трудъ низшему? И дѣйствительно вездѣ, какъ

въ задругѣ, такъ и въ великорусской семьѣ, женщина работаетъ едва-ли не больше мужчины, работаетъ, сколько позволяютъ ей выносить ея физическія силы. Въ княжествѣ Сербіи, по словамъ Миличевича, писавшаго о сербской задругѣ, трудно представить себѣ, сколько разнообразныхъ обязанностей лежитъ на женщинѣ, что за каторжная жизнь ея въ семьѣ! Она няньчится съ дѣтьми, одѣваетъ съ головы до ногъ себя, своего мужа и своихъ дѣтей, а иногда и нѣкоторыхъ изъ остальныхъ членовъ задруги; коноплю для одежды она также должна выростить и обработать сама. Она готовитъ пищу и на своихъ плечахъ относитъ ее работающимъ на полѣ, иногда очень далеко. Наблюдать за скотомъ, кормить и поить его, доить, дѣлать масло, сыръ, носить воду, дрова — все это ея дѣло; да мало-ли еще какихъ найдется домашнихъ работъ. Часто женщины помогаютъ мужчинамъ и въ работахъ, считающихся спеціально мужскими, напр. полевыхъ, иногда даже вполнѣ замѣняютъ мужчину въ этихъ работахъ. Но мужчина никогда ни въ чемъ не замѣнитъ женщину, если-бы она даже была больна, считая женскую работу унизительною для себя.

Въ Черногоріи, Герцеговинѣ, Босніи и Сербіи, какъ и въ Великороссіи, женщина не измѣняетъ образа жизни, даже когда бываетъ беременна. Случается нерѣдко, что гдѣ-нибудь, напр., въ лѣсу, куда она идетъ рубить дрова, почувствуетъ она муки родовъ, тутъ-же рожаетъ безъ всякой посторонней помощи и относитъ ребенка домой. Сколько разсказовъ слыхали мы и въ Архангельской губерніи, какъ женщины родятъ или на полѣ и на пожнѣ, такъ-какъ имъ некогда лежать въ горячую страдную пору, или въ лѣсу, куда идутъ за ягодами и грибами, стараясь сдѣлать запасъ провизіи на зиму.

Въ Черногоріи у мужчинъ такъ развито сознаніе своего превосходства и господства надъ женщиной и вытекающаго изъ этого сознанія права возлагать на женщину наиболѣе тяжелыя работы, что тамъ не рѣдкость видѣть такую картину: жена, обремененная тяжелою ношей, едва идетъ по скаламъ и горамъ, а мужъ слѣдуетъ за ней налегкѣ, съ ружьемъ за плечами и съ чубукомъ въ рукѣ. Вотъ картина, хорошо характеризующая отношеніе мужчины къ женщинѣ у славянскихъ племенъ.

Извѣстная чешская писательница Божена Нѣмцова гово-

ритъ о словакахъ, живущихъ въ Венгріи, что и у нихъ женщина обременена работой. Словачки гораздо больше работаютъ, чѣмъ ихъ сосѣдки мадьярки. Вотъ тутъ и говорите о вредномъ вліяніи финскаго элемента на мягкіе и кроткіе нравы славянъ: извѣстно, что венгры—одна изъ отраслей финскаго племени.

Излишне, кажется, даже и говорить о томъ, что вездѣ женщины обязаны безпрекословно повиноваться мужчинамъ. Такъ-то

Вѣка протекали, все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю славянки...

Изъ всѣхъ положеній женщины въ задругѣ есть одно, которое, повидимому, даетъ ей большія преимущества: это положеніе старшей, въ великорусской семьѣ большухи. Но въ чемъ-же ея власть? Она распоряжается женщинами, распредѣляетъ между ними работу, держитъ ключи отъ кладовыхъ и амбаровъ и вообще наблюдаетъ за домашнимъ хозяйствомъ. Несмотря однако на всю свою видимую власть и значеніе, она, по отношенію къ семьѣ, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ женщинъ. Она не можетъ принимать участія въ управленіи общими дѣлами, между тѣмъ какъ право на такое участіе имѣетъ каждый мужчина, достигшій совершеннолѣтія; она все-таки считается ниже всякаго совершеннолѣтняго.

Затѣмъ положеніе остальныхъ женщинъ разнится очень мало, почти не разнится по тягости обязанностей, возлагаемыхъ на каждую изъ нихъ, и по равенству или, вѣрнѣе, отсутствію всякихъ правъ, кромѣ права быть накормленной и одѣтой. Дѣвушкѣ въ своей родной семьѣ почти не лучше, чѣмъ и чужой, взятой замужъ въ ту-же семью. Правда, родители дѣвушки, особенно мать, по естественному чувству родительской любви, стараются дѣлать, что могутъ, для дочери; но на первомъ планѣ стоитъ родъ, а для него дѣвушка не дочь, а такой-же членъ, какъ и другіе. Поэтому на дѣвушкѣ, какъ и на замужней лежатъ тягости общей семейной работы. У ней нѣтъ мужа и дѣтей, которыхъ она должна одѣвать, ей поручаютъ брата или, вообще кого-либо, неуспѣвшаго обзавестись женой.

А кромѣ того у нея есть большая дума и забота. Она знаетъ, что не нынѣ-завтра придетъ и ея очередь быть проданной въ чужой родъ (дѣвушки и въ задругѣ, и въ великорусской семьѣ отдаются замужъ поочередно), идти-же съ пустыми руками въ чужой домъ ей нельзя. Надо напрясть, наткать себѣ приданаго, чтобъ видѣли будущіе ея родные, что она съумѣетъ исполнять, какъ слѣдуетъ, свои обязанности, будетъ одѣвать мужа и дѣтей; да и для себя надо заготовить побольше одежды, а тамъ въ чужомъ домѣ, уже некогда будетъ о себѣ заботиться: и безъ того найдется много дѣла. При свадьбѣ-же приведется одаривать будущую родню, чтобъ глядѣла ласковѣе, какъ придетъ она невѣсткою, а на подарки надо заработать средства. Дѣвическая жизнь коротка, а сдѣлать надо много. Одной дѣвушкѣ никакъ не управиться, и мать, разумѣется, помогаетъ ей чѣмъ можетъ, и тайно, и явно тянетъ въ ея сторону. Задруга не мѣшаетъ дѣвушкѣ работать на себя, такъ какъ сознаетъ, что не хорошо отпустить своего члена въ чужую семью безъ приличнаго приданаго, отъ этого страдала-бы ея гордость. Не только не мѣшаетъ задруга дѣвушкѣ, но даже помогаетъ ей заработать что-либо въ ея частную пользу. Такъ въ иныхъ мѣстахъ назначаются для дѣвушекъ дни, когда онѣ могутъ сбирать плоды изъ общихъ задружныхъ садовъ, и собранные плоды дѣвушки относятъ на продажу въ городъ; въ другихъ мѣстахъ онѣ носятъ на продажу дрова. Иногда дѣвушки на свой счетъ, разводятъ шелковичныхъ червей, или имѣютъ свой собственный огородецъ: также могутъ ткать, прясть, вязать, шить на сторону. Заработки дѣвушки, конечно, обращаются въ приданое. При выходѣ дѣвушки замужъ семья пополняетъ, если у ней чего недостаетъ изъ приданаго, и беретъ на себя свадебные издержки. Но затѣмъ дѣвушка выходитъ замужъ, и всѣ ея разсчеты съ родною семьей кончены. Она уже чужая, членъ чужого рода, и ни на что не можетъ болѣе расчитывать отъ своего рода. Пусть умрутъ ея родители, пусть распадется—раздѣлится родная семья, она не больше можетъ надѣяться на участіе въ наслѣдствѣ, какъ всякое постороннее лицо. Единственный случай, когда-бы могло къ ней перейти имущество ея родныхъ это, еслибъ вымерли всѣ до одного члена семьи, какъ мужескаго пола, такъ и женскаго.

Нельзя сказать, чтобъ для женщины невозможенъ былъ возвратъ въ родную семью. Еслибъ у ней умеръ мужъ и не осталось дѣтей, то она можетъ возвратиться домой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при свадьбѣ пересчитывается все приданое невѣсты передъ свекромъ и свекровью, чтобъ она могла принести его въ цѣлости, если случится ей возвратиться назадъ. Значитъ, женщина иногда и пользуется правомъ возврата, но рѣдко. Въ родной семьѣ она потеряла свое естественное мѣсто, и возвращайся—не возвращайся, и какъ ни дурно ей въ семьѣ мужа, не лучше будетъ и въ своей родной. Положеніе вдовы самое жалкое, дѣвушка все-же имѣетъ естественныхъ покровителей въ родителяхъ, замужняя въ мужѣ; вдовѣ-же не откуда ждать ни защиты, ни помощи.

Теперь посмотримъ, каково-же положеніе въ родовой семьѣ замужней женщины, положеніе, къ которому служитъ подготовленіемъ вся жизнь дѣвушки. Положеніе замужней женщины опредѣляется, во-первыхъ, отношеніями ея къ роду, во-вторыхъ, отношеніями къ собственной ея семьѣ, къ мужу.

По отношенію къ роду, какъ въ задругѣ, такъ и въ великорусской семьѣ, замужняя женщина прежде всего невѣстка, сноха. Кто знакомъ сколько-нибудь съ народной жизнью, съ народной поэзіей, у того слово „невѣстка“ всегда вызоветъ цѣлый рядъ представленій, гнетущихъ душу. Чужая дальняя сторона, которая всюду горемъ посѣяна, и печалью загорожена, и слезами поливана, и тоскою покрывана, что тоскою-кручиною „лютый свекоръ со свекровью,“ что медвѣдь со медвѣдицей, „лихія золовки“ — все это въ сознаніи народа, выражаемомъ его поэзіей, неразрывно связано съ понятіемъ „невѣстки“.

А жiночкамъ та нема волi:
У за пiчку та воркунъ ворчить,
У колысцi та дитя кричить,
Пiдъ порогомъ та свиня хрючить,
А у печi та горщокъ бiжить.
Дитя каже, „Похитай мене!“
Горщокъ каже, „Помiшай мене!“
Свиня каже, „Погодуй мене!“
Воркунъ каже, „Поцiлуй мене!“

У малороссовъ Волынской губерніи есть одна характерная поговорка: „А хто воды принесе? Невістка. А кого бьютъ? Невістку. А за що бьютъ? За то, що невістка“.

Можно было-бы привести цѣлую массу народныхъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, показывающихъ отношенія, существующія между родовой семьей и чужой женщиной, вошедшихъ въ нее въ качествѣ невѣстки.

Вся тяжесть домашнихъ работъ, о которыхъ было говорено выше, лежитъ главнымъ образомъ на замужнихъ женщинахъ, т. е. на невѣсткахъ. Онѣ должны работать и на родъ, и на свою семью. Что касается ихъ обязанностей по отношенію къ роду, то между ними существуетъ строгое раздѣленіе труда, основанное на извѣстныхъ правилахъ, освященныхъ временемъ и получившихъ силу закона. Положимъ въ семьѣ 5—10 замужнихъ женщинъ. Каждая изъ нихъ должна въ свою очередь, въ опредѣленномъ порядкѣ, наблюдать годъ за скотомъ, сбирать молоко, приготовлять масло и пр. Это въ княжествѣ Сербіи. Въ великорусской семьѣ бываетъ, что къ скоту приставляется та изъ невѣстокъ, которая отличается большей физической силой и не годится на другія работы; въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ старшимъ отецъ свекоръ, онъ можетъ приставить къ скоту, какъ къ работѣ болѣе трудной и непріятной, ту невѣстку, къ которой меньше расположенъ. Остальныя женщины должны поочереди исполнять всѣ дѣла по кухнѣ, *обряжаться*, т. е. мѣсить хлѣбъ, стряпать кушанье и носить его работающимъ на полѣ. Каждая изъ женщинъ обряжается по-недѣльно, съ утра понедѣльника до вечера слѣдующаго воскресенья. Изъ невѣстокъ освобождается отъ обязанности обряжаться только та, которая еще первый годъ замужемъ, да и то не во всѣхъ семьяхъ, а только въ тѣхъ, гдѣ между членами господствуетъ согласіе и любовь. Въ большихъ задругахъ, если невѣстка обряжается, то она не обязана идти на полевую работу, въ малыхъ это не соблюдается.

Кромѣ обычныхъ работъ по общему хозяйству каждая замужняя женщина должна еще работать на свою семью. А работы и на свою семью очень немало: ей надо съ головы до ногъ одѣвать мужа и дѣтей, а то еще дадутъ одѣвать свекра или неженатаго деверя или какого-нибудь другого

члена семьи изъ холостыхъ. Даже матеріалы для одежды она отчасти должна сама припасти. Напр., какъ у задруги, такъ и у великорусской семьи бываетъ общій коноплянникъ, который орется общимъ плугомъ. Затѣмъ каждому изъ отдѣловъ семьи, который одѣваетъ одна женщина, отдѣляется часть коноплянника. Участокъ этотъ поступаетъ въ распоряженіе женщины и она должна его сама обработать, засѣять, взростить коноплю, сжать ее, отдѣлить часть сѣмянъ на посѣвъ слѣдующаго года, затѣмъ приготовить изъ растенія прядиво, соткать и сшить одежду.

Кромѣ работъ внутри дома на женщинъ возлагается значительная часть работъ, общихъ съ мужчинами, напр., полевыхъ. У малороссовъ, переселившихся въ степныя юговосточныя губерніи и принявшихъ, подъ вліяніемъ великороссовъ, большую семью, хотя, вообще малороссы не склонны къ этой формѣ, женщины обременены работой до невозности. „Лѣтомъ онѣ вовсе не живутъ дома, а постоянно кочуютъ въ степи, пася скотъ; при ягненіи овецъ цѣлыя ночи должны онѣ сидѣть на морозѣ, оберегая ягнятъ отъ собакъ. Кромѣ того, онѣ косятъ сѣно и жнутъ хлѣбъ, ѣздятъ по дрова. Женщины должны также ходить караулить хлѣбъ: и для этого онѣ отправляются верстъ за 5 въ хутора, часто оборванныя и голодныя, съ дѣтьми на рукахъ и съ люлькой, и тамъ, подъ палящимъ солнцемъ, просиживаютъ цѣлые дни. Нерѣдко случается, что то ту, то другую женщину привозятъ со степи заболѣвшею или даже мертвою“. Эти факты касаются лишь одной мѣстности, но они не лишены значенія для характеристики той тяготы, до которой доходитъ положеніе женщины въ родовой семьѣ.

Да нельзя даже приблизительно перечислить всего, что относится къ женскимъ обязанностямъ въ семьѣ. Мужчина оканчиваетъ свои работы и отдыхаетъ; для женщины, особенно замужней, нѣтъ отдыха. Тысячи мелкихъ, невидныхъ работъ напрашиваются, лѣзутъ въ глаза, держатъ ихъ въ состояніи постояннаго напряженія силъ, истощаютъ преждевременно ихъ здоровье, лишая всякой возможности отдохнуть, очнуться отъ этого безпрерывнаго, отупляющаго метанья изъ стороны въ сторону.

Изъ предъидущаго читатель могъ видѣть, какъ тяжела судьба славянской женщины въ ея семьѣ, какъ матери, какъ жены и какъ невѣстки. И такъ прошли для нея цѣлые вѣка подъ тяжестью непосильной работы, подъ давленіемъ семьи—рода, подъ кулакомъ деспота-мужа.

„Безпрекословно покорна и послушна своему мужу"—вотъ атестатъ, который можно выдать каждой изъ славянскихъ женщинъ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія; а свѣдѣнія, хоть короткія, но довольно выразительныя, есть почти о всѣхъ славянахъ, начиная съ Черногоріи, Далмаціи, т. е. съ береговъ Адріатическаго моря, до Сибири включительно, значитъ, до береговъ Охотскаго моря. „Жена не смѣетъ плавать по верху, она должна тонуть", говоритъ хорватъ. „Мужъ—глава жены и жена не можетъ имѣть своей воли, а должна исполнять волю мужа", думаетъ болгаринъ. „Худо мужу тому, у котораго жена большая въ дому", изрекаетъ великороссъ и т. д. Женщина, затупленная рабствомъ и тяжкимъ трудомъ, своимъ собственнымъ признаніемъ даетъ санкцію этимъ ненормальнымъ отношеніямъ. Нѣкто Рореръ (слова котораго приводятся въ книгѣ проф. Богишича) говоритъ, что одна русинская женщина, которая пришла къ нему жаловаться на то, что мужъ брата прибилъ ее, говорила по этому поводу: „Я знаю, что такое право, какъ и нашъ судья. Мой мужъ можетъ меня бить и долженъ, если я ему не противна и если онъ имѣетъ что-либо противъ меня. Но отъ его брата я никакъ не могу этого сносить: не онъ мой господинъ". Въ этихъ словахъ вылилось все profession de foi славянской женщины. Они показываютъ, какъ въѣлись въ ея плоть и кровь понятія о своей зависимости и подчиненности мужчинѣ, лишь-бы только она находилась къ нему въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Побои для нея не злоупотребленіе власти, а совершенно законное и естественное ея проявленіе, до такой степени естественное, что отсутствіе этого проявленія считается явленіемъ ненормальнымъ, нарушающимъ гармонію супружескихъ отношеній, и ближайшее объясненіе этого ненормальнаго явленія жена находитъ въ охлажденіи къ ней мужа. Вышеприведенныя слова русинской женщины служатъ лучшимъ подтвержденіемъ фак-

та, о которомъ свидѣтельствовали иностранцы, писавшіе о старинной Россіи,—факта, который подвергался сомнѣнію со стороны русскихъ писателей вслѣдствіе его кажущагося противорѣчія съ простымъ здравымъ смысломъ, именно, что русскія женщины считаютъ побои мужа доказательствомъ его любви. Но какимъ образомъ побои могли получить такое странное значеніе? Та-же русинка объяснила Рореру, что побои свидѣтельствуютъ о силѣ мужчины и его достоинствѣ: если онъ казнитъ, то, значитъ, можетъ и миловать, можетъ защитить жену отъ обидъ. Въ этихъ словахъ можно найти объясненіе первоначальныхъ причинъ, которыя создали настоящее положеніе женщины. Причины эти: физическая слабость женщины и вытекающая изъ слабости потребность въ защитѣ со стороны болѣе сильнаго физически. И мужья сознаютъ эту свою обязанность по отношенію къ женамъ. Хотя далматинскій морлакъ считаетъ себя несравненно выше жены и обходится съ нею деспотически, но никто посторонній не посмѣетъ ее обидѣть, кому мила жизнь.

Въ разныхъ мѣстахъ Россіи существуетъ пословица, которая какъ-будто намекаетъ на одно исключеніе изъ общаго закона, опредѣляющаго отношенія славянской женщины къ мужчинѣ. „Не въ Польшѣ жена, не больше меня", или „У насъ—не въ Польшѣ: мужъ жены больше", говоритъ задурившій крестьянинъ, если ему кажется, что жена имѣетъ кое-какія претензіи на значеніе и власть въ семьѣ. Значитъ-ли это, что польскій крестьянинъ иначе относится къ своей женѣ, чѣмъ русскій? Кажется, нѣтъ. Скорѣе эта пословица указываетъ на непріязненныя отношенія русскаго крестьянина къ поляку, воспитанныя нашей политической исторіей. Въ тѣхъ мѣстахъ Польши, о которыхъ есть свѣдѣнія, напр., въ Подляхіи, мужъ обращается съ женой такъ же, какъ и вездѣ, такъ же неограниченна его власть, такъ же бьетъ онъ жену за всякую бездѣлицу, а она съ безропотнымъ терпѣніемъ переноситъ свою горькую долю: „мой панъ", обращается жена къ мужу въ польскихъ народныхъ пѣсняхъ. Замѣчательно, что въ Сербіи, гдѣ даже слуга называетъ хозяина только по имени, какъ всякій младшій старшаго, жена обращается къ мужу въ народныхъ пѣсняхъ всегда со словомъ „господинъ". И русская женщина поетъ:

А милому ладѣ
Я сама головою
Вѣковѣчною слугою.

Вотъ какія отношенія устанавливаются между мужемъ и женой въ Сербіи. „Поужинавъ, женатые родичи обращаются къ своимъ женамъ съ такою повелительною рѣчью: „обувь снимай!"... Положеніе сельской женщины самое тяжелое, потому что въ грубомъ крестьянскомъ быту мужъ относится къ своей женѣ какъ къ рабочей лошади, и кромѣ удовлетворенія своихъ животныхъ потребностей ничего другого въ ней не ищетъ и не чувствуетъ. Мужья бьютъ женъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Нерѣдко, въ присутствіи всѣхъ родичей, изъ-за какого-нибудь вздора мужъ кидаетъ въ жену табуреткой, а то и дубиной изъ огня.

Въ такомъ-то положеніи находится женщина. И никакой протестъ съ ея стороны, никакое облегченіе ея участи невозможны, пока держится родовое устройство семьи. Жену давитъ мужъ, но ихъ обоихъ давитъ родъ, семья. Если бы женщина и довела мужа, какими-либо средствами, до сознанія необходимости облегчить ея положеніе, то ей все-таки не было бы легче. Семья заставитъ мужа требовать отъ жены исполненія того, что считается ея обязанностью. Не станетъ онъ съ достаточной строгостью направлять жену на путь истины и добродѣтели—станутъ направлять его самаго. Варварскій принципъ отвѣтственности одного лица за другое въ полной силѣ примѣняется въ семьѣ, держащейся на родовыхъ началахъ. Вотъ характерный разсказъ объ одномъ случаѣ, бывшемъ въ селѣ Вологодской губерніи. Одна женщина осталась вдовою съ малолѣтними сыновьями. Такъ какъ ей одной трудно было поднимать дѣтей, она и пригласила отставного солдата, родственника ея покойнаго мужа, жить у нея въ домѣ и помогать ей. Вотъ подросли дѣти, и она женила старшаго сына. Все было ладно сначала. Только невѣстка разъ начала стирать бѣлье; все бѣлье выстирала, а бѣлье солдата отбросила, говоря, что не хочетъ стирать на дружка свекрови. Узнала объ этомъ мать, но ничего не сказала ей, а позвала старшаго сына, мужа невѣстки, и говоритъ: „Григорій, сходи-ка въ лѣсъ, наруби розогъ". — За-

чѣмъ?—„Не твое дѣло, поди". Сынъ отправился и принесъ розогъ. „Ложись на полъ", приказываетъ мать. Зачѣмъ?—„Ложись, послѣ скажу".—Легъ сынъ, а она начала его сѣчь, приговаривая: „Учи жену, не давай ей воли, не давай ей говорить, что она не хочетъ стирать на свекровина дружка; мать ваша честная, а это не ея дружокъ, а вашъ благодѣтель, ростилъ васъ". Выстегала старшаго, зоветъ втораго: „Ложись и ты"! Да меня-то за что? вѣдь у меня нѣтъ жены... —„Ложись"! Выстегала и второго, приговаривая: „Не бери такой жены, которая станетъ меня дружками попрекать" и т. д. Такъ и высѣкла обоихъ. Тогда старшій сынъ и говоритъ женѣ: „Ахъ ты, такая-сякая, все вотъ тутъ изъ-за тебя: тебя нужно сѣчь! Ложись". И высѣкли ее вмѣстѣ съ братомъ. Такъ-то и направили жену на путь должнаго уваженія къ старшимъ.

Подобныя явленія повторяются постоянно въ нашихъ большихъ семьяхъ. Лишь только невѣстка, особенно молодая, не привыкшая еще къ новымъ семейнымъ порядкамъ, какъ-нибудь не угодитъ семьѣ или скажетъ лишнее слово, которое покажется недостаточно полнымъ уваженія къ старшимъ, или даже просто имѣетъ невеселый, недовольный видъ, какъ семья, въ лицѣ старшаго, обыкновенно свекра, заставляетъ мужа учить жену. Невѣсткѣ напоминаютъ, что за нее деньги плачены, что она куплена для того, чтобы работать и безпрекословно исполнять малѣйшія приказанія старшихъ; затѣмъ привязываютъ ее къ чему-нибудь иногда за косы, и мужъ истязуетъ несчастную, чтобы урокъ покрѣпче запалъ въ ея памяти.

При такихъ порядкахъ, возможна-ли для женщины хоть какая-нибудь тѣнь борьбы?

Безропотно и тупо сноситъ славянская женщина свое иго, не протестуя противъ него даже порокомъ и преступленіемъ. Только тамъ, гдѣ родовая семья уже колеблется, гдѣ начинаетъ развиваться личное начало, и между прочимъ въ великорусской большой семьѣ, является этотъ видъ протеста. Тамъ-же, гдѣ въ нравахъ и понятіяхъ народа крѣпки еще родовые принципы, гдѣ личность не пробудилась для самосознанія, для заявленія о своихъ требованіяхъ, тамъ женщины славятся своими добродѣтелями, въ особенности

цѣломудріемъ. И не только женщины, даже мужчины блестятъ чистотою нравовъ, хотя, разумѣется, грѣхъ или проступокъ болѣе сильнаго и въ этихъ зародышевыхъ обществахъ значитъ менѣе и менѣе осуждается, чѣмъ проступокъ слабаго. Но все-таки тамъ еще не дошли до того, чтобы считать легкой шалостью для мущчины то, что считается непростительнымъ грѣхомъ для женщины. Если согрѣшившая жена босняка должна умереть въ ужасныхъ мученіяхъ, то и согрѣшившій мужъ вѣшается или убивается на мѣстѣ: разница въ оцѣнкѣ преступленія того и другого, какъ видите, есть, но все-же не такая большая, какая допускается въ цивилизованныхъ обществахъ. Соблазнитъ какой-нибудь сербъ или болгаринъ молодую дѣвушку, общество, окружающее его, не пожуритъ его легонько, какъ милаго шалуна добрая мамаша, въ сущности очень довольная проказой своего сынка, развлекающаго ея непроходимую скуку; нѣтъ, оно отнесется къ дѣлу серьезно и заклеймитъ позоромъ провинившагося, если онъ не поспѣшитъ женитьбой загладить свой проступокъ. Вообще, въ этихъ первобытныхъ обществахъ, несмотря на печальное положеніе женщины, взглядъ на извѣстныя отношенія между полами естественнѣе, проще и справедливѣе, чѣмъ въ обществахъ цивилизованныхъ. Если признается необходимымъ соблюдать, напр., супружескую вѣрность, то это обязательно для обоихъ половъ, и, если мужчина дѣлаетъ себѣ иногда поблажку, то никогда такъ беззавѣтно и нагло, какъ то мы видимъ часто передъ нашими глазами.

У юго-западныхъ славянъ разводъ очень легокъ, несмотря на то, что почти всѣ юго-западные славяне, за исключеніемъ босняковъ, такіе-же православные христіане, какъ и мы. Препятствія къ разводу являются тамъ не со стороны церкви или закона, а со стороны того рода, который терпѣлъ-бы отъ развода и который потому естественно стремится оградить интересы свои кровавою местью, такъ-что если мужъ безъ уважительной причины прогонялъ жену или жена уходила помимо воли мужа въ свой родъ, это вызывало жестокую вендетту, которая оканчивалась иногда полнымъ истребленіемъ одной изъ семей. Теперь-же дѣла улаживаются болѣе мирнымъ образомъ. Захочетъ мужъ развестись съ

женой долженъ заплатить за безчестіе въ ея родъ 50 талеровъ; захочетъ жена, отецъ ея долженъ заплатить столько-же въ родъ мужа. За женой признается право на разводъ, какъ и за мужемъ; эта равноправность зависитъ оттого, что тутъ дѣло касается не одной жены, но ея рода, въ который она должна возвратиться послѣ развода. Но на дѣлѣ выходитъ, что только одинъ мужъ можетъ пользоваться своимъ правомъ; вѣдь для того, чтобы жена могла поддержать свои требованія развода, необходимо согласіе родной задруги, которой не всегда пріятно возвращеніе этого ея члена, разъ сбытаго съ рукъ. Потому-то, вѣроятно, одинъ французскій писатель, писавшій о черногорцахъ, говоритъ, что у нихъ жена не можетъ искать развода. Мужъ не всегда даже и платитъ за безчестье въ родъ жены: если онъ уличитъ жену въ прелюбодѣяніи, то можетъ прогнать и такъ. Разводъ дѣлается очень просто: мужъ, въ присутствіи священника или передъ судьей, а иногда и самъ собою, разрываетъ пополамъ какую-нибудь принадлежность жениной одежды, напр., платокъ, поясъ, и разводный актъ совершенъ. Мужъ можетъ снова жениться, а жена выйдти замужъ. Потребность въ легкомъ разводѣ такъ укоренилась въ нравахъ, что вся сила духовной власти, которая въ Черногоріи до послѣдняго времени была соединена съ свѣтской, не могла положить какихъ-либо ограниченій свободѣ развода. Отпущенная мужемъ черногорка не только не пренебрегается, но еще скорѣе дѣвушки находитъ себѣ новаго мужа.

Также въ Сербіи, Болгаріи и др. мѣстахъ духовенство не препятствуетъ разводу, особенно если его желаютъ обѣ стороны. Мужъ и жена выбираютъ каждый изъ своего рода по нѣсколько человѣкъ, которые уговариваются на счетъ вознагражденія. Иногда супруги и сами устраиваютъ между собою сдѣлку. Обрядовыя формальности развода вездѣ сходны между собою, состоятъ въ перерѣзываніи чего-либо у одежды. Уходя, жена уноситъ то, что получила изъ своей задруги въ приданое; все-же, что было получено отъ мужа или отъ его задруги, должна оставить. Если есть дѣти, то мальчики остаются отцу, дѣвочки—матери.

Руководящіе принципы супружескихъ отношеній, выработанные народной мудростью, не вездѣ примѣняются и проводятся съ одинаковой послѣдовательностью. Чѣмъ болѣе извѣстный слой населенія или извѣстная мѣстность пользуется благосостояніемъ, съ которымъ въ массѣ обыкновенно соединяется и соотвѣтственно большая степень развитія, тѣмъ болѣе отступаетъ практика отъ послѣдовательнаго проведенія этихъ принциповъ, строго признаваемыхъ въ теоріи. Наоборотъ, чѣмъ беднѣе и невѣжественнѣе масса, тѣмъ послѣдовательнѣе проводится грубая практика супружескихъ отношеній, проводится до того строго, что, наконецъ, низводитъ жену на степень животнаго, которое работаетъ, что есть силъ, и за все получаетъ только постоянные жестокіе побои отъ своего господина. Это соотвѣтствіе супружескихъ отношеній съ степенью развитія и благосостоянія народа можно прослѣдить, даже не выходя за предѣлы одной губерніи, напр., Архангельской. Одинъ уѣздъ находится въ лучшемъ экономическомъ положеніи,—почва плодороднѣе, хлѣбъ померзаетъ рѣже, отхожіе промыслы даютъ жителямъ значительные заработки, — народъ лучше живетъ, лучше одѣтъ, относительно гораздо болѣе развитъ, тамъ и положеніе женщины въ семьѣ сносное. Рядомъ другой уѣздъ, гдѣ почва хуже, хлѣбъ чаще померзаетъ, нѣтъ достаточно обезпечивающихъ постороннихъ промысловъ, народъ бѣденъ и невѣжественъ,—здѣсь женщина отягощена непосильными работами и крайне унижена. Разница замѣтна даже въ близь-лежащихъ мѣстностяхъ одного уѣзда. Возьмемъ деревню, которая находится недалеко отъ уѣзднаго города, на почтовомъ трактѣ,—деревню, гдѣ издавна помѣщаются почтовая и обывательская станція, арестантская, квартира становаго: отъ постоянныхъ сношеній съ проѣзжими и прохожими жители этой деревни гораздо бойчѣе и развитѣе другихъ окрестныхъ крестьянъ, а содержаніе почтовой и обывательской, также извозъ, даютъ имъ значительные заработки — и тамъ во всей деревнѣ мужья почти не бьютъ женъ и женщины выглядятъ довольно самостоятельно. Другая деревня въ томъ-же уѣздѣ, лежащая въ сторонѣ, и мы видимъ, что тамъ возможенъ фактъ въ родѣ того, что мужъ сѣчетъ въ присутствіи гостей, въ числѣ которыхъ находятся и сельскія власти, свою жену за-то, что она недо-

статочно скоро или недостаточно вѣжливо подала угощеніе пьяной компаніи, — и это никого не возмущаетъ. И такая разница совершенно понятна: чѣмъ человѣкъ беднѣе, болѣе стѣсненъ окружающими неблагопріятными условіями, тѣмъ, естественно, онъ недовольнѣе, раздражительнѣе; развитой человѣкъ въ такихъ обстоятельствахъ постарается замкнуть въ себѣ свое недовольство, но невѣжественный всегда будетъ переносить его на окружающее, на другихъ „срывать сердце". Ближайшій-же предметъ, на которомъ всего удобнѣе сорвать сердце, это жена: лишній кусокъ хлѣба, лишняя копѣйка,— все можетъ обратиться въ причину недовольства, проявляющагося побоями. Въ такихъ положеніяхъ всего удобнѣе примѣняется теорія супружескихъ отношеній, которая создана родовыми принципами подъ вліяніемъ тѣхъ-же двухъ условій: невѣжества и бѣдности. Крестьяне сами сознаютъ отношеніе между бѣдностью и тяжелымъ положеніемъ женщины въ семьѣ. Одна крестьянка, которой мы предложили вопросъ на счетъ того, какъ обращаются мужья съ женами въ данной мѣстности, такъ отвѣчала: „извѣстно, въ богатствѣ—и женѣ хорошо, и мужъ для нея лучше, потому не-изъ-за чего имъ ссориться; а какъ доведется нужду дѣлить, — тутъ ужь не жди добра". И до какихъ-же безобразныхъ послѣдствій доводитъ этотъ дѣлежъ нужды! Измѣненіе къ лучшему матеріяльныхъ условій жизни нашего крестьянства, вѣроятно, въ скоромъ времени измѣнило-бы къ лучшему и отношенія мужа къ женѣ. Станетъ меньше нужды, меньше поводовъ къ недовольству и раздраженію,—рѣже будетъ терпѣть побои жена; существующій фактъ болѣе мягкихъ отношеній мало-по-малу обратится въ обычай, на основаніи котораго женщина, привыкшая уже къ инымъ формамъ своихъ супружескихъ отношеній, станетъ и отстаивать свои права; варварскія теоріи, рѣже и рѣже примѣняясь на практикѣ, наконецъ, забудутся и новая практика вызоветъ новыя, болѣе гуманныя, теоріи.

Положеніе крестьянской женщины въ родовой семьѣ крайне тяжело. Но мы видѣли, что тѣ-же родовыя начала, въ основаніи этой семьи, господствуютъ даже и тамъ, гдѣ уже вовсе нѣтъ патріархальныхъ формъ, о которыхъ было говорено раньше. Выигрываетъ-ли, значитъ, что-нибудь крестьянка отъ перемѣны формъ, отъ замѣны большой семьи малою? Можетъ быть, эта перемѣна также мало значитъ для нея, какъ и замѣна чисто патріархальной задруги большою великорусскою семьею съ экономическимъ характеромъ?

Женщина много боролась и борется и до-сихъ поръ, чтобъ разрушить родовую семью. Покуда эта форма крѣпко держится, женщина пассивно покоряется своей горькой долѣ. Но лишь только почувствуетъ она возможность жизни, основанной на иныхъ началахъ, какъ въ ней тотчасъ-же пробуждается и сознаніе всей тягости ея настоящаго положенія и горячее стремленіе къ его измѣненію. Родовые принципы, уже пошатнувшіеся, находятъ въ ней противницу, озлобленную вѣковой тяжестью, которая лежала на ней такимъ невыносимымъ гнетомъ. Всѣ свои орудія обращаетъ она на борьбу съ этими принципами. Орудія, которыми она искусно пользуется, — хитрость, клевета, постоянныя ссоры изъ-за всякихъ мелочей и т. п. Дѣйствія этихъ орудій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ совершенно незначительны; но взятыя въ своей совокупности, они составляютъ рѣшающую силу, что и выражается въ народныхъ пословицахъ, напр.: „Женскій обычай не мытьемъ—такъ катаньемъ". „Мужикъ клиномъ, баба блиномъ, а тожъ дойметъ". „День ворчитъ, ночь верещитъ, плюнь да сдѣлай". „Женская лесть безъ зубовъ, а съ костями сгложетъ". „Баба бредитъ, да чортъ ей вѣритъ" и т. п. Дѣлая различными способами невыносимою общую семейную жизнь, постоянно дѣйствуя на мужа, уже и безъ того пошатнувшагося въ своей инстинктивной привязанности къ родовымъ принципамъ, она достигаетъ таки своей цѣли, раздѣляетъ семью. Народъ вездѣ, какъ у великоруссовъ, такъ и у другихъ славянъ, признаетъ женщину, какъ злую противницу общей совмѣстной родовой жизни и считаетъ ее главною причиной паденія стараго порядка, который въ силу рутины кажется ему лучшимъ, хотя на практикѣ самъ-же онъ отдаетъ предпочтеніе новому. Въ

первомъ, т. е. въ томъ, что женщина есть врагъ стараго порядка, народъ правъ, но основной причины, разумѣется, надо искать не въ женщинѣ: она только воспріимчивѣе отнеслась къ вліянію новыхъ началъ, которыя обѣщаютъ ей хоть нѣсколько облегчить ея положеніе. Замѣчательно единодушіе, съ которымъ крестьяне сваливаютъ всю вину новыхъ порядковъ на женщину: бабы, молъ, все безчинствуютъ, никакъ не могутъ вмѣстѣ ужиться. Если возразить, что вотъ было-же время, и недавно еще, какъ десятки бабъ уживались вмѣстѣ, то крестьяне дѣлаютъ обыкновенно глубокомысленное замѣчаніе на счетъ иныхъ временъ. „Время нынѣ совсѣмъ другое, все не попрежнему идетъ" эти слова, несмотря на ихъ незамысловатость, все-таки достаточно ясно выражаютъ сознаніе, что въ жизнь начинаютъ вторгаться какія-то иныя роковыя силы, заправляющія дѣйствіями людей помимо ихъ личныхъ взглядовъ, вкусовъ и желаній. Тотъ-же отецъ, который будетъ говорить, сколько есть силъ, противъ дѣлежа, непремѣнно раздѣлитъ своихъ сыновей: „иныя времена". Правда, встрѣчаются отцы и даже матери, которые, пользуясь какими-либо выдающимися качествами ума или характера, сдерживаютъ еще свои семьи, но это послѣдніе изъ могиканъ. Интересно, что несчастная невѣстка и тутъ является козломъ отпущенія за все зло, которое видятъ въ раздѣлахъ сами крестьяне. Это они и выражаютъ въ пословицахъ, напр., „невѣсткѣ милы семейныя руки, а не милъ семейный горшокъ", т. е. что завистливая, жадная невѣстка рада пользоваться общимъ семейнымъ трудомъ, но не можетъ спокойно выносить расходовъ, которые требуются большою семьей.

Выше мы показали, подъ вліяніемъ какихъ неблагопріятныхъ условій складывается жизнь женщины и въ малой семьѣ, особенно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ сильнѣе невѣжество и бѣдность, слѣдовательно, и въ нашемъ крестьянствѣ. Да и ежедневный опытъ каждаго, кто только имѣлъ возможность соприкасаться съ жизнью массъ, достаточно твердо устанавливаетъ тотъ фактъ, что положеніе женщины и въ малой семьѣ низшихъ слоевъ общества очень не завидно. Такъ изъ за чего-же боролась и борется женщина такъ упорно? Не ошибается-ли она въ надеждахъ на улучшеніе своего поло-

женія? Вѣдь если прежде давилъ родъ, то теперь также давитъ семья въ лицѣ мужа, воплотившаго въ себѣ всѣ атрибуты власти, принадлежавшей коллективной личности родовой семьи. Нѣтъ, инстинкты женщины не обманули ее. Разрушеніе родовой семьи было первымъ шагомъ къ освобожденію женщины. Хотя между этимъ первымъ и дальнѣйшими шагами по тому-же пути могутъ пройти сотни и тысячи лѣтъ,—все-же этотъ первый шагъ безусловно необходимъ для того, чтобы могла возникнуть потребность въ слѣдующихъ. Но, что еще важнѣе, онъ, самъ по себѣ, улучшилъ положеніе женщины. Если народная философія и перенесла вполнѣ свои теоріи зависимости и безправности, выработанныя принципами родового быта, на супружескія отношенія малой семьи и требуетъ примѣненія этихъ принциповъ, все-таки остается въ полной силѣ то обстоятельство, что малая семья не такое удобное поле для практики этихъ принциповъ, какъ семья большая. Одна личность мужа просто-на-просто не имѣетъ физической возможности сосредоточить въ себѣ ту систему давленія, которую практикуетъ родъ и которой требуетъ, во имя своихъ старыхъ идеаловъ, народная мудрость. Женщина, стоящая лицомъ къ лицу только съ своимъ мужемъ, всегда можетъ воспользоваться какимъ-либо своимъ преимуществомъ физическимъ, нравственнымъ или умственнымъ, если имѣетъ ихъ, чтобъ завоевать себѣ извѣстную долю свободы, пріобрѣтеніе которой немыслимо подъ давленіемъ рода, и женщина нерѣдко пользуется этой выгодой своего новаго положенія. Кромѣ того, въ крестьянской малой семьѣ мы встрѣчаемся съ однимъ вліяніемъ, парализующимъ нѣсколько силу дикихъ традиціонныхъ взглядовъ на женщину. Этимъ парализующимъ вліяніемъ является устройство крестьянской малой семьи въ экономическомъ отношеніи, вынуждающее для женщины нѣкоторую долю самостоятельности. Для успѣшнаго веденія хозяйства семьи, въ которой сначала только два работника—мужъ и жена, необходимо строгое раздѣленіе труда. Правда, раздѣленіе труда есть и въ родовой семьѣ; но тамъ женщины лишены всякой самостоятельности: онѣ просто машины для выполненія извѣстныхъ заранѣе распредѣленныхъ и предписанныхъ семьею работъ. Между тѣмъ въ малой семьѣ женщины въ своей области

пользуются почти полною самостоятельностью, такъ какъ мужъ по необходимости долженъ ввѣрить ей эту область,— область домашняго хозяйства, не имѣя никакой физической возможности въ нее вмѣшиваться. Поэтому жена въ малой семьѣ обыкновенно почти полная распорядительница своей части и продуктовъ своего хозяйства. Она можетъ продавать, напр. масло, молоко, яйца, печеный хлѣбъ и т. д.; можетъ на вырученныя деньги покупать, что захочетъ, и производить разные обороты. Мужъ не вмѣшивается въ дѣла жениннаго хозяйства, потому что у него не остается на это времени отъ своихъ хлопотъ и заботъ, а существующій фактъ обращается въ обычай, по которому мужъ считаетъ себя какъ-бы *не въ правѣ* распоряжаться принадлежностями жениннаго хозяйства. Въ Малороссіи, гдѣ вслѣдствіе особенныхъ мѣстныхъ историческихъ и бытовыхъ условій, гораздо раньше распалась родовая семья, чѣмъ въ Великороссіи,—такое раздѣленіе труда, обязаностей и правъ доведено до значительной степени. Мужъ никогда не вмѣшивается въ дѣла жены, предоставляя ихъ на полное ея благоусмотрѣніе и произволъ: „се бабске хозяйство“, говоритъ малороссъ. Есть одна малороссійская пословица, гдѣ въ юмористической формѣ выражается взглядъ мужа на хозяйство жены, какъ на нѣчто самостоятельное, совсѣмъ независящее отъ него: „коли моя жінка така, нехай свині борошно ідять“, т.-е. мужъ мститъ своей женѣ тѣмъ, что позволяетъ свиньямъ ѣсть муку, относящуюся къ хозяйству жены. Ясно, что жена-хозяйка не можетъ быть въ такихъ рабскихъ отношеніяхъ къ мужу, какія требуются народной мудростью: мужъ поневолѣ долженъ смотрѣть на жену, какъ на товарища, съ которымъ вмѣстѣ трудится для созиданія ихъ общаго благосостоянія— „чоловікъ и жінка то една спілка“ (товарищество), выражается малорусскій народъ. Но грубые инстинкты темнаго человѣка,—инстинкты, укрѣпленные вѣковой привычкой и преданіемъ, часто берутъ верхъ надъ здравымъ смысломъ, заставляющимъ мужа жить дружно съ товарищемъ-женой въ видахъ своей собственной пользы.

Есть еще одинъ обычай, распространенный вездѣ между нашимъ крестьянствомъ, обычай, вытекающій прямо изъ родовыхъ порядковъ, но въ новомъ своемъ примѣненіи въ ма-

лой семьѣ оказывающій благопріятное вліяніе на положеніе женщины. Это отношеніе мужей къ приданому женъ. Родовая семья, давая приданое за дѣвушкой, выходящей замужъ, имѣетъ свой интересъ въ томъ, чтобъ оградить это приданое отъ покушеній той семьи, въ которую дѣвушка вступаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ открыто перечень всѣхъ вещей, которыя даются за дѣвушкой, чтобъ она могла принести ихъ въ цѣлости назадъ, если случится ей вернуться въ родную семью. Изъ этого возникъ обычай, по которому приданое стало считаться неприкосновенною собственностью жены, т.-е. неприкосновенною для той семьи, въ которую вошла женщина и гдѣ она въ огромномъ большинствѣ случаевъ и оставалась навсегда. Этотъ обычай такъ твердо укоренился, что во всей цѣлости перешелъ и въ малую семью. Въ этой послѣдней онъ явился съ новымъ значеніемъ, какого не имѣлъ въ семьѣ родовой: онъ сталъ служить нѣкоторой точкой опоры для женщины въ ея стремленіи къ улучшенію ея положенія.

Тотъ-же принципъ раздѣльности имуществъ и независимости приданаго жены отъ мужа, какъ извѣстно, проводится и въ нашемъ законодательствѣ. Наши законы проводятъ принципъ раздѣльности имуществъ до возможной тонкости, ставя супруговъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по имуществу совершенно такъ, какъ постороннихъ: они могутъ дарить, продавать и покупать, закладывать другъ другу и постороннимъ лицамъ, безъ вѣдома и согласія одинъ другого; они могутъ дѣлать между собою всякіе договоры по имуществу, какъ и посторонніе: мужъ, напр., можетъ нанимать квартиру въ домѣ жены, можетъ служить у нея управляющимъ имѣньемъ, прикащикомъ, пожалуй, простымъ работникомъ и т. д. Крестьянству неизвѣстны наши законы объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, но обычай развилъ въ немъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ его частяхъ, которыя не подавлены окончательно непосильной двойной тяжестью крайней бѣдности и непроходимаго невѣжества, замѣчательное уваженіе къ собственности жены, состоящей главнымъ образомъ въ ея приданомъ. Причины этого, съ одной стороны, заключаются въ болѣе независимомъ положеніи жены, какъ хозяйки и полной распорядительницы въ домашней сферѣ

малой семьи, съ другой стороны, въ свѣжести воспоминаній о томъ порядкѣ, когда имущество жены защищалось ея родомъ, который не прочь былъ и заявить на это имущество свои притязанія. Выше сказано, какое малое значеніе имѣетъ въ родовомъ быту право полной собственности, которое замѣняется въ большинствѣ случаевъ правомъ пользованія. Жена, отходя въ чужую семью, съ имуществомъ, полученнымъ изъ своей родной, не считалась полной госпожей этого имущества, не могла распоряжаться имъ вполнѣ, не могла назначать послѣ себя наслѣдниковъ: право-же полной собственности предполагаетъ право посмертнаго распоряженія, произвольнаго назначенія наслѣдниковъ. Поэтому и въ малой семьѣ женщина до сихъ поръ не завѣщаетъ своего приданаго; обычай тутъ вполнѣ имѣетъ силу закона. Если у нея остались дѣти, то приданое имущество идетъ имъ и при этомъ она имѣетъ свободу распредѣлить, кому что должно поступить. Но если она умираетъ бездѣтною, то приданое непремѣнно идетъ назадъ ея отцу или вообще родственникамъ, и этотъ обычай никогда не нарушается. Мужъ, по обычаю, получаетъ послѣ умершей бездѣтной жены только извѣстныя вещи, которыя даются ему какъ-бы на память, напр., постель, икону и нѣсколько другихъ мелочей; все остальное онъ долженъ возвратить въ полной цѣлости и сохранности въ семью жены. Если даже и останутся дѣти, родственники жены все-таки считаютъ себя вправѣ вмѣшиваться въ распоряженіе имуществомъ покойной, защищать его отъ хищничества мужа и даже взять къ себѣ на сохраненіе до возраста дѣтей. При такихъ обычаяхъ за мужемъ естественно не признается право распоряжаться имуществомъ жены, и крестьянство строго смотритъ за соблюденіемъ этого обычая. Всякій нарушающій его подвергается общественному презрѣнію и если дѣло дойдетъ до волостного суда,—онъ непремѣнно возстановитъ попираемыя права жены и накажетъ виновнаго. Это обстоятельство, которое въ родовой семьѣ почти ничего не значило для женщины, въ малой семьѣ способствуетъ увеличенію ея самостоятельности, опирающейся на ея хозяйственное значеніе. Интересно наблюдать, какъ сами крестьянки держатся за право неприкосновенности ихъ имуществъ. Кроткая, слабая женщина ожесточается, когда задѣвается это ея право. Она

готова перенести всякія мученія, лишь-бы сохранить имущество, на которое мужъ иногда, чаще въ пьяномъ видѣ, заявляетъ свои притязанія. Женщины жестоко порицаютъ и смѣются надъ тою изъ нихъ, которая, живя въ согласіи съ мужемъ, позволяетъ ему распоряжаться своимъ имуществомъ. Этотъ фактъ, встрѣчающійся изрѣдка въ крестьянствѣ, служитъ у женщинъ наиболѣе вѣскимъ аргументомъ противъ браковъ по любви. „Живи съ мужемъ по любви, да по согласію, говорятъ онѣ, такъ онъ и выманитъ все твое добро, — ни съ чѣмъ и останешься.“ Онѣ готовы цѣлую жизнь вести съ мужьями жестокую борьбу для огражденія своихъ имущественныхъ правъ и, надо отдать имъ справедливость, — энергически защищаютъ ихъ.

Но не приданое, какъ уже сказано выше, служитъ основой нѣсколько болѣе самостоятельнаго положенія женщины въ малой семьѣ, а ея положеніе, какъ хозяйки, какъ самостоятельнаго работника. Это ея значеніе признается и цѣнится крестьянами, что и выражается въ ихъ пословицахъ, напр., „Мужъ задуритъ, половина двора горитъ, а жена задуритъ и весь сгоритъ“, или другая еще выразительнѣе: „мужъ возомъ не навозитъ, что жена горшкомъ наноситъ“, и т. п. Изъ этого видно, какая разница между положеніемъ женщины въ большой и малой семьяхъ: мы говоримъ объ ея экономическомъ значеніи. Въ большой семьѣ она—механическая рабочая сила, и только; ни малѣйшей доли собственной иниціативы не можетъ она внести въ свой трудъ, которымъ распоряжается семья. Въ малой семьѣ женщина работаетъ не меньше, а иногда, пожалуй, и больше, какъ признаютъ сами крестьянки, особенно если есть маленькія дѣти и нельзя взять кого-нибудь на помощь, но за то она распорядительница своего труда: тутъ есть къ чему приложить не одну силу мускуловъ, но и свою сообразительность, свой умъ и знанія,—свои душевныя силы. Она видитъ теперь ясно, что отъ ея ума и трудолюбія зависитъ ея благосостояніе и благосостояніе ея дѣтей. Женщина малой семьи по необходимости должна сбросить съ себя отупѣніе и апатію,—продукты ея прежняго рабскаго положенія, такъ-какъ новое ея положеніе вызываетъ къ дѣятельности тѣ ея силы, которыя были парализованы отсутствіемъ ихъ примѣненія въ родо-

вой семьѣ. Вотъ еще одна изъ причинъ, почему женщина такъ стремится къ малой семьѣ: она инстинктивно чувствуетъ, что тутъ будетъ хоть какой-нибудь просторъ ея подавленнымъ душевнымъ силамъ.

Благотворное вліяніе экономическаго принципа, дѣлающаго изъ крестьянской супружеской четы одну спілку—товарищество, каждый изъ двухъ членовъ котораго самостоятельно работаетъ въ своей области для созиданія ихъ общаго благосостоянія, сильно уменьшается, а иногда и вовсе уничтожается тѣми допотопными теоріями насчетъ неограниченной власти мужа и его правъ на личность жены, о происхожденіи и значеніи которыхъ было говорено выше. Но какое важное значеніе имѣетъ въ крестьянскомъ супружескомъ союзѣ экономическій принципъ, видно особенно тогда, когда личность мужа съ его самодурными и деспотическими замашками, устраняется, когда женщина остается вдовой. Вотъ тутъ-то и можно отчетливо видѣть, какая огромная разница между положеніемъ женщины въ большой и малой семьяхъ. Ничего не можетъ быть унизительнѣе той роли, которую играетъ вдова-женщина въ родовой семьѣ. Для нея потеряна та маленькая точка опоры, которую она находила въ значеніи своего мужа и его естественномъ покровительствѣ и защитѣ: ей не кому пожаловаться на обиды и притѣсненія; ей не у кого просить защиты,—и вотъ на нее возлагаются самыя тяжелыя работы; она дѣлается предметомъ, на которомъ каждый можетъ срывать свое сердце.

Быть снохой-вдовой въ большой семьѣ—нѣтъ болѣе тяжелой доли для крестьянки. У овдовѣвшей женщины два исхода: возвратиться въ семью ея родителей, если она бездѣтна, или выдти замужъ. Но въ родной семьѣ она потеряла свое естественное мѣсто и тамъ ей обыкновенно не лучше, чѣмъ и въ семьѣ покойнаго мужа; выдти-же замужъ удается далеко не всякой, такъ какъ крестьянинъ предпочитаетъ дѣвушку вдовѣ, которая цѣнится значительно ниже. Правда, у черногорцевъ охотнѣе женятся на вдовахъ, чѣмъ на дѣвушкахъ; но это обычай исключительный. Какъ-же опредѣляется положеніе вдовы въ малой семьѣ? Опредѣляется оно довольно оригинально и въ этомъ-то опредѣленіи рельефно выступаетъ экономическій принципъ. Народу вовсе не-

женія? Вѣдь если прежде давилъ родъ, то теперь также давитъ семья въ лицѣ мужа, воплотившаго въ себѣ всѣ атрибуты власти, принадлежавшей коллективной личности родовой семьи. Нѣтъ, инстинкты женщины не обманули ее. Разрушеніе родовой семьи было первымъ шагомъ къ освобожденію женщины. Хотя между этимъ первымъ и дальнѣйшими шагами по тому-же пути могутъ пройти сотни и тысячи лѣтъ,—все-же этотъ первый шагъ безусловно необходимъ для того, чтобы могла возникнуть потребность въ слѣдующихъ. Но, что еще важнѣе, онъ, самъ по себѣ, улучшилъ положеніе женщины. Если народная философія и перенесла вполнѣ свои теоріи зависимости и безправности, выработанныя принципами родового быта, на супружескія отношенія малой семьи и требуетъ примѣненія этихъ принциповъ, все-таки остается въ полной силѣ то обстоятельство, что малая семья не такое удобное поле для практики этихъ принциповъ, какъ семья большая. Одна личность мужа просто-на-просто не имѣетъ физической возможности сосредоточить въ себѣ ту систему давленія, которую практикуетъ родъ и которой требуетъ, во имя своихъ старыхъ идеаловъ, народная мудрость. Женщина, стоящая лицомъ къ лицу только съ своимъ мужемъ, всегда можетъ воспользоваться какимъ-либо своимъ преимуществомъ физическимъ, нравственнымъ или умственнымъ, если имѣетъ ихъ, чтобъ завоевать себѣ извѣстную долю свободы, пріобрѣтеніе которой немыслимо подъ давленіемъ рода, и женщина нерѣдко пользуется этой выгодой своего новаго положенія. Кромѣ того, въ крестьянской малой семьѣ мы встрѣчаемся съ однимъ вліяніемъ, парализующимъ нѣсколько силу дикихъ традиціонныхъ взглядовъ на женщину. Этимъ парализующимъ вліяніемъ является устройство крестьянской малой семьи въ экономическомъ отношеніи, вынуждающее для женщины нѣкоторую долю самостоятельности. Для успѣшнаго веденія хозяйства семьи, въ которой сначала только два работника—мужъ и жена, необходимо строгое раздѣленіе труда. Правда, раздѣленіе труда есть и въ родовой семьѣ; но тамъ женщины лишены всякой самостоятельности: онѣ просто машины для выполненія извѣстныхъ заранѣе распредѣленныхъ и предписанныхъ семьею работъ. Между тѣмъ въ малой семьѣ женщины въ своей области

продолжительное время, то послѣ его смерти она признается его наслѣдницей, помимо всякихъ родственниковъ, все равно, есть-ли у нея дѣти, прижитыя съ нимъ, или нѣтъ. Когда мы спрашивали у крестьянъ объясненія этого обычая, они такъ и говорили, что женщина, которая прожила вѣкъ съ мужчиной, работала съ нимъ и для него, заботилась о немъ — больше всѣхъ имѣетъ право на его имущество. Крестьянина сильно возмутилъ-бы фактъ, встрѣчающійся сплошь и рядомъ въ другихъ сословіяхъ, мимо котораго совершенно равнодушно проходятъ люди, гораздо болѣе развитые,—тотъ фактъ, когда, въ силу закона, какіе-нибудь дальніе родственники покойнаго, которыхъ онъ могъ даже никогда не знать, выбрасываютъ на улицу женщину, пожертвовавшую для него всѣмъ, дѣлившую съ нимъ много лѣтъ горе и радость, выбрасываютъ иногда съ дѣтьми, которыя выросли въ извѣстныхъ привычкахъ довольства и вдругъ, въ одну минуту, дѣлаются безпріютными нищими съ позорящей кличкою незаконнорожденныхъ. Никакой законъ, никакой судъ не въ состояніи чѣмъ-бы то ни было помочь женщинѣ, находящейся въ такомъ положеніи. Въ крестьянствѣ-же вполнѣ признаются права такой женщины на обезпеченіе имуществомъ ея сожителя. Вздумаетъ кто-либо нарушить ея право, даже изъ самыхъ близкихъ родственниковъ ея сожителя напр., родной его братъ, волостной судъ тотчасъ возстановитъ эти права, хотя-бы женщина не могла представить никакихъ фактическихъ доказательствъ, что покойный желалъ передать имущество именно ей: достаточнымъ доказательствомъ считается самый фактъ сожительства. Даже право на пользованіе земельнымъ участкомъ до ревизіи переходитъ иногда къ такой сожительницѣ, тогда какъ оно невсегда передается даже законнымъ женамъ, а часто идетъ въ семью мужа,—его отцу или брату. Не знаемъ, повсемѣстно-ли распространены въ нашемъ крестьянствѣ такія гуманныя воззрѣнія на извѣстныя отношенія между мужчиной и женщиной, если эти отношенія и не скрѣплены законнымъ порядкомъ, но представляютъ прочный союзъ, а не простую мимолетную связь; но въ Архангельской губерніи рѣшенія волостныхъ судовъ подтверждаютъ, что этотъ обычай принадлежитъ къ прочно установившимся обычаямъ.

Рѣшенія волостныхъ судовъ, которыми мы располагаемъ за нѣсколько лѣтъ, съ самаго того времени, когда вошло въ дѣйствіе новое „положеніе" о крестьянахъ, давшее волостнымъ судамъ значительную долю самоуправленія, по всѣмъ уѣздамъ Архангельской губерніи представляютъ большой интересъ какъ для изучающихъ народъ вообще, такъ въ особенности для изучающихъ его понятія о справедливости. Эти рѣшенія представляютъ не мало данныхъ для уясненія занимающаго насъ вопроса на счетъ того, каково положеніе женщины въ крестьянской малой семьѣ (такъ какъ это въ Архангельской губерніи господствующая форма) и какъ народъ относится къ взаимнымъ отношеніемъ мужа и жены. Надо сказать, что волостной судъ почти никогда не отказывается разбирать дѣла между супругами, касаются-ли эти дѣла личныхъ или имущественныхъ отношеній, хотя, собственно говоря, онъ не имѣетъ никакого права мѣшаться въ эти дѣла: покрайней мѣрѣ въ числѣ предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію волостнаго суда по сельскому судебному уставу, вовсе не упоминаются дѣла между супругами, кромѣ исковыхъ по имуществу. Да оно и понятно,—наши законы, примѣняясь во всей своей строгости, почти исключаютъ возможность какихъ-либо дѣлъ между супругами, кромѣ дѣлъ по имуществу, гдѣ супруги выступаютъ уже какъ лица посторонніяя,—и дѣлъ уголовныхъ, которыя не входятъ въ кругъ вѣдѣнія волостнаго суда. Законъ ничего не представляетъ для личности женщины, какъ жены, и ни одно судебное мѣсто не можетъ принять просьбу отъ жены хоть-бы на счетъ того, чтобъ ее защитили отъ самоуправства мужа, если только она не представитъ доказательствъ, достаточныхъ для возбужденія противъ мужа уголовнаго преслѣдованія, которое можетъ отправить его въ каторгу, законъ можетъ только водворить ее въ совмѣстное жительство съ мужемъ. Ничего не можетъ сдѣлать для женщины, и потому не дѣлаетъ, ни одно судебное мѣсто, кромѣ волостнаго суда. Мало того, что волостной судъ разбираетъ дѣла между супругами, вовсе не подлежащія его вѣдѣнію,—онъ часто постановляетъ рѣшенія, совершенно противорѣчащія и духу, и буквѣ закона, и, надо сказать, что многія изъ такихъ рѣшеній направлены въ пользу женщины, въ защиту правъ

ея личности. Мы вовсе не хотимъ сказать, что рѣшенія крестьянскихъ судовъ всегда направлены въ защиту слабаго отъ злоупотребленій властью сильнаго; нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что многія рѣшенія могутъ показаться очень гуманными человѣку, знакомому съ холодной черствостью положительнаго права, если сопоставить его положенія съ рѣшеніями волостныхъ судовъ. Волостной судъ въ своихъ рѣшеніяхъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, вполнѣ выражаетъ собою народное юридическое сознаніе супружескихъ отношеній со всѣми его противорѣчіями, неясностью, сбивчивостью. Въ рѣшеніяхъ почти нѣтъ ничего твердо установленнаго, ясно и точно формулированнаго. Нѣтъ ни одной стороны супружескаго вопроса, которая-бы одинаково понималась и получала одинаковое опредѣленіе въ различныхъ судахъ,—даже въ одномъ и томъ-же судѣ; все зависитъ отъ частной постановки вопроса, отъ обстоятельствъ дѣла. Но чтобъ оріентироваться въ этомъ хаосѣ, надо припомнить, что такой-же хаосъ существуетъ и въ сознаніи народа, а причина его заключается въ борьбѣ двухъ враждебныхъ элементовъ, одного—традиціоннаго, требующаго полнаго господства мужа надъ безправною и униженною женою со всѣми аттрибутами господства—беззавѣтнымъ самодурствомъ и побоями, съ другой—новаго, нарождающагося подъ вліяніемъ распаденія родовой семьи и появленія новой формы семейнаго устройства, требующей нѣкоторой доли самостоятельности для женщины. Эти два противоположныя теченія постоянно борются: то то, то другое беретъ верхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, въ разныхъ семьяхъ одной мѣстности, даже въ разное время въ одной семьѣ. Чѣмъ сильнѣе въ крестьянинѣ здравый смыслъ, не затемняемый одуряющей бѣдностью и безвыходно-тяжелою обстановкой, тѣмъ болѣе склоненъ онъ видѣть въ женѣ товарища, съ которымъ ему необходимо въ собственныхъ видахъ поддерживать хорошія отношенія. Но привычки, воспитанныя вѣками и обратившіяся почти въ инстинкты, часто берутъ верхъ надъ разсудкомъ; какой мужъ, напр., не покуражится надъ женой хоть подъ пьяную руку или подъ вліяніемъ расходившейся страсти? Тѣмъ отраднѣе наблюдать въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ проявленія противоположнаго теченія. Тутъ они удобнѣе для наблюденія, чѣмъ въ

самой жизни, между прочимъ и потому, что выступаютъ отчетливѣе: судьи, являясь въ судъ, естественно относятся къ фактамъ болѣе разсудочно, чѣмъ частные люди, когда имъ приводится не разбирать и обсуждать чужія дѣла, а самимъ дѣйствовать.

Посмотримъ-же, какъ рѣшаются въ волостныхъ судахъ различныя дѣла и затрудненія, вытекающія изъ супружескихъ отношеній, личныхъ и по имуществу, и постараемся прослѣдить тѣ два противоположныхъ теченія крестьянской мысли, о которыхъ было говорено выше.

Истцами являются главнымъ образомъ жены. Мужья обращаются къ суду гораздо рѣже и почти исключительно съ жалобами на самовольный уходъ женъ. Дѣло въ томъ, что молодыя женщины, которыя не могутъ привыкнуть къ своему новому положенію, въ качествѣ жены, уходятъ нерѣдко къ своимъ родителямъ въ родную семью, гдѣ имъ естественно легче дышется, особенно первое время, пока онѣ недостаточно привыкнутъ къ тягостямъ супружескихъ обязанностей. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ мужья и обращаются въ волостной судъ, прося возвратить жену; если судъ не находитъ достаточно уважительныхъ причинъ для отлучки жены, онъ заставляетъ ее возвратиться къ мужу и иногда еще наказываетъ за самовольный уходъ. Но и тутъ, въ мотивировкѣ рѣшеній, выступаетъ экономическій принципъ, лежащій въ основаніи семьи: жена наказывается не потому, чтобъ она своимъ самовольнымъ уходомъ нарушила какое-нубудь отвлеченное право своего мужа, а просто потому, что отъ ея отсутствія страдаютъ ихъ общіе семейные интересы, которыми она пренебрегаетъ. Когда одна замужняя женщина прожила у своихъ родителей, противъ воли мужа, лѣтнее страдное время, то судъ приговорилъ родителей уплатить мужу убытки, причиненные отсутствіемъ жены. Вотъ на какихъ практическихъ соображеніяхъ основываются крестьянскія понятія о справедливости. Наши крестьяне, особенно крестьяне сѣверные, были всегда поставлены въ слишкомъ невыгодныя и тяжелыя условія, которыя не позволили развиться симпатической сторонѣ ихъ души; нѣжныя и утонченныя чувства, которыми блещетъ малороссійская народная поэзія, совершенно чужды, какъ нравамъ, такъ и поэзіи,

нашего сѣвернаго крестьянства. Любовь, напр., почти не играетъ никакой роли въ жизни крестьянъ и для супружескихъ отношеній кажется вещью нетолько не необходимою, но положительно лишнею и даже вредною. Поэтому, если женщина уходитъ отъ мужа, не дѣлающаго ей повидимому никакихъ непріятностей, то пониманіе нашего крестьянства рѣшительно отказывается снизойти до того психологическаго процесса, который съ непреодолимою силою отталкиваетъ женщину отъ нелюбимаго мужа и можетъ довести, да и доводитъ нерѣдко, какъ свидѣтельствуетъ наша уголовная хроника, до ужасныхъ крайностей съ цѣлью отъ него отдѣлаться во-что-бы-то ни стало. Крестьяне не могутъ объяснить этого явленія иначе, какъ или вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ,—порчей, или „дуростью" жены, отъ которой они не прочь попытаться и исправить женщину посредствомъ универсальнаго орудія исправленія, завѣщаннаго мудростью предковъ—розогъ. Намъ попалось одно рѣшеніе такого назидательнаго характера, — рѣшеніе, производящее тяжелое впечатлѣніе. Мужъ жалуется волостному суду на жену, убѣжавшую неизвѣстно куда послѣ трехъ недѣль брачной жизни, и проситъ возвратить ее къ нему и подвергнуть наказанію за самовольный уходъ. При разбирательствѣ дѣла оказалось, что жена дѣйствительно ушла изъ дому тайно во время отлучки мужа, не сказавшись свекру, къ своимъ родителямъ въ другую деревню, откуда и была приведена матерью. Судъ разсудилъ дѣло слѣдующимъ оброзомъ: „такъ-какъ она дѣйствительно ушла самовольно, и притомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ избѣгнуть своего мужа, собственно неимѣющаго на нее никакихъ неудовольствій, по мнѣнію нашему, отъ дурости своей, но не по помѣшательству ума, то, согласно изъявленному желанію мужа ея, за дурость и убѣгъ отъ мужа наказать розгами пятнадцатью ударами". Это самое возмутительное рѣшеніе, возмутителенъ и мотивъ его, тѣмъ болѣе, что волостной судъ не въ правѣ подвергать женщину тѣлесному наказанію. Но надо помнить, что судъ постановилъ такое рѣшеніе только потому, что не видѣлъ никакого резоннаго основанія въ поступкѣ женщины и неосновательный, по его мнѣнію, поступокъ приписалъ ея дурости, т.-е. глупости; отъ дурости-же необходимо попы-

таться исправить ее, о чемъ проситъ и мужъ, которому, конечно, непріятно и неудобно жить съ женой, только и помышляющей, какъ-бы убѣжать изъ дому безъ всякой видимой причины.

Конечно, волостной судъ, въ данномъ случаѣ, выступаетъ въ очень непривлекательномъ видѣ. Вѣдь что-бы ни говорили о суровомъ отношеніи нашего дѣйствующаго законодательства къ женщинѣ по вопросамъ, вытекающимъ изъ брачной жизни, все-же дѣло никогда не дойдетъ до того, чтобы наказать женщину розгами за уходъ отъ мужа. Совершенно справедливо: за-то мужъ можетъ вытребовать ее къ себѣ и заставить жить вмѣстѣ съ собой во что-бы то ни стало, какъ-бы ни были уважительны причины, заставившія ее избѣгать совмѣстной жизни. Если мужъ вздумаетъ поучить жену,—это онъ можетъ. Правда, нельзя попросить какое-либо судебное мѣсто, чтобъ оно приговорило жену къ наказанію розгами,—и самъ мужъ долженъ быть остороженъ въ выборѣ средствъ для наказанія жены, такъ какъ слишкомъ грубыя могутъ, пожалуй, и самого его подвергнуть отвѣтственности предъ мировымъ, а то и передъ уголовнымъ судомъ; но развѣ жестокіе побои—все, чѣмъ человѣкъ можетъ совсѣмъ отравить жизнь другого человѣка, находящагося въ такихъ обязательныхъ отношеніяхъ, какъ жена къ мужу? А между тѣмъ почти невозможно заставить мужа отпустить отъ себя жену, если онъ этого не желаетъ.

Волостной судъ такія дѣла устраиваетъ слѣдующимъ образомъ. Является молодая женщина и жалуется, что мужъ, проживъ съ нею недѣли двѣ по заключеніи брака, вдругъ начинаетъ жестоко бить ее. Какъ устраиваетъ судъ это дѣло? Онъ не присуждаетъ мужа къ одному изъ тѣхъ относительно легкихъ наказаній, какими имѣетъ право располагать, такъ-какъ это только напрасно ожесточило-бы мужа. Не предаетъ судъ отвѣтчика и дѣйствію уголовнаго правосудія, которое вѣдаетъ дѣла о жестокихъ побояхъ, такъ какъ для нашего крестьянина довольно несообразнымъ дѣломъ показалось-бы считать побои жены уголовнымъ преступленіемъ. Онъ рѣшаетъ дѣло просто и естественно, хотя и противозаконно: отпускаетъ жену жить къ ея отцу на неопредѣленное время, т. е. до тѣхъ поръ, пока мужъ не пожела-

етъ обращаться съ нею по человѣчески; судъ приговоритъ также отобрать отъ мужа приданое и отдать женѣ. Мы знаемъ одинъ очень интересный случай изъ жизни мѣстнаго крестьянства, случай такъ сходный съ разсказаннымъ, что подробности, которыя мы изложимъ, представятъ какъ-бы иллюстрацію къ вышеприведенному. Молодой крестьянинъ женился на молодой дѣвушкѣ изъ одной съ нимъ деревни, сосѣдкѣ. Они выросли вмѣстѣ и хорошо знали другъ друга. Любили-ли они другъ друга—неизвѣстно, такъ-какъ мѣстные крестьяне слову „любовь", примѣняемому къ взаимнымъ отношеніямъ молодыхъ людей, придаютъ всегда неудобное значеніе; выходить за мужъ по любви считается для дѣвушки постыднымъ. Но молодая женщина совмѣщала въ себѣ всѣ качества, которыхъ крестьянинъ требуетъ отъ своего идеала жены: была работяща, здорова, необыкновенно сильна для женщины, красива, скромна, изъ зажиточнаго дома и потому съ хорошимъ приданымъ. Недѣлю или двѣ послѣ брака молодые прожили хорошо, въ мирѣ, любви и согласіи. Вдругъ, безъ всякой видимой причины мужъ началъ задумываться и сторониться отъ жены; потомъ возненавидѣлъ ее до такой степени, что положительно не могъ выносить ея присутствія. Лишь только она попадалась на глаза, онъ начиналъ бить ее чѣмъ-попало и, наконецъ, ударилъ ножемъ по шеѣ. Рана, къ счастью, была неглубока и неопасна, но дѣло принимало, очевидно, слишкомъ серьезный оборотъ, чтобъ его можно было предоставить естественному ходу. Хотя противъ мужа смѣло можно было возбудить уголовное преслѣдованіе, но никто и не подумалъ объ этомъ. Жена ушла къ родителямъ, которые черезъ волостной судъ взяли съ мужа роспиську въ томъ, что онъ не будетъ требовать жену къ себѣ и возвратитъ ея приданое: приданое онъ дѣйствительно возвратилъ, кромѣ тѣхъ вещей, которыя, по обычаю, остаются у мужа послѣ смерти бездѣтной жены, какъ было сказано выше. Мы съ большимъ интересомъ слѣдили за развитіемъ этой драмы, финалъ которой былъ, впрочемъ вовсе не драматическій. Когда жена ушла къ родителямъ, мужъ отдѣлился отъ брата, съ которымъ жилъ сообща, обратилъ свое довольно порядочное хозяйство въ деньги и отправился въ Питеръ. Проживши́сь тамъ, спустя годъ или даже меньше,

онъ вернулся въ свою деревню и пожелалъ жить снова съ женой. Но родители рѣшительно не хотѣли отпустить дочь, такъ-какъ хозяйство ея мужа было совсѣмъ разстроено. Между тѣмъ молодой женщинѣ хотѣлось жить съ мужемъ, и она начала постоянно видаться съ нимъ тайкомъ отъ своихъ родителей; но уйти къ нему она не смѣла, несмотря на все свое желаніе и на его просьбы. Ни супруги, ни родители и не подозрѣвали, что мужъ имѣетъ полнѣйшее право вытребовать къ себѣ жену. Тайныя свиданія между нашими супругами продолжались до тѣхъ-поръ, пока молодая женщина не почувствовала себя беременной; въ то-же время общество сдало мужа въ солдаты. Тогда родители не стали уже удерживать дочь и она уѣхала въ губернскій городъ къ своему мужу солдату. „Зачѣмъ вы отпустили дочь къ мужу?“ спрашивали мы у матери, женщины бойкой и смышленой. „Да какъ ее не отпустить-то? Вѣдь онъ теперь солдатъ, можетъ ее и по этапу вытребовать, не то что крестьянинъ“. „А крестьянинъ не можетъ?“ „Извѣстно, не можетъ, коли не захотѣлъ съ ней жить, какъ слѣдуетъ, по закону“... Этотъ случай, помимо своего юридическаго значенія, имѣетъ еще большой интересъ потому, что мы тутъ наталкиваемся на одно явленіе, которымъ въ крестьянствѣ сильно увеличивается сумма несчастій въ супружеской жизни. Это явленіе есть суевѣріе, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, играющее видную роль въ жизни нашего крестьянства, даже въ наиболѣе развитыхъ его слояхъ. Когда мы просили крестьянъ объяснить, отчего, по ихъ мнѣнію, можетъ произойти такой, нерѣдко встрѣчающійся фактъ, что молодой мужъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, начинаетъ чувствовать къ своей женѣ отвращеніе, доводящее его до безумныхъ крайностей, то крестьяне единодушно объясняютъ это порчей. Сейчасъ явится на сцену и человѣкъ, который имѣетъ свой интересъ въ томъ, чтобы причинить молодымъ зло: въ разсказанномъ случаѣ это была невѣстка, жена брата. Какъ въ Архангельской губерніи, такъ, кажется, и въ остальной Россіи ни одна крестьянская свадьба не обходится безъ знахаря, который приглашается нарочно съ тѣмъ, чтобъ отвращать дѣйствіе злыхъ чаръ, и занимаетъ на свадьбѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Тысячи разныхъ предосторожностей принимаются съ цѣлью не допустить кого-

либо „подшутить“ (по мѣстному выраженію) надъ молодыми. Но эти предосторожности еще болѣе разстраиваютъ и безъ того болѣзненно настроенное воображеніе вступающихъ въ бракъ, и въ результатѣ получается то, что порча свадебъ случается сплошь и рядомъ: въ каждой данной мѣстности не проходитъ года, чтобы не была испорчена свадьба. Желающіе пошутить надъ свадьбой, надо полагать, употребляютъ какія-нибудь снадобья, такъ какъ намъ извѣстно, что иногда съ новобрачными и гостями дѣлаются сильныя конвульсіи и другіе болѣзненные припадки; но чаще причина порчи просто въ разстроенномъ воображеніи. Новобрачные возвращаются изъ церкви, входятъ въ домъ. На порогѣ встрѣчаетъ ихъ невѣстка, которая слыветъ за колдунью и, противъ обычая, раздергиваетъ молодыхъ въ разныя стороны. Гости начинаютъ зловѣще перешептываться, у молодаго упадаетъ сердце. Онъ весь подавленъ мыслью о томъ, что онъ испорченъ, и дѣйствіе порчи дѣйствительно не замедлитъ дать себя знать: онъ перестаетъ чувствовать физическое влеченіе къ своей женѣ. Затѣмъ является отвращеніе къ ней, которое, подъ вліяніемъ варварскихъ традиціонныхъ понятій, выражается побоями и тиранствомъ, и несчастный, измучивъ себя и ни въ чемъ неповинную жену, можетъ кончить преступленіемъ, которое его окончательно губитъ. И жертвами порчи или, точнѣе сказать, своего суевѣрно-настроеннаго воображенія дѣлаются не только молодые супруги, начинающіе свою брачную жизнь, и пожившіе уже не застрахованы отъ подобнаго несчастія, которое, Богъ-знаетъ-зачѣмъ, Богъ-знаетъ-откуда, налетитъ, какъ шквалъ, и внезапно разрушаетъ если не счастіе, то спокойствіе семьи, обращая жизнь въ каторгу. Мы познакомились случайно съ одной молодой замужней крестьянкой. Она жила съ мужемъ въ согласіи, пользовалась относительнымъ достаткомъ; они имѣли уже дѣтей; жена, кажется, была довольна своимъ положеніемъ, мужа мы почти не знали. Намъ не случилось видѣть этой женщины года два-три, и когда увидѣли, то не хотѣли вѣрить глазамъ: вмѣсто здоровой, полной, красивой женщины стоялъ какой-то остовъ, едва напоминающій о прежнемъ. Молодая женщина имѣла основаніе подѣлиться съ нами своимъ горемъ и разсказала исторію. Ея деверь, т.-е. братъ ея мужа, имѣлъ лю-

бовницу, какую-то женщину изъ Пинежскаго или Мезенскаго уѣздовъ. Надо замѣтить, что жители южныхъ уѣздовъ относятся къ Пинегѣ и Мезени съ сильнымъ суевѣрнымъ предубѣжденіемъ и каждаго изъ жителей этихъ уѣздовъ готовы принять за колдуна или колдунью. Любовница такъ приворожила, по словамъ разсказщицы, ея деверя, что тотъ безъ нея не могъ ни быть, ни жить и, наконецъ, женился на ней. Но этого мало. Когда мужъ разсказщицы и она сама стали заявлять свое неудовольствіе по поводу этого неравнаго брака молодаго зажиточнаго крестьянина съ пожилой, некрасивой батрачкой, эта послѣдняя приворожила къ себѣ и мужа разсказщицы, и вотъ это-то обстоятельство и разстроило совершенно семейную жизнь нашей знакомой, и довело ее до настоящаго положенія. «Господи, говорила бѣдная женщина,— не знаю ужь, что и дѣлать съ мужемъ. Задумывается все, молчитъ да сохнетъ, рукъ ни къ какой работѣ приложить не можетъ. Посылаю, посылаю его: съѣзди хоть ты куда-нибудь, въ городъ, что ли, авось легче будетъ. Нѣтъ, говоритъ, сердце болитъ и никуда не двинется. Ужь я рада, чтобъ онъ сбѣгалъ посмотрѣть на нее, на окаянную; сама его посылаю: вѣдь она сказываетъ, что стоитъ ей только въ трубу шепнуть, и ужь онъ непремѣнно придетъ къ ней, а то весь изсохнетъ, тоскуючи». И столько горя слышалось въ этихъ наивныхъ словахъ молодой женщины, что невольно забывалась вся вздорность и нелѣпость причинъ, которыми оно обусловливалось.

Но мы уклонились далеко въ сторону отъ нашего предмета: мы видѣли, что крестьянскій обычай вовсе не требуетъ отъ супруговъ совмѣстной жизни такъ строго, какъ требуетъ законъ. Волостной судъ принимаетъ дѣла и рѣшаетъ ихъ, согласно, обычаю; онъ разлучаетъ жену съ мужемъ, если того требуютъ интересы обиженной стороны, даетъ свою санкцію актамъ, заключаемымъ между супругами и клонящимся къ ихъ разлученію, т.-е. постоянно творитъ проступки противъ роковой для женъ 103 ст., гласящей, что «строго воспрещаются всякіе акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ». Да простятся волостному суду его прегрѣшенія, такъ какъ ими предупреждаются ужасныя катастрофы, приводящія многихъ жертвъ, ни въ чемъ неповинныхъ, кромѣ

своего несчастія, въ преждевременную кровавую могилу или на скамью подсудимыхъ.

Волостной судъ нисколько не стѣсняется утвердить, напр., такой актъ, разлучающій супруговъ. Жена обязывается не входить въ домъ мужа и не вступаться ни въ какое его имущество подъ тѣмъ условіемъ, что онъ ей дастъ на прокормленіе корову съ теленкомъ. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, это дѣлается по желанію той и другой стороны; судъ-же часто разлучаетъ жену съ мужемъ и противъ желанія послѣдняго. Большинству читателей, вѣроятно, никогда не случалось имѣть въ рукахъ рѣшеній волостныхъ судовъ, и потому мы считаемъ нелишнимъ привести одно изъ нихъ цѣликомъ, въ видѣ образца: „крестьянская жена Шелашскаго общества, села Семеновскаго, Маремьяна Никитина Гашева, 39 лѣтъ, явясь къ волостному суду, объявила, что мужъ ея, Илья Лукьяновъ Гашевъ, 39 лѣтъ, съ давняго времени обращается съ ней жестоко, причиняетъ ей безъ всякой вины напрасные и жестокіе побои и болѣе полугода не имѣетъ съ нею супружескихъ отношеній, въ раздѣленіи которыхъ она подозрѣваетъ его съ иными лицами, наконецъ, 26 числа сего августа нанесъ ей жестокіе и безчеловѣчные побои, претерпѣвать которые она признаетъ себя не въ состояніи, а потому и просила внушить мужу ея, чтобы онъ не причинялъ ей напрасно побоевъ и оскорбленій и обходился бы съ ней по-супружески, а между тѣмъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ ссоръ позволить ей отлучиться изъ своего дома для работъ по найму у разныхъ лицъ, хотя на три мѣсяца со взятіемъ съ собою на ея воспитаніе восьмимѣсячной своей дочери, съ которой и жить означенное время отдѣльно отъ мужа съ выдачею ей, въ случаѣ надобности, увольнительныхъ видовъ безъ согласія мужа, отъ котораго она на время отлучки пособія не требуетъ, но съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи въ свой домъ было даваемо ей съ дочерью отъ мужа ея должное содержаніе. Ссорящіеся были вызваны къ волостному суду 26 сего августа. Волостные судьи (такіе-то), спрося крестьянина Илью Гашева о вышеизложенномъ, который въ нанесеніи женѣ своей побоевъ и въ жестокомъ и несупружескомъ съ нею обращеніи сознался, обѣщая впредь жить съ нею по-супружески, не дѣлая побоевъ, но на выдачу ей увольненія на отлучку согла-

сія не изъявилъ, объясняя, что безъ нея некому будетъ заниматься работой, отчего онъ въ хозяйствѣ потерпитъ большой убытокъ, но на совершенное примиреніе съ женой за всѣми убѣжденіями согласія не изъявилъ, отчего и надежды къ человѣчному и супружескому обращенію съ нею не предвидится, напротивъ, предвидится опасность, что онъ можетъ причинить ей болѣе жестокіе побои. А потому волостной судъ постановилъ: 1) крестьянину Ильѣ Гашеву подтвердить съ подпискою, чтобы онъ на будущее время не причинялъ женѣ своей побоевъ и обходился-бы съ нею по-супружески, въ противномъ случаѣ онъ будетъ подвергнутъ заслуженному наказанію, и 2) женѣ его Мареньянѣ Гашевой, согласно ея желанію, дозволить проживать вмѣстѣ съ дочерью ея отдѣльно отъ мужа 3 мѣсяца, съ выдачею, въ случаѣ надобности, увольнительныхъ видовъ безъ согласія ея мужа съ тѣмъ, что когда она возвратится къ мужу, то тотъ обязанъ давать ей съ дочерью должное пропитаніе и обходиться съ нею по-супружески, удаляясь отъ худыхъ поступковъ". (Подписи судей, истицы и отвѣтчика).

Изъ этого рѣшенія видно, что судъ сдѣлалъ для жены, все, что могъ, и чего только она сама требовала, а главное, освободилъ ее отъ непріятностей совмѣстной жизни съ мужемъ, несмотря на то, что мужъ, удерживая жену, представлялъ такой полновѣсный доводъ, какъ разстройство хозяйства. Такъ поступали волостные суды во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какіе только есть въ находящихся у насъ рѣшеніяхъ. Ни одинъ изъ нихъ ни разу не отказался, на основаніи какихъ-либо соображеній, освободить жену отъ власти мужа, когда она просила объ этомъ,—и просила, разумѣется, не безъ основанія: безъ крайности женщина, конечно, не пожелала-бы оторваться отъ семьи, отъ своего угла и куска хлѣба.

Но если жена можетъ оставить своего мужа, даже противъ его воли, когда находитъ невыносимою общую жизнь,—можетъ-ли, наоборотъ, мужъ оставлять свою жену? Обратимся опять къ нашимъ матеріаламъ. Нѣтъ въ нихъ ни одного случая, чтобы мужъ обращался въ волостной судъ съ просьбою оставить жену, да и это ему и не нужно: если онъ не хочетъ жить съ нею, то пользуется своимъ правомъ сильнѣй-

шаго и просто ее выгоняетъ. Онъ, очевидно, считаетъ себя въ правѣ такъ поступать, да и естественно: если жена можетъ оставить его, то отчего онъ не можетъ ее? Прогоняетъ мужъ жену или потому, что крайне бѣденъ, такъ что затрудняется ее пропитывать, или, если живетъ съ родителями, то по ихъ желанію, вслѣдствіе неудовольствій, постоянно возникающихъ между свекромъ, свекровью и нелюбимою невѣсткою. Большая часть жалобъ, приносимыхъ женщинами, членами большихъ семей, обращаются прямо не противъ мужа, но противъ его родни, и изъ родни главнымъ образомъ противъ свекровя. Вотъ какъ описываетъ свое положеніе въ семьѣ молодая женщина: „Свекровь ея часто укоряетъ ее, что все разворовала, и когда она, Парасковья, будетъ ѣсть, то свекровь ея выражаетъ, что по половинѣ коровы съѣдаетъ, и сверхъ того, она, свекровь, приказываетъ сыну, Артемью, убирать ее, Парасковью, куда знаетъ, черезъ каковое наущеніе свекрови мужъ наноситъ ей побои, выгоняетъ ее вонъ изъ дому...“ Свидѣтели по этому дѣлу показывали, что „въ разное время въ семействѣ крестьянина (такого-то) производятся драки и ссоры и слыхали ревъ, и когда послѣ ссоры выбѣгаетъ изъ дому жена Артемья, Парасковья, то объявляетъ, что не даютъ ей ѣсть и выгоняютъ изъ дому вонъ и что всѣ эти непріятности происходятъ отъ свекрови ея... Когда вѣяли онѣ (свидѣтельницы) на гумнѣ хлѣбъ, то слышали гдѣ-то и чей-то ревъ и потомъ пришла на гумно вдова Маремьяна (свекровь), сказавъ, что сынъ ея Артемій выгоняетъ невѣстку вонъ изъ дому... „Еще свидѣтель показалъ, что видѣлъ, „какъ Артемій выгоняетъ жену свою вонъ изъ дому, а она уперлась въ ворота руками и ногами и кричитъ: „караулъ, убили...“ Вотъ печальная картина положенія женщины въ тѣхъ остаткахъ большой семьи, какіе встрѣчаются въ Архангельской губерніи. Женщинѣ тамъ гораздо хуже, чѣмъ въ малой семьѣ: родители мужа считаютъ себя вправѣ бить невѣстку, не давать ей ѣсть и даже прогонять ее изъ дому, отъ мужа. Жены прогоняются въ большей части случаевъ изъ такихъ семей: изъ малой семьи мужъ почти никогда не гонитъ жену, такъ какъ онъ безъ нея рѣшительно не можетъ обойтись, если только имѣетъ хоть какое-нибудь хозяйство.

Прогоняя жену, мужъ вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно отказываетъ ей въ содержаніи, такъ что почти всегда въ крестьянской практикѣ вопросъ о правѣ мужа прогнать отъ себя жену связанъ съ другимъ, не менѣе важнымъ вопросомъ объ обязаности его давать ей содержаніе. Извѣстно, какъ относится къ этому предмету законъ; въ 106 ст. X т. сказано: „онъ (т.-е. мужъ) обязанъ давать женѣ пропитаніе по состоянію и возможности своей." Кажется, чего-бы лучше? Но на дѣлѣ выходитъ вотъ что: вопервыхъ, жена ничего не можетъ требовать отъ мужа, если живетъ отъ него отдѣльно, такъ какъ законъ не признаетъ самовольнаго разлученія супруговъ; во-вторыхъ, если она живетъ и вмѣстѣ съ мужемъ, ея право получать отъ мужа содержаніе ничѣмъ не гарантировано, такъ какъ въ законѣ нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій по этому вопросу. Хочетъ мужъ, — даетъ женѣ удовлетворительное содержаніе „по возможности своей", не хочетъ,—даетъ самое скудное и неудовлетворительное, хотя-бы и имѣлъ возможность содержать жену лучше. Въ низшихъ слояхъ нашего городского населенія, напр., можно видѣть сплошь и рядомъ, что мужъ не даетъ женѣ никакого содержанія, пропивая свои заработки или проживая ихъ съ посторонними женщинами: кто и какъ можетъ принудить такого мужа исполнять свою законную обязанность? Жена обыкновенно ничего не ищетъ съ мужа, не считая себя вправѣ искать и желая только одного, чтобы мужъ не мѣшалъ ей своимъ трудомъ заработывать себѣ пропитаніе. А кто не знаетъ хоть одной такой супружеской четы, гдѣ супругъ не только не даетъ женѣ содержанія, а напротивъ, самъ живетъ на ея содержаніи, и женщина принуждена бываетъ добывать тяжкимъ трудомъ, а иногда и разными постыдными средствами, пропитаніе для себя, для дѣтей и для мужа-лѣнтяя или пьяницы, отъ котораго законъ не даетъ ей права отдѣлиться, являясь тутъ неумолимо строгимъ и послѣдовательнымъ.

Какъ-же относится къ такимъ обстоятельствамъ крестьянскій обычай и его выразитель—волостной судъ?

Обычай не есть что-либо совершенно законченное, ясно и точно формулированное. Правда, есть нѣсколько обычаевъ, имѣющихъ твердость и устойчивость законнаго опредѣленія; но большинство ихъ въ высшей степени эластично, постоянно

видоизмѣняется примѣняясь къ обстоятельствамъ. То-же самое замѣчается и въ рѣшеніяхъ. Есть нѣсколько вопросовъ, гдѣ заранѣе можно предсказать, въ какомъ духѣ будетъ рѣшеніе, но число такихъ вопросовъ невелико; къ тому-же обычаи по вопросамъ такого рода, установившись твердо, имѣютъ для крестьянъ большую обязательную силу и рѣдко нарушаются; но въ большинствѣ другихъ вопросовъ, къ которому принадлежитъ и вопросъ о правѣ мужа прогнать жену и обязанности его давать ей пропитаніе, волостной судъ поступаетъ очень разнообразно. Разнообразіе это происходитъ или отъ различныхъ обстоятельствъ и условій дѣла, которыя волостной судъ всегда принимаетъ въ соображеніе и на основаніи которыхъ онъ склоняется то въ одну, то въ другую сторону, или, наконецъ, отъ того, что является въ данномъ случаѣ основнымъ мотивомъ рѣшенія, традиція-ли, требующая принесенія женщины въ жертву мужчинѣ, или здравый смыслъ, заставляющій оказывать защиту женщинѣ, или, въ исключительныхъ случаяхъ, законъ (послѣднее обстоятельство бываетъ тогда, когда окажется въ числѣ судей или писаремъ грамотникъ и законникъ, естественно вліяющій на своихъ товарищей). Вотъ одно рѣшеніе, составленное, очевидно, подъ вліяніемъ такого грамотника и законника: жена проситъ волостной судъ, чтобъ онъ заставилъ мужа кормить ее, такъ какъ тотъ рѣшительно отказываетъ ей въ пропитаніи. Судъ отказывается сдѣлать что-нибудь для жены на томъ основаніи, что „отъ суда не зависитъ заставленіе мужа жену *воспитать* (мѣстное выраженіе, значитъ прокормить), такъ какъ эти сдѣлки дѣлаются по суду и чину духовному": воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда всѣ семейныя дѣла рѣшались духовнымъ, а не гражданскимъ порядкомъ. Впрочемъ, судъ, кажется, отказалъ женѣ главнымъ образомъ оттого, что мужу самому нечего было ѣсть, а ссылка на законъ есть ничто иное, какъ простое желаніе покрасивѣе мотивировать свое рѣшеніе.

Мужъ и его родители выгоняютъ жену изъ дому, не даютъ ей пропитанія и не соглашаются взять ее назадъ. Собственно дѣлается это по инициативѣ свекра и свекрови. На судѣ родители объясняютъ, что прогнали невѣстку „за невѣжество и нерасторопность". Самая неопредѣленность обви-

ненія показываетъ, какъ мало основанія было для него на самомъ дѣлѣ, и это подтвердили сосѣди свидѣтели. Судъ приказываетъ свекру и свекрови вознаградить невѣстку за лѣтнюю работу, выкупить ея платье, положенное ими въ закладъ, и уплатить взятыя у нея взаймы деньги. Затѣмъ водворяютъ жену снова къ мужу, приказывая послѣднему не обижать жены и жить съ нею въ согласіи; но такъ какъ онъ выгналъ жену въ первый разъ, то порѣшили его не наказывать за это. Что можно вывести изъ этого рѣшенія? За мужемъ какъ будто не признается право выгнать жену и отказать ей въ пропитаніи, но, признавая дѣйствія мужа недозволенными, судъ, съ другой стороны, не считаетъ возможнымъ отнестись строго къ его проступку. Очевидно, судъ самъ недоумѣваетъ, какъ поступать въ такого рода дѣлахъ.

Вотъ опять является жена съ жалобой на мужа и его родителей: „выгнали они меня вонъ изъ дому и не впускаютъ болѣе, но по случаю неурожая хлѣба трудно пропитываться черезъ прошеніе милостыни, и сверхъ того я беременна"... Какъ поступаетъ волостной судъ въ этомъ случаѣ? Онъ совѣтуетъ мужу взять жену, но не считаетъ себя въ правѣ принудить мужа къ повиновенію, и потому постановляетъ на этотъ случай, если онъ не захочетъ ее взять, взыскивать ежемѣсячно по три рубля на содержаніе жены. Этимъ рѣшеніемъ точно и опредѣленно признается за женой право на общее съ нимъ жительство; между тѣмъ на основаніи положительнаго закона жена могла-бы требовать, чтобы мужа ея заставили жить съ нею вмѣстѣ.

Рѣшеніе, приведенное выше,—рѣшеніе наиболѣе правильное,—къ сожалѣнію, все-таки надо считать явленіемъ частнымъ, а не выразителемъ взглядовъ, общихъ всему крестьянству или даже крестьянству данной мѣстности. У крестьянъ Архангельской губерніи не могъ выработаться твердый, установившійся взглядъ на этотъ предметъ, такъ какъ большія семьи тутъ рѣдки, а изъ малой семьи мужъ не можетъ прогнать жену, такъ какъ она ему безусловно нужна и если такіе случаи не невозможны и въ малой семьѣ, то все-таки они несравненно рѣже, чѣмъ въ большой. Но хотя въ малой семьѣ мужъ и не прогоняетъ жену, однако, случается нерѣдко, что онъ стѣсняетъ ее въ пропитаніи. Главная причина этого

крайняя бѣдность нѣкоторыхъ уѣздовъ губерніи, бѣдность, которая въ неурожайные годы доводитъ людей до того, что разрываются самыя тѣсныя родственныя узы въ виду инстинкта самосохраненія: семьи расходятся въ разныя стороны, а кто живетъ вмѣстѣ,—считаетъ каждую крошку, съѣдаемую другимъ. Нѣтъ нужды возстановлять тѣ ужасныя картины, которыя сдѣлались извѣстны всей читающей Россіи послѣ жестокаго 1867 года; но спрашивается, воможна-ли какая-нибудь рѣчь объ юридическихъ отношеніяхъ, правахъ и обязанностяхъ въ виду ежеминутно угрожающей голодной смерти?

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда жена живетъ вмѣстѣ съ мужемъ и жалуется на то, что мужъ не кормитъ ее, волостной судъ приказываетъ мужу давать женѣ пропитаніе; если-же мужъ не даетъ пропитанія женѣ и дѣтямъ, пьянствуя и пропивая свои заработки, то и наказываетъ его, обязывая не пропивать впередъ денегъ, а содержать семейство.

Мы не разъ уже имѣли случай говорить, какую видную роль играютъ въ крестьянской семьѣ побои. Даже тамъ, гдѣ жена занимаетъ относительно лучшее положеніе, какъ хозяйка и самостоятельная распорядительница въ своей хозяйственной области, даже тамъ нерѣдко берутъ верхъ дикіе инстинкты, и мужъ избиваетъ жену, хотя и самъ относится къ такимъ явленіямъ съ порицаніемъ. Посмотримъ-же, какъ рѣшаетъ волостной судъ дѣла по жалобамъ женъ на побои. Жалуются жены обыкновенно только на жестокіе побои, „выносить которые признаютъ себя не въ состояніи"; болѣе легкіе проходятъ, значитъ, и такъ безъ суда. И не мудрено: большинство крестьянокъ еще до сихъ поръ считаетъ мужа имѣющимъ право поучить ее. Мы видѣли, въ какомъ рабскомъ положеніи находилась женщина въ родовой семьѣ. Какъ-бы ни улучшилось ея положеніе въ малой семьѣ, все-же не можетъ оно вдругъ переродить ее. Да и улучшеніе ея положенія, значительное въ сферѣ имущественныхъ отношеній, идетъ крайне медленно въ сферѣ отношеній личныхъ, постоянно встрѣчая препятствія въ твердо укоренившихся дикихъ теоріяхъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ. Какъ-же относятся къ такого рода явленіямъ мужчины въ лицѣ своихъ представителей—волостныхъ судей?

Мужъ-самодуръ бьетъ жену, такъ что она принуждена по трое сутокъ скрываться на гумнѣ, не смѣя зайти въ домъ. На спросъ суда о причинахъ такого дурного обращенія съ женой, мужъ объясняетъ, что жена будто-бы „просилась къ отцу въ гости съ 9-ти недѣльнымъ младенцемъ, но я ее не отпустилъ, а приказалъ молоть крупу, а она мнѣ не повиновалась". Дѣло оканчивается мировой, и мужъ обязывается не бить жену. Это рѣшеніе можетъ служить прототипомъ рѣшеній по дѣламъ подобнаго рода. Всѣ они отличаются какою-то неопредѣленностью. Очевидно, судъ, рѣшая такія дѣла, чувствуетъ себя между двухъ огней: и не хочется оставить жену безъ защиты, не удовлетворивъ ее хоть какъ-нибудь, и не хочется, съ другой стороны, очень стѣснить мужа въ его правѣ поучить жену. Поэтому судъ старается вникнуть въ причину неудовольствій между супругами, и если эта причина представляется устранимою, то и устраняетъ ее; если-же нѣтъ, то обязываетъ мужа не бить жену, жить съ нею „въ мирѣ, любви и согласіи", но никогда не назначаетъ наказанія за побои, какъ назначаетъ за другіе проступки противъ жены, напр., за нарушеніе ея имущественныхъ правъ—растрату приданаго или что-нибудь въ этомъ родѣ. Назначаются-же наказанія развѣ въ томъ случаѣ, когда мужъ является упорнымъ рецидивистомъ, который не только не исправляется внушеніями суда, но еще, какъ видно изъ одного рѣшенія, „похваляется, что жену въ полъ втопчу, и при живности ея болѣе никакого согласія дѣлать не буду, кромѣ побоевъ",—за все это мужъ приговаривается къ наказанію розгами. Но надо сказать, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ имущественный вопросъ, вліяніе котораго, вѣроятно, способствовало усиленію наказанія: мужъ требовалъ отъ жены ея имущества—приданаго платья и заработанныхъ ею денегъ. Въ нашихъ рѣшеніяхъ есть два случая чрезвычайно жестокаго обращенія мужей съ женами. Въ одномъ случаѣ, мужъ, находясь въ связи съ другою женщиной, такъ билъ свою жену, что она бросилась въ рѣку, чтобъ избѣжать мужа, съ которымъ встрѣтилась на берегу. Въ другомъ случаѣ, мужъ разбилъ своей беременной женѣ голову и, поваливъ на землю, топталъ ее ногами. Волостной судъ отказался разбирать жа-

лобы женъ въ этихъ случаяхъ, предоставивъ ихъ на рѣшеніе уголовнымъ порядкомъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

Вотъ все, что мы могли извлечь изъ имѣющихся у насъ рѣшеній волостныхъ судовъ на счетъ тѣхъ отношеній супруговъ, которые подводятся закономъ подъ рубрику личныхъ, хотя и не совсѣмъ точно, такъ какъ тутъ есть, напр., вопросъ о пропитаніи и содержаніи, который долженъ былъ-бы принадлежать къ области отношеній имущественныхъ.

Если бросить coup d'oeil на разсмотренный отдѣлъ рѣшеній, можно замѣтить въ немъ много сбивчиваго, неопредѣленнаго, даже противорѣчащаго, такъ какъ по многимъ вопросамъ обычай еще не отлился въ законченную форму, а самъ видоизмѣняется и развивается, приспособляясь къ обстоятельствамъ. Впечатлѣніе, производимое рѣшеніями, также сбивчиво, неопредѣленно, противорѣчаще. Съ одной стороны, изъ нѣкоторыхъ фактовъ, представляемыхъ рѣшеніями, видно, какъ могучи въ народѣ традиціонные элементы, заимствованные изъ понятій родоваго быта, желающіе держать женщину на степени рабы, безпрекословно повинующейся своему господину и рѣшительно не имѣющей никакой собственной воли, но съ другой стороны, можно замѣтить, что на сцену появляются уже другія живыя силы, стремящіяся дать женщинѣ нѣкоторую самостоятельность, защитить ее отъ деспотизма мужа. Нельзя не замѣтить, что крестьянскій судъ, руководствующійся своими обычными понятіями о справедливости, относится къ женщинѣ мягче, чѣмъ законъ. Затрудненія, вытекающія изъ брачнаго союза, разрѣшаются у крестьянъ проще, цѣлесообразнѣе и справедливѣе, чѣмъ у другихъ сословій; интересы слабой стороны, т.-е. женщины, болѣе принимаются во вниманіе въ волостныхъ, чѣмъ въ какихъ-нибудь другихъ судахъ, обязанныхъ точно руководствоваться закономъ.

Посмотримъ теперь, какъ опредѣляются въ волостныхъ судахъ имущественныя права женщины.

Крестьянскій обычай такъ-же признаетъ раздѣльность имуществъ супруговъ, какъ и законъ, но понимаетъ ее нѣсколько иначе. Между крестьянами нѣтъ такой строгой разграниченности имущественныхъ сферъ, какая принимается закономъ. Есть часть имущества жены, въ которую мужъ, по обычаю,

никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ вступаться: это такъ называемое въ Архангельской губерніи платное приданое, т.-е. приданое, состоящее изъ различныхъ принадлежностей одежды. Считается для мужа зазорнымъ дѣломъ изъявлять притязанія на это имущество жены и подвергается посмѣянію та женщина, которая дозволяетъ мужу такое вмѣшательство. Но въ приданое жены входитъ не только одежда; иногда, хотя и рѣдко, у богатыхъ крестьянъ, женщина получаетъ отъ родителей деньги, скотъ и т. п. Это уже не называется собственно приданымъ, а надѣлкомъ. Право жены на надѣлокъ далеко не такъ безусловно, какъ право на приданое. Деньги иногда, по предварительному условію, идутъ прямо въ руки мужа и онъ тогда распоряжается ими, какъ своею собственностью, иногда-же онѣ остаются у жены; скотъ-же, пришедшій въ приданое, никогда не считается полною собственностью жены на томъ основаніи, что его надо кормить, а кормить приходится сѣномъ, родившимся на „душѣ" мужа. Оттого-то скотъ относится къ той части имущества, которая составляетъ общую собственность супруговъ; почти вся область домашняго хозяйства составляетъ именно такую общую собственность. Въ этой общей собственности главная роль распорядительницы принадлежитъ женщинѣ; многими предметами она можетъ распоряжаться совершенно безконтрольно: продаетъ, покупаетъ, даетъ взаймы и т. д. Власть и участіе мужа въ большинствѣ случаевъ тутъ чисто номинальныя. Въ нѣкоторыхъ, несравненно болѣе рѣдкихъ, случаяхъ мужъ возвращается къ старымъ порядкамъ, вмѣшивается во все, требуетъ во всемъ отчета и отнимаетъ у жены всякую самостоятельность въ какой-либо имущественной области, кромѣ собственно приданаго; но такіе случаи, повторяемъ, очень рѣдки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прочно установилась малая семья. И хотя уклоненія къ старымъ порядкамъ и формамъ случаются, но уже носитъ болѣе или менѣе исключительный характеръ. Нельзя не упомянуть здѣсь объ одномъ замѣчательномъ рѣшеніи, которое стоитъ совсѣмъ особнякомъ и представляетъ интересный случай возвращенія къ отжившимъ юридическимъ воззрѣніямъ, рѣшительно не совмѣстнымъ съ настоящимъ устройствомъ крестьянской семейной жизни, т.-е. малой семьи. Жена тайно покупаетъ у

крестьянина краденное масло. Когда это обстоятельство открылось, то въ судъ призываютъ не провинившуюся женщину, а ея мужа и наказываютъ его трех-суточнымъ арестомъ, такъ-какъ, по объясненію суда, „жена ничего не должна покупать и продавать безъ дозволенія мужа.“ Между тѣмъ, навѣрное у каждаго изъ семейныхъ крестьянъ, подписавшихъ рѣшеніе, жена сама и покупаетъ, и продаетъ, и имѣетъ собственныя деньги, которыми распоряжается по произволу. Вотъ какъ живуча бываетъ сила преданія; нежданно-негаданно врывается она на поверхность совершенно иного порядка вещей, гдѣ она является чѣмъ-то въ высшей степени аномальнымъ и уродливымъ. Съ какой-бы, казалось, стати вдругъ выступить родовому принципу отвѣтственности мужа за проступокъ жены, когда всѣ новые порядки утвердили за женщиной право на имущественную самостоятельность, обусловливающую, конечно, и отвѣтственность за противозаконное распоряженіе своимъ имуществомъ?

Между всѣми рѣшеніями волостныхъ судовъ это единственное, которымъ признается такое полное отсутствіе имущественныхъ правъ у жены. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, представляемыхъ рѣшеніями, дѣло ставится совершенно иначе. Приданое жены всегда и безусловно ограждается волостнымъ судомъ отъ посягательствъ мужа, который нерѣдко и подвергается наказанію за это посягательство. Мало того: если жена жалуется на растрату мужемъ вещей, относящихся къ общему семейному имуществу, то и тутъ волостной судъ считаетъ себя въ правѣ запрещать ему растрату и даже подвергаетъ его наказанію, не обращая вниманія на то, что растрачиваемыя вещи нажиты имъ и могутъ поэтому считаться его собственностью. Не знаемъ, однако, слѣдуетъ-ли это считать крестьянскимъ обычаемъ? Можетъ быть, нужно приписать такое вмѣшательство волостнаго суда въ имущественныя дѣла вліянію „Сельскаго устава о благоустройствѣ крестьянъ“, которымъ обязанъ руководствоваться волостной судъ; въ этомъ уставѣ сказано: „наказываютъ тѣхъ, кто, по нерадѣнію, лѣности, пьянству и тому подобной развратной жизни, разстраиваютъ свое хозяйство и сдѣлаются несостоятельными къ платежу казенныхъ податей и повинностей.“ Разумѣется, крестьянскій міръ, связанный круговою порукой,

зорко блюдетъ за каждымъ своимъ членомъ, имѣя свой интересъ заботиться о томъ, что-бы онъ какъ-нибудь не лишился способности быть платежной душой: будь или не будь уставъ, крестьяне, можетъ-быть, силою тяжелой экономической необходимости должны-бы были дойти до того-же вмѣшательства въ частныя дѣла, какое теперь требуется уставомъ. И вмѣшательство иногда простирается до возмущающихъ предѣловъ. Крестьянское общество или волостной судъ считаютъ себя вправѣ усчитывать каждую копѣйку, которую бѣдная податная душа могла употребить не на исполненіе тѣхъ обязанностей, для которыхъ она, кажется, только и существуетъ на свѣтѣ, а „на безполезныя потребности." Жена жалуется, что мужъ не даетъ пропитанія. Мужъ оправдывается тѣмъ, что годъ голодный, и потому рѣшительно не имѣетъ средствъ ее содержать. Нѣтъ, разсчитываетъ волостной судъ, врешь: ты живешь у хозяина, на хозяйскомъ содержаніи, жалованья получаешь 20 рублей въ годъ, вотъ тебѣ и есть чѣмъ уплатить подати; ну, а хлѣбъ-то, 9 мѣръ, что родился на твоемъ участкѣ, гдѣ? Не отдалъ женѣ, не можешь дать отчета въ томъ, что употребилъ его, какъ прилично податной душѣ, значитъ, вѣрно, истратилъ „на безполезныя потребности, чѣмъ и выказываешь свои порочныя наклонности", ну, и наказать розгами съ строгимъ внушеніемъ, „чтобъ удерживался впередъ отъ растраты своего достоянія". Тяжелое впечатлѣніе производитъ это рѣшеніе: возмущаетъ сильно это вмѣшательство, которое какъ-бы не хочетъ признать въ человѣкѣ ничего, кромѣ способности къ отбыванію податей; но что-же дѣлать? Все подчиняется только желѣзной, роковой силѣ экономической необходимости. Волостной судъ, конечно, правъ въ своемъ стремленіи удовлетворить жену; жена права, требуя отъ мужа помощи для себя и для своихъ дѣтей, такъ какъ женщинѣ трудно прокормиться и самой, а не то что прокормить дѣтей въ неурожайный годъ; но кто осудитъ и мужа за то, что онъ не можетъ удовлетвориться хозяйскимъ харчомъ и исправнымъ платежомъ податей, а имѣетъ и еще кое-какія „безполезныя" потребности. Когда сельское общество замѣчаетъ, что хозяйство супруговъ идетъ плохо по ихъ винѣ, напр., вслѣдствіе взаимныхъ неудовольствій, то доноситъ объ этомъ обстоятельствѣ волостному суду, который

обязываетъ супруговъ жить согласно, а чтобы это обязательство чувствовалось ими сильнѣе, не преминетъ наказать того и другого за несогласную жизнь.

Изъ этихъ примѣровъ видно, до чего доходитъ вмѣшательство крестьянскаго общества въ дѣла своихъ членов... Растрата мужемъ имущества, даже его собственнаго, запрещается и влечетъ за собою наказаніе. Это мы приписываемъ отчасти вліянію закона, а главное—экономической необходимости, ставящей на первомъ планѣ не самостоятельную личность крестьянина, а его способность къ отбыванію податей. Но обычай, защищающій имущество жены отъ мужа, есть обычай совершенно оригинальный, и о происхожденіи его было уже говорено выше. Онъ такъ твердо установился, что и нарушеніе его бываетъ сравнительно рѣдко. Развѣ какой-нибудь пьяница стащитъ въ кабакъ женинъ платокъ, чтобъ опохмѣлиться, или въ минуту безвыходной крайности рѣшится мужъ продать или заложить что-нибудь изъ вещей жены на покупку хлѣба: но оба эти случая уже выходятъ изъ колеи обыденнаго теченія вещей, которымъ заправляетъ обычай. Интересно объясненіе, которое даетъ мужъ, въ одномъ рѣшеніи, по поводу обвиненія его женою въ растратѣ имущества; онъ объясняетъ, что расточаетъ имущество и пьянствуетъ „отъ постоянныхъ ругательствъ жены и *отказъ* въ управленіи хозяйствомъ“.

Выше мы представили въ общихъ чертахъ наслѣдственныя права жены по крестьянскимъ обычаямъ. Разсмотримъ теперь, какъ относится волостной судъ къ правамъ жены на обезпеченіе послѣ смерти мужа. Для удобства сгруппируемъ рѣшенія и потомъ сдѣлаемъ выводы по каждой группѣ: сначала посмотримъ, какъ опредѣляются права вдовы неотдѣленнаго члена большой семьи, бездѣтной и имѣющей дѣтей, затѣмъ право бездѣтной вдовы отдѣленнаго самостоятельнаго члена. Вдовѣ отдѣленнаго члена, имѣющей дѣтей, не приводится имѣть дѣло съ судомъ, такъ-какъ ея права, какъ полной распорядительницы, если не собственницы имущества мужа признаются безспорными и никому не придетъ въ голову ихъ нарушить.

Молодая вдова неотдѣленнаго сына обыкновенно послѣ смерти мужа беретъ свое приданое, кое-что изъ вещей мужа, до-

стающееся ей по обычаю и отправляется обратно къ своимъ родителямъ; при этомъ волостной судъ обязываетъ иногда свекра дать ей еще въ пособіе и единовременную отсыпь (извѣстное количество хлѣба), вѣроятно, принимая въ разсчетъ ея работы на семью. И она отправляется куда-нибудь вонъ изъ дому покойнаго мужа, такъ какъ ей не можетъ быть пріятно оставаться во власти чужого сверка; полный деспотическихъ замашекъ, онъ всегда готовъ раздѣлаться съ подчиненною невѣсткою по-свойски: и побьетъ ее, и откажетъ ей въ пропитаніи, и выгонитъ ее изъ дому, и будетъ продавать ея вещи, какъ показываютъ рѣшенія. Но все-таки, если-бъ ей некуда было дѣться и она захотѣла-бы остаться у свекра, онъ обязанъ кормить ее, за что, конечно, она платитъ своимъ трудомъ, или, наконецъ, еслибъ онъ не могъ кормить за недостаткомъ средствъ, то обязанъ дать хотя помѣщеніе. Если женщина и не имѣетъ дѣтей, но жила долго въ семьѣ мужа, то этимъ она получаетъ право на обезпеченіе отъ семьи, въ которой она работала. По одному рѣшенію, женщина-вдова проситъ взыскать съ своего деверя обуви и одежды за 16 годовъ, проведенныхъ ею въ общей семьѣ, и затѣмъ требуетъ особаго помѣщенія въ домѣ деверя. Деверь и соглашается отвести ей для житья особую горенку, обязуясь скласть въ ней печь, съ тѣмъ, чтобы дрова для отопленія приготовляла невѣстка сама, а вывозила ихъ на лошади деверя, а для содержанія ея обязуется дать въ первый годъ по раздѣлѣ отсыпного хлѣба ржи 6 четвериковъ и ячменя 4 четверика, молока одно ведро, масла 3 фунта, картофеля 3 четверика, брюквы 3 четверика, капусты половину гряды; а въ слѣдующемъ году хлѣба—ржи 3 четверика, ячменя 1 четверикъ и овса 1 четверикъ; въ будущіе годы давать ей по 2 четверика ржи и по 1 четверику ячменя каждогодно. Затѣмъ невѣстка обязуется ничего болѣе не требовать отъ деверя.

Однимъ изъ рѣзкихъ доказательствъ того значенія, какое имѣетъ въ юридическихъ воззрѣніяхъ крестьянства трудъ, есть право наслѣдованія бездѣтной жены послѣ отдѣленнаго мужа, если только они жили вмѣстѣ продолжительное время. Права женщины на имущество, пріобрѣтенныя трудомъ, вложеннымъ ею для поддержанія и приращанія этого имущества, заставляютъ отступать всѣ другія, права, основанныя на

родствѣ. Иногда отецъ изъявляетъ претензіи на имущество своего отдѣленнаго сына, показывая готовность взять невѣстку къ себѣ и дать ей содержаніе; но судъ отказываетъ свекру въ такой просьбѣ, если невѣстка дѣйствительно жила съ мужемъ довольно долго. Да если-бъ жена жила съ мужемъ и не долго, но помогала ему, кромѣ своего труда, и имуществомъ,—этимъ она получаетъ право на наслѣдство послѣ мужа; такъ, по одному рѣшенію, бездѣтная вдова получаетъ домъ, оспариваемый свекромъ, такъ-какъ этотъ домъ былъ выстроенъ послѣ раздѣла при помощи ея приданаго.

Вдова отдѣленнаго члена семьи, имѣющая дѣтей, признается наслѣдницей или, по крайней мѣрѣ, полной распорядительницей имущества мужа, и права ее на-столько неоспоримы, что не возникаетъ никакихъ дѣлъ по этому поводу. Вмѣстѣ съ имуществомъ мужа она беретъ на себя и долговыя обязательства, лежащія на этомъ имуществѣ; впрочемъ, только въ такомъ случаѣ, если имущество достаточно велико, чтобъ могло вынести тяжесть этихъ обязательствъ. Если-же оно не такъ велико, чтобъ могло обезпечить жену, то отъ нея не требуютъ уплаты долговъ, особенно если дѣло идетъ не о частныхъ долгахъ, а о казенныхъ: такіе долги взыскиваются обыкновенно съ поручителей, жена-же или вовсе не участвуетъ въ платежѣ, или участвуетъ такою долей, которая считается для нея посильной.

Вотъ и все, что я могла извлечь изъ тѣхъ матеріаловъ, которыми располагала. Глубоко сознаю, какъ всего этого недостаточно для сколько-нибудь удовлетворительной характеристики предмета; но меня успокоиваетъ мысль, что въ этой области, такъ мало тронутой, можетъ быть полезно и мое немногое.

Сдѣлаю теперь сжатое resumé всего сказаннаго выше.

Два противоположныя начала господствуютъ въ жизни русскаго крестьянства. Одно—продуктъ древнѣйшихъ эпохъ народной жизни—начало патріархальное, родовое, подавляющее личность; другое—результатъ дальнѣйшаго развитія народа, приспособлявшагося къ окружающимъ его условіямъ,—начало экономическое, трудовое, стремящееся вызвать къ жизни самостоятельную личность. Все по происхожденію—

вотъ лозунгъ одного; все по труду—лозунгъ другаго. Понятно, какой важный шагъ въ прогрессивномъ смыслѣ сдѣлала жизнь, выработавъ второй лозунгъ въ замѣну перваго. Съ измѣненіемъ началъ измѣнялись и внѣшнія формы, въ какихъ проявлялись эти начала: чисто-патріархальную задругу смѣняетъ великорусская семья съ замѣтно развитымъ уже экономическимъ характеромъ; великорусская большая семья смѣняется малой семьей, такой формой, гдѣ личность можетъ найти себѣ наибольше простора.

Патріархальныя основы жизни очень живучи. Крайне упорно борются они противъ новыхъ началъ, крайне трудно и медленно уступаютъ имъ поле битвы; но ни въ чемъ ихъ живучесть не оказывается такъ рѣзко, какъ въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыми опредѣляется положеніе въ семьѣ женщины. Какую-бы форму семьи въ народѣ ни взяли мы, вездѣ патріархальныя начала выступаютъ могучею силой, подавляющею личность женщины, лишающею ее самостоятельности. Только въ позднѣйшей формѣ малой семьи, въ ея экономическомъ устройствѣ, является зародышъ противодѣйствія патріархальнымъ началамъ. Довольно рѣзко проявляется это противодѣйствіе въ сферѣ отношеній имущественныхъ, гораздо слабѣе въ сферѣ отношеній личныхъ. Но какъ-бы то ни было, здоровый зародышъ есть; дѣло въ томъ, какъ пойдетъ его развитіе. Если это развитіе будетъ предоставлено, какъ до сихъ поръ и было, исключительно собственнымъ силамъ народа, оно будетъ совершаться, но совершаться съ тою, если можно такъ выразиться, зоологическою медленностью, которою отличаются всѣ процессы развитія, гдѣ сознаніе, мысль не участвуютъ, какъ дѣятельныя, движущія силы. Чтобъ ускорить эти процессы, единственное средство—внести въ нихъ сознательную мысль.

СЕМЕЙНЫЕ РАЗДѢЛЫ.

Читатель, находящійся au courant текущихъ событій, не удивится, что мы заводимъ рѣчь о семейныхъ раздѣлахъ (у крестьянъ). Онъ, вѣроятно, еще не успѣлъ забыть газетныхъ извѣстій, которыми доводилось до свѣдѣнія, что правительство, черезъ свои органы собираетъ свѣдѣнія и мнѣнія насчетъ раздѣловъ, видя въ нихъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ источниковъ общаго крестьянскаго экономическаго разстройства. Собираніе этихъ свѣдѣній и мнѣній есть, очевидно, первый шагъ къ мѣропріятіямъ, направленнымъ противъ раздѣловъ.

Семья—основная общественная ячейка. Всякое воздѣйствіе на нее должно—такъ или иначе, но непремѣнно глубокимъ, кореннымъ образомъ—отразиться на всемъ общественномъ организмѣ. Поэтому обсужденіе этого вопроса никакъ не можетъ быть сочтено лишнимъ, тѣмъ болѣе что литература, вообще говоря, обходила его своимъ вниманіемъ.

Все возрастающее экономическое разстройство, которое, какъ по наклонной плоскости, увлекаетъ крестьянство, а за нимъ и всю страну въ какую-то зіяющую, мрачную и невѣдомую бездну, есть фактъ, не возбуждающій сомнѣнія даже въ сферахъ наиболѣе оптимистически настроенныхъ. Съ другой стороны несомнѣнно и то, что семейные раздѣлы, со времени освобожденія крестьянъ, страшно усилились: точныхъ цифръ, которыя-бы широко слѣдили за ходомъ этого процесса, до сихъ поръ никѣмъ и никогда не

собиралось, но кой-какія частныя цифры есть; къ тому же добросовѣстные изслѣдователи положительнѣйшимъ образомъ констатируютъ фактъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ недавно царила большая семья, отъ нея осталось только одно воспоминаніе. Вредъ семейныхъ раздѣловъ, если на нихъ смотрѣть исключительно съ экономической точки зрѣнія, очевиденъ: слишкомъ наглядны всѣ выгоды и преимущества экономической кооперація. Нѣсколько тѣсныхъ и относительно болѣе дорогихъ избъ вмѣсто общей просторной, лишніе расходы на хозяйственныя орудія, постройки, скотъ, топливо, пищу; лишнія затраты труда и времени на присмотръ за скотомъ, за дѣтьми, на стряпню, на всякую почти хозяйственную работу, переплаты на покупки всего необходимаго по мелочамъ—однимъ словомъ, ущербъ по всѣмъ статьямъ хозяйства. А одновременная затрата относительно большаго капитала на первоначальное обзаведеніе со всѣми ея послѣдствіями, часто подкашивающими въ корень благосостояніе новаго хозяйства? А невозможность отпускать лишнія рабочія руки на сторонніе заработки? А увеличеніе риска отъ всякаго несчастія, могущаго постигнуть работника, и жалкое положеніе одиночныхъ семействъ со вдовами-матерями безъ взрослаго работника? Къ этому можно бы было прибавить еще многое, но достаточно и указаннаго. Несомнѣнно, крестьянскіе семейные раздѣлы, съ экономической точки зрѣнія, очень вредны.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собой два хорошо констатированные факта: во-первыхъ, все усиливающееся общее крестьянское экономическое разстройство; во-вторыхъ, также усиливающіеся семейные раздѣлы со всѣми ихъ вредными экономическими послѣдствіями. Оба факта — одной и той же, если такъ можно выразиться экономической категоріи. Совершенно понятенъ соблазнъ поставить эти факты въ причинную связь. Такъ оно и дѣлается. Но насколько справедливо дѣлается?

Вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ въ его современной постановкѣ можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ того, какъ опасно въ сложныхъ явленіяхъ соціальной жизни увлекаться соблазнительной видимостью. Есть полное основаніе думать (какъ мы сейчасъ надѣемся доказать читателю),

что не раздѣлы являются причиной нашихъ экономическихъ бѣдствій, а какъ-разъ наоборотъ: все усиливающееся экономическое разстройство, имѣющее корень въ суммѣ разнообразныхъ обстоятельствъ, влечетъ за собою увеличеніе раздѣловъ.

Въ различныхъ экономическихъ изслѣдованіяхъ народной жизни, которыя попутно касаются и вопроса о семейныхъ раздѣлахъ, ихъ причинъ и послѣдствій, можно кое-гдѣ встрѣтить вскользь высказанное предположеніе, что усиленіе семейныхъ раздѣловъ имѣетъ своимъ источникомъ общее экономическое разстройство. Но мимоходомъ высказанное предположеніе, хотя-бы даже и основательнаго и осторожнаго изслѣдователя, предположеніе, ничѣмъ необусловленное и не доказанное, само-по-себѣ, конечно, не можетъ ни для чего служить опорнымъ пунктомъ. Гораздо важнѣе для нашей цѣли тотъ, довольно прочно установленный фактъ, что семейные раздѣлы страшно усиливаются въ годы экономическихъ кризисовъ. Наблюдается—да и психологичиски совершенно понятно—что въ критическія эпохи, напримѣръ, въ годы сильныхъ неурожаевъ, когда кусокъ хлѣба получаетъ необычайную цѣнность,—семейныя узы слабѣютъ и семейный союзъ разлагается прежде всего, конечно, въ менѣе сплоченныхъ своихъ частяхъ, какими являются малыя семьи, заключенныя въ большой семьѣ. Примѣромъ можетъ служить Самарская губернія послѣ ея знаменитыхъ голодовъ *). Очень характерны слова крестьянъ одного села Новгородской губ., приводимыя г. Бычковымъ (Опытъ подворнаго изслѣдованія экономическаго положенія и хозяйства крестьянъ въ 3-хъ волостяхъ Новгородскаго уѣзда). „Раздѣлы, говорили крестьяне,—совершаются у насъ обыкновенно весной, когда нѣтъ хлѣба, слѣдовательно, когда кормить стариковъ и чужихъ дѣтей тяжело“.

Лѣтъ десять тому назадъ мы занимались изученіемъ крестьянскаго быта въ Архангельской губерніи. Между прочимъ и пришлось натолкнуться и на вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ. Намъ доставляли свѣдѣнія и мнѣнія объ этомъ предметѣ

*) Докладъ члена коммиссіи по изслѣдованію причинъ голода въ Самарской губ., г. Раева.

сельскіе священники, волостные писаря и сами крестьяне. Почти во всѣхъ мнѣніяхъ о причинахъ раздѣловъ выставляется на первый планъ экономическое положеніе вообще, и въ особенности частые неурожаи: какъ только обостряется трудность къ добыванію средствъ пропитанія, мало-семейные тотчасъ-же отдѣляются отъ больше-семейныхъ, чтобъ работать только на свою семью, и семейный союзъ распадается. Священникъ Тулгасскаго прихода, на предложенный ему вопросъ о раздѣлахъ, сообщилъ, что въ селѣ Тулгассѣ раздѣлы чрезвычайно рѣдки; но чрезъ три года—въ теченіи которыхъ село пережило годъ крайняго неурожая—тотъ-же священникъ сообщилъ, что за этотъ промежутокъ седьмая часть домохозяевъ села передѣлилась. То-же явленіе наблюдалось послѣ большихъ неурожаевъ по всей губерніи. И нетолько неурожаи, но и другіе экономическіе кризисы отражаются точно такимъ-же образомъ. Разъ мы бесѣдовали на этотъ счетъ съ однимъ очень старымъ и очень толковымъ крестьяниномъ. На вопросъ о причинахъ раздѣловъ, онъ, по общему крестьянскому обыкновенію, сваливалъ всю вину на бабъ: бабы-де никакъ не могутъ вмѣстѣ уживаться. Но затѣмъ мы поставили вопросъ такимъ образомъ: всегда-ли на его памяти раздѣлы были одинаково часты и не помнитъ-ли онъ такихъ годовъ, когда они вдругъ замѣтно усиливались? Тогда крестьянинъ отвѣчалъ, что раздѣлы значительно усилились съ того времени, какъ былъ перемѣненъ ассигнаціонный рубль на серебряный, т.-е. со времени извѣстнаго финансоваго и экономическаго кризиса въ царствованіе Александра I-го. Въ Архангельской-же губерніи намъ впервые пришлось натолкнуться на то, какъ отражается на величинѣ семьи количество и качество земли. Шенкурскій уѣздъ, сравнительно съ другими уѣздами губерніи многоземельный, есть въ то-же время по преимуществу больше-семейный. Въ самомъ-же Шенкурскомъ уѣздѣ придвинскіе жители, имѣющіе черноземную землю и большіе луга, живутъ бóльшими семьями, чѣмъ жители береговъ Ваги, гдѣ земля песчаная и луговъ мало.

Все это прекрасно, скажутъ, можетъ быть, но все-таки слишкомъ скудно, голословно и отрывочно, чтобъ на немъ можно было строить какіе-нибудь серьезные выводы. Совер-

шенно согласны,—и потому спѣшимъ подкрѣпить все сказанное нами солиднымъ фундаментомъ цифровыхъ доказательствъ. Будемъ черпать ихъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, изъ трудовъ только-что народившейся на свѣтъ земской статистики, останавливаясь притомъ на болѣе солидныхъ изъ нихъ — трудахъ черниговскаго и московскаго статистическихъ бюро.

Цифръ, касающихся раздѣловъ, нѣтъ, и потому ни о какихъ прямыхъ цифровыхъ доказательствахъ не можетъ быть и рѣчи. Но мы можемъ прибѣгнуть къ косвеннымъ доказательствамъ, которыя будутъ заключаться въ томъ, что мы установимъ фактъ зависимости и соотвѣтственности между величиной надѣла, главнѣйшимъ факторомъ крестьянскаго благосостоянія, и величиной семьи.

Въ только-что вышедшемъ пятомъ томѣ трудовъ черниговскаго статистическаго бюро, заключающемъ въ себѣ Козелецкій уѣздъ съ подворною описью, мы находимъ слѣдующія въ высшей степени любопытныя цифры: у группы безземельныхъ на одинъ дворъ приходится 3,7 душъ, у группы, имѣющей 0,5 десятинъ на дворъ—4,3 души, у группы, имѣющей 2,3 десят.—4,8 душъ, у имѣющей 4,2 десят.—5,7 души, у имѣющей 7,2 десят.—6,3 души. Правильность поразительная. У группъ, имѣющихъ болѣе 12 десятинъ на дворъ, т.-е. больше насущно-необходимаго, правильность нарушается, но цифра душъ на дворъ относительно очень высока, достигая даже 8 душъ на дворъ, а въ среднемъ—6,5.

Или вотъ цифры, извлеченныя нами изъ трудовъ московскихъ статистиковъ и захватывающія пять уѣздовъ губерніи: собственники изъ удѣльныхъ — надѣлъ 2,9 десятинъ, душъ на дворъ 5,5; собственники изъ помѣщичьихъ—надѣлъ 3,0, душъ 5,2; временно-обязанные—надѣлъ 3,1, душъ 5,3; собственники изъ государственныхъ—надѣлъ 3,6, душъ 5,9; полные собственники—надѣлъ 3,3, душъ 6,4. Нѣтъ той поразительной правильности, но тенденція вырисовывается совершенно отчетливо.

У всѣхъ вообще крестьянъ Полтавской губерніи, имѣющихъ надѣлъ, цифра душъ на хозяйство колеблется между 5,0 и 5,4, но у безнадѣльныхъ она вдругъ падаетъ на 4,5 (Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи, томъ I, Зѣньковскій уѣздъ).

Не будемъ больше затруднять читателя цифровымъ матеріаломъ. Надѣемся, что и приведенныхъ цифръ въ связи съ изложенными фактами достаточно покрайней мѣрѣ хотя для того, чтобы вполнѣ убѣдиться, насколько указанная нами и имѣющая отчасти офиціальный характеръ постановка вопроса о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ грѣшитъ противъ правилъ и требованій серьезной постановки. Здѣсь-же кстати замѣтимъ только, что фактъ зависимости, существующей между величиной хозяйства и поземельной собственностью, констатируется г. Янсономъ, какъ такой, который имѣетъ общее, а не мѣстно-русское значеніе (Сравнительная статистика Россіи и западно европейскихъ государствъ, т. I).

Но все сказанное нами касается только одной стороны вопроса. А у него есть и другія. Мы разсматривали семейные раздѣлы исключительно съ экономической точки зрѣнія, точно такъ-же, какъ ихъ разсматриваетъ и правительство. Но едва-ли у кого-нибудь не шевельнется сомнѣніе: дозволительно-ли разсматривать это явленіе только съ экономической точки зрѣнія? Можно находить неудобной такую одностороннюю постановку, исходя изъ очень различныхъ отправныхъ пунктовъ; но мы остановимся только на двухъ изъ нихъ.

Нельзя прежде всего взглянуть на это явленіе съ исторической точки зрѣнія. Новѣйшія изысканія въ области этнологіи доказываютъ, что семья въ своемъ развитіи перешла много стадій, прежде чѣмъ дошла до той формы, которая господствуетъ теперь въ цивилизованномъ мірѣ. Одна изъ этихъ стадій—большая, или задружная, семья—задержалась нѣсколько въ нашемъ крестьянствѣ, также какъ у нѣкоторыхъ изъ остальныхъ славянъ, главнымъ образомъ у бывшихъ турецкихъ. Теперь правительство, кажется, видитъ въ этой большой семьѣ—формѣ, несомнѣнно отживающей, исторически—идеалъ, къ которому оно хотѣло-бы путемъ мѣропріятій обратить все наше крестьянство. Мы не приверженцы историческаго оптимизма и совсѣмъ не расположены думать, что все отживающее дурно, а нарождающееся хорошо и желательно. Отчего-бы, слѣдовательно, не сдѣлать попытки потягаться съ исторіей, защищая хоть и отживающее, но несомнѣнно хорошее? Да, но рисковать всѣми послѣдствіями

такой попытки можно только съ полной вѣрой въ несомнѣнность этого хорошаго — вѣрой обстановленной достаточной суммой вѣскихъ доказательствъ. Можно представить такія доказательства за поземельную общину, которая въ извѣстномъ смыслѣ есть также отживающій историческій фактъ, но едва-ли можно представить ихъ за большую, родовую семью. Дѣло въ томъ, что родовая семья не совмѣстима съ развитіемъ личности, внѣ-же развитія личности для насъ немыслимо движеніе впередъ ни въ какомъ смыслѣ, включая даже и экономическій.

Жизнь не имѣетъ привычки руководствоваться исторіей, и если мы остановились нѣсколько на исторической точкѣ зрѣнія, то больше для успокоенія собственной совѣсти, чѣмъ въ разсчетѣ получить такимъ образомъ лишній аргументъ. Но за то такимъ аргументомъ—аргументомъ, какъ намъ кажется, довольно тяжеловѣснымъ—должно служить слѣдующее соображеніе.

Извѣстно, что наши законы ставятъ семью высоко на пьедесталѣ института религіозно нравственнаго, заботливо отстраняя отъ нея все, что можетъ придать ей условную, юридическую, тѣмъ паче договорную окраску. Такая черезчуръ идеальная постановка влечетъ за собой множество неудобствъ: въ жизненной и судебной практикѣ они частью сглаживаются, но за то крайне невыгодно отражаются на дальнѣйшемъ движеніи семейнаго законодательства, ставя ему непреодолимые тормазы.

Но если законодательство вмѣшается въ дѣло семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ, не внесетъ-ли оно тѣмъ самымъ неразрѣшимаго противорѣчія въ свой собственный организмъ? Въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны законодательство проводитъ такой идеалистическій взглядъ на семью, который высоко паритъ надъ жалкой обыденной прозой нашихъ семейныхъ отношеній; съ другой, самымъ фактомъ принятія мѣръ противъ раздѣловъ на основаніи ихъ экономическихъ неудобствъ, оно установитъ новый, грубо-матеріалистическій принципъ, которымъ семья спустится прямо на ступень только хозяйственнаго союза, союза для производства хозяйственныхъ цѣнностей въ размѣрахъ, достаточныхъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей и потребностей фиска.

Коллизія между этими двумя, совершенно исключающими другъ друга, принципами неизбѣжна, если только законодательство не признаетъ ясно и открыто, что одинъ принципъ долженъ примѣняться лишь къ семьѣ привиллегированныхъ сословій, а другой—лишь къ семьѣ непривиллегированныхъ. Но можетъ-ли законодательство допустить подобную постановку? Можетъ-ли оно допустить такое положеніе дѣлъ: въ то время, какъ привиллегированная семья страдаетъ отъ того, что законъ слишкомъ высокъ для нея и не хочетъ спуститься до ея простыхъ житейскихъ нуждъ,—непривиллегированная семья будетъ страдать отъ того, что ее лишаютъ элементарнаго нравственнаго права на самоопредѣленіе, на мѣсто котораго выступаетъ принудительный разсчетъ рабочихъ рукъ, коней, коровъ и хозяйственнаго инвентаря? (По крайней мѣрѣ нѣкоторыя земства проектируютъ допускать раздѣлъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда каждая изъ дѣлящихся семей будетъ обезпечена достаточнымъ количествомъ хозяйственнаго инвентаря).

Будемъ надѣяться, что законодательство наше не вступитъ на скользкую дорогу подобныхъ противорѣчій со всѣми ихъ послѣдствіями, такъ опасно демонстрирующими соціальныя отношенія съ ихъ наиболѣе непривлекательныхъ сторонъ.

Но допустимъ, что законодательство, въ виду очевидной экономической пользы, пренебрежетъ такими или подобными тонкостями съ ихъ болѣе или менѣе теоретической и гадательной подкладкой. Бываютъ положенія, когда зернышко непосредственной, осязаемой пользы можетъ—и даже съ извѣстнымъ правомъ можетъ — заслонять собою огромный, но лишь отдаленный и неосязательный вредъ. Но есть-ли достаточныя основанія надѣяться, что путемъ мѣропріятій, направленныхъ противъ раздѣловъ, это зернышко пользы будетъ несомнѣнно получено?—Болѣе чѣмъ сомнительно.

Предположимъ сначала, что правительство придумаетъ такія мѣры, которыя достигнутъ своей цѣли—задержатъ раздѣлы и создадутъ на мѣсто малой семьи большую. Значитъ-ли это непремѣнно, что сдѣланъ шагъ къ увеличенію экономическаго благосостоянія? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Разсчетъ хозяйственныхъ выгодъ большесемейности, представленный нами выше, несомнѣнно вѣренъ, но въ то-же

время несомнѣнно вѣрно и то, что большая семья, задерживаемая или создаваемая искусственно, не только не дастъ этого желательнаго хозяйственнаго плюса, но можетъ дать даже минусъ. Все это и a-priori можно вывести изъ этой азбучной истины, что мужикъ тоже человѣкъ со всѣмъ разнообразіемъ человѣческихъ потребностей, а не хозяйственное орудіе, не рабочая сила только. А фактически это подтверждается изслѣдователями, которые свидѣтельствуютъ, какой хозяйственный хаосъ, вмѣсто хозяйственной гармоніи, водворяется въ семьѣ—разъ она сдерживается не внутренней, а внѣшней силой, разъ ослабѣла та внутренняя нравственная скрѣпа, которая дѣлала изъ совокупности малыхъ семей, заключенныхъ въ большую, одно гармоническое цѣлое. Человѣкъ перестаетъ видѣть въ общесемейномъ интересѣ свой личный интересъ, и дѣятельная рабочая сила семьянина превращается въ инертную рабочую силу наемника, кое-какъ, черезъ пень-колоду переваливающаго постылую работу.

А можно-ли упускать изъ виду, преслѣдуя зернышко осязаемой пользы, тотъ также совершенно осязаемый громадный хозяйственный вредъ, который нанесенъ былъ-бы мѣропріятіями противъ раздѣловъ — мѣропріятіями необходимо общаго характера — тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ уже издавна водворилась малая семья, какъ, напримѣръ, въ Малороссіи? Здѣсь весь хозяйственный складъ жизни приспособленъ къ потребностямъ малой семьи, начиная съ маленькихъ хатъ. Большая семья потребовала-бы новыхъ хозяйственныхъ приспособленій, разрушеній и переустройствъ, которыя сопровождались-бы огромнымъ непроизводительнымъ хозяйственнымъ ущербомъ. Но въ примѣненіи своемъ къ югу Россіи идея мѣропріятій противъ раздѣловъ является въ такой окраскѣ, почти фантастической, что просто какъ-то неловко и распространяться о ней.

Все это мы говоримъ въ томъ предположеніи, что будутъ изобрѣтены такія мѣропріятія, которыя достигнутъ своей цѣли, т. е. смогутъ прекратить раздѣлы и снова насадить по лицу земли русской патріархальную семейную идиллію. Но вѣдь длинная исторія нашего прошлаго показываетъ, что изобрѣсть такія мѣропріятія не такъ-то легко, и даже просто-на-просто едва-ли возможно. То-есть изобрѣсть-то мѣропрі-

ятія, само-по-себѣ, конечно, ничего не стоитъ, но трудно изобрѣсть такія, которыя оказались-бы дѣйствительно достигающими цѣли. Министерство государственныхъ имуществъ и удѣльное вѣдомство Богъ-знаетъ съ какихъ поръ принимали разныя мѣры противъ раздѣловъ у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ; но мы по Архангельской губерніи хорошо знаемъ, какъ мало дѣйствительными оказывались всякіе приказы, указы и законы, когда крестьянство внутренними условіями своей жизни приводилось къ необходимости раздѣловъ. Единственнымъ результатомъ мѣропріятій было то, что семьи, по оффиціальнымъ семейнымъ спискамъ, числились неподѣленными въ то время, какъ они были раздѣлены на дѣлѣ. Въ Малороссіи, гдѣ малая семья водворилась до крѣпостнаго права, даже помѣщичьей власти, несмотря на ея безграничныя полномочія и страстное желаніе, не удалось водворить большой семьи: если помѣщикъ не позволялъ выселиться въ отдѣльную хату, разставляли особые столы по угламъ, и все-таки жили по-своему. Но въ Великороссіи помѣщикамъ удалось искусственно задержать большую семью, что, конечно, было легче: одно дѣло задержать, другое—пересоздать. Что дѣйствительно имѣлъ мѣсто фактъ искусственной задержки, можно заключить изъ того, какъ страшно усилились раздѣлы послѣ 19-го февраля. Конечно, и правительство могло бы, можетъ быть, задержать дальнѣйшее распаденіе семьи въ Великороссіи, еслибъ создало надъ крестьянствомъ опеку, равносильную помѣщичьей; но это врядъ-ли возможно.

Надо думать, что все предполагаемое правительственное противодѣйствіе крестьянскому стремленію къ раздѣламъ свелось бы къ слѣдующему. Изданы были-бы нѣкоторые законы; затѣмъ чиновники, правительственные или земскіе, въ своихъ канцеляріяхъ, на основаніи этихъ законовъ, высчитывали-бы скотъ и прочій хозяйственный инвентарь и постановляли-бы—жить-ли такой-то семьѣ вмѣстѣ или расходиться; а крестьяне дѣлились-бы себѣ,—конечно, со стѣсненіемъ и неудобствами,—доставляя въ канцеляріи оффиціальныя свѣдѣнія, по которымъ значилось-бы, что все обстоитъ благополучно, по силѣ законовъ. Неужели у чиновниковъ еще мало дѣла и мало изводится бумаги?

Но пусть будетъ и не такъ; пусть чиновники на самомъ дѣлѣ, съ самой основательнѣйшей надеждой на выполненіе своихъ декретовъ, станутъ, сидя въ канцеляріяхъ, съ точнѣйшими семейными списками и подворными описями въ рукахъ, распоряжаться судьбами крестьянской семьи—неужели это желательно?

Что-же слѣдуетъ изъ всего сказаннаго выше? А слѣдуетъ вотъ что. Совершенно вѣрно, что семейные раздѣлы съ экономической точки зрѣнія вредны, но тѣмъ не менѣе они нетолько не причина, а скорѣе результатъ общаго разстройства крестьянскаго хозяйства; смотрѣть-же на семью только съ экономической точки зрѣнія невозможно и нелѣпо: семья не есть явленіе экономическое (лишь крѣпостнический взглядъ на мужика можетъ допустить разсматривать ее, какъ таковое), а есть по преимуществу явленіе нравственно-юридическое, выросшее на соотвѣтственной исторической почвѣ. А такъ какъ семья по существу не есть и не можетъ быть только хозяйственнымъ союзомъ, а есть цѣльная соціальная организація, живущая и развивающаяся по своимъ внутреннимъ законамъ, то можетъ оказаться, что всѣ самые точные экономическіе разсчеты, держащіеся на стѣсненіи ея правъ на внутреннее самоопредѣленіе, окажутся нетолько не достигающими цѣли, а дѣйствующими какъ разъ навыворотъ. Поэтому издавать новые стѣснительные законы противъ раздѣловъ, создавать лишнюю чиновничью опеку—дѣло по меньшей мѣрѣ рискованное. Конечно, настоящее положеніе вопроса о раздѣлахъ, съ волостнымъ міромъ, ихъ вѣдающимъ, его халатностью и водкой, довольно непривлекательно; но благоразумно-ли кидаться изъ огня въ полымя?

Въ заключеніе еще маленькое замѣчаніе. Правительство, прежде чѣмъ принять какія-либо мѣры, хочетъ познакомиться съ вопросомъ. Съ этой цѣлью оно и разсылаетъ запросы насчетъ свѣдѣній и мнѣній о семейныхъ раздѣлахъ. Но есть нѣкоторыя основанія опасаться, что правительство не получитъ того, чего желаетъ, т.-е. настоящихъ свѣдѣній о положеніи дѣла, такихъ свѣдѣній, которыя могли-бы доставить прочный фундаментъ для дальнѣйшей постановки вопроса. Дѣло въ томъ, что при данномъ способѣ собиранія свѣдѣній—когда свѣдѣнія собираются не лицами, знакомыми съ

положеніемъ дѣла и правильными пріемами работы, а циркулярнымъ путемъ—надлежащаго отвѣта можно ожидать только отъ совершенно правильно поставленнаго вопроса. А иначе можно получить массу ничего не выражающихъ отвѣтовъ. Напр., вотъ капитальный вопросъ: въ чемъ причина усиливающихся раздѣловъ? Формулируйте его такъ и требуйте отвѣтовъ. Вы непремѣнно получите, какъ показалъ и опытъ, въ громадномъ большинствѣ отвѣты такого характера: причина раздѣловъ—семейныя неудовольствія, ссоры женщинъ и т. п. Но вѣдь самый близорукій человѣкъ можетъ догадаться, что такія объясненія, сводящія причины важнаго соціальнаго явленія, такъ сказать, къ настроенію духа, въ родѣ какъ-бы дѣтскаго каприза,—все это не объясненія, а простое переливаніе изъ пустаго въ порожнее. Какіе выводы можно строить на такихъ отвѣтахъ? А вся бѣда въ неправильной постановкѣ вопроса. Или, напр., предлагается вопросъ: сколько было раздѣловъ со времени освобожденія крестьянъ? Если даже на этотъ вопросъ и полученъ будетъ точный отвѣтъ, то, какъ кажется, онъ тоже мало что уяснитъ. Другое дѣло, еслибъ свѣдѣнія собирались хоть за меньшій промежутокъ времени, но по годамъ, такъ чтобъ можно было слѣдить за ходомъ явленія въ связи съ тѣми факторами, которые могли на него вліять. А то много-ли смысла выжмешь изъ абсолютной цифры, что въ такой-то губерніи было столько-то раздѣловъ?

ТРУДОВОЕ НАЧАЛО

ВЪ НАРОДНОМЪ ОБЫЧНОМЪ ПРАВѢ.

Изученіе фактической стороны юридическихъ воззрѣній русскаго крестьянства приводитъ насъ къ совершенно неожиданнымъ и страннымъ выводамъ. Въ самомъ дѣлѣ чего можно-бы было ожидать отъ изученія народныхъ юридическихъ взглядовъ и обычаевъ? Конечно, лишь того, что это изученіе дастъ намъ зародышевыя формы, на разныхъ ступеняхъ развитія, тѣхъ же самыхъ воззрѣній, которыя взяло въ свое завѣдываніе и привело въ стройную систему научное право, и которымъ оно выдало патентъ на абсолютное и общечеловѣческое значеніе. Значитъ, весь трудъ изслѣдователя народно-юридическаго быта долженъ бы повидимому, сводиться къ добыванію матеріала и къ его подведенію подъ готовыя научныя формулы. И что же? Матеріалъ добытъ, но оказывается, что онъ вовсе не подходитъ подъ эти формулы, не подходитъ не въ какихъ-нибудь второстепенныхъ подробностяхъ, а въ существенно важныхъ, основныхъ положеніяхъ, не подходитъ по коренной своей идеѣ, по своему духу. Ближайшая разработка этого матеріала невольно заставляетъ признать, что имѣешь дѣло съ совсѣмъ особымъ, своеобразнымъ правомъ, „*типически*" отличающимся отъ того систематизированнаго права, которое находитъ свое практическое приложеніе во всѣхъ современныхъ цивилизованныхъ законодательствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не имѣли ли мы основанія назвать нашъ выводъ страннымъ? Крестьянство имѣетъ право, типически отличающееся отъ общепризнаннаго, такъ сказать, культур-

наго права: — сколько ученыхъ спеціалистовъ сочтутъ это положеніе или забавнымъ парадоксомъ, или, просто-на-просто, нелѣпостью. Тѣмъ не менѣе мы осмѣлились заявить наше положеніе во всеуслышаніе, опираясь на фактическій матеріалъ, слишкомъ достаточный для того, чтобы оправдать его даже въ глазахъ людей наиболѣе предубѣжденныхъ Да и, наконецъ, мы рѣшились спросить себя: гдѣ же собственно разумныя основанія отвергать заранѣе возможность такого вывода, если только исходнымъ пунктомъ не служитъ метафизическая идея врожденной абсолютной справедливости? Всякій, кто признаетъ за правомъ органическое развитіе и допускаетъ вліяніе на него историческихъ и бытовыхъ условій, долженъ, кажется, согласиться и съ тѣмъ, что существуетъ тѣсная связь между юридическими понятіями даннаго общества и его экономическимъ строемъ, такъ какъ одно и тоже отношеніе, отношеніе лица къ вещи, входитъ, какъ основное, и въ юридическую и въ экономическую сферу. Отсюда понятно, что при двухъ экономическихъ строяхъ, въ которыхъ это основное отношеніе различно, напр., когда продуктъ труда принадлежитъ производителю и когда онъ принадлежитъ другому лицу,—и юридическія воззрѣнія должны быть совершенно различны. Но, могутъ намъ возразить, какъ же могло римское право, созданное при натуральномъ рабскомъ хозяйствѣ, привиться такъ хорошо къ юридическимъ воззрѣніямъ всей Европы и можетъ держаться до сихъ поръ при совершенно иномъ экономическомъ строѣ? Намъ кажется, что между высказаннымъ нами положеніемъ и вышеприведеннымъ фактомъ нѣтъ противорѣчія; основное отношеніе, отношеніе лица къ вещи, и при римскомъ натуральномъ, и при западно-европейскомъ капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ остается одно и тоже, т.-е., продуктъ труда принадлежитъ не производителю. Къ тому же, была одна черта политически общественнаго сродства, которая облегчила Западной Европѣ усвоеніе римскаго права: римскій народъ былъ народъ завоевателей, а не мирныхъ работниковъ, и передалъ онъ свое право тоже классу завоевателей, который уже навязалъ его классу трудящемуся. Въ средѣ послѣдняго долго держались и даже до сихъ поръ еще держатся остатки стараго права по отношенію къ труду. Но на Западѣ сохрани-

лись только остатки, случайныя воспоминанія стараго типа юридическихъ воззрѣній, остальное стерто было налегшею силой; у насъ же, въ Россіи, гдѣ завоеваніе не участвовало въ выработкѣ склада общественныхъ отношеній, гдѣ, слѣдовательно, не было такой необходимости въ насильственномъ навязываніи трудящемуся классу иныхъ юридическихъ воззрѣній, крестьянство могло цѣльно сохранить воззрѣнія того типа, который мы можемъ назвать трудовымъ,—и, дѣйствительно, сохранило ихъ.

Конечно, мы не можемъ ожидать отъ крестьянскаго права той логической стройности, законченности, точности, всей той массы формальныхъ достоинствъ, которыми обладаетъ право высшихъ классовъ, сознательно культивированное множествомъ поколѣній, отшлифованное и отдѣланное до степени изящнѣйшаго chef-d'oeuvre'a. Что значитъ въ сравненіи съ нимъ грубый самородокъ, какимъ представляется обычное крестьянское право? Но едва-ли будетъ разумно съ нашей стороны, если мы, увлекшись красотой и художественнымъ совершенствомъ chef-d'oeuvre'a, совсѣмъ оставимъ безъ вниманія самородокъ. Если будущіе идеалы человѣчества дѣйствительно тяготѣютъ, какъ это думаютъ нѣкоторые мыслители, къ тому, чтобы измѣнить существующее отношеніе между трудящимся и продуктомъ его труда, то, можетъ быть, и право должно будетъ перейти къ типу тѣхъ юридическихъ воззрѣній, представителемъ которыхъ является для насъ въ настоящую минуту наше крестьянство. Отсюда понятенъ интересъ, возбуждаемый изученіемъ народно-юридическихъ воззрѣній, понятій и обычаевъ.

И такъ, въ настоящей статьѣ мы желаемъ доказать рядомъ фактовъ изъ крестьянскаго обычнаго права то положеніе, что право это типически отличается отъ права культурныхъ классовъ и именно представляетъ тотъ типъ, какой можетъ выработаться исключительно лишь въ средѣ трудящейся, собственнымъ трудомъ удовлетворяющей своимъ потребностямъ. Чтобы не разбрасываться даромъ и не слишкомъ обременять читателя фактами, остановимся, главнымъ образомъ, лишь на двухъ отдѣлахъ права, которые представляются намъ наиболѣе удобными для нашей цѣли.

Прежде всего мы обратимъ вниманіе читателя на отноше-

ніе нашего крестьянства къ землѣ. Выбрали мы эту сторону юридическихъ воззрѣній вслѣдствіе ея особеннаго практическаго значенія: земля—основа нашихъ соціальныхъ отношеній, и поэтому знать, какъ относится къ ней крестьянство, очень важно, такъ какъ этимъ обстоятельствомъ можетъ, до извѣстной степени, опредѣляться наше соціальное будущее.

Но нашъ выборъ имѣетъ и свои неудобства—недостаточность фактическаго матеріала, и если мы все-таки на немъ остановились, то потому лишь, что количественные недостатки этого матеріала сглаживаются его качественными достоинствами: всѣ факты, какіе намъ удалось собрать, носятъ такія рѣзкія черты одного стройнаго и цѣльнаго воззрѣнія, что ихъ научная цѣнность стоитъ, сколько мы можемъ судить, внѣ всякаго сомнѣнія!

Взглядъ крестьянина на землю вытекаетъ изъ его взгляда на трудъ, какъ на единственный, всегда признаваемый и справедливый, источникъ собственности. Земля—не продуктъ труда человѣка; слѣдовательно, на нее и не можетъ быть того безусловнаго и естественнаго права собственности, какое имѣетъ трудящійся на продуктъ своего труда. Вотъ то коренное понятіе, къ которому могутъ быть сведены воззрѣнія народа на земельную собственность. Что народъ именно такъ смотритъ на собственность вообще и на земельную въ частности, это давно было извѣстно нашему культурному слою, хотя и истолковывалось имъ невѣрно. Какъ часто раздавались и раздаются жалобы на невѣжественнаго и безнравственнаго мужика, не имѣющаго ясныхъ понятій о правѣ собственности и пользующагося всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы попрать это право. Обвиненіе, основанное на чистомъ недоразумѣніи: народъ лишь оригинально понимаетъ собственность, но затѣмъ чувство уваженія къ собственности въ немъ гораздо глубже, чѣмъ въ культурныхъ классахъ. Да оно и не можетъ быть иначе. Съ нами Европа еще разъ съиграла плохую шутку, или, точнѣе, мы сами надъ собой ее разыгрываемъ, подражая Европѣ. Мы принимаемъ съ Запада формы капиталическаго строя, оставляя безъ вниманія всю его настояще-здоровую сущность, которая даетъ человѣку такую страшную власть надъ матеріальными условіями его существованія. Мы пересаживаемъ къ себѣ не капиталистическое производство, а игру

въ капитализмъ, и рискуемъ потерять въ этой азартной игрѣ не только капиталы,—это еще куда ниппло,—но и здоровую часть нашего внутренняго, психическаго содержанія, что будетъ уже по важнѣе. Теперь, спрашивается, гдѣ можно больше ждать уваженія къ праву собственности: тамъ-ли, гдѣ это право достигается счастливымъ случаемъ, при тѣхъ новыхъ экономическихъ условіяхъ, которыя мы такъ стараемся къ себѣ пересадить, или тамъ, гдѣ оно, это право, держится на такомъ естественно-справедливомъ началѣ, т.-е. на отношеніи трудящагося лица къ продукту своего труда, какъ въ крестьянствѣ? Вопросъ не требуетъ отвѣта. Если въ близкомъ будущемъ понятію о собственности не угрожаетъ, повидимому, никакая серьезная опасность, то только потому что въ народѣ слишкомъ крѣпко коренится уваженіе къ этому праву. Но затѣмъ мы должны считаться съ тѣми особенностями, какія народъ вкладываетъ въ свои понятія о собственности. А эти особенности очень немаловажны, и вотъ къ одной изъ нихъ мы сейчасъ и вернемся.

Вѣроятно, каждый слыхалъ о такъ-называемомъ „черномъ передѣлѣ“, этомъ идеалѣ крестьянства, какъ называетъ его г. Якушкинъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ по обычному праву *). Какъ бы мы ни относились къ факту существованія въ народѣ подобныхъ воззрѣній, мы, прежде всего, не имѣемъ права ихъ игнорировать, должны съ ними ознакомиться поближе въ интересахъ науки и жизни. „Черный передѣлъ“ или „слушной часъ“—существуютъ разныя его названія въ различныхъ мѣстностяхъ — не есть миѳъ или выдумка, какими его

*) „Можно положительно сказать, что идеалъ Ярославскихъ крестьянъ составляетъ не личная собственность, а такъ-называемый здѣсь черный передѣлъ, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна дѣлиться между всѣми по числу душъ. Слухъ о близости такого чернаго передѣла распространился нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ такою силою, что крестьяне, жадные здѣсь, какъ и вездѣ, до земли, остановились покупкою дешево продававшихся тогда занадѣльныхъ участковъ, и мнѣ стоило большаго труда убѣдить крестьянъ, приходившихъ ко мнѣ за совѣтомъ, что они могутъ безъ всякихъ опасеній покупать землю и что чернаго передѣла не будетъ“ (Обычное право, стр. XIX) Компетентность г. Якушкина, въ данномъ случаѣ, должна стоять внѣ всякаго сомнѣнія: по своему оффиціальному положенію—предсѣдателя казенной палаты—онъ имѣетъ возможность основательно знать мѣстное крестьянство, особенно со стороны его отношеній къ землѣ.

считаютъ нѣкоторые, а вполнѣ реальное явленіе, заслуживающее самаго внимательнаго отношенія къ себѣ. Убѣжденіе въ необходимости или, точнѣе сказать, въ неизбѣжности всеобщаго дѣлежа земель господствуетъ повсемѣстно, одинаково въ общинной Великороссіи, какъ и въ участковой Малороссіи. Оно коренится въ той особенности крестьянскихъ воззрѣній на собственность, по которому земля есть мірская да Божія; поэтому не можетъ быть права частной собственности на землю, а можетъ быть лишь право пользованія землей, которое дается трудомъ, въ нее вкладываемымъ. Община-ли является въ данную минуту владѣльцемъ земли, или отдѣльное лице—все равно: право на землю безусловно связано съ трудомъ, который вкладывается въ землю, и разъ эта связь порвана, порвано и право. По своему глубокому чувству легальности, крестьяне спокойно смотрятъ на настоящій порядокъ вещей, противорѣчащій ихъ основнымъ воззрѣніямъ, тѣмъ болѣе спокойно, что они вполнѣ убѣждены, что ихъ summum jus на землю находится въ надежныхъ рукахъ верховной власти, которая ждетъ лишь удобнаго момента для осуществленія этого ихъ права. Нельзя приписывать общинному владѣнію того, что оно имѣетъ свойство развивать въ народѣ такія надежды и ожиданія. Достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ несостоятельности подобнаго мнѣнія служитъ Малороссія. Малорусскій народъ, какъ извѣстно, не имѣетъ никакой склонности къ общинѣ,—мало того, онъ высказываетъ часто прямое отвращеніе къ этой формѣ земельнаго пользованія, да и вообще во всѣхъ своихъ общественныхъ отношеніяхъ проявляетъ, въ противоположность великорусскому народу, сильную наклонность къ индивидуализму: „гуртове — чортове", энергически выражаетъ онъ это своей пословицей. А между тѣмъ вся крестьянская Малороссія ждетъ „слушного часу", когда земля будетъ подѣлена между мужиками. „Какъ же господа-то будутъ жить, если отъ нихъ отберутъ землю?" спрашиваетъ крестьянина одинъ наблюдатель. „Мужикамъ—земля, панамъ—жалованье", т.-е. для крестьянства страстно желанный „слушной часъ" вовсе не есть какой-нибудь коренной соціальный переворотъ, какимъ онъ можетъ представляться иному напуганному воображенію: крестьянинъ работаетъ по старому и платитъ подати, только трудъ его будетъ успѣшнѣе, потому

что у него въ рукахъ будетъ главное орудіе его труда—вотъ и все. „Вишь ты, какой умный панъ: не ждетъ дѣлежа, самъ своими руками землю отдаетъ", толковали крестьяне одного помѣщика Черниговской губ., который подарилъ имъ кусокъ земли. Даже настоящія легенды успѣли сложиться на счетъ „слушного часу".

Кто постоянно слѣдитъ за періодическими изданіями, тотъ могъ наталкиваться на аналогичные факты относительно крестьянъ Великой Россіи; было бы утомительно и безцѣльно передавать ихъ, такъ такъ самый фактъ повсемѣстнаго крестьянскаго убѣжденія въ неизбѣжности общаго передѣла слишкомъ хорошо засвидѣтельствованъ; исключенія составляютъ лишь немногія мѣстности, находящіяся въ особыхъ условіяхъ, напр., какъ, Архангельская губернія, гдѣ почти вся земля была и есть въ крестьянскомъ пользованіи. Но мы не можемъ удержаться, чтобы не передать одинъ случай, свидѣтельствующій о томъ, что крестьяне вовсе не такъ сословно-враждебно настроены относительно помѣщиковъ, какъ это пытались представлять иные. „Встрѣчаю я разъ, разсказывалъ намъ одинъ землевладѣлецъ Воронежской губерніи, крестьянъ сосѣдней деревни.—Куда это, братцы? спрашиваю.—„Ѣдемъ барину землю отвести".—Какому барину? Какую землю?—„Да, вотъ, какъ отберутъ отъ господъ и передѣлятъ межъ нами землю, такъ хотимъ мы и нашему барину дать землицы: добрый былъ до насъ, что̀ его обижать!" Извѣстны также факты, когда крестьяне отказывались отъ выгодныхъ для нихъ сдѣлокъ съ помѣщиками или соглашались на невыгодныя, все въ тѣхъ же розовыхъ мечтахъ о близости „слушного часа", и теперь несутъ на себѣ тяжелыя послѣдствія своего оптимизма. Такъ, крестьяне одного богатаго помѣщика въ одной изъ малорусскихъ губерній отказались купить землю, которую тотъ имъ предлагалъ по 10 руб. за десятину, съ 20-ти лѣтней разсрочкой, и теперь принуждены платить тѣ же 10 руб. ежегодно за аренду десятины и т. д. Не пытайтесь убѣдить крестьянина въ неосновательности его надеждъ: онъ будетъ смотрѣть на ваши увѣренія какъ на попытку обмануть его въ какихъ-нибудь близкихъ или далекихъ своекорыстныхъ видахъ, обмануть его даже въ такой несомнѣнной для него вещи, такъ мало

нуждающейся въ доказательствахъ. Это не убѣжденіе только, это—вѣра. Не даромъ „черному передѣлу" придается религіозный характеръ, какъ свидѣтельствуетъ г. Якушкинъ относительно ярославскихъ раскольниковъ.

И такъ, по общераспространенному крестьянскому воззрѣнію, землею долженъ пользоваться лишь тотъ, кто вкладываетъ въ нее свой трудъ. Это справедливо какъ относительно той части крестьянства, которая пользуется своей землей на правахъ общиннаго владѣнія, такъ и той, которая пользуется ею на правахъ частной собственности.

Община также умѣетъ уважать исключительныя права отдѣльныхъ лицъ, если въ основу этихъ правъ положенъ трудъ. Напримѣръ, въ тѣхъ мѣстностяхъ нашего лѣснаго Сѣвера, гдѣ держится еще подсѣчное хозяйство, отдѣльныя лица очищаютъ себѣ куски земли изъ-подъ лѣсу и обработываютъ ихъ. Эта земля не должна поступить въ общинный передѣлъ, прежде чѣмъ, по приблизительному разсчету, не окупитъ владѣльцу потраченный на нее трудъ; слѣдовательно, до тѣхъ поръ она находится въ частномъ пользованіи. («Молва», 1876 г., № 31 *).

Свой коренной взглядъ на трудъ, какъ на основу собственности, крестьянство вполнѣ послѣдовательно проводитъ и на продукты земли. Одно отношеніе къ тѣмъ продуктамъ, которые производятся трудомъ человѣка, другое—къ тѣмъ, которые даетъ земля безъ посредства человѣческаго труда.

Къ праву собственности на тѣ земельные продукты, которые произведены трудомъ человѣка, крестьяне относятся съ уваженіемъ почти религіознымъ. Кража скошеннаго сѣна на лугу, хлѣба на полѣ, хотя никто ихъ не сторожитъ, вещь

*) Въ Сибири, въ Томской губерніи, гдѣ большая часть крестьянскихъ селеній еще не надѣлена землей, и вслѣдствіе обилія нераспаханной и незанятой земли каждый беретъ себѣ свободный участокъ и пашетъ его до истощенія, существуютъ такіе обычаи: земля, оставленная для отдыха, хотя бы на ней не было посѣва болѣе десяти лѣтъ, считается все-таки состоящею во владѣніи того, кто ее расчистилъ, пахалъ и засѣвалъ прежде, въ томъ предположеніи, что „для первоначальнаго приготовленія ея подъ хлѣбопашество онъ долженъ былъ употребить не малые труды". За самовольную распашку такой земли, виновный обязывается уплатить хозяину цѣнность найма такого же количества земли, какое онъ самовольно распахалъ.

совсѣмъ исключительная, покрывающая виновника вѣчнымъ позоромъ. Даже крайняя необходимость не можетъ заставить крестьянина нарушить святое для него, въ данномъ случаѣ, право собственности. Существуютъ оригинальные обычаи, имѣющіе цѣлью примирить фактъ настоятельной необходимости нарушить право собственности съ крайнимъ уваженіемъ, которое обнаруживаетъ крестьянство по отношенію къ этому праву. Вотъ нѣкоторые примѣры. Въ Архангельской губерніи существуетъ такой обычай: если путнику понадобится въ дорогѣ кормъ для лошади, онъ беретъ сѣно изъ перваго попавшагося зорода, но непремѣнно кладетъ въ зородъ деньги, соотвѣтственно стоимости сѣна. Близкій къ этому обычай встрѣчается въ Землѣ Войска Донскаго. Въ неурожайные годы, когда бѣдняки находятся въ совсѣмъ безвыходномъ положеніи—купить хлѣба не на что, занять не у кого,—они прибѣгаютъ къ самовольному, такъ сказать, займу у богатыхъ. Изъ хлѣба, который зажиточные держатъ необмолоченнымъ въ степи на току, вдругъ исчезаетъ нѣсколько копенъ, взятыхъ неизвѣстно кѣмъ, а на другой или даже на третій годъ, при урожаѣ, хлѣбъ привозится опять, всегда 2—3 копнами больше, чѣмъ было взято, и складывается на томъ же самомъ мѣстѣ. Когда берутъ хлѣбъ, иногда оставляютъ на мѣстѣ записку, въ которой говорится, что заставила взять хлѣбъ крайняя нужда, и что онъ будетъ непремѣнно возвращенъ при урожаѣ. („Труды областнаго Войска Донскаго статистическаго комитета", вып. 2-й, 1874 г.). На нашемъ Сѣверѣ, гдѣ земледѣльческій трудъ замѣняется промысловымъ, по выраженію архангельскихъ поморовъ: „море—наше поле", то же самое религіозное уваженіе переносится на продукты труда промысловаго. Часто богатая добыча бросается гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ промысловой избушкѣ или на морскомъ берегу, и если только она носитъ на себѣ знакъ собственности, т.-е. мѣтку, по которой видно, что она не валяется случайно, а положена промышленникомъ, то она въ этихъ пустыняхъ, на сотни верстъ отъ жилья человѣческаго, еще болѣе безопасна отъ вора, чѣмъ за десятью замками: пусть добыча сгніетъ, если промышленникъ почему-либо за ней не вернулся,—все-таки ее не тронутъ. Въ случаѣ крайней нужды, путникъ также можетъ

взять, напримѣръ, пару рябчиковъ на варево изъ промысловой избушки, но непремѣнно кладетъ тутъ же деньги за взятое. То же уваженіе переносится и на орудія труда: унесенная теченіемъ и перехваченная сѣть, оставленная лодка и т. п., все это такъ же неприкосновенно, какъ и добыча. Вообще, мы нигдѣ не видали болѣе идеально развитаго уваженія къ трудовой собственности, чѣмъ на нашемъ глухомъ Сѣверѣ, гдѣ законы и власти, въ большей части случаевъ, совсѣмъ не имѣютъ возможности преслѣдовать правонарушеніе.

За то крайне слабо уваженіе къ праву собственности на естественныя произведенія почвы, въ производствѣ которыхъ не участвовалъ человѣческій трудъ; т.-е., собственно говоря, уваженія къ такому праву нѣтъ совсѣмъ, а есть лишь страхъ карающаго закона. Кто срубитъ бортяное дерево, тотъ воръ,—онъ укралъ человѣческій трудъ; кто рубитъ лѣсъ, никѣмъ не посѣянный, тотъ пользуется даромъ Божіимъ, такимъ же даромъ, какъ вода, воздухъ. („Основа", 1862 г., іюнь, стр. 68—9). „Осенью и весною, почти каждую ночь вы можете встрѣтить по дорогамъ, идущимъ въ лѣсъ, цѣлые обозы съ хворостомъ, кольями. Спросите, откуда везутъ, и вамъ скажутъ, улыбаясь: съ батьковщины. „Подъ батьковщиной надо разумѣть казенные лѣса", пишетъ одинъ наблюдатель изъ Кіевской губ.

Понятно, въ какое разногласіе попадаютъ юридическія понятія народа съ закономъ, разногласіе, которое не можетъ не отражаться очень невыгоднымъ образомъ на ослабленіи въ крестьянинѣ чувства уваженія къ закону. Вотъ ловятъ крестьянина на лѣсной порубкѣ en flagrant délit, обзываютъ его воромъ. Того даже слезы прошибаютъ отъ тяжкой обиды: „отродясь не былъ воромъ, а тутъ вотъ, на-поди, воромъ величаютъ", плачетъ онъ и вполнѣ убѣжденъ, что его обидѣли напрасно. Въ судъ идти и понести наказаніе, когда поймался, это такъ, это слѣдуетъ по закону,—что подѣлаешь, когда такой чудной законъ выдумали?—а все же таки не воръ и воромъ отродясь не былъ. Уголовная статистика показываетъ, что самовольныя лѣсныя порубки даютъ огромный процентъ преступленій, а между тѣмъ, по всей вѣроятности, лишь ничтожная часть этого рода преступле-

ній уловляется въ сѣти закона. Надо замѣтить, что самое лѣсное законодательство не мало способствовало укорененію въ народѣ подобныхъ представленій, которыя въ настоящее время сказываются страшнымъ зломъ лѣсонстребленія. Еслибы лѣсное законодательство всегда дѣйствовало послѣдовательно, имѣя цѣлью хорошо сознанные интересы государства, которые въ данномъ случаѣ совершенно совпадаютъ съ интересами самаго народа, защищало лѣсъ отъ хищничества и, въ то же время, не лишало крестьянина возможности разумно пользоваться совершенно необходимымъ для него лѣснымъ матеріаломъ, то, конечно, народъ понялъ бы, что онъ долженъ нести извѣстныя стѣсненія въ видахъ своей же собственной пользы, и не было бы той страшной массы враждебныхъ столкновеній народа съ закономъ. Сообразите, какое впечатлѣніе должны были производить на народъ слѣдующіе факты изъ исторіи лѣснаго законодательства: Петръ Великій назначаетъ за самовольную порубку смертную казнь; при Екатеринѣ I и Петрѣ II разрѣшается свободно рубить лѣсъ; Анна Іоановна и Елизавета Петровна возобновляютъ запретительную систему; Екатерина II опять вводитъ свободную, которая снова смѣняется запретительной при Павлѣ; Александръ I разрѣшаетъ рубить крестьянамъ что вздумается и гдѣ вздумается; въ царствованіе Николая Павловича снова вводятся ограниченія („Труды Ярославскаго Статист. Комитета“, вып. 2-й, 1867 г., ст. „Рѣчная область Шексны“, стр. 42). Что удивительнаго, что крестьянство не научилось видѣть въ лѣсныхъ законахъ ихъ разумной подкладки, а видитъ лишь стѣснительный произволъ и рубитъ себѣ, сколько можетъ, съ спокойною совѣстью, такъ какъ его дѣйствія не противорѣчатъ его понятіямъ о справедливомъ. Страшныя колебанія законодательства въ полярно-противоположныя крайности показываютъ, что наши законодательныя сферы, по своимъ воззрѣніямъ, были гораздо ближе къ воззрѣніямъ народнымъ, чѣмъ это можно признать по первому взгляду; вся бѣда въ томъ, что законодательство никогда не могло рѣшиться встать твердою ногой на народную почву. Факты изъ исторіи нашего землевладѣнія также показываютъ, какъ законодательство, подъ вліяніемъ народныхъ взглядовъ на землю, никогда не могло окончательно установить-

ся на понятіи земельной собственности, и если бы мы имѣли полную исторію землевладѣнія и земельнаго законодательства, то она должна была бы объяснить; почему народъ съ такимъ упорствомъ ждетъ отъ законодательства коренныхъ земельныхъ реформъ *).

Основательные труды профессора Богишича по обычному праву западныхъ, особенно юго-западныхъ славянъ настолько ознакомили насъ съ предметомъ, что мы можемъ сказать съ полнымъ правомъ, что основы юридическихъ возэрѣній западныхъ и восточныхъ славянъ тождественны: разница можетъ быть сведена на второстепенныя различія въ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ и на вліяніе нѣмецкаго элемента, который оказался для славянской самобытности гибельнѣе турецкаго владычества. И по отношенію къ тому вопросу, о которомъ идетъ рѣчь, т.-е., трудовомъ взглядѣ на землю и ея продукты, находимъ тоже родственное сходство. Приведемъ интересную выписку изъ одного частнаго письма профессора Богишича: „Въ подтвержденіе вашего мнѣнія объ убѣжденіи славянъ, что трудъ—главное основаніе праву собственности, приведу фактъ, встрѣченный мною недавно въ одномъ славянскомъ селеніи. Въ 1869 г. поѣхалъ я вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ изъ Вѣны

*) Уже послѣ того, какъ была написана эта статья, появилось извѣстное сочиненіе князя Васильчикова: „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ“. Тѣ выводы, которые кн. Васильчиковъ дѣлаетъ изъ историческаго изученія хода нашего землевладѣнія, совершенно подтверждаютъ сказанное нами. Нигдѣ, говоритъ онъ, понятіе о поземельной собственности не было, даже до новѣйшихъ временъ, такъ смутно и шатко, какъ у насъ, нетолько въ сознаніи народа, но и правительства. Въ Россіи съ древнихъ временъ очень твердо было понимание владѣнія въ смыслѣ держанія, занятія, пользованія землей, но выраженіе „собственность“ едва-ли и существовало: въ лѣтописяхъ и грамотахъ, какъ и въ современномъ языкѣ крестьянства, не встрѣчается выраженія, соотвѣтствующаго этому слову. Напротивъ, фактъ владѣнія имѣлъ твердое основаніе: земля считалась принадлежностью земледѣльца, рыболова или звѣролова, который на ней сидѣлъ. Хотя такое отношеніе къ землѣ встрѣчается у всѣхъ первобытныхъ народовъ при ихъ первоначальномъ осѣдлѣніи, но нигдѣ оно не сохранилось такъ долго, какъ въ Россіи, нигдѣ „право собственности не было такъ шатко, а право владѣнія, напротивъ, такъ твердо, какъ у насъ“. И до сихъ поръ крестьянинъ подъ выраженіемъ „наша земля“ подразумѣваетъ и собственную—частную землю и обширную—надѣльную, пожалуй, даже оброчную (т. I, стр. 297 — 8).

къ хорватамъ, поселеннымъ въ Нижней Австріи, на венгерской границѣ, всего часа 3—4 разстоянія желѣзной дорогой отъ Вѣны. Эти селенія, со всѣхъ сторонъ окруженныя нѣмецкимъ элементомъ, появились тамъ въ XVI и XVII-мъ вѣкахъ, вслѣдствіе турецкихъ нападеній на Кроацію, и сохранили, касательно языка, и до сихъ поръ свою славянскую народность; но относительно экономической жизни они не разнятся во многомъ отъ своихъ нѣмецкихъ сосѣдей. Однако, въ нѣкоторыхъ нравственно-юридическихъ воззрѣніяхъ этихъ хорватовъ я нашелъ еще много напоминающаго ихъ славянское происхожденіе. Во всемъ селеніи Пандорвъ (Pandorf) только у священника былъ небольшой садъ. Провожая насъ черезъ свой садъ, этотъ священникъ замѣтилъ, что онъ никогда не пользуется его плодами, потому что его прихожане—въ другихъ случаяхъ весьма добрые и благочестивые люди—крадутъ всѣ фрукты, какіе только поспѣютъ. Когда и увѣщанія, и проклинанія въ церкви не принесли никакой пользы, священникъ позвалъ къ себѣ подозрѣваемыхъ, и они сознались сейчасъ, но не раскаялись нисколько и не обѣщали, что болѣе не будутъ красть, потому что „тебѣ, батюшка, плоды этихъ деревъ не стоили никакого труда, какъ стоитъ труда производить пшеницу, ячмень, кукурузу; а эти плоды Богъ далъ всѣмъ безъ твоего и чьего бы то ни было труда". Священникъ сталъ имъ толковать о безуміи ихъ понятій о кражѣ, но они остались при своемъ мнѣніи. Сходное встрѣчаемъ мы въ сочиненіяхъ К. Аксакова (т. I, стр. 319) относительно лужицкихъ сербовъ, а именно онъ говоритъ: „Воровство рѣдко, воруются лишь лѣсъ и плоды: Богъ возрастилъ для всѣхъ и себѣ присваивать не грѣхъ".

Что приведенные факты не случайны, а представляютъ приложеніе „кореннаго" общеславянскаго воззрѣнія на землю и ея продукты, доказываютъ труды г. Богишича: „Pravni obiçaji u Slovena" и „Zbornik sadasnjich pravnih obicaja u juznih Slovena". У юго-западныхъ славянъ, каждый, кто займетъ лежащую впустѣ, необработываемую землю, пріобрѣтаетъ трудомъ, вкладываемымъ въ эту землю, право владѣнія ею: „to je moje od starine, ja sam prvi to poceo raditi" (началъ обработывать); такую фразу, касательно сербовъ, приводитъ Вукъ Караджичъ, въ своемъ словарѣ при

объясненіи слова „zakopina". Много подтверждающихъ фактовъ относительно различныхъ юго-славянскихъ мѣстностей встрѣчается въ „Zbornik'ѣ г. Богишича, напримѣръ, отвѣты на вопросъ 182, стр. 400—403. Но особенно интересно приводимое тутъ же свѣдѣніе относительно Болгаріи (изъ Лѣстовца). Вообще болгары, какъ замѣтно, сохранили въ большой неприкосновенности коренные славянскіе обычаи: кто обработываетъ нѣсколько лѣтъ незанятую землю, становится ея владѣльцемъ, если сосѣди знаютъ, что онъ ее обработываетъ,—это такъ же, какъ и у сербовъ. Но этого мало: если кто обработываетъ и завѣдомо чужую, имѣющую владѣльца, землю втеченіе десяти лѣтъ, тотъ тоже можетъ, по мнѣнію народа, присвоить ее себѣ. Чтобы избѣжать такой опасности, владѣльцы земли перемѣняютъ своихъ работниковъ по крайней мѣрѣ два раза въ десять лѣтъ. Обычай— въ высшей степени характерный для славянскихъ воззрѣній на земельную собственность, такъ какъ имъ рѣшительно отвергаются всѣ способы пріобрѣтенія права на землю, кромѣ труда. Но хотя, такъ или иначе, и пріобрѣтено право на землю, оно все-таки, у юго-западныхъ славянъ, какъ и у восточныхъ, не есть полное право собственности, которому подпадаютъ только вещи, произведенныя человѣческимъ трудомъ. На это указываетъ, между прочимъ, существованіе обычаевъ, имѣющихъ видъ сервитутовъ, хотя источникъ ихъ происхожденія совсѣмъ иной. Напримѣръ, когда сжата нива или скошенъ лугъ, каждый сельчанинъ имѣетъ право выпустить свой скотъ на такую ниву или лугъ, пока владѣлецъ земли опять не начнетъ ее обработывать; каждый имѣетъ также право пользоваться запущеннымъ полемъ или лугомъ. Если владѣлецъ земли не хочетъ, чтобы на землѣ его ходилъ скотъ, онъ ставитъ камни или прутья въ знакъ того, что онъ хочетъ скоро начать на землѣ работу и т. д.

Въ практикѣ нашихъ волостныхъ судовъ встрѣчается одинъ интересный разрядъ случаевъ, въ разрѣшеніи которыхъ экономическій принципъ уваженія къ труду является съ явнымъ преобладаніемъ надъ юридическимъ принципомъ собственности. Это разрядъ спорныхъ вопросовъ, когда кто-либо, bona fide или умышленно, произведетъ работу на чужой землѣ, напримѣръ, засѣетъ, сожнетъ, скоситъ и т. п. Общее

начало, по которому рѣшаются подобныя дѣла, то, что потраченный трудъ „во всякомъ случаѣ" долженъ быть вознагражденъ: умышленно-ли или по ошибкѣ дѣло произошло, это отражается лишь на степени вознагражденія; самый принципъ не страдаетъ отъ такого различія въ обстоятельствахъ. Такъ какъ крестьянскій судъ всегда преслѣдуетъ не формальную, а индивидуальную, естественную справедливость, то упомянутый принципъ прилагается крайне разнообразно. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ рѣшеній. Два крестьянина захватили самоуправно у третьяго полдесятины; по рѣшенію суда, виновные должны были отдать обиженному весь урожай, каждый съ четверти десятины; но обиженный обязался возвратить имъ сѣмена и уплатить за работу. Засѣявшій по ошибкѣ чужое поле получаетъ весь урожай, но платитъ собственнику арендныя деньги по существующимъ цѣнамъ или вообще вознаграждаетъ владѣльца за убытки. Иногда хозяину земли присуждается лишь половина, иногда треть урожая, иногда весь урожай, но за то онъ обязывается отработать такой же участокъ у того, кто вспахалъ его поле и т. д.; вообще, допускаются различныя комбинаціи, при которыхъ, однако же, трудъ непремѣнно вознаграждается. Отвѣтчикъ нарубилъ дровъ въ лѣсу истца по ошибкѣ; дрова признаются собственностью вырубившаго, а хозяину лѣса уплачивается вознагражденіе, опредѣленное судомъ, — значитъ, трудъ порубки признается достаточнымъ, чтобы дать порубщику право собственности на дрова и т. д.*)

Принципъ уваженія къ труду проходитъ по всѣмъ отдѣламъ права, гдѣ только онъ можетъ имѣть примѣненіе по существу вопросовъ, заключающихся въ этихъ отдѣлахъ. Напримѣръ, въ договорномъ правѣ онъ даетъ всегда перевѣсъ, по сравненію, напримѣръ, съ дѣйствующимъ законодательствомъ, интересамъ нанимаемаго передъ интересами нанимателя, интересамъ подряжаемаго передъ интересами подряжающаго и т. д. Вознаграждается не только трудъ, совершенный уже, но и трудъ въ возможности, т.-е. рабочее

*) Эти факты заимствованы изъ „Трудовъ коммисіи по изслѣдованію положенія волостныхъ судовъ" и ненапечатанныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ Архангельской губерніи.

время: по чьей винѣ оно потрачено непроизводительно, тотъ обязанъ вознаградить за время, какъ за трудъ, для него исполненный. По рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, виновный удовлетворяетъ обиженнаго, между прочимъ, и „за прогульные дни по случаю процесса“, и „за рабочій день на розысканіе украденнаго“, „за лишній трудъ при перекосѣ травы, смятой скотомъ“ и т. д.; даже женихъ требуетъ съ невѣсты, которая нарушила заключенный свадебный договоръ, вознагражденія за рабочій день, потраченный на проѣздъ къ ней. При пріобрѣтеніи имущества посредствомъ находки также принимается во вниманіе трудъ. Такъ, въ Сибири, при находкѣ домашнихъ животныхъ, домашнихъ птицъ, улетѣвшихъ пчелиныхъ роевъ всегда соображается: сдѣлана ли находка случайно, слѣдовательно, безъ всякаго труда со стороны нашедшаго, или же онъ предпринималъ для ея отысканія какой-нибудь трудъ,)напримѣръ, ѣздилъ куда-нибудь, отвлекался отъ домашнихъ занятій и т. п.; въ первомъ случаѣ, вознагражденіе ограничивается угощеніемъ, во второмъ—уплачивается, сверхъ угощенія, цѣнность потраченнаго труда и издержекъ.

Но мы не будемъ долго останавливаться на этихъ отдѣлахъ, такъ какъ это черезчуръ расширило бы размѣры нашей статьи, а прямо обратимся къ тому отдѣлу права, гдѣ трудовой принципъ выступаетъ очень отчетливо, хотя ему приходится бороться съ принципами совсѣмъ иного характера, и торжество трудоваго начала въ этой области тѣмъ рельефнѣе выставляетъ его первенствующую юридическую роль. Мы говоримъ о наслѣдованіи.

Кажется, ни одинъ отдѣлъ права, какъ въ русскомъ, такъ и въ западно-европейскихъ законодательствахъ, не находится подъ такимъ исключительнымъ вліяніемъ традиціи, какъ наслѣдованіе. Въ самомъ дѣлѣ, изъ чего бы мы ни исходили—изъ абсолютной ли истины, отъ духа ли даннаго законодательства, или отъ современныхъ потребностей и понятій общества, для многихъ изъ его положеній нельзя найти никакихъ основаній: единственныя объясненія, возможныя въ данномъ случаѣ, это объясненія историческія. Да и общій духъ, проникающій этотъ институтъ въ современныхъ законодательствахъ, не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ

общественнымъ строемъ. Если бы мы вздумали воспроизводить современный общественный строй по наслѣдственному законодательству—аналогичные пріемы очень часто практикуются учеными относительно отжившихъ общественныхъ формъ,—мы получили бы общество, находящееся въ полномъ развитіи патріархальныхъ формъ быта, гдѣ всѣ общественныя отношенія держатся на началѣ кровной родственной связи. Какимъ анахронизмомъ является среди культурныхъ слоевъ современнаго общества это начало кровной родовой связи, на которое опирается законодательство! Для кого имѣетъ хотя какое-нибудь значеніе—разумѣется, если дѣло идетъ не о видахъ на наслѣдство—все это родство, кромѣ близкаго семейнаго, эти боковыя линіи, колѣна, степени и т. п.? И это полное несоотвѣтствіе между воззрѣніями общества и духомъ его законодательства мы встрѣчаемъ въ такомъ важномъ отдѣлѣ права, который прямо вліяетъ на распредѣленіе богатствъ въ обществѣ, слѣдовательно, на существенныя черты его соціальнаго строя. Если распредѣленіе благъ въ обществѣ совершается по принципу, не имѣющему никакой связи съ тѣмъ, что само общество считаетъ разумнымъ и справедливымъ, это не можетъ не отразиться вреднымъ образомъ на нравственности даннаго общества. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какую массу крайне непривлекательныхъ, безнравственныхъ желаній, чувствъ, а часто и дѣлъ вызывается на свѣтъ Божій единственно существующими юридическими формами наслѣдованія. Мы не касаемся вопроса о наслѣдованіи лицъ, входящихъ въ семейный союзъ, т.-е. супруговъ другъ другу и дѣтей родителямъ; это наслѣдованіе при данномъ общественномъ строѣ, имѣетъ свой разумный смыслъ. Но какое разумное основаніе можно подыскать наслѣдованію въ боковыхъ линіяхъ (мы говоримъ, конечно, лишь о наслѣдованіи по закону, а не по завѣщанію—послѣднее есть вопросъ совсѣмъ особаго рода)? Вѣдь это лотерея и притомъ такой видъ ея, гдѣ выигрышъ неизбѣжно связанъ съ смертію ближняго. Оттого нельзя безъ отраднаго чувства остановиться передъ крестьянскимъ обычнымъ правомъ наслѣдованія, которое даетъ каждому не то, что ему достанется ухватить по счастливой случайности, а то, что ему принадлежитъ на основаніяхъ, разумность и справедливость

которыхъ не откажется признать каждый, у кого есть хотя искра здороваго нравственнаго инстинкта.

Большая часть вещей, которыми пользуется крестьянинъ, не его личная собственность, а коллективная, семейная, между тѣмъ, какъ въ культурныхъ слояхъ мы видимъ какъ разъ обратное. Отсюда и особенности въ характерѣ крестьянскаго наслѣдованія: оно чаще представляетъ раздѣлъ общей собственности, по поводу ли смерти или даже безъ такого повода, чѣмъ собственно наслѣдованіе въ современномъ юридическомъ смыслѣ этого слова. Соискатели крестьянскаго наслѣдства являются прежде всего членами одной трудовой ассоціаціи, семьи, и участника ея общей собственности. Участіе въ общей собственности, по мѣрѣ труда, вложеннаго на пріобрѣтеніе этой собственности,—вотъ основный принципъ крестьянскаго наслѣдственнаго права. Все остальное, на чемъ держится наслѣдованіе высшихъ класовъ, т.-е. родство, личная воля въ видѣ завѣщанія,—все отступаетъ передъ этимъ главнымъ на задній планъ, хотя нельзя сказать, чтобы вовсе не играло никакой роли. Напримѣръ, понятіе о родствѣ и его связывающемъ значеніи имѣетъ въ народѣ очень много жизненности, но все-таки въ наслѣдованіи кровное начало уступаетъ первенствующее мѣсто трудовому. Разсмотримъ этотъ предметъ нѣсколько ближе.

Выше сказано, что наслѣдованіе у крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ видъ семейнаго раздѣла. Какъ производится раздѣлъ? Прежде всего уясняется основной вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ все дальнѣйшее, вопросъ о томъ, кто участвовалъ въ наживѣ имущества, и только за этимъ уже слѣдуютъ вопросы о кровной связи, личной волѣ старшаго въ родѣ и т. п. Положимъ, отецъ хочетъ дѣлиться съ сыновьями. Міру извѣстно, что имущество нажито отцомъ; отецъ въ полномъ правѣ распорядиться своимъ трудовымъ добромъ, какъ хочетъ: дать-ли что сыновьямъ и что именно дать—его полная воля. Но такіе случаи, когда имущество нажито однимъ отцомъ, по условіямъ крестьянскаго быта, могутъ встрѣчаться лишь какъ исключеніе. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ имущество является результатомъ совмѣстнаго труда всей семейной ассоціаціи, въ которой очень рано дѣти начинаютъ трудиться рядомъ

съ родителями, и тутъ уже вопросъ ставиться совсѣмъ иначе. Правда, отцу принадлежитъ право на всякое уваженіе и покорность со стороны дѣтей, но и дѣти-работники имѣютъ такія же реальныя права на долю изъ нажитаго семьей имущества, и попрать эти права настолько же противно справедливости, какъ и попрать патріархальное право отца на почтеніе со стороны дѣтей. Народная правда допуститъ наказать сына за непочтеніе къ родителямъ; однако въ то же время, если міръ видитъ, что сынъ не былъ дармоѣдомъ въ отцовской семьѣ, то онъ можетъ заставить отца нетолько отдѣлить сына, если тому почему-либо плохо въ семьѣ, но и дать ему долю имущества, приблизительно пропорціональную его трудамъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія этого имущества. Даже завѣщаніе умирающаго,—а извѣстно, какимъ религіознымъ почтеніемъ пользуется въ народѣ завѣтъ умирающаго,—не можетъ понудить крестьянскую совѣсть пренебречь тѣмъ, что для нея неприкосновеннѣе всего—правомъ трудившагося на участіе въ результатахъ своего труда. Да и сами отцы далеко не проникнуты сознаніемъ абсолютности своихъ отцовскихъ правъ: если отецъ хочетъ обдѣлить сына наслѣдствомъ, онъ не сошлется на свою волю или даже на непочтеніе къ себѣ сына, а всегда на то, что сынъ былъ расточителенъ, нерадивъ, лѣнивъ и т. п., т.-е. не заработалъ себѣ права на свою долю, такъ что мірской совѣсти остается только разобрать, правда это или нѣтъ. Если отецъ наговорилъ на сына напраслину, судъ присуждаетъ сыну его долю; если дѣйствительно сынъ не участвовалъ въ общемъ семейномъ трудѣ, потому-ли что былъ лѣнивъ или потому, что жилъ на сторонѣ, не помогая семьѣ, онъ лишается доли. Понятно, что завѣщаній въ нашемъ смыслѣ этого слова у крестьянъ почти не бываетъ, такъ какъ размѣръ доли каждаго. наслѣдника не зависитъ отъ произвола отца: отецъ, если дѣлаетъ завѣщаніе, то лишь для того, чтобы распредѣлить самому эти доли, въ предупрежденіе могущихъ возникнуть при дѣлежѣ споровъ и неудовольствій.

При раздѣлѣ наслѣдства между братьями замѣчается нѣкоторая разница въ обычаяхъ земледѣльческаго и промысловаго крестьянства: первое при дѣлежѣ болѣе тяготѣетъ къ равенству долей, чѣмъ второе. Эта разница цѣликомъ мо-

жетъ быть объяснена экономическими причинами. Въ промысловыхъ губерніяхъ (мы подразумѣваемъ сѣверныя промысловыя, гдѣ преобладаютъ отхожіе промыслы) относительная величина заработковъ домашнихъ работниковъ и отходящихъ на сторону часто слишкомъ различна для того, чтобы это не имѣло вліянія на размѣры долей при дѣлежѣ. Затѣмъ, въ промысловыхъ мѣстностяхъ допускаются обычаями различныя комбинаціи хозяйственныхъ отношеній между братьями, остающимися дома и отходящими на промыселъ, и всѣ эти комбинаціи отражаются, конечно, на дѣлежѣ наслѣдства; напр., ушедшій братъ можетъ не вносить всѣхъ своихъ заработковъ въ общій хозяйственный капиталъ, а лишь ту или другую часть ихъ, или даже не вносить ничего и, сообразно величинѣ своихъ взносовъ, онъ или получаетъ равную долю съ домашними братьями, или меньшую, или же не получаетъ ничего. Но и въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, гдѣ больше тяготѣнія къ равенству, полное равенство не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ всегда принимаются во вниманіе всѣ обстоятельства каждаго случая, всѣ отношенія дѣлящихся лицъ, всѣ ихъ особенныя права и т. п. Приведемъ интересное описаніе сцены дѣлежа, который производится стариками: „Вспомни", говоритъ бѣлый какъ лунь дядя Аѳанасій уже пожилому, но еще здоровому и бодрому мужику, стоящему съ своими двумя младшими братьями въ кругу стариковъ, составляющихъ сходку: „вспомни, братъ Тарасъ, какъ умиралъ твой отецъ; вспомни, что онъ тебѣ наказывалъ на смертномъ одрѣ: не обижай братьевъ, будь имъ вмѣсто отца, и Богъ тебя не оставитъ! Такъ не обидь же ихъ и въ этотъ часъ, дай имъ, братецъ мой, что слѣдуетъ по совѣсти. А вы, Карпуха да Ванюха, не забудьте, что онъ трудился въ домѣ, въ потѣ лица пахалъ землю, когда вы еще не родились; а какъ старикъ умеръ, взялъ васъ на свои руки, не покинулъ, а возрастилъ да вывелъ въ люди. Такъ имѣйте къ нему уваженіе, и если что къ нему и перепадетъ, то не грѣшно вамъ будетъ передъ Богомъ". „Нѣтъ, дядюшка", говоритъ Тарасъ, „грѣхъ былъ бы мнѣ, если бы я за свои труды и радѣніе къ братьямъ думалъ попользоваться хоть чѣмъ малымъ. Раздѣлите насъ по божески—я радъ покориться; вы насъ не обидите". „Вѣстимо, что не обидите", по-

вторяютъ, низко кланяясь Карпуха и Ванюха. „Что и говорить", продолжаетъ самодовольно дядя Аѳанасій, „на то мы старики, чтобъ разсудить, какъ слѣдуетъ. Такъ пойдемъ, братцы", оканчиваетъ онъ, обращаясь къ старикамъ, „на мѣсто, да посмотримъ все какъ быть. А вотъ съ нами пойдетъ дядя Антонъ; онъ какъ разъ намъ разцѣнитъ, что чего стоитъ"!

Тутъ въ самомъ дѣлѣ начинается разцѣнка имѣнія, какая можетъ быть сдѣлана только сосѣдями, знающими доскональнo всѣ достоинства, всѣ свойства и качества каждаго предмета, подлежащаго дѣлежу. Послѣ долгихъ и добросовѣстныхъ соображеній старики опредѣляютъ, что изъ имѣнія взять Тарасу, что Карпухѣ и что Ванюхѣ. Доля каждаго не всегда опредѣляется жеребьемъ, потому что при дѣлежѣ очень часто принимаются въ разсчетъ и лишніе труды въ домѣ старшаго, и работа его жены и сыновей, также, наоборотъ, его умѣніе вести хозяйство, а съ другой стороны — „глупость" младшаго, который „не дюжъ работать", да и не съумѣетъ еще свести дома. Отсюда видно, что хотя и предполагается, что изъ общаго дѣлимаго имущества всѣ тягольные члены должны получить одинаковую долю, но это правило очень часто измѣняется подъ вліяніемъ разныхъ условій. („Архивъ историко-юридическихъ" свѣдѣній, кн. 2-я, отд. 3-й, 1859 г., ст. „Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ", стр. 20—21).

По тому же экономическому, или трудовому, принципу производится и раздѣлъ дядей съ племянниками. Никакой опредѣленной, хотя бы только приблизительно, нормы для такаго дѣлежа нѣтъ: или дяди и племянники получаютъ поровну, на правахъ равныхъ работниковъ, или дяди получаютъ больше, если дольше работали на пользу общаго имущества, или племянники получаютъ больше, если на ихъ сторонѣ перевѣсъ труда, что, конечно, случается рѣже, но все-таки случается. Однимъ словомъ, и тутъ устраняется родовое начало.

Но всего отчетливѣе видно полное торжество въ крестьянскомъ наслѣдственномъ правѣ трудоваго начала надъ кровнымъ въ наслѣдованіи такихъ лицъ, которыя не имѣютъ съ семьей никакой родственной связи; напр., принятыхъ въ домъ зятьевъ, пасынковъ, пріемышей. Всѣ эти лица, если только

они участвовали въ общемъ семейномъ трудѣ, имѣютъ такое-же право на долю въ семейномъ имуществѣ, какъ сыновья, племянники или другіе кровные родственники: „единое одно получаютъ, потому такіе-же работники были". („Труды коммиссіи по изслѣд. положенія волостныхъ судовъ", т. I, стр. 541). Такое же право лишь, разумѣется, подъ условіемъ такого-же труда; меньше труда—меньше права. Такъ что равное право на участіе въ имуществѣ съ постоянными членами семьи получаетъ посторонній, почему-либо принятый въ семью, лишь тогда, когда онъ проживетъ и проработаетъ въ семьѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, обыкновенно лѣтъ около десяти; хотя и тутъ опредѣленной нормы нѣтъ, вслѣдствіе склонности народа къ преслѣдованію не формальной, а индивидуальной правды: или совѣсть самой семьи, или совѣсть міра рѣшаетъ, достаточенъ-ли въ данномъ случаѣ тотъ или другой срокъ. Но пусть срокъ недостаточенъ для пріобрѣтенія полныхъ правъ настоящаго члена семьи, когда выдѣляется доля во всемъ наличномъ имуществѣ, хотя бы оно было пріобрѣтено и ранѣе,—все-таки работавшій долженъ быть вознагражденъ своей долей въ имуществѣ, или эквивалентомъ ея въ деньгахъ, за свою долю въ семейномъ трудѣ. Приведемъ два-три примѣра изъ массы фактовъ. Если усыновленный, прожившій у усыновителя лѣтъ 8—13, пожелаетъ отдѣлиться, то онъ вправѣ получить половину всего имущества, вмѣстѣ пріобрѣтеннаго,—это въ Малороссіи. („Труды этнограф.-стат. экспедиціи въ западно-русскій край, снаряж. императ. русск. географ. обществомъ", юго-западный отд., матеріалы и изслѣдованія г. Чубинскаго, стр. 51); по свѣдѣніямъ изъ Архангельской губерніи, если пріемышъ не сойдется съ своимъ пріемнымъ отцомъ и пожелаетъ разойтись, не проживъ столько времени, чтобы получить права члена семьи, то пріемный отецъ уплачиваетъ пріемышу, по обоюдному соглашенію, „погодки", т.-е. погодную плату, по разсчету прожитыхъ вмѣстѣ лѣтъ. Крестьянинъ съ хорошимъ хозяйствомъ принимаетъ къ себѣ въ домъ другаго, чтобы вмѣстѣ работать и заработаннымъ пользоваться. Но мало по малу на пріемыша взваливаются всѣ тяжелыя работы; тотъ и проситъ, чтобы хозяинъ съ нимъ раздѣлился, т.-е. далъ бы ему извѣстную часть изъ того, что они вмѣстѣ пріобрѣ-

ли. (Судъ производитъ раздѣлъ, давая пріемышу часть во всякаго рода земельныхъ продуктахъ: ржи, ячменѣ, овсѣ, просѣ, гречихѣ, картофелѣ и т. д., или даже кое-что изъ строеній хозяйственныхъ и земли (вышеупомянутые „Труды этнограф.-статистич. эксп.", стр. 53 и 54), т.-е. не только долю изъ продуктовъ, но и изъ хозяйственнаго капитала. Пріемный отецъ умираетъ; остается пріемышъ, который жилъ въ домѣ четырнадцать лѣтъ, и еще поступаетъ въ домъ зять, мужъ дочери покойнаго. Зять заявляетъ притязаніе на долю пріемыша. Судъ выражаетъ мнѣніе, что притязанія зятя не могутъ быть уважены, такъ какъ пріемышъ жилъ (а слѣдовательно и работалъ) въ домѣ дольше его, потому и раздѣлить имущество пополамъ («Судеб. журналъ», 1873 г., май, ст. „По вопросу о волостныхъ судахъ"). Мы не будемъ отдѣльно говорить о наслѣдованіи разныхъ категорій лицъ изъ несвязныхъ съ семьею родствомъ,—все это совершенно однообразно и строго подчиняется выставленному нами выше общему правилу. Каждое изъ этихъ лицъ, получивъ, посредствомъ труда, право на семейное имущество, исключаетъ собою отъ участія въ наслѣдствѣ даже ближайшихъ кровныхъ родственниковъ, если они выдѣлились изъ семейной ассоціаціи. На солдатъ въ однихъ мѣстностяхъ смотрятъ какъ на выдѣлившихся, и потому они не участвуютъ въ имуществѣ, нажитомъ послѣ ихъ выхода изъ семьи; въ другихъ мѣстахъ солдаты участвуютъ, такъ какъ они „служили за семью, на службѣ страдали, а семья за нихъ работала".

Все, что мы говорили объ отношеніяхъ членовъ семьи къ семейной корпораціи, касается лишь мужчинъ, такъ какъ только они считаются полноправными членами. Женщина уже по тому одному не можетъ быть въ глазахъ крестьянства на столько же полноправной, что ея связь съ семьей всегда болѣе или менѣе случайна и временна: если она дѣвушка, она готовится къ тому, чтобы выйти изъ семьи; если замужняя, она привязана къ семьѣ (мы подразумѣваемъ большую семью) лишь мужемъ и дѣтьми, и разъ эта связь порвана—женщина становится чужой и всегда можетъ выдѣлиться, чтобы войти въ составъ новой семьи. Оттого отношенія женщины къ семьѣ усложняются сравнительно съ отношеніями мужчинъ; однако, и на этихъ отношеніяхъ отра-

жается трудовое начало, хотя и не заправляетъ ими такъ цѣльно, какъ отношеніями мужчинъ.

На что имѣетъ право женщина въ большой семьѣ послѣ смерти мужа (когда дѣло идетъ о женщинѣ, надо непремѣнно различать большую и малую семью)? Она, въ принципѣ, не имѣетъ никакого права на долю своего мужа: дать выдѣлъ вдовѣ было бы несправедливо, по воззрѣніямъ крестьянъ, такъ какъ мужъ работалъ на всю семью, и результатъ его труда ей и долженъ принадлежать; къ тому же, совершеннымъ разореніемъ было бы для большинства крестьянскихъ семей дѣлать такой выдѣлъ мужниной доли женщинамъ. Поэтому, если вдова захочетъ выйти изъ семьи (чаще когда нѣтъ дѣтей), она можетъ взять лишь свое личное имущество, принесенное ею въ домъ мужа или заработанное уже въ домѣ—женщины больше мужчинъ пользуются правомъ посторонняго заработка въ свою личную пользу—и развѣ еще какую-нибудь бездѣлицу изъ одежды мужа, если даетъ на это право мѣстный обычай. Но это только въ томъ случаѣ, если женщина жила въ семьѣ мужа недолго, значитъ и работала мало. Если жъ она жила долго и прилежно работала въ интересахъ семьи, то необходимо, чтобъ семья вознаградила ее за работу, чѣмъ можетъ. Опредѣленныхъ правовыхъ нормъ тутъ меньше, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ и вообще-то права женщины, по своей сравнительной сложности, труднѣе подлежатъ опредѣленію и болѣе шатки. Дать или не дать что-нибудь и что дать женщинѣ,—въ этомъ случаѣ, дѣло совѣсти главы семьи, представителя общесемейныхъ интересовъ; впрочемъ, и волостной судъ часто поддерживаетъ права женщины-невѣстки противъ своекорыстія мужниной семьи.

Въ малой семьѣ для женщины идетъ вопросъ уже не о вознагражденіи за работу, а объ ея правахъ на имущество. Если остались дѣти, то положеніе женщины, какъ матери, ясно и просто: она остается при дѣтяхъ распорядительницей имущества. Другое дѣло, когда нѣтъ дѣтей: тутъ опять народная правда для разрѣшенія затрудненія вынуждена прибѣгнуть къ излюбленному ею трудовому началу. Если женщина жила съ мужемъ недолго, ей или не дается ничего изъ имущества (разумѣется, ея имущество всегда при ней), или дается немногое, по добровольному соглашенію съ настоя-

щими наслѣдниками или по приговору суда; все остальное идетъ въ семью, въ которой мужъ нажилъ свое имущество. Но если женщина жила съ мужемъ продолжительное время, значитъ, сдѣлалось уже возможнымъ смотрѣть на имущество не какъ на выдѣлъ изъ мужниной семьи, а какъ на результатъ совмѣстнаго труда супруговъ, тогда вдова является полноправной наслѣдницей всего имущества. Иногда мужъ, умирая, дѣлаетъ завѣщаніе въ пользу жены, обыкновенно мотивируя свое желаніе передать имущество или часть его, женѣ тѣмъ, что она усердно трудилась, — это, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда супруги жили вмѣстѣ недолго; въ противномъ случаѣ, нѣтъ надобности въ завѣщаніяхъ. Не только законныя жены, даже любовницы, послѣ долговременнаго сожительства, имѣютъ право на имущество своихъ сожителей, и судъ признаетъ за ними это право и защищаетъ отъ посягательства родственниковъ. Мы не знаемъ, имѣетъ ли этотъ фактъ повсемѣстное значеніе, но встрѣчаемъ его въ мѣстностяхъ, настолько удаленныхъ одна отъ другой, какъ Архангельская и Томская губернія („Юридическіе обычаи крестьнъ-старожиловъ Томской губерніи", князя Кострова. Томскъ, 1876 г., стр. 45).

Вслѣдствіе того исключительнаго интереса, какой представляетъ этотъ разрядъ фактовъ, приведемъ одно, относящееся сюда рѣшеніе волостнаго суда Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда: „1863 г., декабря 22, крестьянинъ кургоминской волости, топецкаго сельскаго общества, села Автономовскаго, Андрей Ивановъ Вилачевъ, предъявилъ въ присутствіи правленія, что проживавшій въ С.-Петербургѣ братъ его, Илья Ивановъ, померъ. Тотъ Илья напредь сего проживалъ отъ братьевъ Андрея и Кондратія въ отдѣльномъ домѣ, вмѣстѣ съ крестьянскою дѣвкою того же сельскаго общества Натальею Бекетовой; требуется съ него, Ильи, взысканіе за самовольно заготовленный въ 1862 г. смольнякъ денегъ 24 руб., поэтому проситъ сдѣлать распоряженіе объ истребованіи изъ оставшагося послѣ смерти брата его, Ильи, имущества денегъ на пополненіе сего долга. По разсмотрѣніи сей жалобы, входили мы въ должное разбирательство между крестьянкою Бекетовой и крестьяниномъ Вилачевымъ которыхъ мы примирили, и съ общаго согласія они согласились: крестьянка Бекетова,

изъ оставшагося послѣ смерти Ильи Вилачева имущества, дать Андрею въ вспомоществованіе на уплату сказаннаго долга тринадцать рублей, съ тѣмъ, чтобы оставшимся послѣ умершаго участкомъ земли на одну душу владѣть ей до раздѣлу земель между всѣми крестьянами, на что проситель Андрей изъявилъ согласіе и остальныя за смольнякъ деньги 11 руб. обѣщался заплатить изъ своего имущества, а болѣе въ оставшееся послѣ смерти брата своего имѣніе, находящееся у дѣвицы Бекетовой, нисколько не вступается". Мужья также наслѣдуютъ женамъ, если жили вмѣстѣ долго; если же недолго, женино имущество идетъ ея роднымъ.

Сестры, какъ извѣстно, у крестьянъ не наслѣдуютъ братьямъ, да оно и не можетъ быть иначе, по особенностямъ крестьянскаго семейнаго и экономическаго строя; но вотъ сестра-вдова живетъ при братьяхъ и работаетъ въ ихъ домѣ семнадцать лѣтъ, и судъ отдаетъ ей наслѣдство и т. д. Однимъ словомъ, трудовой принципъ красной нитью проходитъ черезъ всѣ наслѣдственныя отношенія крестьянъ, по сколько они опредѣляются обычнымъ правомъ. Онъ иногда видоизмѣняется въ своихъ примѣненіяхъ сообразно особенностямъ условій, среди которыхъ дѣйствуетъ; иногда осложняется другими, чуждыми ему элементами; иногда затемняется внѣшнимъ вліяніемъ—вліяніемъ законодательства, построеннаго на иныхъ началахъ, и культурныхъ слоевъ, воспитанныхъ на иныхъ правовыхъ представленіяхъ, но все-таки даже поверхностный взглядъ не можетъ не признать его руководящаго значенія въ этой области обычнаго права.

Сходное видимъ мы и въ наслѣдованіи у балканскихъ славянъ. Правда, тамъ въ устройствѣ семьи, задруги, сильнѣе преобладаетъ кровное начало, чѣмъ въ великорусской семьѣ, поэтому оно отразилось и на наслѣдственномъ правѣ. Но такъ какъ и у славянъ семья является трудовой ассоціаціей, хотя и кровной, то и у нихъ въ наслѣдованіи кровное начало тѣсно переплетается съ трудовымъ. Вслѣдствіе болѣе выгодныхъ экономическихъ условій, тамъ, повидимому, рѣже является необходимымъ пріобщать къ своей кровной ассоціаціи лицъ постороннихъ (что часто у русскихъ крестьянъ совершенно необходимо по хозяйственнымъ соображеніямъ); но затѣмъ, разъ принимается въ семью посторонній, пріе-

мышъ или зять и т. п., онъ дѣлается полнымъ участникомъ семейнаго имущества. Когда членъ семьи отдѣлился совсѣмъ отъ семьи, взявъ свою часть, онъ теряетъ всякое дальнѣйшее право на открывшееся наслѣдство. Если онъ не отдѣлился, а просто вышелъ, напримѣръ, на сторону на заработки, его право на домашнее имущество или остается неприкосновеннымъ, если онъ помогаетъ семьѣ, или уменьшается, если не помогаетъ, такъ что въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣетъ право на участіе лишь въ томъ, что пріобрѣтено до его ухода. Вообще, въ подобныхъ случаяхъ заправляетъ правило, выражающееся пословицей: „ko doma radi, taj i raduje“ (кто дома работаетъ, тотъ и пользуется). При дѣлежѣ имущества всегда обращается вниманіе на основное имущество, стожеръ, переходящій изъ рода въ родъ, который дѣлится по кровному началу, и результатъ трудовъ семьи, который дѣлится по трудовому: кто работалъ, тотъ и принимаетъ участіе въ дѣлежѣ.

Кажется, мы привели достаточно данныхъ чтобы убѣдить читателя, что въ народѣ дѣйствительно существуетъ своеобразное право, въ которомъ первенствующую роль играетъ трудовое начало. Однако, мы не смѣемъ слишкомъ надѣяться на успѣхъ, особенно въ средѣ ученыхъ спеціалистовъ: всѣ факты могутъ разбиться о научные предразсудки—можетъ быть, одни изъ самыхъ живучихъ предразсудковъ.—тѣмъ болѣе, когда въ основѣ ихъ лежатъ тѣ или иныя соціальныя симпатіи или антипатіи. Но если наша слабая попытка обратитъ чье-либо вниманіе на этотъ предметъ, столь важный и въ научномъ, и въ практическомъ отношеніи, то и это уже мы сочтемъ за существенный результатъ.

Когда писалась эта статья, мы еще не видѣли книги г. Пахмана „Обычное гражданское право въ Россіи“ и теперь хотимъ сказать по поводу ея нѣсколько словъ, которыя послужатъ въ то же время къ выясненію основной мысли статьи.

Если кто-либо изъ ученыхъ юристовъ снизойдетъ до того, что заглянетъ въ нашу статью, онъ непремѣнно упрекнетъ автора въ невѣжествѣ, въ смѣшеніи того, что должно быть строго различаемо, — понятій юридическихъ съ экономиче-

скими. Дѣло въ томъ, что ни юриспруденція, ни законодательство не признають за трудомъ самостоятельнаго юридическаго значенія. Мы это знали; но знали также и то, что когда идетъ дѣло о явленіяхъ права народнаго и о попыткахъ обобщенія этихъ явленій, то невозможно обойтись безъ признанія за трудомъ нетолько самостоятельнаго, но и очень важнаго, преобладающаго значенія въ области права гражданскаго (включая сюда семейное и наслѣдственное право). Но, признавая самостоятельное юридическое значеніе труда, не совершаемъ-ли мы преступленія противъ науки права? не дѣлаемъ ли чего-нибудь такого, что совершенно противорѣчитъ началамъ этой науки? Намъ кажется, что нѣтъ; больше,—намъ кажется, что еслибы теорія права признала юридическое значеніе труда, она лишь выиграла бы въ простотѣ, полнотѣ и стройности. Возьмемъ, напр., всего ближе подходящій къ дѣлу институтъ собственности. Юристами признаются двѣ группы способовъ пріобрѣтенія права собственности: одна группа—способы первоначальные, другая—производные. Если бы наука права ставила дѣло такъ, что брала въ свое вѣдѣніе только вторую группу, т.-е. способы, посредствомъ которыхъ право собственности передается отъ одного лица другому, можно было бы признать тогда, что юридическая теорія послѣдовательна, такъ какъ она все строитъ лишь на юридическихъ основаніяхъ и потому она права, отрицая юридическое значеніе труда. Но этого нѣтъ и быть не можетъ; не можетъ юридическая наука этимъ ограничиться, если хочетъ имѣть за собой жизненное значеніе: потому она принуждена признать юридическій характеръ и за такъ-называемой ею группой первоначальныхъ способовъ, куда относятся разные виды оккупаціи, завладѣнія,—не вдаваясь въ юридическія тонкости, мы беремъ одинъ терминъ, схватывающій типическую черту этой группы. Оставляемъ въ сторонѣ то, что нѣкоторые виды завладѣнія, напр. добыча охоты, имѣютъ трудовой хорактеръ,—предположимъ, что оккупація и трудъ совершенно различныя вещи, такъ какъ эти два понятія дѣйствительно имѣютъ въ себѣ кое-что принуждающее ихъ противопоставлять принципіально другъ другу. Но это различіе не можетъ отражаться на ихъ юридической правоспособности, если можно такъ выразиться.

Какъ оккупація, такъ и трудъ—понятія не юридическія, а заимствованныя изъ сферы матеріальныхъ, экономическихъ отношеній. Въ силу какихъ же особыхъ высокихъ свойствъ своей природы оккупація можетъ пріобрѣтать юридическое значеніе, и передъ ней распахиваются настежь двери юридической науки, а трудъ, какъ неправоспособный, остается въ жалкомъ видѣ за дверью? Пусть кто-нибудь изъ господъ ученыхъ юристовъ объяснитъ, въ чемъ тутъ секретъ...

Но можетъ быть еще одно возраженіе противъ признанія за трудомъ юридическаго значенія. Намъ могутъ сказать: конечно, оккупація есть такой же фактъ чисто матеріальный, какъ и трудъ. Но между ними есть та громадная разница, что оккупація не можетъ быть сведена ни на какое предшествующее юридическое отношеніе и заставляетъ себя признать volens nolens; трудъ же всегда предполагаетъ собою уже существующее юридическое отношеніе, такъ что правовые результаты вытекаютъ не изъ него, а изъ этого предшествующаго правоваго отношенія,—оттого за нимъ и нельзя признать самостоятельнаго юридическаго значенія. Если представить это въ конкретномъ видѣ, выйдетъ такъ: человѣкъ всегда работаетъ надъ чѣмъ-нибудь, матеріаломъ, вещью (орудія труда, для простоты, оставимъ въ сторонѣ). Но эта вещь, прежде чѣмъ человѣкъ сталъ надъ ней работать, стояла уже въ какомъ-нибудь юридическомъ отношеніи къ какому-нибудь юридическому лицу. Или эта вещь принадлежитъ самому работающему надъ ней человѣку—и тогда результатъ труда есть приростъ къ его собственному имуществу, юридически такой же приростъ, какъ прибыль на капиталъ, положенный въ банкъ, приплодъ его скотины и т. п. Или эта вещь принадлежитъ не ему—и тогда трудъ, въ нее положенный, не служитъ для работающаго основаніемъ права соственности, а вознагражденіе, которое онъ получаетъ, вытекаетъ не изъ труда, а изъ предшествующаго труду юридическаго отношенія—сдѣлки между собственникомъ вещи и работавшимъ надъ нею. Однимъ словомъ, для труда не оказывается мѣста на юридическомъ пиру. Если мужикъ набралъ себѣ въ лѣсу лыка и сплелъ лапти,—юридически значитъ, что онъ пріобрѣлъ себѣ путемъ завладѣнія или, точнѣе, захвата чужого имущества (если лѣсъ казенный

или владѣльческій) право собственности на лыко и затѣмъ приростилъ къ этому лыку своимъ трудомъ лапти, которыя и сдѣлались его собственностью въ силу этого предшествовавшаго права на лыко.

Положимъ и такъ. Но если живописецъ нарисовалъ картину, юристъ написалъ сочиненіе, скульпторъ сдѣлалъ статую,—неужели ихъ право собственности на произведенныя ими вещи основывается на томъ, что они имѣли предшествовавшее право собственности на полотно и краски, на чернила и бумагу, на кусокъ мрамора? Очевидно, нѣтъ. Но юристъ и тутъ приготовилъ возраженіе. Онъ скажетъ: вы смѣшиваете двѣ разныя вещи—право собственности на вещь матеріальную, т. е. право собственности въ настоящемъ смыслѣ слова, съ правомъ художественной, авторской собственности, которое не есть настоящее право собственности, а лишь аналогія этого права. Но тутъ уже мы принуждены оставить юриста. Отдавая полную дань удивленія изворотливости юридическаго ума и богатству юридическихъ ухищреній, должно признать, что послѣднее возраженіе есть чисто словесное, ничуть не уясняющее, даже не трогающее вопроса. Въ чемъ основаніе художественнаго и авторскаго права собственности; чѣмъ это право собственности отличается по существу отъ настоящаго права собственности, право художника на нарисованную имъ картину отъ права мужика на сплетенный имъ лапоть? Развѣ тѣмъ, что трудъ художника есть трудъ культурный, облагороженный, и потому культурная мысль юриста, увлекаясь соображеніями родственной близости, ухищряется таки попріоткрыть двери юридической науки и незамѣтно впустить въ святилище облагороженный трудъ, отведя ему особое помѣщеніе, а, главное, избѣгая называть его собственнымъ именемъ. Какъ ни спрашивайте, вамъ не скажутъ, что единственнымъ основаніемъ права собственности въ этомъ случаѣ безспорно есть трудъ.

И такъ, въ культурномъ правѣ мы нашли таки одинъ случай, гдѣ трудъ не можетъ быть сведенъ ни на какое предшествующее юридическое отношеніе, слѣдовательно, является съ самостоятельнымъ юридическимъ значеніемъ. Правда, это не трудъ чернорабочаго, а литератора, художника, словомъ, трудъ облагороженный; правда, фактъ и тутъ не называется

по имени, а обходится молчаніемъ въ ущербъ стройности теорія, которая оставляетъ такимъ образомъ положеніе безъ подведенія къ нему основанія; но это не мѣняетъ дѣла. Слишкомъ очевидно, что наука права должна признать трудъ въ данномъ случаѣ за юридическое основаніе права собственности, хотя ни юридическая теорія, ни законодательство не выговариваютъ этого. Чтобы обойти какъ нибудь необходимость признать юридическое значеніе труда, юристы измышляютъ цѣлые институты, какъ напр., quasi-contractus и особенно видъ его negotiorum gestio! Напр., если кто-либо сожнетъ хлѣбъ на чужомъ полѣ безъ согласія владѣльца, но не съ цѣлью захвата чужой собственности, а bona fide, добросовѣстно, какъ выражаются юристы,—имѣетъ ли онъ право на вознагражденіе? Будучи послѣдователенъ, юристъ долженъ бы былъ сказать, что работавшій не имѣетъ этого права, такъ какъ не было предварительнаго согласія собственника на такую работу, т.-е. не было того предшествующаго юридическаго отношенія, на которое могло бы опереться это право. Но чувство естественной справедливости, безъ котораго не можетъ обойтись и юристъ, не дозволяетъ ему остановиться на такомъ выводѣ. И вотъ онъ своимъ изощреннымъ на хитросплетеніяхъ умомъ придумываетъ выходъ: онъ предполагаетъ, якобы между собственникомъ поля и работавшимъ было предварительное соглашеніе quasi-contractus, и изъ этого quasi-основанія выводитъ право работавшаго на вознагражденіе. Зачѣмъ требуется эта фикція? Все затѣмъ же, чтобы, съ одной стороны, не придти въ явное столкновеніе съ чувствомъ естественной справедливости, съ другой—избѣжать признанія за трудомъ юридическаго значенія. Къ чему это? Зачѣмъ этотъ страхъ передъ очевидностью? Правда, при настоящемъ экономическомъ устройствѣ общества, когда рабочая сила и средства производства часто раздѣлены, трудъ не даетъ права собственности на продуктъ, а лишь на выдѣлъ части изъ его цѣнности—чтожъ изъ этого? Вѣдь всякое право можетъ встрѣтиться съ другимъ правомъ и ограничиться имъ, а все-таки продолжаетъ существовать. Намъ представляется несомнѣннымъ, что юридическая теорія выиграетъ въ полнотѣ и простотѣ, если признаетъ за трудомъ юридическій характеръ. Не будетъ надобности въ лишней

юридической категоріи (относительно литературной и художественной собственности), не будетъ надобности въ фикціяхъ —этихъ заплаткахъ, указывающихъ на недоброкачественность теоретической ткани.

Невольно останавливается мысль на причинахъ этого страннаго явленія—очевиднаго и предвзятаго нерасположенія юридической мысли къ юридическому значенію труда. Конечно, нельзя не признать, что экономическій строй современныхъ цивилизованныхъ обществъ таковъ, что долженъ внушать невольно идею о второстепенномъ подчиненномъ значеніи труда, и это должно было отразиться на настроеніи юридической мысли, Но, можетъ быть, еще больше повліяло то, что законодательство всегда находилось въ рукахъ нетрудящихся классовъ. Понятно, что люди, права собственности которыхъ истекали изъ наслѣдованія, сдѣлки, завладѣнія (напр. относит. военной добычи), почти никогда изъ труда, легко могли просмотрѣть, что и трудъ нуждается въ юридическомъ признаніи. Единственный трудъ, который имѣлъ мѣсто среди этихъ классовъ, умственный и художественный, былъ признанъ способнымъ служить основаніемъ для права собственности; но его старательно обособили отъ физ ческаго, чернаго труда. Законодательство закрѣпило существ вавшія жизненныя отношенія, юридическая теорія дала имъ высшую научную санкцію; слѣдовало-ли ей это дѣлать? Не надо забывать того обстоятельства, что теорія права разрабатывалась въ такихъ обществахъ, гдѣ въ основѣ строя лежало завоеваніе, насильственный захватъ одною частью общества правъ у другой,—такъ было въ древнемъ римскомъ обществѣ, такъ и въ западно-европейскихъ, которые восприняли римское право и продолжали его культивировать. Конечно, такое общество должно было дать правовую санкцію оккупаціи и лишить этой санкціи трудъ; первая была для него символъ господства, благородства, правоспособности, второй—зависимости, низкорожденности. Давленіе высшихъ слоевъ на низшіе въ Западной Европѣ было такъ велико, что успѣло задавить въ нихъ зачатки тѣхъ юридическихъ воззрѣній, которыя были имъ естественно присущи, какъ трудящимся. Помогло уничтоженію этихъ воззрѣній и дальнѣйшее развитіе экономическаго строя, которое оторва-

ло крестьянина отъ земли, трудящагося отъ продукта его труда, сдѣлало трудъ лишь косвеннымъ, а не прямымъ, непосредственнымъ способомъ удовлетворенія потребностей трудящагося. Такъ на Западѣ; но въ Россіи положеніе дѣлъ въ значительной степени иное. Въ нашемъ крестьянствѣ, сидящемъ на своей землѣ, сохранилось въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ на Западѣ, непосредственная связь между трудящимся и продуктомъ его труда, сохранились и юридическія отношенія особаго трудоваго типа. Если экономическое развитіе народа и дальше пойдетъ по тому же экономическому пути, а рука объ руку съ нимъ пойдетъ и его самостоятельное юридическое развитіе, то едва-ли законодательство, съ своими заимствованными теоріями, захочетъ остаться въ сторонѣ отъ того главнаго русла національной жизни, по которому течетъ жизнь народа. А одинъ изъ главныхъ шаговъ сближенія законодательства съ народными воззрѣніями будетъ признаніе за трудомъ самостоятельнаго юридическаго значенія.

Но мы не ослѣпляемъ себя легковѣрной надеждой; мы убѣждены, что вопросъ о юридической самостоятельности труда вызоветъ противъ себя много предубѣжденій, и какъ одни изъ наиболѣе предубѣжденныхъ выступятъ противъ него ученые юристы. Теоретическое, научное предубѣжденіе ослѣпляетъ поразительно. Наглядный примѣръ этого можетъ дать книга г. Пахмана, о которой мы упомянули выше. Книга посвящается народному обычному праву, и авторъ просмотрѣлъ въ этомъ правѣ то, что составляетъ его душу,— именно душу, намъ не кажется слишкомъ сильнымъ это выраженіе. Правда, г. Пахманъ не касается въ настоящемъ выпускѣ права наслѣдственнаго, въ которомъ такъ рѣзко отразилось правовое начало. Но собственность и право обязательное, которыми онъ занимается, по своей исключительной близости къ экономической сторонѣ жизни, должны быть проникнуты трудовымъ духомъ, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Но тщетно вы будете искать этотъ духъ въ книгѣ г. Пахмана: онъ улетѣлъ, а вмѣсто него вы находите обломки скелета расклассифицированные по юридическимъ клѣточкамъ.

Несмотря на все свое предубѣжденіе, какъ юриста, противъ юридическаго значенія труда, г. Пахманъ все-таки дол-

женъ былъ сдѣлать такое признаніе: „Нѣтъ, конечно, нужды доказывать экономическое значеніе труда въ дѣлѣ пріобрѣтенія и накопленія имущества. Справедливо также, что, при низкомъ уровнѣ экономической жизни народа, трудъ является не только главнымъ, но и почти единственнымъ источникомъ или орудіемъ добыванія средствъ жизни. Таково же, несомнѣнно, значеніе труда и въ нашемъ сельскомъ населеніи: какъ въ семьѣ, такъ и внѣ ея, каждый человѣкъ цѣнится прежде всего какъ трудовая сила; въ немъ самомъ, и преимущественно въ его физической силѣ, коренятся всѣ средства жизни и благосостоянія. Не подлежитъ также сомнѣнію, что, по тѣсной связи экономическихъ условій быта съ областью права, трудъ находитъ себѣ обширное примѣненіе и въ сферѣ правоотношеній, составляющихъ предметъ гражданскаго права. Такимъ образомъ трудъ получаетъ и значеніе юридическое" (стр. 43 и 44). Очень важна послѣдняя фраза: „такимъ образомъ трудъ получаетъ и значеніе юридическое". Да, и г. Пахманъ, заслуженный профессоръ с.-петербургскаго университета, долженъ былъ признать юридическое значеніе труда въ обычномъ правѣ. Но этимъ признаніемъ онъ и оканчиваетъ. Тотчасъ же затѣмъ юристъ беретъ въ немъ свое, и все дальнѣйшее направлено къ тому, чтобы доказывать, что нѣтъ необходимости признавать самостоятельное юридическое значеніе труда, такъ какъ все, что можетъ быть отнесено къ трудовому началу, также легко можетъ улечься въ готовыя юридическія клѣточки: оккупаціи, сдѣлки quasi-contract'а и negotiorum gestio и т. д. Но мужицкое право упрямо: нашлась-таки группа случаевъ, которую нельзя было припереть ни къ какой юридической стѣнкѣ. Это тѣ случаи, когда совершается трудъ безъ того лица, чьего интереса или имущества онъ касается; напр., если кто-либо обработываетъ чужую землю и обработываетъ въ свою пользу, а не для владѣльца земли, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ, т. е. еслибы обработывалась земля для владѣльца, основаніемъ вознагражденія служила бы фикція предварительнаго согласія владѣльца. И такъ, если кто-либо, безъ согласія хозяина, обработаетъ землю въ свою пользу, то по обычному праву онъ все-таки получаетъ вознагражденіе за трудъ, несмотря на то, что онъ своимъ дѣйствіемъ явно нарушилъ право

собственности. Но и тутъ г. Пахманъ пытается умалить значеніе этого факта, утверждая, что трудъ вознаграждается только тогда, когда онъ совершенъ bona fide, по ошибкѣ, а не завѣдомо недобросовѣстно, такъ что народная правда дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ, какъ полагаетъ г. Пахманъ, по юридическому принципу: „nemo locupletior fieri potest cum alterius damno aut detrimento"—„никто не вправѣ обогащаться къ чужому ущербу". Принципъ, конечно, прекрасный; но намъ кажется, что г. Пахманъ слишкомъ льстить мужику, предполагая за нимъ такую способность предвосхищать юридическія тонкости. Да оно и совсѣмъ не такъ, и самъ г. Пахманъ признаетъ, въ другомъ мѣстѣ своего труда, что не такъ. Въ отдѣлѣ о неправомъ пользованіи чужимъ имуществомъ (стр. 314 и слѣд.) авторъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, относящихся къ неправильному пользованію чужимъ имуществомъ (засѣвъ чужого поля, порубка лѣса, скошеніе травы), пользованію, признаваемому имъ за недобросовѣстное или самовольное, гдѣ однако же трудъ, къ удивленію, вознаграждается вопреки категорическому заявленію автора. Намъ, право, какъ-то даже неловко писать это; сообщимъ лучше факты, приводимые г. Пахманомъ, и пусть читатель самъ разсудитъ, вознаграждается тутъ трудъ или нѣтъ: „Д. и Г. жаловались, что В. на загонѣ, посѣянномъ ими просомъ, перепахалъ и посѣялъ рѣпу и чрезъ это сдѣлалъ убытку на пять рублей; тяжущіеся окончили это дѣло миромъ, съ тѣмъ, чтобы В. уплатилъ Д. и Г. три рубля, а посѣянную рѣпу оставить въ пользу В". „Землю, самовольно засѣянную Б., предоставить во владѣніе К., который обязанъ возвратить Б. сѣмена, употребленныя на посѣвъ, и за работу 3 рубля". „Х. самовольно запахалъ у Т. $1/2$ десятины душевой земли, посѣялъ на ней хлѣбъ и убралъ его въ свою пользу; судъ опредѣлилъ: убранные Х. шесть копенъ хлѣба раздѣлить пополамъ и удовлетворить Т. тремя, при чемъ строго подтвердилъ Х., чтобы онъ на будущее время отъ таковыхъ самоволій воздерживался, подъ опасеніемъ должной по закону отвѣтственности". „С. жаловалась, что Ф. засѣялъ ея пашню овсомъ, и просила предоставить овесъ тотъ убрать въ ея пользу; судъ постановилъ: взыскать съ Ф. въ пользу С. 1 р. 50 к., траву же съ тѣхъ пашень долженъ скосить и

убрать Ф. въ свою пользу". Въ одномъ рѣшеніи сказано: „какъ Т. самоправно выоралъ землю О., то долженъ получить отъ О. за оранку 2 руб." (345 и 346 стр.). Вотъ факты, приводимые г. Пахманомъ относительно послѣдствій такъ-называемаго недобросовѣстнаго пользованія чужимъ имуществомъ. Пусть читатель рѣшитъ, кто правъ. Правда, на страницахъ 46 и 47 г. Пахманъ приводитъ два факта, когда трудъ дѣйствительно не вознаграждается. Но что значатъ два факта, когда есть цѣлый рядъ фактовъ противоположнаго характера? Вѣдь всѣ эти факты почерпнуты изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, а мы знаемъ, какъ часто эти рѣшенія зависятъ отъ какого-нибудь писаря, который умѣетъ обращаться съ десятымъ томомъ и съ уложеніемъ и заставляетъ судей постановлять рѣшенія, противныя ихъ убѣжденіямъ. Зная это, добросовѣстный изслѣдователь, еслибы встрѣтилъ въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ на половину и даже больше такихъ фактовъ, которые отрицали бы въ крестьянствѣ существованіе самостоятельныхъ юридическихъ воззрѣній, все-таки не сталъ бы заключать объ отсутствіи такихъ воззрѣній. Тѣмъ болѣе не сталъ бы, когда эти отрицательные факты являются рѣдкими, разбросанными исключеніями въ группѣ фактовъ противоположнаго характера. Мы не думаемъ заподозрѣвать научную добросовѣстность г. Пахмана—меньше всего: онъ далъ намъ самое вѣское доказательство своей полнѣйшей добросовѣстности, приведя факты, которые совершенно опровергаютъ его собственное положеніе. Но это побуждаетъ насъ еще разъ остановить вниманіе читателя на томъ, какъ научное предубѣжденіе мѣшаетъ безпристрастному изслѣдованію.

Вообще намъ представляется очень неудобнымъ, когда къ обычному праву подходятъ, какъ сдѣлалъ г. Пахманъ, съ научными юридическими нормами, извлеченными изъ фактовъ права культурнаго. Мы уже высказали наше глубокое убѣжденіе, что народное обычное право и право культурное представляютъ собою два строя юридическихъ воззрѣній, типически отличныхъ одинъ отъ другого, и потому всякая попытка систематизировать народное право по нормамъ юридической теоріи есть самое неблагодарное дѣло. Систематизировать такимъ образомъ обычное право—значитъ нетолько

ленныхъ правовыхъ опредѣленій; оно игнорируетъ субъективныя особенности каждаго случая—лишь бы было на лицо въ данномъ фактѣ все, что входитъ въ правовую формулу. Второе направленіе не заботится объ опредѣленіяхъ и о безусловномъ примѣненіи ихъ,—его существенное стремленіе въ каждомъ данномъ случаѣ по возможности дать большее удовлетвореніе чувству естественной справедливости. „Должна быть выполнена правовая формула, а тамъ что за дѣло, что за этой формулой скрываются людскія страданія и наслажденія, бѣдствія и радости—fiat justitia, pereat mundus“, говоритъ первое направленіе. „Какое дѣло до правовыхъ формулъ, лишь бы изъ людскихъ отношеній по возможности меньше вытекло для людей страданій и горя“, говоритъ другое. Первое направленіе беретъ своимъ девизомъ „suum cuique tribuere“—каждый долженъ получить то, что ему слѣдуетъ по правовому опредѣленію, ни больше, ни меньше“, девизъ втораго—„чтобъ никому не было обидно“. Все въ первомъ держится на умѣ и логикѣ, все объективно и формально; все во второмъ—на чувствѣ, все субъективно и индивидуально.

Крайнимъ представителемъ перваго, объективнаго, направленія является римское право; типичнымъ представителемъ втораго—русское обычное право. Что за странное сопоставленіе! скажетъ, вѣроятно, каждый, сколько-нибудь искусившійся въ юридической наукѣ, если только онъ удостоитъ заглянуть въ эти строки. Съ одной стороны научная система, поражающая своею логическою стройностію, „доводящею умъ до восторга“,—система, на которую потрачена бездна человѣческаго остроумія и логики; съ другой стороны нѣсколько безформенныхъ представленій, допуская даже, что они есть (въ этомъ многіе сильно сомнѣвались до послѣдняго времени), что ихъ можно выудить изъ общаго хаоса невѣжественныхъ и странныхъ народныхъ понятій. Съ одной стороны—ученый юристъ во всеоружіи знанія и изощренной логики; съ другой—мужикъ, готовый промѣнять въ первомъ кабакѣ на стаканъ водки и тотъ смутный отрывокъ правоваго представленія и чувства, какой въ немъ выработанъ природой и преданіемъ. Какая нелѣпость!

-де всего, народныя представленія о правѣ вовсе не

такъ безформенны и отрывочны, какъ это принято представлять, такъ какъ ихъ, уже и при настоящемъ состояніи разработки предмета, въ значительной степени можно свести къ одному общему началу—значитъ о безформенности не можетъ быть и рѣчи. Это достаточно показалъ и Оршанскій въ вышеупомянутой его статьѣ; я же оставляю теперь этотъ предметъ пока въ сторонѣ. Я здѣсь коснусь иной стороны вопроса—отчего происходитъ кажущаяся нелѣпость сдѣланнаго мной сопоставленія русскаго обычнаго права съ римскимъ?

Мнѣ кажется, тутъ дѣло въ недоразумѣніи. Принимая наше обычное право за представителя субъективнаго направленія, а римское—объективнаго, я сравниваю эти два права не по степени ихъ выработанности, а по ихъ характеру. Этимъ самымъ я утверждаю, что степень развитія и характеръ развитія въ правѣ двѣ вещи совершенно различныя, хотя ихъ и смѣшиваютъ тѣ лица, которымъ я въ настоящую минуту возражаю. Субъективизмъ и объективизмъ права—два типа правовыхъ воззрѣній,—типа, которые могутъ существовать и развиваться совершенно независимо одинъ отъ другого, хотя, случается, и смѣняютъ одинъ другой. Поясню сказанное примѣрами. Данъ на рѣшеніе спорный юридическій вопросъ—представляется искъ объ имуществѣ. Ни та, ни другая изъ сторонъ не можетъ представить несомнѣнныхъ доказательствъ того, что имущество принадлежитъ ей—права обѣихъ сомнительны. Какъ поступитъ въ данномъ случаѣ юристъ, воспитанный на римскомъ правѣ? Онъ взвѣситъ всѣ аргументы той и другой стороны и постарается найти въ этихъ аргументахъ что-нибудь, что дало бы на вѣсахъ его логики большую тяжесть аргументаціи одной стороны, хотя бы эта прибавка въ одной чашкѣ вѣсовъ была какая-нибудь ничтожная формальность, ничего не значущая по существу—ему никогда нѣтъ дѣла до того, что прикрыто этою формальностью—и взвѣшиваніе рѣшаетъ все: право на сторонѣ лишняго аргумента, и сомнительное, даже продолжающее оставаться сомнительнымъ передъ его совѣстью, его чувствомъ, дѣлается несомнѣннымъ юридически, объективно спорный вопросъ рѣшенъ. Но вотъ передъ вами другой юристъ, юристъ нашего волостнаго суда. Онъ не

можетъ примириться съ такимъ рѣшеніемъ, его чувство возстаетъ противъ того, чтобъ рѣшить дѣло—можетъ быть такое, отъ котораго зависитъ судьба человѣка,—только въ силу того, что на извѣстной сторонѣ есть одинъ какой-нибудь аргументъ, ничуть не освѣщающій дѣла, не прекращающій его сомнительнаго характера. Какъ рискнуть сдѣлать несчастнымъ можетъ быть и праваго? И вотъ, чтобъ не пойти въ разрѣзъ съ своимъ чувствомъ справедливости, деревенскій юристъ принимаетъ такую комбинацію, имѣющую свой техническій терминъ „грѣхъ пополамъ": если нѣтъ достаточныхъ для его убѣжденія доказательствъ принадлежности, онъ присуждаетъ раздѣлить спорное имущество пополамъ между спорящими сторонами. Вотъ два совершенно различныхъ рѣшенія одного вопроса, принадлежащихъ одно объективному праву, другое субъективному. Какъ вы думаете, на что указываетъ различіе въ этихъ рѣшеніяхъ, на различіе ли въ *степени* или въ *характерѣ* правоваго развитія? Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что тутъ разница въ характерѣ, иная правовая исходная точка. „Грѣхъ пополамъ" не есть какое нибудь случайное вдохновеніе деревенскаго юриста-„старика". Это институтъ, вполнѣ способный къ юридическому развитію. Мы его встрѣчаемъ и въ правѣ другихъ народовъ напр., въ древне-германскомъ; но тамъ онъ представляетъ нѣчто случайное и не развитое. Въ русскомъ же народномъ правѣ онъ получилъ широкое развитіе и примѣняется ко всѣмъ случаямъ, когда чувство естественной справедливости не позволяетъ безусловно признать право одной стороны, напр., когда иску не достаетъ доказательствъ, но судъ признаетъ его заслуживающимъ уваженія по условіямъ дѣла и личности истца; затѣмъ, когда кто нанесъ ненамѣренно и случайно ущербъ имуществу другаго и т. д. Или стремленіе нашего народнаго суда заканчивать дѣла миромъ—стремленіе до такой степени сильное, что, какъ замѣчаетъ Оршанскій, мировая сдѣлка есть единственно нормальный исходъ процесса по народнымъ понятіямъ? Развѣ это не проявленіе особаго характера юридическихъ воззрѣній? На вопросы членовъ комиссіи, изслѣдовавшей волостные суды, судьи прямо отвѣчали, что они „судятъ по совѣсти", что рѣшаютъ дѣла „глядя по человѣку" и т. п. Въ дѣлахъ уго-

ловныхъ народный судъ считаетъ себя въ правѣ какъ наказать преступника, такъ и простить его, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Затѣмъ, наказывая, онъ можетъ за одно и тоже преступленіе опредѣлить самыя различныя наказанія, и выговоръ, и денежный штрафъ, и арестъ, и розги, все „глядя по человѣку“ и по „дѣлу“, причемъ, кромѣ личныхъ качествъ, могутъ быть приняты въ соображеніе и хозяйство преступника, и его платежныя отношенія къ обществу, и обязательства къ другимъ лицамъ,—однимъ словомъ, все можетъ такъ или иначе отразиться на опредѣленіи наказанія, въ тѣхъ видахъ, чтобъ наказаніе достигало лишь своей непосредственной цѣли, по возможности, не отражаясь косвенно на интересахъ преступника или другихъ лицъ.

И такъ, мы считаемъ субъективизмъ нашего обычнаго права особенностью типа правоваго развитія. Но могутъ намъ возразить, вѣдь всякое право въ началѣ должно быть субъективно, всякій первобытный народъ долженъ быть необходимо субъективнымъ въ правѣ; объективизмъ предполагаетъ извѣстную способность къ обобщенію, какую можно встрѣтить только у человѣка болѣе или менѣе развитаго. Совершенно вѣрно, всякое право въ началѣ субективно но *въ какомъ направленіи* станетъ дальше развиваться право у того или другаго народа—это совсѣмъ не зависитъ отъ степени общаго развитія этого народа. Никто не сомнѣвается въ превосходствѣ классическаго грека надъ римляниномъ въ степени общаго развитія, какъ умственнаго, такъ и нравственнаго, а между тѣмъ грекъ съ начала до конца оставался въ правѣ своемъ субъективистомъ. Скажемъ больше: по всей вѣроятности, грекъ только потому и остался до конца субъективистомъ, что онъ «былъ слишкомъ развитъ и слишкомъ справедливъ» (по замѣчанію Оршанскаго), чтобъ создать себѣ нѣчто подобное римскому объективному праву. Еще болѣе рѣзкое и близкое намъ доказательство того, что субъективизмъ въ правѣ не есть исключительное достояніе низкой ступени общаго развитія, можетъ дать самъ нашъ великій образецъ и учитель—цивилизованный западъ. На западѣ, такъ проникнутомъ до сихъ поръ объективнымъ духомъ римскаго права, начинаетъ замѣчаться, какъ въ

теоретической наукѣ права, такъ и въ судебной практикѣ, стремленіе къ субъективному направленію, къ «индивидуализаціи» права, которая сдѣлалась, какъ говоритъ Оршанскій, лозунгомъ современной науки права и практики его, особенно уголовной. Что такое, напримѣръ, институтъ присяжныхъ (который, мимоходомъ сказать, естественнѣе было бы намъ создать и передать западу, чѣмъ на оборотъ), какъ не рѣзкая попытка къ повороту въ упомянутомъ направленіи? Учрежденіемъ института присяжныхъ объективное право само произноситъ приговоръ своей несостоятельности и обращается за содѣйствіемъ къ противоположному ему субъективному направленію.

Вообще, примѣръ запада, съ точки зрѣнія исторіи его правоваго развитія, чрезвычайно интересенъ и поучителенъ, такъ что мы нѣсколько на немъ остановимся. Первоначальное германское право было, конечно, субъективно, какъ всякое первобытное право. Но всѣ германскіе народы очень рано разстались съ своимъ правовымъ субъективизмомъ, чтобъ перейти къ римскому праву. Объективный духъ римскаго права получилъ господство не въ законодательствахъ лишь, но проникъ собою все національное правовое сознаніе, такъ что сдѣлался, конечно, не безъ борбы и протеста, основнымъ началомъ всего западнаго права. Что западное право, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, не удержалось на первоначальной субъективной основѣ—это объясняется исторической необходимостью, обусловливающеюся особенностями склада западно-европейскихъ обществъ. Тамъ, гдѣ, какъ въ Римѣ или Западной Европѣ, общество складывалось подъ давленіемъ внутренней борьбы элементовъ, его составляющихъ, тамъ, конечно, каждый шагъ долженъ былъ закрѣпляться въ твердыя правовыя рамки, за которыя борющіяся стороны твердо держались и опираясь на которыя продолжали свою борьбу; подъ давленіемъ борьбы все правовое міросозерцаніе должно было складываться на почвѣ точныхъ опредѣленій, за которымъ невозможно было чувствовать отдѣльнаго человѣка. И вотъ теперь, когда въ общее сознаніе начинаетъ прокрадываться и утверждаться въ немъ противоположное начало взаимной солидарности, когда начинаетъ формироваться нрав-

ственная потребность въ такомъ общественномъ складѣ, который исключалъ бы необходимость борьбы внутри общества, борьбы человѣка съ человѣкомъ,—начинаетъ формироваться вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность въ переведеніи права на иныя основанія.

Русское общество складывалось иначе. Оно выросло патріархально, подъ давленіемъ лишь внѣшнихъ условій, безъ борьбы элементовъ внутри себя; и не ею опредѣлялся ходъ нашего развитія. Отсюда многія достоинства и недостатки въ направленіи какъ нашего общественнаго, такъ и личнаго развитія, отсюда то, что мы исторически не чувствовали такой необходимости въ точномъ опредѣленіи нашихъ взаимныхъ внутреннихъ отношеній, отсюда отсутствіе почвы для развитія чистаго правоваго объективизма. Однако и мы были отчасти уловлены въ его сѣти. Дѣло въ томъ, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи русское общество раскололось на два слоя: верхній, культурный слой, оторвавшись отъ нижняго, почвы, народа, зажилъ искуственною жизнью, заимствуя извнѣ и формы ея, и содержаніе. Путемъ заимствованія то изъ византійскаго права, то изъ западно-европейскаго, наше законодательство старалось пересадить къ намъ объективный духъ римскаго права. Какъ результатъ такого заимствованія явился расколъ и въ правовыхъ воззрѣніяхъ, между народомъ и культурнымъ слоемъ: между тѣмъ какъ народъ остался при чистомъ типѣ правоваго субъективизма, культурный слой оказался шатающимся отъ искусственно-привитаго объективизма къ субъективизму, отъ котораго онъ не успѣлъ цѣликомъ отрѣшиться. Отсюда хаотическій характеръ нашего общаго права: одна правовая норма противорѣчитъ другой, юридическая теорія противорѣчитъ юридической практикѣ, ученый юристъ, теоретически рьяный поклонникъ римскаго права, рѣшаетъ вопросъ не на основаніи положеній этого права или закона, а всѣми силами своей логики старается половчѣе обойти всякое право и законъ, чтобъ рѣшить вопросъ такъ, какъ ему велитъ рѣшить его чувство естественной справедливости и т. д. Какъ сильно отражается субъективизмъ на нашихъ ученыхъ юристахъ и судьяхъ, можно доказать примѣрами изъ практики нашихъ

старыхъ и новыхъ судебныхъ учрежденій. Даже наше высшее судебное учрежденіе—кассаціонные департаменты правительствующаго сената—нетолько не чуждо вліянія этого субъективнаго начала, но проявляетъ его въ своихъ рѣшеніяхъ, можетъ быть, рѣзче, чѣмъ какая-нибудь изъ низшихъ судебныхъ инстанцій. Но и въ то же время—слишкомъ вѣрно, а съ трудомъ вѣрится—самымъ рьянымъ пропагандистомъ и насадителемъ формальной правды на Руси является... адвокатское сословіе. Но въ культурномъ нашемъ слоѣ, какъ видно, еще живы старые правовые инстинкты: отсюда тѣ вопли негодованія, которые раздаются со стороны общества каждый разъ, когда оно видитъ, какъ адвокатъ, въ случаѣ столкновенія между формальной и естественной справедливостью, открыто переходитъ на сторону первой и старается дать ей торжество. Разумѣется, въ общественномъ негодованіи противъ адвокатовъ играетъ важную роль и то, какъ общество понимаетъ мотивы, подвигающіе адвокатовъ на защиту формальной справедливости. Къ сожалѣнію, мы всѣ слишкомъ хорошо знаемъ, что не „fiat justitia“ подвигаетъ на это нашу адвокатуру... Но самъ фактъ нравственной коррупціи адвокатскаго сословія кажется намъ естественнымъ порожденіемъ той безпочвенности, безпринципности, въ которую поставленъ нашъ культурный слой условіями своего правоваго развитія. Духъ законности, заставляющій какого-нибудь нѣмецкаго судью постановить рѣшеніе, отъ котораго обливается кровью его сердце, какъ заставлялъ онъ Манлія Торквата казнить своего сына, намъ совершенно чуждъ, а между тѣмъ то, на чемъ держится народная правда, чувство естественной справедливости, встрѣчаетъ препятствія къ своему развитію и приложенію со стороны положительнаго права, держащагося на иной основѣ. И вотъ мы, культурный слой, остаемся въ правовомъ отношеніи „на воздусяхъ“, вслѣдствіе чего и оказываемся такъ неустойчивыми при давленіи на насъ какъ внѣшнихъ обстоятельствъ, такъ и нашихъ внутреннихъ низшихъ побужденій.

И такъ, изъ нашей замѣтки, касающейся особенностей нашего правоваго развитія, можно видѣть, что изученіе почвы, т.-е. народа, можетъ намъ дать гораздо больше, чѣмъ

мы привыкли ожидать: во-первыхъ, лишь путемъ такого изученія можно уяснить себѣ, что составляетъ наши настоящія національныя особенности, а едва ли кто сомнѣвается въ безусловной важности такого національнаго самопознанія; во-вторыхъ, оно можетъ указать тотъ путь, которому должно слѣдовать, чтобы придти къ какимъ-нибудь вѣскимъ и цѣннымъ результатамъ—въ вышеприведенномъ случаѣ онъ даетъ прямыя указанія юристамъ и законодательству, что нужно дѣлать, чтобъ создать вполнѣ цѣльное и послѣдовательное и въ то же время національное право.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

НА

КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ.

(Историко-юридическій очеркъ).

На русскомъ крайнемъ сѣверѣ (подразумѣваемъ хорошо извѣстный намъ европейскій сѣверъ и собственно Архангельскую губернію) крестьянство хранило, а отчасти до сихъ поръ хранитъ замѣчательно много разнообразныхъ памятниковъ старой письменности, преимущественно юридической. Очень обыкновенное дѣло встрѣтить у крестьянина не только бумаги прошлаго вѣка, но и свитки XVI и XVII вѣковъ, „пути“, какъ ихъ называютъ крестьяне. Одни только мѣстные любители старины, въ родѣ Крестинина и Мясникова, знали о существованіи этого драгоцѣннаго матеріала, по-истинѣ неоцѣнимаго для исторіи нашего крестьянства *). Для жителя цент-

---

*) Мясниковъ, шенкурскій мѣщанинъ, собралъ въ началѣ нынѣшняго вѣка громадное количество старинныхъ памятниковъ, которыми онъ думалъ воспользоваться для предполагаемой исторіи Важеской земли. Но съ его смертью все собранное имъ исчезло неизвѣстно куда; осталось отъ него только нѣсколько статей въ старыхъ журналахъ 20-хъ годовъ. Сочиненія архангельскаго мѣщанина Крестинина извѣстны и не однимъ только библіофиламъ. Его работа: „Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ“ (изд. 1785 г.)—основана исключительно на старинныхъ актахъ одного крестьянскаго рода. Въ этой работѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, какое множество важныхъ историческихъ памятниковъ находится въ частныхъ рукахъ, и жалуется на невѣжество, которое не заботится о сохраненіи этихъ памятниковъ.

ральной Россіи крестьянинъ и письменность — понятія такъ плохо вяжущіяся другъ съ другомъ, что никакому ученому или любителю старины изъ центра и въ голову не пришло бы, что въ его отечествѣ есть крестьянство, хранящее цѣлую литературу въ своихъ сундукахъ и коробьяхъ. Я сказала: „хранящее“, но можетъ-быть точнѣе было-бы сказать: „хранившее“. Послѣднія десятилѣтія произвели сильныя опустошенія въ этихъ вѣковыхъ сокровищахъ. Крестьянская молодежь, возвращающаяся изъ отхожихъ промысловъ съ цивилизованными привычками, немилосердно истребляетъ на „цыгарки“ всякую не имѣющую практическаго значенія бумагу, которую она находитъ дома. Таково было положеніе дѣла десять лѣтъ назадъ, когда мы жили въ Архангельской губерніи; до настоящаго времени едва-ли старики успѣли многое отстоять изъ своихъ завѣтныхъ бумагъ *).

Между прочимъ, хоть, можетъ-быть, и не совсѣмъ кстати. У нѣкоторыхъ изъ нашихъ молодыхъ и обѣщающихъ ученыхъ проявляется стремленіе изучать западно-европейскую исторію въ ея источникахъ по архивнымъ памятникамъ. На это тратится много труда и много средствъ. Стремленіе, конечно, очень почтенное: еще-бы не пріятно было для каждаго образованнаго русскаго обозрѣть, хотя-бы, напримѣръ, судьбы французскаго крестьянина очами своего собственнаго русскаго ученаго, который самъ, безъ посредства по необходимости пристрастныхъ французскихъ ученыхъ, углубился въ эти судьбы. Но, тѣмъ не менѣе, какъ-то ужасно грустно становится при мысли, что въ то самое время, какъ изучаютъ англійскіе памятники, свои, русскіе, немилосердно истребляются,—получается русская исторія французскаго крестьянина и въ то же время безвозвратно погибаетъ возможность выяснить когда-нибудь исторію своего собственнаго крестьянина. Думается невольно: вѣдь французы и англичане сберегутъ памятники своей старины, да и богаты же они не въ примѣръ намъ и литературными, и научными силами...

*) Невольно припоминается намъ нашъ квартирный хозяинъ, холмогорскій мѣщанинъ, который очень сожалѣлъ, когда мѣстное общество вздумало почествовать память Ломоносова, что употребилъ на оклейку стѣнъ своего новаго дома вмѣстѣ съ своими родовыми бумагами и бумаги, перешедшія къ нему, какъ родственнику, изъ рода Ломоносовыхъ.

Намъ посчастливилось захватить на сѣверѣ и сберечь кое-что изъ памятниковъ крестьянской юридической письменности— очень немногое, сравнительно съ тѣмъ, что можно было-бы раздобыть при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ мы находились, но само по себѣ все-таки довольно значительное и по количеству, и по качеству. Намъ доставляли старинныя бумаги знакомые крестьяне, священники и кое-кто изъ мѣстныхъ любителей старины. Кромѣ того, мы извлекали акты, относящіеся къ исторіи крестьянства, изъ архивовъ, находящихся при мѣстныхъ церквахъ: церковныя трапезы нѣкогда были мѣстомъ мірскихъ сходокъ, тамъ-же творился и судъ,—поэтому при церквахъ и сохранились разнообразные мірскіе акты и административнаго, и судебнаго характера. Удалось также достать кое-какой матеріалъ изъ архивовъ монастырскихъ и архіерейскихъ управленій, преимущественно изъ холмогорскаго соборнаго архива, гдѣ хранятся дѣла бывшаго холмогорскаго архіерейскаго дома. Надо замѣтить, что документы церковныхъ архивовъ, особенно сельскихъ, не лучше обезпечены отъ гибели, чѣмъ тѣ, которые находятся въ частныхъ рукахъ. У этихъ архивовъ нѣтъ никакихъ описей, надъ ними нѣтъ никакого наблюденія и они предоставлены цѣликомъ на произволъ причта, который еще меньше крестьянъ заинтересованъ въ ихъ сохранности: для крестьянина это все-таки родная, завѣщанная отцами и дѣдами, старина, для причта-же—простая бумага, не вошедшая въ реэстръ церковнаго имущества,—слѣдовательно такая, которую можно безнаказанно обращать для разныхъ хозяйственныхъ надобностей. Правда, кое-гдѣ встрѣчаются толковые священники, понимающіе значеніе старинной бумаги, но вѣдь такіе священники—не общее правило *).

*) Обращаемъ вниманіе ученыхъ учрежденій, вѣдающихъ нашу старину, на эту богатую и исчезающую письменность. Едва ли гдѣ-нибудь можно найти болѣе богатый матеріалъ для исторіи собственно народа. Члены археографической экспедиціи посѣщали уже разъ Архангельскую губернію и вывезли оттуда, изъ архивовъ ея монастырей, массу драгоцѣнныхъ памятниковъ, которые входятъ въ ея изданія и составляютъ, съ точки зрѣнія исторіи народа, самую цѣнную ихъ часть. Теперь очередь за тѣмъ, что сохранилось въ церковныхъ архивахъ и крестьянскихъ сундукахъ. Еслибы какимъ-нибудь ученымъ обществомъ отправлена была вторично экспедиція, она съумѣла бы еще спасти не мало памятниковъ юридической и литературной письменности.

Итакъ, намъ удалось собрать не одну тысячу документовъ, освѣщающихъ прошлую жизнь нашего сѣвернаго крестьянина *). Для настоящаго труда изъ общей массы выдѣлено только то, что относится къ исторіи собственно поземельнаго владѣнія, которое на сѣверѣ, послѣ разныхъ перипетій, все свелось въ концѣ концовъ къ исключительному господству мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Пришлось пользоваться разнообразными юридическими крестьянскими актами—купчими, закладными, раздѣльными, духовными завѣщаніями, порядными, веревными книгами, монастырскими переписными книгами и другими документами монастырскихъ экономій и т. д. Думаемъ, что намъ удастся при посредствѣ этого совершенно новаго матеріала освѣтить кое-какія стороны предмета, частью совсѣмъ не освѣщенныя наукой, частью освѣщенныя слабо или фальшиво. Если мы и не съумѣемъ вполнѣ сладить со смысломъ фактовъ, то можемъ утѣшиться тѣмъ, что факты сами по себѣ все-таки составляютъ нѣчто, чѣмъ можетъ воспользоваться другой болѣе подготовленный и способный изслѣдователь.

Но,—скажутъ, можетъ-быть,—исторія землевладѣнія въ одной мѣстности, правда, обширной, но удаленной отъ государственнаго центра и его направляющихъ вліяній, не слишкомъ ли спеціальная это задача, которая не можетъ предъявлять никакихъ правъ на общее вниманіе? Вотъ еслибы работа касалась исторіи русскаго землевладѣнія или исторіи русскаго крестьянства вообще—о, это другое дѣло!

Такія и подобныя сужденія, думается намъ, вытекаютъ изъ большаго недоразумѣнія.

Общая исторія нашего крестьянства,—дѣйствительная исторія крестьянства, а не исторія государственныхъ мѣропріятій, касающихся крестьянства,—пока вещь совершенно невозможная, если только она возможна вообще. Крестьянская жизнь не текла по одному общему историческому руслу. Ужъ нечего и говорить о малорусскомъ крестьянствѣ, которое втянуто было колесомъ исторіи въ систему польскаго феодализма,—передъ нами только великорусскія области. Но въ предѣлахъ этихъ областей мы встрѣчаемъ и сѣверяни-

*) Труды по собиранію принадлежатъ главнымъ образомъ П. С. Ефименко.

на, почти не знавшаго крѣпостнаго права, и крестьянина центральной Россіи, стянутаго крѣпостными узами чуть не до полной потери правъ личности. А между этими полосами сколько промежуточныхъ формъ и какое разнообразіе отношеній по великорусско-инородческимъ окраинамъ! Какая же возможна общая исторія крестьянства, когда мы не имѣемъ никакого понятія о тѣхъ частныхъ процессахъ, которые породили эти разнообразныя формы?

На очереди—изученіе именно этихъ частныхъ процессовъ, изученіе по типичнымъ районамъ, по областямъ. Областное изслѣдованіе—фундаментъ всякаго историческаго изслѣдованія, стремящагося имѣть своимъ объектомъ дѣйствительную жизнь, а не одни лишь мѣропріятія, направленныя къ ея регулированію, насильственному подведенію подъ общія нормы, большею частію внѣшнія и случайныя и часто совсѣмъ съ ней несообразныя.

Собранный нами матеріалъ захватываетъ XVI, XVII и XVIII вѣка, слѣдовательно лишь тотъ новый періодъ исторіи Двинской земли, который начинается для нея съ московскимъ завоеваніемъ. Но московская эпоха приняла богатое новгородское наслѣдство, которое отчасти и до сихъ поръ живетъ въ нравахъ и обычаяхъ сѣвера, а также и въ его богатой письменности, корни которой таятся въ свободныхъ учрежденіяхъ Великаго Новгорода. Мы не разъ вынуждены будемъ обращаться къ новгородскимъ временамъ и вообще говорить о такихъ сторонахъ предмета, для пониманія которыхъ необходимо нѣкоторое предварительное знакомство съ соотвѣтствующими историческими фактами. Но такъ какъ для читающей публики, даже самой интеллигентной, никакъ нельзя признать обязательнымъ знакомство съ областной исторіей, то мы считаемъ необходимымъ хоть коротко намѣтить элементарные факты, относящіеся до судьбы и исторической роли Двинской земли, останавливаясь преимущественно на томъ, что уясняетъ исторію поземельныхъ отношеній.

Исторія Двинской земли мало выяснена; но начало ея, сколько можно догадываться, воспроизводитъ въ маломъ видѣ начало всей великорусской исторіи.

Если и теперь Архангельская губернія представляетъ сплошную лѣсную и болотистую полосу, нарѣзанную многоводными рѣками и рѣчками, съ „лоскутами земли", частью естественными, частью отвоеванными у лѣса человѣческимъ трудомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣ времена, когда она только-что начинала называться Двинскою землей, Заволочьемъ, она представляла такую же сплошную лѣсную полосу, съ тою лишь разницей, что лоскутовъ земли, отнятыхъ у природы человѣческимъ трудомъ, не было совсѣмъ, а лѣса еще гуще надвигались къ берегамъ. Занималъ ли кто эти немногія свободныя и удобныя полосы земли, пока не появились въ этой отдаленной глуши новгородскіе піонеры? И лѣтописи, и народныя преданія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно: оба источника даютъ одно и то же названіе „чуди" (заволоцкой чуди, по Нестору) тѣмъ инородцамъ, которыхъ застали здѣсь новгородцы. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ *), эта чудь была вѣтвь восточно-финнскаго, югорскаго племени,—той самой безпокойной югры, которая долго еще потомъ обращала на себя вниманіе новгородцевъ,—а затѣмъ московскаго правительства сначала по сю, а потомъ по ту сторону Уральскаго хребта. Кое-гдѣ въ Архангельской губерніи между крестьянами до сихъ поръ помнится ихъ чудское происхожденіе: вамъ укажутъ, какія семьи поселенія идутъ отъ новгородцевъ, какія отъ чуди. Да и внѣшнее, даже очень поверхностное наблюденіе указываетъ на два коренныхъ этнографическихъ типа: одинъ—низкорослый, приземистый, черноволосый съ узкими черными глазами и плоскимъ лицомъ, а другой—высокій, русый, голубоглазый, съ правильнымъ овальнымъ лицомъ, прекрасный славянскій типъ, сохранившійся въ большой чистотѣ между поморами. Но за исключеніемъ этихъ внѣшнихъ этнографическихъ признаковъ нельзя отыскать никакихъ слѣдовъ чудской національности: инородческій элементъ всецѣло поглощенъ русскимъ. Какимъ путемъ шло это поглощеніе? Народныя преданія, чрезвычайно распространенныя по архангельскому сѣверу, вездѣ говорятъ объ упорной борьбѣ. Вамъ покажутъ чудскіе могильники и

*) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1868 г., ст. г. Европеуса: „Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ".

кладбища, городища и городки, которые строила чудь для своей защиты. Въ одномъ мѣстѣ укажутъ гору, на вершинѣ которой защищалась чудь, сбрасывая внизъ каменья; въ другомъ—плесъ, гдѣ тонула чудь, загнанная новгородцами въ прорубь; въ третьемъ—лѣсъ, гдѣ она скрыла отъ враговъ свои сокровища и т. д. и т. д. Разсказываютъ, какъ бѣжала тѣснимая чудь въ лѣса, какъ умерщвляла себя копьями и луками, какъ погребалась добровольно со всѣмъ имуществомъ въ глубокихъ рвахъ и ямахъ, подрубая нарочно устроенныя на столбахъ крыши съ наваленными на нихъ камнями и землей *). Лѣтописи, даже и новгородскія, молчатъ объ этой борьбѣ. Но отдѣльныя, попадающіяся то тамъ, то сямъ извѣстія подтверждаютъ фактъ ея существованія: въ Никоновской лѣтописи подъ 1032 г.: „Улебъ иде на Желѣзная Врата изъ Новгорода и вспять мало ихъ возвратишася, но мнози тамо погибоша", и у Нестора подъ 1078 г.: „убіенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочіи"—не разъ сообщается объ избіеніи данщиковъ и т. д. Но отчего лѣтописи не говорятъ яснѣе о завоеваніи Заволочья, которое Новгородъ такъ высоко цѣнилъ?—Во-первыхъ, оттого, что завоеванія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не было,—было медленное, поступательное, тянувшееся столѣтіями движеніе въ которомъ насильственный кровавый эпизодъ чередовался съ мирной уступкой, съ договоромъ; во-вторыхъ, потому, что завоевательная сторона этого движенія исполнялась не государственными силами Новгорода, а иниціативой и средствами частныхъ лицъ, богатыхъ и предпріимчивыхъ новгородскихъ бояръ, купцовъ и промышленниковъ. Начало этого движенія надо, по всей вѣроятности, отнести ко временамъ долѣтописнымъ: въ XI-мъ вѣкѣ уже отдаленная Печора даетъ дань Новгороду, какъ записалъ Несторъ со словъ новгородца Гуряты Роговича; въ XII-мъ (уставъ Святослава Ольговича) Заволочье заключаетъ въ себѣ до двадцати погостовъ и другихъ населенныхъ центральныхъ пунктовъ, гдѣ копится и откуда берется княжеская дань.

Колонизаціонно-завоевательное движеніе новгородскаго племени въ глушь полунощныхъ странъ шло приблизительно

*) „Заволоцкая чудь", *П. Ефименко*, Арханг. 1869 г.

такъ. Первые слѣды прокладывали купцы. Конечно, это не были одиночные, беззащитные люди, а ватаги смѣльчаковъ, привыкшихъ рисковать своей жизнью и встрѣчать опасность лицомъ къ лицу. Всякій лишній шагъ въ эту страшную, но привлекательную неизвѣстность обѣщалъ имъ лишній прибытокъ въ мѣнѣ ихъ товаровъ на дорогіе соболя, куницы, лисицы, горностаи, песцы и бѣлки, находившіе въ Новгородѣ у нѣмецкихъ купцовъ такой жадный спросъ, на серебро, которое притекало въ руки обитателей заволочскаго сѣвера изъ-за Уральскаго хребта, изъ глубины Сибири. Встрѣчавшіеся купцамъ народцы всѣ оказывали большую наклонность къ мѣнѣ, включая и тѣхъ удивительныхъ людей, о которыхъ разсказывала югра отроку Гуряты Роговича: „въ горахъ тѣхъ (Уральскихъ) кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть неразумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли сѣкиру, дають скорою противу". И, конечно, не одно желѣзо находило себѣ выгодную мѣну на скору. Возвращаясь съ богатою добычей во-свояси, купцы разсказывали объ открытыхъ ими новыхъ странахъ, гдѣ они собственными глазами видѣли, какъ „спаде туча велика и въ той тучи спаде вѣверица (бѣлка) млада, акы топерво рожденна, и възрастьши и расходится по земли; и паки бываеть вторая туча, и спадають оленци мали въ ней, и възрастьши и расходятся по земли".

Купеческіе слѣды шли по-преимуществу на сѣверо-востокъ. Въ иномъ направленіи прокладывали тропы промышленники, стремившіеся на Бѣлое море и на океанъ за шкурами и саломъ морскихъ звѣрей, за дорогимъ рыбьимъ зубомъ (моржовыми клыками). Въ Новгородѣ скоро находились люди, которые задумывали воспользоваться проложенными тропами и слѣдами. Около какого-нибудь богатаго, а главное—опытнаго и предпріимчиваго человѣка группировалась дружина или изъ состоятельной молодежи, стремящейся раздобыться житейской и военной опытностью, или просто изъ вольныхъ гулящихъ людей, жадныхъ до добычи. Дружина шла по намѣченнымъ слѣдамъ и нападала на инородцевъ, о богатствахъ которыхъ знала отъ купцовъ. За свой рискъ и

траты она вознаграждала себя грабежемъ; а чтобы придать своему предпріятію благовидную окраску отечественнаго блага, она объявляла инородцевъ новгородскими данниками, накладывала на нихъ ясакъ серебромъ и дорогими мѣхами въ пользу Новгорода. Тогда Новгородъ начиналъ посылать за сборомъ ясака данщиковъ съ сильными отрядами, которые вооруженною рукой сбирали дани. Такимъ образомъ въ глубину сѣверныхъ странъ пролегали „даннича пути", по которымъ теперь вмѣстѣ съ данщиками ходили и купцы, и промышленники, все крѣпче и шире протаривая землю беззаботныхъ инородцевъ, не умѣвшихъ во-время предусмотрѣть опасность и во-время отразить ее. Но еще долго данщики избивались при всякомъ удобномъ случаѣ, еще долго эти вновь притянутыя къ Новгороду земли считались новгородскою волостью больше по имени, чѣмъ фактически,—до тѣхъ самыхъ поръ, пока къ этимъ землямъ не придвигалась колонизація, которая была для нихъ вторымъ и настоящимъ завоеваніемъ; это второе завоеваніе дѣлалось также по иниціативѣ частныхъ лицъ и было не менѣе богато насиліемъ.

Мы видѣли выше, что уже въ XII-мъ столѣтіи Заволочье, т.-е. земли по Двинѣ (Двинская земля въ тѣсномъ смыслѣ слова) и ея главнѣйшимъ притокомъ—по Онегѣ, по Пинегѣ—было колонизовано, хотя, конечно, еще очень слабо, но достаточно для того, чтобы край уже былъ новгородскимъ фактически. Колонизація дѣлалась все интенсивнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и въ ширину, захватывая земли, находившіяся лишь въ данническомъ отношеніи къ Новгороду. Можно полагать, что ко времени московскаго завоеванія были уже колонизованы, болѣе или менѣе, всѣ земли, заключающіяся въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи, за исключеніемъ развѣ Запечорскаго края и тундръ, которыя по своимъ физическимъ условіямъ должны были остаться внѣ колонизаціоннаго движенія.

Новгородъ высоко цѣнилъ обладаніе этими отдаленными сѣверными землями. Кромѣ дорогихъ мѣховъ, рыбьяго зуба, сала и шкуръ морскихъ звѣрей, они были богаты еще и солью—цѣннымъ продуктомъ, въ которомъ новгородцы такъ нуждались, что получали его изъ-за моря. Въ своей борьбѣ съ суздальскими, потомъ съ московскими князьями Новгородъ

часто вынужденъ былъ дѣлать уступки единственно изъ-за этихъ областей, которыя по своему территоріальному положенію были открыты нападеніямъ враговъ. Правда, Двинская земля была настолько сильна и самостоятельна, что сама могла защищать себя, безъ новгородской помощи, что и дѣлала не разъ; но въ ней, также какъ и въ Новгородѣ, шла борьба сильныхъ лицъ и партій изъ-за сталкивающихся интересовъ, и враги Новгорода естественно могли находить себѣ союзниковъ въ какой-нибудь изъ враждующихъ сторонъ. Оттого-то Заволочье всегда и было слабымъ пунктомъ Новгородской республики. Но такъ-какъ все-таки не удавалось оторвать Заволочье вслѣдствіе этого естественнаго тяготѣнія къ Новгороду, то суздальскіе и московскіе князья должны были ограничиться тѣмъ, что, при всякомъ благопріятномъ для себя поворотѣ обстоятельствъ, выговаривали себѣ разныя уступки въ Заволочьѣ. Результатомъ этихъ уступокъ было то, что еще до завоеванія Новгорода великіе князья московскіе были въ Заволочьѣ почти такими же господами, какъ и новгородцы: видная часть территоріи принадлежала имъ вполнѣ, къ другой части они тоже предъявляли какія-то темныя права, уже не говоря о промысловыхъ льготахъ, которыми они пользовались изстари. Но, какъ бы то ни было, завоеваніе Новгорода не обошлось безъ посылки въ Заволочье особой рати, которая встрѣтила со стороны двинянъ энергическое сопротивленіе.

И завоеваніе, и колонизація Заволочья совершались по инниціативѣ и средствами частныхъ лицъ. Отсюда—происхожденіе тѣхъ знатныхъ новгородскихъ родовъ, которые по размѣрамъ своихъ заволочскихъ владѣній и по правамъ своимъ приближались къ владѣтельнымъ князьямъ. Народныя преданія, сохранившіяся еще кое-гдѣ на сѣверѣ и до сихъ поръ, рисуютъ этихъ бояръ въ образѣ грозно-карающихъ самодержавныхъ государей. Напр., въ Лѣтней-Золотицѣ, на Лѣтнемъ берегу Бѣлаго моря, показываютъ урочище, на которомъ Борецкая казнила своихъ подданныхъ, подозрѣвая ихъ въ гибели сыновей, объѣзжавшихъ свои владѣнія за сборомъ дани и погибшихъ на морѣ во время бури.

Владѣнія Борецкихъ на Двинѣ и въ Поморьѣ и Своеземцовыхъ на Вагѣ были по-истинѣ необозримы. Но въ числѣ

заволочскихъ владѣльцевъ были и другіе знатные новгородскіе роды, имена которыхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ имена самыхъ энергическихъ и упорныхъ противниковъ Москвы. Эти бояре жили обыкновенно въ Новгородѣ, поручая своихъ половниковъ управленію прикащиковъ и лишь изрѣдка объѣзжая свои „села".

Боярскими половниками были или аборигены края—чудь (еще отъ XVI вѣка сохранились извѣстія о чуди, живущей обособлено: „Сура поганая"; „села, гдѣ блазнь живе"), или наконецъ вольные гулящіе люди, которые не имѣли силы и средствъ сѣсть на дикую землю: бояринъ могъ давать расчищенную землю и кромѣ обязательныхъ льготъ еще средства на первое обзаведеніе. Но, вѣроятно, наплывъ желавшихъ сѣсть на боярскія земли былъ все-таки не великъ: Василій Степановичъ Своеземцевъ, жертвующій земли Важескому Богословскому монастырю, въ то же время обязываетъ игумна не принимать къ себѣ „его, Васильевыхъ, половниковъ, ни отхожихъ людей".

Итакъ, на крайнемъ сѣверѣ половничество было развито, какъ и въ остальной Русской землѣ. Кромѣ бояръ, и монастыри края—правда, въ новгородскій періодъ еще очень немногочисленные: пять-шесть монастырей на все пространство Заволочья—тоже имѣли своихъ половниковъ.

Но кромѣ боярскихъ половниковъ были въ Двинской землѣ и черные люди—не половники. Что же это были за черные люди?

Чтобъ освѣтить значеніе этого вопроса, надо оставить на минуту Двинскую землю и коснуться древняго русскаго землевладѣнія вообще. Наукой нашей (главнымъ образомъ замѣчательнымъ трудомъ Бѣляева: „Крестьяне на Руси")—уже достаточно выяснено, какое широкое значеніе имѣло половничество для древней эпохи нашего русскаго землевладѣнія: половники подъ разными названіями составляли главный контингентъ землевладѣльцевъ и изъ половничества, подъ тяготѣніемъ извѣстныхъ условій, выросло крѣпостное право. Но нашъ старинный земледѣльческій классъ не исчерпывается половниками,—были черные люди, сидѣвшіе и не на владѣльческихъ земляхъ. Что же такое были эти черные люди?—Общераспространенное мнѣніе и между образованнымъ об-

ществомъ, и даже между учеными (за исключеніемъ той тенденціозной группы, представителемъ которой служитъ г. Чичеринъ), что это были черные люди-общинники, совершенно аналогичные съ нашими теперешними крестьянами-общинниками, сидящими на государственныхъ земляхъ. Кое-какіе намеки и указанія, разсѣянные въ старыхъ актахъ, даютъ нѣкоторое основаніе этому предположенію. Но противъ него стоитъ грозная и несокрушимая твердыня писцовыхъ и переписныхъ книгъ: исключительное значеніе этихъ документовъ для рѣшенія вопросовъ подобнаго рода не можетъ подлежать никакому спору, никакому сомнѣнію. Писцовыя же книги не даютъ ни малѣйшихъ основаній предполагать такія общины черныхъ людей. Всюду въ писцовыхъ книгахъ перечисляются лишь вотчинники и помѣщики, на земляхъ которыхъ сидятъ половники, затѣмъ упоминаются кое-гдѣ своеземцы, и чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ чаще. Гдѣ же тѣ предполагаемыя свободныя черныя общины?

Возвращаемся къ нашему вопросу: были-ли въ Двинской землѣ въ новогородскій періодъ какіе-нибудь черные люди, кромѣ половниковъ, и что это были за черные люди?

„Юридическіе Акты", изданные археографическою коммиссіей, даютъ полную возможность рѣшить этотъ вопросъ. Просматривая богатое собраніе двинскихъ актовъ (большая часть новгородскихъ актовъ относится къ Двинской землѣ), приходишь къ полнѣйшему убѣжденію, что въ Двинской землѣ, кромѣ бояръ и ихъ половниковъ, существовалъ многочисленный классъ мелкихъ собственниковъ, которые сидѣли и работали на собственной землѣ. Это—своеземцы или земцы писцовыхъ книгъ *).

---

*) Въ одномъ двинскомъ актѣ встрѣчается для этихъ мелкихъ собственниковъ и самое названіе „земецъ" (№ 71, XXIII). „А буде Тиругу не до земли, ино мимо земца не продати". Эта фраза почему-то останавливала на себѣ особенное вниманіе нашихъ ученыхъ и подвергалась большимъ толкованіямъ. Ее объяснялъ Лешковъ; ее объясняли гг. Аристовъ и Соколовскій. Изъ этой фразы дѣлались выводы о существованіи особаго замкнутаго сословія земцевъ, которое не позволяетъ выходить изъ своихъ рукъ землямъ: „ино мимо земца не продати". А между тѣмъ, думается намъ, ларчикъ открывается очень просто и всѣ эти толкованія вытекаютъ изъ недоразумѣнія. Подъ земцемъ здѣсь надо разумѣть просто-на-просто собственника земли, продавца: „буде такому-то (имя покупателя) не до земли, ино мимо такого-то (имя продавца) не про-

Эти мелкіе собственники—люди, которые имѣли достаточно рабочей силы и матеріальныхъ средствъ, чтобы сѣсть на дикую землю и расчистить ее. Захватъ трудомъ—„куда моя рука ходила" *) — вотъ источникъ ихъ правъ на землю. Земля съ трудомъ, въ нее вложеннымъ, представляетъ уже извѣстную цѣнность, которая можетъ быть объектомъ разнообразныхъ сдѣлокъ. Дѣйствительно, земля эта—село — продается, покупается, завѣщается, дѣлится, мѣняется. Однимъ словомъ, земля, село—полная собственность этихъ маленькихъ вотчинниковъ, насколько понятіе о собственности на землю совмѣстно со строемъ правовыхъ представленій того времени. Подобный собственникъ самъ обрабатывалъ свои земли; но никто не могъ помѣшать ему сдать ее половнику, если онъ находилъ это для себя удобнымъ. Надо думать, что между этими земцами и мелкими мѣстными боярами, относительно правъ на землю и способовъ землевладѣнія, не было никакихъ правовыхъ граней. Не хотимъ излишне распространять этого введенія доказательствами, которыя желающій можетъ самъ найти въ указанныхъ „Юридическихъ Актахъ". Своеобразныя-же особенности этой формы землевладѣнія будутъ разсмотрѣны ниже, такъ какъ онѣ цѣликомъ и долго еще продолжали существовать въ позднѣйшемъ крестьянскомъ землевладѣніи.

Здѣсь же въ заключеніе повторимъ еще разъ: черные люди Двинской земли были или половники, или земцы, т.-е. собственники—оба класса (если можно назвать классомъ группу, не отдѣленную отъ смежной группы никакой правовою гранью), рѣзко отличающіеся отъ того, что мы привыкли связывать съ понятіемъ „крестьянство". Считаемъ необходимымъ подчеркнуть этотъ фактъ, такъ какъ во многихъ ученыхъ работахъ, касающихся исторіи нашего землевладѣнія, витаетъ между историческими фактами тѣнь современнаго крестьянства и производитъ странную сбивчивость и неопредѣленность. Эта предательская тѣнь сбиваетъ даже такой точный, аналитиче-

дати"—обыкновеннѣйшая фраза, постоянно встрѣчающаяся въ старинныхъ купчихъ; приведенная извѣстная фраза представляетъ то незначительное видоизмѣненіе, что здѣсь собственникъ земли названъ не по имени, а земцемъ. Такимъ образомъ падаютъ сами собою всѣ ученыя предположенія о земцахъ, которыя строятся на этой фразѣ.

*) „Юридическіе Акты", № 409, т. III.

скій умъ, какъ умъ Бѣляева со всею его громадной эрудиціей; нечего и говорить про менѣе вооруженныхъ изслѣдователей *). Между половниками и своеземцами ученый непремѣнно хочетъ усмотрѣть настоящаго, заправскаго крестьянина-общинника, такъ хорошо ему знакомаго,—ну, и усматриваетъ его то въ томъ, то въ другомъ темномъ мѣстѣ. Когда же освѣщеніе, гдѣ оно возможно, изгоняетъ призракъ, начинается новая погоня. А между тѣмъ уясненіе процесса, какимъ выросъ настоящій крестьянинъ, подвигается туго.

Московское завоеваніе произвело полный переворотъ въ землевладѣніи Двинской земли. Боярщины, принадлежавшія, какъ было сказано выше, почти исключительно противникамъ Москвы, были конфискованы; земли двинскихъ бояръ также отобраны въ пользу великаго князя. Боярское землевладѣніе было разомъ вырвано съ корнемъ. Боярскіе половники превратились въ крестьянъ великаго князя; въ такихъ же крестьянъ великаго князя превратились и своеземцы, работавшіе на своихъ селахъ. Одинаковое государево тягло съ его данями, службами, кормами и разрубами быстро уровняло обѣ эти группы, слило ихъ въ одинъ классъ — черныхъ, черносошныхъ государевыхъ крестьянъ. „Земля великаго князя, а отцовское и мое посилье“ — вотъ формула, въ которой выражается отношеніе этого новаго общественнаго наслоенія къ его землѣ. Но подъ новой оболочкой и подъ давленіемъ налегшаго московскаго тягла бродятъ и формируются старыя представленія и старыя отношенія. Бывшіе своеземцы, которые по необходимости должны были поступиться нѣкоторыми изъ своихъ правъ, все-таки продолжаютъ смотрѣть на землю какъ на

*) Бѣляевъ принимаетъ для XIV и XV вѣковъ (и раньше), что крестьяне были трехъ разрядовъ: одни сидѣли на владѣльческихъ, другіе на собственныхъ, третьи на общинныхъ земляхъ. Но онъ былъ слишкомъ знающій и добросовѣстный ученый, чтобы скрыть отъ себя и другихъ, что крестьяне, сидѣвшіе на такъ-называемыхъ имъ общинныхъ земляхъ, наслѣдовали свои земли, отдавали ихъ въ закладъ и продавали, то-есть владѣли на правахъ частной собственности. Съ другой стороны, крестьяне, чтобы тянуть тягло, а слѣдовательно входить въ какую нибудь общину (въ административномъ смыслѣ),—не могли же они сидѣть по-одиночкѣ, изолированно и совсѣмъ независимо, на своихъ участкахъ среди дикаго лѣса. Какая же разница между крестьянами, сидѣвшими на общинныхъ земляхъ и на собственныхъ? Очевидно, тутъ какая-то безысходная путаница („Крестьяне на Руси“, стр. 37 и 38).

свою собственность. Правда, это — собственность условная, это — земля великаго князя а ихъ только посилье; но вѣдь земля и всегда была ихъ собственностью условно: земля Божья да новгородская, а имъ принадлежалъ лишь трудъ, въ нее вложенный. Такимъ образомъ эти новые государевы крестьяне, подчинившись поневолѣ нѣкоторымъ ограниченіямъ, все-таки продолжаютъ распоряжаться землей на правахъ частной собственности. Съ другой стороны, бывшіе боярскіе половники, освободившись отъ бояръ, подъ вліяніемъ господствующихъ представленій, тоже начинаютъ смотрѣть на землю какъ на свою, тоже, конечно, условную собственность. Впрочемъ, съ половничествомъ еще далеко не было покончено: монастырскіе, церковные, купеческіе и даже крестьянскіе половники еще долго продолжали составлять видную часть сѣвернаго крестьянства.

I.

Начинаемъ нашъ историческій очеркъ сѣвернаго землевладѣнія съ той стороны предмета, которая ближе соприкасается съ интересами современности—съ формы землевладѣнія. Мы надѣемся, при помощи нашего матеріала, освѣтить одинъ уголокъ въ исторіи такого важнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такого темнаго предмета, какъ наша поземельная община.

Земледѣліе обставлено на архангельскомъ сѣверѣ крайне неблагопріятно. Удобной земли очень мало: несмотря на рѣдкость населенія, теперь приходится на ревизскую душу лишь около $^{2}/_{3}$ десятины пахатной земли и $1^{1}/_{2}$ десятины луговой и пастбищной. Утренники, утренніе морозы, обязанные своимъ происхожденіемъ лѣснымъ болотамъ, то и дѣло убиваютъ созрѣвающій хлѣбъ: въ менѣе благопріятныхъ мѣстностяхъ, т.-е. болѣе сѣверной земледѣльческой полосѣ, на десять лѣтъ считается три года полнаго неурожая, три года посредственнаго урожая и лишь остальные года четыре урожая хорошаго. При такихъ условіяхъ, казалось бы, населенію слѣдовало махнуть рукой на землю и заняться какими-нибудь посторонними, болѣе выгодными, промыслами. И дѣйствительно, мѣстное населеніе очень рано обратилось къ эксплуатаціи различныхъ естественныхъ богатствъ края. Но въ то же время оно не бросило землю, а всегда держалось

за нее съ большою настойчивостью, можно сказать—цѣплялось за свою неблагодарную землю. Даже по берегамъ моря всюду занимались и занимаются хлѣбопашествомъ, гдѣ оно только возможно.

Объясненіе этому очень простое. Населеніе края было пришлое, съ сложившимися уже привычками и потребностями земледѣльческаго населенія. Разсчитывать же на обмѣнъ, на своевременный подвозъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ болѣе хлѣбородныхъ мѣстностей—дѣло рискованное даже теперь, не то что триста, четыреста лѣтъ тому назадъ. Поэтому земля и все къ ней относящееся были всегда такъ же близки сердцу архангельскаго крестьянина, какъ и любаго обитателя черноземной полосы.

Удобныя земли лежатъ исключительно по берегамъ рѣкъ. Внизу у рѣки тянется полоса луговая; выше—на „горѣ", на покатой береговой террасѣ—расположены деревни и пашни; тотчасъ же за узкою полосой пашенъ тянется волокъ, непроглядный безконечный лѣсъ, съ непроходимыми тундряными болотами. Приръчныя пожни съ лѣсными притеребами даютъ довольно значительное, относительно запашекъ, количество сѣна. Оттого скотоводство достаточно развито, чтобъ удовлетворять нуждамъ земледѣлія.

Недостатокъ земли и желаніе выжать изъ нея по возможности больше побуждаютъ архангельское крестьянство къ очень интенсивной—относительно—системѣ хозяйства. Обыкновенное трехпольное или двухпольное крестьянское хозяйство тамъ осложняется слѣдующимъ. На полѣ, выбранномъ подальше отъ болотъ, убивающихъ хлѣбъ своими холодными испареніями, и отъ лѣса, мѣшающаго своею тѣнью, поближе къ рѣкѣ, сѣютъ ячмень столько лѣтъ кряду, сколько позволяетъ запасъ удобренія и пока не одолѣютъ сорныя травы, для истребленія которыхъ употребляется уже паровая обработка. Послѣ пару сѣется или рожь, или ячмень, сначала безъ удобренія, а второй хлѣбъ уже опять съ удобреніемъ—и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока снова не одолѣютъ сорныя травы. Такимъ образомъ на одномъ и томъ же полѣ ячмень сѣется лѣтъ десять и больше сряду, давая порядочный урожай. Удобреніе какъ этихъ полей, такъ и входящихъ въ сѣвооборотъ, насколько позволяютъ средства, дѣлается

старательно: кромѣ навоза крестьяне употребляютъ удобреніе торфяное, добываемое изъ болотъ. Въ удобныхъ мѣстахъ крестьяне находятъ подспорье своему хозяйству въ росчистахъ, въ новинахъ. Вырубивъ лѣсъ, они выкорчевываютъ пни и зажигаютъ вмѣстѣ съ вѣтвями. Когда все перегоритъ, земля перемѣшивается съ пепломъ и, приготовленная такимъ образомъ, оставляется на зиму. Три-четыре года такое поле даетъ хорошій урожай (преимущественно ржи) почти безъ удобренія. Затѣмъ оно обработывается хозяиномъ обыкновеннымъ способомъ и черезъ сорокъ лѣтъ переходитъ въ общинное пользованіе. Но росчисти, подсѣки, есть лишь, какъ сказано, подспорье въ земледѣльческомъ хозяйствѣ сѣвернаго крестьянина; подсѣчное же хозяйство господствуетъ лишь въ Корелѣ, которая отличается по своимъ физическимъ условіямъ отъ остальной земледѣльческой части Архангельской губерніи *). Системой хозяйства обусловливается сильное преобладаніе яровыхъ посѣвовъ надъ озимыми: ячмень есть господствующій хлѣбъ и его сѣется всегда отъ 2 (въ южныхъ уѣздахъ губерніи) до 12 (въ сѣверныхъ) разъ больше, чѣмъ ржи.

Если и теперь, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ борьбы съ суровою природой, при страстномъ стремленіи крестьянства къ тому, чтобы сдѣлать землю основой своего хозяйства, сѣверному крестьянину удалось такъ мало отвоевать у своихъ исконныхъ враговъ—лѣса и тундры, то, конечно, его земледѣльческое хозяйство триста-четыреста лѣтъ тому назадъ было еще миніатюрнѣе. Но, за невозможностью, или по крайней мѣрѣ большею затруднительностью распространять свое хозяйство въ ширь, крестьянинъ рано началъ прибѣгать къ интенсивной культурѣ. Уже въ XVI и XVII-мъ вѣкахъ мы видимъ трехпольную систему съ озимыми посѣвами ржи **), съ двойною пахотой, съ унавоживаніемъ ***), съ плугомъ,

*) Съ подсѣчнымъ корельскимъ хозяйствомъ наша читающая публика хорошо знакома по извѣстной статьѣ Лялоша (*Отечеств. Зап.* 1874 г., № 2). Дѣлаемъ это замѣчаніе потому, что статья эта ввела въ нѣкоторое недоразумѣніе, подавъ поводъ думать, что чистый типъ подсѣчнаго хозяйства существуетъ и у русскаго населенія сѣвера.

**) *Крестининъ:* „Историческій опытъ о сельскомъ домостроительствѣ". Спб. 1785 г., стр. 53.

***) Порядная 1622 г.

который въ актахъ сначала упоминается одинъ, потомъ вмѣстѣ съ сохой и, наконецъ, уступаетъ мѣсто сохѣ. Конечно, надо думать, что новины тогда составляли большій процентъ къ старой пашнѣ, чѣмъ теперь, и яровые посѣвы еще сильнѣе преобладали надъ озимыми. Но разъ установленъ фактъ существованія зерновой системы хозяйства, уже не можетъ быть рѣчи о томъ полуосѣдломъ, полукочевомъ хозяйствѣ, которое нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ сѣверному крестьянину чуть не до нашихъ дней. Указываемъ на эту сторону предмета, такъ какъ форма землевладѣнія, составляя продуктъ массы условій, ближе всего связана съ системой хозяйства: ляднинное хозяйство чистаго типа и хозяйство съ правильнымъ сѣвооборотомъ, паромъ и удобреніемъ—требуютъ совсѣмъ различныхъ приспособленій, которыя не могутъ не отразиться самымъ существеннымъ образомъ на общественной организаціи труда.

Слѣдуя за удобными землями, населеніе нашего крайняго сѣвера расположились почти исключительно по берегамъ большихъ рѣкъ и ихъ притоковъ. Общій видъ населенныхъ мѣстъ живо переноситъ насъ въ эпоху писцовыхъ книгъ. Передъ вами поселеніе, которое зовется на оффиціальномъ языкѣ селомъ. Но вы рѣшительно не видите передъ собой никакого села въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Вотъ тѣсная кучка изъ пяти-шести дворовъ, т.-е. пяти-шести очень большихъ, часто двухъэтажныхъ, избъ, съ раскиданными какъ попало амбарами и банями, гумнами и овинами, безъ всякой усадьбы, безъ надворныхъ строеній, даже безъ огорожи: кругомъ поля. За полями виднѣется новая кучка съ безпорядочно стѣснившимися постройками, а тамъ еще и еще. Каждая кучка составляетъ деревню, или околодокъ, имѣющій свое особое названіе. Вотъ, напр., Пингишенское село Холмогорскаго уѣзда. Та его деревня, въ которой церковь, называется погостомъ и заключаетъ въ себѣ семь дворовъ, изъ которыхъ три двора принадлежатъ духовенству. Близко отъ погоста другая деревня съ одиннадцатью дворами; нижній ея конецъ носитъ особое названіе,— слѣдовательно, недавно состовлялъ особую деревню. Въ полверстѣ отъ погоста третья деревня, въ полутора верстахъ, за рѣкою, четвертая, въ трехъ съ половиною верстахъ пятая съ четырнадцатью дво-

рами. Въ верстѣ отъ пятой еще двѣ деревни по пяти дворовъ въ каждой. Двѣ деревни за озеромъ; тамъ же починокъ— одинъ дворъ и т. д. Всего-на-все девятнадцать деревень, которыя отдѣлены другъ отъ друга не только полями, но рѣками и озерами. Все это на оффиціальномъ языкѣ называется селомъ, а на крестьянскомъ—волостью. Встрѣтитъ житель средней Россіи въ какомъ-нибудь описаніи сѣвера, положимъ, названіе селенія Пустозерска: ему никакъ въ голову не придетъ, что селеніе Пустозерскъ есть не что иное, какъ семнадцать маленькихъ деревень, раскинутыхъ на цѣлой сотнѣ верстъ. Правда, въ Архангельской губерніи попадаются кое-гдѣ и сплошныя линіи избъ въ родѣ настоящаго русскаго села, и чаще тамъ, гдѣ лѣсъ совсѣмъ припёръ населеніе къ берегу рѣки, или по берегу моря. Но и тамъ дѣленіе на околодки, на концы съ особыми названіями отчетливо показываетъ, что это село образовалось изъ сліянія отдѣльныхъ деревень, сохранившихъ еще воспоминаніе своей особности. Даже старинные двинскіе города, напр. Холмогоры, выросли изъ такихъ же деревень *).

Итакъ, Архангельская губернія есть губернія по преимуществу деревенская, и въ переносномъ смыслѣ этого слова какъ губернія исключительно крестьянская,—и дѣйствительно, она сохранила въ наибольшей чистотѣ характеръ старой деревенской Руси, какую рисуютъ намъ писцовыя и переписныя книги Новгородской области. Только на сѣверѣ сохранилась еще возможность уясненія того, что такое деревня —эта основная наша соціальная клѣточка, безъ пониманія которой не можетъ быть пониманія исторіи ни нашей земли, ни нашей общины, ни нашего крестьянства.

Можетъ-быть мнѣ слѣдовало бы здѣсь представить доказательства того исключительнаго значенія, какое я приписываю деревнѣ, но я боюсь, что доказательства пока будутъ казаться голословными. Поэтому предпочитаю прямо приступить къ сущности предмета.

Въ двинскихъ актахъ новгородскаго періода, относящихся до земли (значительное большинство ихъ именно и относится къ землѣ) совсѣмъ не встрѣчается слова „деревня". Оно

*) *Крестининъ*: „Историческіе начатки о двинскомъ народѣ". Спб. 1784 г., стр. 10 и 11.

всюду замѣняется словомъ село. Съ водвореніемъ московскаго владычества водворяется въ языкѣ актовъ „деревня", совершенно вытѣсняя собою новгородское „село". Что эти два слова дѣйствительно замѣняютъ другъ друга, что ихъ содержаніе тожественно, въ этомъ легко убѣдиться,—стоитъ прочесть повнимательнѣе и сравнить соотвѣтствующія мѣста нѣсколькихъ актовъ того и другаго періода: „Се купи такой-то у такого-то село земли Фофановское дворъ и дворище орамые земли и съ притеребы (съ росчистями) и пожни съ притеребы и путики того села и перевѣсища того села и полѣшіи лѣсы и бобровые ловища со всѣми угодьи..." „Се купи такой-то у такого-то три села, дворы и дворища орамые земли тѣхъ селъ по старымъ межамъ и съ притеребы и пожни тихъ селъ и ловища тихъ селъ и хмелники тихъ селъ..." *). А вотъ мѣста изъ двинскихъ актовъ московскаго періода: „Се изъ такой-то отступился есми земли... Водниковской деревни дворъ и дворище горныя земли орамые и луговые земли и пожни и съ перелоги и съ закраинами и съ новоросчищенными землями съ лѣшими ловищи и съ водяными и со всѣми угодьи, что къ той деревни изстарь потягло..." **). „А обѣ тѣ есмя деревни продали (о дворахъ было сказано выше) съ орамыми землями и съ наволоцкими и съ пожнями и съ лѣсными покосы... съ лѣшими ухожеи и съ водяными ловищи и со всѣми угодьи тѣхъ деревень..." ***) Въ „Юридическихъ Актахъ" въ изложеніи спорнаго дѣла ****) о владѣніи полудеревней Борисовской помѣщенъ актъ новгородскаго періода, гдѣ та же полудеревня Борисовская названа полуселомъ. Можно было бы представить кое-какія соображенія, поясняющія это внезапное исчезновеніе одного слова и замѣну его другимъ. Но для насъ пока эта сторона дѣла не представляетъ интереса. Тѣмъ интереснѣе другая, которую и формулируемъ: въ языкѣ сѣверныхъ актовъ слова *село* и *деревня* служатъ для обозначенія одного и того же понятія.

Изъ приведенныхъ выписокъ уже видно отчасти, что село, или деревня, есть какая-то законченная, довлѣющая самое себѣ

*) „Юридическіе Акты", № 71. VI, X.

**) Изъ нашего собранія актовъ купчая 1551 г.

***) „Юрид. Акты", № 86.

****) „Юрид. Акты", № 19.

земельная единица: во главѣ ея стоитъ дворъ, къ которому тяготѣютъ пахатныя и луговыя земли, лѣсныя, водяныя и прочія угодья. Мало того, вчитываясь въ тѣ мѣста сѣверорусскихъ памятниковъ, гдѣ идетъ рѣчь о землѣ, какъ объектѣ частнаго права, вы замѣчаете, что тамъ собственно дѣло идетъ совсѣмъ не о землѣ въ нашемъ смыслѣ слова, т.-е. части земной поверхности, произвольно взятой и допускающей точное цифровое выраженіе, а всегда о землѣ, заключенной въ предѣлахъ той единицы, которую акты называютъ селомъ, или деревней. „А кому будетъ о землѣ дѣло, о селѣ или о дву, или болши или менши, ино ему до суда" и т. д., говоритъ новгородская судная грамота *). Очевидно, новгородская юстиція знаетъ только село или два или больше, т.-е. нѣсколько селъ, или меньше, т.-е. $^1/_2$, $^1/_3$ и т. д. села; никакого иного понятія о землѣ, какъ правовомъ объектѣ, не вмѣщающагося въ опредѣленіе села, она не имѣетъ. „А другъ у друга межу переоретъ или перекоситъ на одиномъ полѣ (т.-е. полѣ одного села) вины боранъ, а межы селъ межа тридцать бѣлъ"—вотъ судебныя опредѣленія о землѣ уставной двинской грамоты Василія Дмитріевича **). Правда, между значительнымъ большинствомъ новгородскихъ и двинскихъ актовъ, гдѣ земля фигурируетъ лишь въ видѣ села, встрѣчаются и такіе, гдѣ идетъ дѣло объ отдѣльномъ полѣ или пожнѣ (сѣнокосѣ). Но тотъ фактъ, что поле или пожня являются въ актѣ обособлено, совсѣмъ не значитъ, чтобъ они и на самомъ дѣлѣ не входили въ какое-нибудь село, какъ его составная часть,—ниже читатель найдетъ тому доказательства.

Чѣмъ опредѣлялся объемъ этой единицы, что составляло силу, сплачивающую ея составныя части около центра—двора?

Документы даютъ на это совершенно опредѣленный отвѣтъ. „А ловища и пожни и страдомыя земли и лѣсъ, а то къ тымъ селамъ по старинѣ, *изъ которагω села которыи мѣста дѣлали*" ***). „Изъ которыхъ мѣстъ куда топоръ, коса и соха ходила", „куда рука ходила", а позже: „что къ той деревни изстари потягло"—вотъ единственный опредѣлитель района тяготѣнія того или другагó села, или деревни. Правда, соха и коса,

*) „Акты Археограф. Экспедиціи", т. I, № 92.

**) Тамъ же, т. I, № 13.

***) „Акты Юридическіе", № 260, Т. I.

если не топоръ, одного села могли врѣзаться въ заводъ другаго села, но на то было обычное право, примирявшее сталкивающіеся интересы, въ крайнемъ случаѣ судъ. Затѣмъ, тотъ, кто протянулъ кусокъ дикой земли къ селу, считалъ себя естественно въ полномъ правѣ распорядиться этою землей, напримѣръ „припустить" ее (посредствомъ продажи, залога или другаго какого-нибудь акта отчужденія) къ другому селу. Но это не мѣшало помнить, что такая-то земля должна тяготѣть къ такому-то селу и она путемъ выкупа всегда могла быть притянута обратно. „Прикупныя земли" всегда упоминаются особо въ отличіе ихъ отъ земель, естественно тяготѣющихъ къ селу, или деревнѣ.

Значитъ, село или деревня, что для сѣвера едино, есть обособленная земельная единица, въ центрѣ которой стоитъ дворъ, или небольшая сумма дворовъ (эта прибавка къ опредѣленію будетъ оправдана ниже), къ которымъ тяготѣетъ извѣстная совокупность земельныхъ угодій, притянутая къ этому центру трудовымъ захватомъ. Связь этихъ клѣточекъ (деревень) властью ли боярина, какъ было въ новгородскій періодъ, государственнымъ ли тягломъ—въ московскій, была связью внѣшней. Мы, конечно, не хотимъ сказать, что между этими клѣточками не было никакой внутренней связи,—совсѣмъ напротивъ: такая связь была не только тягловая, но и нравственная, и очень крѣпкая. Не хотимъ даже сказать, что между ними не было никакихъ поземельныхъ отношеній. Были и таковыя, но не того характера, какой имъ склонны приписывать теперь люди, вникающіе въ эти вопросы. Объяснимся.

Не только ученымъ спеціалистамъ, но и образованной части нашего общества извѣстна нѣмецко-мауреровская теорія происхожденія и развитія поземельной общины. Въ основаніи ея лежитъ фактъ захвата земли родомъ, или племенемъ; исходнымъ пунктомъ поземельной организаціи и служитъ именно родовая, или племенная марка. Не будемъ излагать этой теоріи, предполагая ее извѣстной читателю хоть въ общихъ чертахъ. Она не только извѣстна, но и примѣняется къ объясненію соотвѣтствующихъ нашихъ русскихъ историческихъ явленій; между прочимъ, такое примѣненіе этой теоріи къ исторіи сѣверной общины сдѣлалъ и г. Соколовскій. Но намъ

*) Тамъ же. № 71, IX. Въ нашихъ актахъ, напримѣръ, порядная 1579 г.

кажется такое примѣненіе не совсѣмъ основательнымъ. Не то, чтобы мы имѣли что-нибудь противъ теоріи Маурера: авторъ ея такъ хорошо вооруженъ, что съ слабымъ арсеналомъ остается принять его выводы на вѣру. Охотно допускаемъ также, что его теорія имѣетъ значеніе не для одного германскаго племени, но съ необходимыми поправками и для другихъ арійскихъ народовъ, въ томъ числѣ и для славянъ, включая и русскихъ славянъ. Но вѣдь нельзя опускать изъ виду одно маленькое словечко—„когда". Мауреръ можетъ говорить о германской общинѣ временъ Юлія цезаря и Тацита и какой-нибудь X вѣкъ для него уже эпоха позднѣйшая; наши же самые ранніе факты относятся къ XI и XII вѣкамъ —разница не малая. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что русское славянство, колонизовавшее финскій сѣверъ, очень отличалось отъ германцевъ I-го вѣка, какъ и сами германцы X вѣка отличались отъ германцевъ I-го вѣка; во всякомъ случаѣ вѣрно то, что процессъ этой полу-колонизаціи, полу-завоеванія очень отличался отъ завоевательнаго движенія германскихъ племенъ по развалинамъ Римской имперіи. Финскій сѣверъ завоевывался вольными дружинами, а колонизовался семейными союзами, соотвѣтствующими сербской задругѣ, а ужь никакъ не германскому роду. Отсюда выходитъ, что и a-priori нѣтъ никакой необходимости предполагать исходнымъ пунктомъ поземельной организаціи нашего сѣвера большую единицу въ родѣ германской родовой марки или нашей волости, какъ принимаетъ г. Соколовскій. А когда обращаемся къ фактамъ, то видимъ слѣдующее. У насъ въ рукахъ сотни актовъ, которые не только свидѣтельствуютъ о существованіи деревни, какъ обособленной поземельной единицы, но даютъ очень детальное представленіе объ ея организаціи, и ни одного акта, который указалъ бы на существованіе болѣе обширной поземельной единицы—волости. Я говорю о точныхъ указаніяхъ, которыя не допускали бы двусмысленныхъ толкованій. Намековъ же которые при желаніи можно объяснить въ пользу поземельнаго значенія волости, встрѣчается много и въ нашихъ актахъ, какъ и въ печатныхъ; но вѣдь ихъ совершенно удовлетворительно можно объяснить и административнымъ, тягловымъ значеніемъ волости. Къ тому же значеніе это не было только административнымъ и тягловымъ,—оно обхватывало разно-

образныя сферы нравственныхъ потребностей обитателей деревень, связанныхъ въ волость, какъ это мы надѣемся доказать въ своемъ мѣстѣ. Поэтому не мудрено, что волость, и не составляя сама поземельной единицы, могла являться представительницей даже земельныхъ интересовъ своихъ составныхъ частей. „Тягался Андрейко староста залѣсскій и всѣ крестьяне залѣсскіе со старцомъ Касьяномъ. Такъ рекъ Андрейко: жалоба ми, господине, на того Касьяна, отнялъ, господине, у насъ тѣ наволоки овсянниковскіе земли...“ Этотъ отрывокъ приводитъ, между прочимъ, г. Соколовскій въ доказательство поземельнаго значенія волости. Но обратите вниманіе на то, что залѣсскіе крестьяне тягаются объ овсянниковскихъ земляхъ, т.-е., по нашему мнѣнію, земляхъ Овсянниковской деревни, и доказательство теряетъ свою силу. Волость называетъ деревни и починки своими — дальнѣйшія доказательства г. Соколовскаго: конечно, она можетъ это дѣлать и не имѣя никакого поземельнаго значенія. Волость мѣняетъ пустыя деревни, отдаетъ ихъ желающимъ и т. п.—все это легко объясняется ея тягловымъ характеромъ. Г. Соколовскій утверждаетъ, что въ нераздѣльномъ пользованіи волости-марки были какія-то земли, упоминая, впрочемъ, только лѣса. Не можемъ съ этимъ согласиться. „Лѣсные крестьяне,—говоритъ г. Остроумовъ, въ извѣстной корреспонденціи изъ Устюжскаго уѣзда Вологодской губ., на которую ссылается и г. Соколовскій,—разсуждаютъ такъ: мѣста для занятія много, слѣдовательно, кому гдѣ-любо, тамъ тотъ и работай; а потому и не удивительно, что иной крестьянинъ заберется въ такія дебри лѣсныя, куда рѣдко проникаетъ духъ человѣческій, и тамъ рубитъ новину или расчищаетъ сѣнокосъ, а другой старается найти мѣсто для занятія гдѣнибудь поближе къ жилью человѣческому. Землю считаютъ просто-на-просто Божіей“, т.-е., конечно, землю пустую, дикую. Вотъ характеръ поземельныхъ отношеній, который еще сохранился на лѣсномъ сѣверѣ, упорно выдерживая напоръ всѣхъ противодѣйствующихъ вліяній. Можно-ли тутъ предполагать какіе - нибудь волостные лѣса да еще въ XVI—XVII вѣкахъ? О другихъ волостныхъ нераздѣльныхъ угодьяхъ не говоримъ, такъ какъ г. Соколовскій не называетъ ихъ. Еслибы г. Соколовскій былъ уроженцемъ сѣвера

и видѣлъ, какъ крестьянство пускаетъ свой скотъ, безъ всякаго присмотра, бродить гдѣ ему вздумается, причемъ хозяинъ не только не видитъ, а часто и не слышитъ цѣлое лѣто ничего про своихъ лошадей, которые заходятъ свободно за 20—30 верстъ и болѣе, не возбуждая и отдаленной мысли о какихъ-нибудь междуволостныхъ претензіяхъ,—еслибъ онъ свыкся со строемъ міровоззрѣнія, порождающаго такія отношенія, то ему, конечно, не пришло бы и въ голову придавать такое значеніе волостной маркѣ. Въ доказательство недавняго существованія волостной общины г. Соколовскій приводитъ остатки ея, сохранившіеся на окраинахъ въ видѣ уральской казачьей общины и донской. Мы сами можемъ указать разнообразные факты этого рода. Въ „Юридическихъ Актахъ" есть кое-что, напримѣръ—купчая 1577 года, по которой продается въ монастырь четверть луки въ Умбской волости (на Терскомъ берегу) „промежъ умбскими жильцами промежъ волощаны"—очевидно, владѣніе волостное *). Между пустозерами, ижемцами и устьцылемами, раскинутыми на сотняхъ верстъ по Печорѣ, существовала какая-то организація, о которой свидѣтельствуетъ полюбовная запись (конца XVII вѣка) „съ великими заставами", касающаяся Болванской губы съ ея рѣчками и угодьями „чтобъ имъ о той губѣ и о рѣчкахъ и о тягахъ другъ на друга ни въ чемъ челомъ не бить" **). Сюда же относятся организаціи разныхъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ, которыми такъ богатъ сѣверъ, наприм. устьянскихъ ***) и т. д. Всѣми этими и подобными фактами, относящимися къ мѣстностямъ, гдѣ промыслы занимаютъ первое мѣсто, можно пользоваться для уясненія особенностей народнаго творчества въ сферѣ общественныхъ формъ, можно ими, можетъ-быть, и объяснять извѣстныя стороны поземельной общины, но доказывать посредствомъ ихъ существованіе волостной поземельной общины—едва ли. Разныя условія, разныя сферы приложенія труда вызываютъ и разные типы его организаціи: это болѣе

*) „Юрид. Акты", № 88.
**) Арханг. Губерн. Вѣдомости 1838 г., № 21.
***) „Сборникъ матер. объ артеляхъ въ Россіи".

чѣмъ понятно, это—необходимо. Промысловое угодье не то, что пашня, эксплуатація воды не то, что эксплуатація земли,—разница въ способахъ эксплуатаціи ведетъ за собой и разницу въ формахъ владѣнія.

Чтобы не подать повода къ недоразумѣніямъ, формулируемъ нашъ взглядъ. Не отрицая существованія у русскихъ славянъ во времена оны большой поземельной еденицы въ родѣ той, какую г. Соколовскій называетъ волостью, или германской родовой марки (такою единицей была вервь),—мы думаемъ, что ее никогда не было на сѣверѣ: разрушившійся родъ едва ли могъ перенести ее искусственно, и во всякомъ случаѣ факты не даютъ ясныхъ свидѣтельствъ въ пользу ея существованія. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя стороны этой старой родовой поземельной единицы продолжали существовать въ сѣверной верви-волости, напоминая о ея старомъ поземельномъ характерѣ.

Всѣмъ изложеннымъ выше мы не хотимъ сказать, что между отдѣльными селами, или деревнями, безусловно не было никакихъ поземельныхъ отношеній,—напротивъ, акты показываютъ, что у нихъ бывали общія земли, причемъ совершенно отчетливо можно объяснить и происхожденіе такихъ земель. Не будемъ утверждать, что въ томъ или другомъ частномъ случаѣ не нашлось бы какихъ-нибудь земель въ общемъ владѣніи волости. Жизнь—не теорія, и народное соціальное творчество прихотливо, какъ всякое другое. Только намъ кажется, что ни печатные акты, которыми пользовался г. Соколовскій и другіе изслѣдователи, ни рукописные, находящіеся въ нашихъ рукахъ, не даютъ права заключать, что на сѣверѣ существовала во времена, отъ которыхъ дошли до насъ письменныя свидѣтельства, большая поземельная единица. Можетъ-быть откроются новые факты, тогда—дѣло другое. Теперь же съ тѣмъ матеріаломъ, какой есть, нельзя представить себѣ поземельнаго строя старой сѣверной Руси иначе, какъ въ такомъ видѣ: посреди дикой вольной Божіей земли, государевой—de jure, ничьей—de facto, разсѣяны маленькія самостоятельныя поземельныя клѣточки, состоящія изъ двора или нѣсколькихъ и притянутой трудовымъ захватомъ земли и разныхъ угодій.

Уже давно ученые догадывались, напримѣръ—Лешковъ,

что суть поземельной организаціи старой Руси заключалась въ деревнѣ *); оно и немудрено, если имѣть передъ глазами писцовыя и переписныя книги. Г. Соколовскому принадлежитъ честь отчетливой формулировки этой догадки. Но съ однѣми писцовыми и переписными книгами не только нельзя было понять сущности деревенской организаціи, нельзя было даже доказать, что такая организація дѣйствительно была и что деревня не есть механическій поземельный аггрегатъ: только предвзятая идея можетъ придать рѣшающее значеніе хотя бы доводамъ, сгруппированнымъ г. Соколовскимъ въ пользу существованія деревенской общины **). Мы считаемъ себя очень счастливыми, что можемъ, при помощи нашего матеріала показать съ непреложной очевидностью, въ чемъ заключалась сущность поземельнаго деревенскаго устройства: не будучи общиннымъ въ строгомъ смыслѣ слова, оно тѣмъ менѣе было подворно-участковымъ, представляя изъ себя

---

*) *Лешковъ*: „Русскій народъ и государство“.

**) Вотъ доводы г. Соколовскаго: 1) „Припущеніе“ одной деревни къ другой, которое нерѣдко встрѣчается въ писцовыхъ книгахъ. Доводъ совершенно неубѣдительный. Какимъ образомъ припущеніе, т. е. присоединеніе куска оторваннаго отъ одной земельной единицы къ другой, или соединеніе двухъ такихъ единицъ — случай, указываемый г. Соколовскимъ по писцовымъ книгамъ — могло что нибудь рѣшить относительно внутренней организаціи этихъ единицъ? „Припущеніе“ писцами одной маленькой деревни къ другой, большей, имѣло значеніе только для обложенія, и никакого другого, иначе пришлось бы приписать писцамъ силу творить новыя общины: соединеніе двухъ поземельныхъ общинъ въ одну (не для обложенія только, а реально) предполагаетъ процессъ полнаго органическаго ихъ пересозданія. 2) Только при деревенской общинѣ возможно было существованіе, кромѣ полей, обрабатываемыхъ лично, еще и полей, обрабатываемыхъ сообща всѣми жителями деревни, какъ это встрѣчается, напр., въ писцовой книгѣ Дмитровскаго уѣзда. Почему только при общинѣ, совершенно не видно. При полномъ господствѣ подворно-участковаго владѣнія это такъ же возможно, какъ и при общинномъ. Когда деревенская организація на сѣверѣ уже почти совсѣмъ разрушилась и водворилось подворно-участковое владѣніе, всегда были починки, какъ читатель увидитъ ниже. 3) Самое же убѣдительное доказательство, по мнѣнію г. Соколовскаго, существованія деревенской общины—это отсутствіе неравенства подворныхъ участковъ: разница между участками не бываетъ больше чѣмъ вдвое и рѣдко втрое. Къ удивленію, г. Соколовскій самъ разбиваетъ силу своего довода: „да и какъ могло быть иначе при одинаковости потребностей и однообразіи средствъ хозяйства?“—совершенно справедливо замѣчаетъ онъ. Вотъ и все.

своеобразную форму, изъ которой могла развиться позднѣйшая община. Для разъясненія этой стороны мы обладаемъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣній, ни двумысленныхъ толкованій: матеріалъ этотъ— веревныя книги. Веревныя книги писались самими крестьянами съ цѣлью распредѣлить податныя тягости между собой. За единицу обложенія ими принималась не деревня, какъ въ писцовыхъ, а дворъ: поэтому мы имѣемъ въ веревныхъ самое точное описаніе земли каждаго двора, причемъ цѣлыя деревни являются передъ нами какъ на ладони, съ наглядностью, почти допускающею перенесеніе его на планъ.

Возьмемъ веревную 1612 года Паниловской волости, для которой у насъ есть кстати и выписка изъ писцовой почти того же времени. Волость эта расположена верстахъ въ двадцати отъ Холмогоръ вверхъ по Двинѣ. Мы лично знаемъ эти мѣста: они, видимо, мало измѣнили свой видъ со времени писцовыхъ и веревныхъ книгъ: тѣ же маленькія деревеньки и съ тѣми же названіями; нѣкоторыя изъ нихъ разрослись и слились въ одну большую деревню, другія—почти тѣхъ же самыхъ размѣровъ и теперь, какъ во времена знаменитаго двинскаго писца Мирона Вельяминова. На пустынномъ правомъ берегу Двины, на живописномъ мысу, врѣзавшемся въ рѣку, окруженный лѣсомъ стоитъ уединенный погостъ—церковь, покровительница мимо плывущихъ судовъ и плотовъ, которые, по веснѣ, немилосердно крутитъ и бьетъ въ знаменитомъ Орлецкомъ водоротѣ,—и два-три церковническихъ двора; кругомъ дичь и безлюдье, точно это въ самомъ дѣлѣ погостъ какой-нибудь новгородской пятины. Ближайшая деревня въ двухъ верстахъ. На лѣвомъ берегу Двины—другая; въ четырехъ верстахъ отъ этой другой—третья и т. д. Все точно такъ, какъ и въ писцовой. Въ 1623—24 году, къ которому относится писцовая, въ Паниловской волости было, кромѣ погоста, семь деревень съ 22 крестьянскими дворами *). Распредѣленіе дворовъ по деревнямъ движется между 1 и 5, пахатной земли—середней, худой и съ перелогомъ—между 12 четвертей 3 четвериковъ и 63 четвертей въ трехъ поляхъ, сѣна—между 5 и 25 копнами, вытей—между $^{5}/_{16}$ и $1^{1}/_{32}$. Въ

*) Теперь въ тѣхъ же деревняхъ 60 дворовъ.

распредѣленіи земли между деревнями нельзя усмотрѣть никакой правильности, никакого соотвѣтствія ни съ числомъ дворовъ, ни съ числомъ людей въ нихъ *). Да такого соотвѣтствія нечего и искать, какъ читатель увидитъ ниже.

Веревныя, какъ мы уже сказали, пишутъ землю по дворамъ, только по дворамъ подводятъ и итоги, выражая землю каждаго домохозяина въ верьяхъ и веревныхъ саженяхъ (верьь—64 веревныхъ сажени, веревная сажень—около 250 кв. саженъ. Подробно объ этомъ—ниже). Но если подвести итоги по деревнямъ, то замѣтимъ то же отсутствіе всякаго соотвѣтствія, о которомъ только что сказано. Одна деревня въ два двора имѣетъ 2 верви 17 саж. (веревныхъ), другая въ 4 двора имѣетъ 16 вервей 2 саж, и т. д. Теперь разсмотримъ, чѣмъ представляется деревня по веревнымъ книгамъ.

Беремъ дворъ любого домохозяина и читаемъ описаніе его земли. Прежде всего васъ поражаетъ масса отдѣльныхъ кусковъ, составляющихъ владѣніе одного домохозяина. Вы насчитываете двадцать-тридцать кусковъ, часто очень миніатюрныхъ: одна, двѣ сажени. встрѣчается и меньше сажени—

*) Вотъ въ какомъ видѣ представляется Павловская волость по писцовой 1623 года:

Деревни.	Дворовъ.	Людей.	Пашни четей (въ 3 поляхъ).	Перелогу, лѣсомъ поросло, пашни пахано, водой снесло.	Сѣна копенъ	Вытей въ живущ.	Вытей впустѣ	Итого на дворъ вытей въ живущемъ.
1. Верхняя Товра.	3	9	25	22 1/2	12	13/24	11/32	14/96
2. Средняя Товра.	4	6	33 3/8	21	20	23/32	9/32	17/96
3. Новинская.	1	2	9 3/8	6	5	7/32	5/16	21/96
4. Вороновская (безъ полутр.)	2	6	10 1/4	19 1/2	20	23/96	9/32	11/96
5. Деревенька	3	4	14 1/2	27	10	5/16	13/24	10/96
6. Городищная	4	6	25 3/4	25 1/2	20	7/12	9/32	14/96
7. Власьевская	5	12	46 1/2	22 1/2	25	1 1/32	11/32	20/96
Итого.	22	45	140 6/4	144	112	3 31/48	2 37/96	—
Среднее	3,14	6,4	20	20,15	16	0,15	0,16	—

и всякій такой клочокъ носитъ особое названіе: *подъоконное польце*, *баннее польце*, *полоска отъ ельника*, *пожня каменка*, *лужокъ за копанцемъ*, *горняя новинка* и т. д. и т. д.—тянутся вереницей, на первый взглядъ безсмысленной и потому утомительной. Но, вчитываясь, вы начинаете замѣчать извѣстный порядокъ: сначала перечисляются земли пахатныя, затѣмъ пожни и, наконецъ, новины. Всматриваясь далѣе, вы замѣчаете, что кусочки пахатной земли тоже группируются въ извѣстномъ порядкѣ: можно замѣтить двѣ или три «перемѣны» (веревныя иногда употребляютъ это слово, но не всегда), т.-е. теперешнія смѣны, въ соотвѣтствіи съ двухъ-или трехпольною системой хозяйства. Суммы кусковъ, составляющихъ «перемѣны», приблизительно равны и самые куски, какъ и слѣдуетъ ожидать, лежатъ въ одномъ мѣстѣ.

Переходя къ перечисленію земли другого двора той же деревни, вы замѣчаете то же самое число кусковъ, тѣ же ихъ названія и ту же послѣдовательность въ расположеніи; то же самое для третьяго и для всѣхъ дворовъ деревни.

Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что деревня была одно поземельное цѣлое. Пашня ея была разбита на смѣны, а смѣны на поля, или коны, причемъ каждый дворъ деревни имѣлъ участокъ непремѣнно въ каждомъ кону каждой смѣны. Точно также каждый дворъ имѣлъ участокъ въ каждой пожнѣ, въ каждомъ переложкѣ, въ каждой закраинѣ (края полей, оставляемые подъ траву). Даже разныя запольныя польца, росчисти, новины, не входившіе въ сѣвооборотъ, обыкновенно находились въ такомъ совмѣстномъ владѣніи всѣхъ дворовъ деревни. Однимъ словомъ, этою стороной своей организаціи деревня представляла собою ярко выраженный прототипъ современной общины съ общими смѣнами и обязательнымъ сѣвооборотомъ.

Теперь другая сторона: какъ относилась земля одного хозяина къ землѣ другаго по количеству?

Тутъ мы видимъ два отношенія: или количество земли одного двора было равно количеству земли другаго, причемъ равенство выражалось, естественно, равенствомъ всѣхъ кусковъ, изъ которыхъ слагалось владѣніе каждаго, или количество земли одного двора стояло къ количеству земли другаго двора въ какомъ-нибудь кратномъ отношеніи, причемъ

это кратное отношеніе тоже повторялось, конечно, для каждаго куска *) (чаще встрѣчающееся отношеніе 2 : 1, но попадаются и другія отношенія, а позже, при увеличеніи числа дворовъ, и довольно сложныя, для раскрытія которыхъ требуются нѣкоторыя усилія).

Чтобы сдѣлать для читателя болѣе нагляднымъ все сказанное выше, приведу двѣ выдержки изъ веревной, представленныя для удобства въ видѣ таблицы. Беру деревни лишь съ двумя дворами:

Дер. Новинки.

Дворъ Прокэпій Филипповъ:

Горней земли въ дворней перемѣнѣ двухъ полосъ. . . 18 саж.

Середней перемѣны трехъ полосокъ . . . . 14 „

Заполней перемѣны трехъ лоскутовъ . . . . 11 „

Той же перемѣны за ручьемъ же переложку подлѣшаго. 1 „

По нижную сторону ручья пожни. . . . . 15½ с.

Верхней поженки и съ переложкомъ. . . . . 10 „

Луговаго парку подъ серединимъ полемъ двухъ полосокъ. . . . . 7½ „

Переложку нижняго, что отъ Товерской земли . . . . . 3¾ „

У Гремячего новинки . . . . 1 „

Всей той горней и луговой земли у Прокопья 1 верfь 8½ саж. въ окладѣ.

Дворъ Насонъ Шишицынъ:

Горней земли въ дворней перемѣнѣ двухъ полосъ. . . 18 саж.

Средней перемѣны трехъ лоскутовъ . . . . 14 „

Въ запольней перемѣнѣ двухъ лоскутовъ . . . . . . 11 „

За ручьемъ новинки . . . 3 „

За ручьемъ подлѣшаго переложку . . . . 1 „

Поженки по нижнюю сторону ручья . . . . 15½ с.

Верхней поженки и съ переложкомъ . . . . 10 „

Луговаго парку подъ середнимъ полемъ двухъ полосокъ 7½ с.

Нижняго переложку что отъ Товерской земли . . . . . 3¾ „

У Гремячего ручья новинки 1 „

Всей той горней и луговой земли у Насона въ тяглѣ 1 верfь 8½ саж. *).

*) Вотъ количество земли по упомянутой веревной, приходящееся на каждый дворъ деревни:

Деревня.	Дворы	Количество земли.	Деревни.	Дворы	Количество земли.	Деревни.	Дворы	Количество земли.
Вер. Товра	1	2 верви 17 с.	Власьев.	2	4 верви 22 с.	Деревен.	1	1 вервь 44 с.
„	2	4 „ 33½ с.	„	3	3 „ 61 „	„	2	1 „ 38 „
„	3	5 с. (бобыль)	„	4	3 „ 46 „	„	3	„ 36 „
Ниж. Тов	1	4 верви.	„	5	20½ с. (боб.)	„	4	„ 33 „
Остальное вырвано			Воронов.	1	3 верви 4 с.	„	5	„ 33 „
Новинки.	1	1 вервь 8½ с.	„	2	1 „ 24 „	Орлецы.	1	4 верви 16 с.
„	2	1 „ 8½ „	„	3	5 с. (бобыль)	„	2	2 „ 3½ „
Власьевск	1	4 верви 3 „	„	4	16 „ (бобыль)	„	3	2 „ 8½ „

*) Въ веревныхъ каждый кусокъ земли опредѣляется двумя цифрами: одна цифра обозначаетъ его дѣйствительную величину, другая—ту, въ которой онъ облагается, напр. пишется такъ; „... верхней поженки и съ переложкомъ свервали

Пашня этой деревни дѣлится на три перемѣны, а въ каждой перемѣнѣ у каждаго двора по нѣскольку полосъ: очевидно, что эти полосы находятся въ особыхъ поляхъ, хотя эти поля, противъ обыкновенія, и не названы. Луговой земли, какъ видно, очень мало; вообще, эта вся волость изъ нуждающихся въ сѣнокосахъ: за покоси идутъ разные переложки--запущенная пахатная земля.

Вся эта деревня дѣлится на двѣ равныя части,—слѣдовательно, каждый дворъ владѣетъ полу-деревней.

Вотъ примѣръ болѣе сложнаго отношенія.

Дер. Товра.

Дворъ Онтонъ Калининъ:

Горней земли въ дворнемъ полѣ полцо къ гумну концомъ съ капустникомъ	3 с.
Другое полосы нижней	$13^1/_4$ с.
За ручьемъ полцо	$1^1/_2$ „
За ручьемъ середняго поля	11 „
Опальничнаго ручья полосна	$3^1/_4$ „
Луговой земли въ острову съ головы переложекъ	1 „
Въ сторону напротивъ дворней полосы	$6^1/_2$ „
Другой полосы	$7^1/_2$ „
Пронойнаго полца	3 „
Мочищной полоски	2 „
Великой покин въ острову	$21^1/_4$ „
Путищной полоски	8 „
Закруголичной полоски	$2^3/_4$ „
Въ острову водпинничныхъ двухъ полосъ	$8^1/_2$ „
Конецостровскіе полоски	$5^1/_4$ „
Осиновки покин	$18^1/_4$ „
Кулиги покин	$10^1/_2$ „
Орамой земли въ наволокъ нижняго поля	$6^1/_4$ „
Подъелней полоски	$8^1/_2$ „
Семановщины полце отъ Губиныхъ поля	$2^1/_2$ „
Въ великой огородѣ нижняго пару двухъ лоскутовъ	$13^1/_2$ „
Верхняго поля и съ закраиною	$12^1/_2$ „

Изъ всей той горней и луговой земли у Онтона, въ тяглѣ по окладу 2 верви 17 саженъ.

Дворъ Михайло Матвѣевъ.

Горней земли въ дворней перемѣнѣ полоса гуменная подлѣ улицу съ капустникомъ	$6^1/_2$ с.
Противъ дворней полосы	27 „
За ручьемъ полце и съ покосью	$12^1/_2$ „
Другой полосы подлѣ пустоши	$11^1/_4$ „
Нижняго полца	$6^1/_4$ „
Луговой земли въ острову съ головы переложекъ	2 „
Противъ дворней полосы	13 „
Другой полосы противъ дворней	15 „
Въ острову запутищное полцо	$5^1/_2$ „
Другая полоска подлѣ мочище	$3^1/_2$ „
Въ острову Великуши покин	$41^1/_2$ „
Путишной полосы	6 „
Кругличной полоски подлѣ путище	$5^1/_2$ „
По верхнюю сторону Нипольской земли двухъ полосъ	19 „
Конецостровскіе полоски	$10^1/_2$ „
} Вырвано.	
Верхней полосы съ закраин.	20 „

Всей той земли у Михайла горней и луговой 4 верви $33^1/_2$ саж. въ тяглѣ по окладу.

---

10 саженъ, а обложили въ вол—9 саженъ", значитъ $1^1/_2$ саж. вычтено „на умётъ". Въ таблицѣ мы писали первую цифру — цифру дѣйствительной величины.

Здѣсь, сколько можно понять изъ сопоставленія расположенія полей данной деревни съ полями остальныхъ деревень той же волости, тоже три перемѣны, хотя онѣ и не называются перемѣнами: дворная, средняя и островная. Остальная пашня состояла изъ разбросанныхъ кусковъ. Деревня здѣсь дѣлится на двѣ неравныхъ части: одинъ крестьянинъ владѣетъ третью, другой двумя третями деревни.

Такимъ образомъ веревныя показываютъ, во-первыхъ, что каждый дворъ деревни имѣлъ участокъ въ каждой смѣнѣ и въ каждомъ полѣ, также во всѣхъ остальныхъ угодьяхъ, тянущихъ къ деревнѣ; во-вторыхъ, что участки отдѣльныхъ дворовъ были или равны (рѣже), или (чаще) стояли другъ къ другу въ кратныхъ отношеніяхъ. Выводы очень важные. Они совершенно лишаютъ почвы всякія разсужденія о подворно-участковомъ владѣніи, будто бы господствовавшемъ на сѣверѣ; но въ то же время они еще не рѣшаютъ вполнѣ вопроса о томъ, какого же собственно характера было это владѣніе. Всякія заключенія въ томъ смыслѣ, что это было общинное владѣніе извѣстнаго намъ современнаго типа, были бы преждевременны и ошибочны.

„Село земли, дворъ и дворище, орамые земли того села и пожни и т. д.“—вотъ обыкновенная формула новгородскихъ актовъ, изъ которыхъ можно заключить, что „село“ если не всегда, то по крайней мѣрѣ часто заключало въ себѣ лишь одинъ дворъ. Деревни писцовыхъ книгъ нерѣдко состоятъ изъ одного двора, слѣдовательно изъ одной семьи. Наприм., въ Городенскомъ погостѣ Важской пятины изъ 140 пашенныхъ деревень, исключая нѣсколько деревень рыболовныхъ, не имѣющихъ пашни, 66% съ однимъ дворомъ, 26% съ двумя дворами, всего съ однимъ и двумя дворами 92%; среднимъ числомъ приходится на деревню этого погоста 1,5 двора *).

*) Взяли мы этотъ погостъ потому, что его бралъ Лешковъ („Русскій народъ и государство“, стр. 231 и др.). Это мѣсто у Лешкова можетъ служить образчикомъ того, какъ добросовѣстный и знающій ученый можетъ, изъ-за слѣпаго увлеченія предвзятой идеей, извращать даже цифровые, математическіе, т.-е., повидимому, уже совершенно обезпеченные отъ извращенія факты. Онъ говоритъ, что „въ деревняхъ этого погоста дворовъ насчитывалось отъ 1 до 17“. Всякій, кто прочтетъ это мѣсто и другія мѣста, касающіяся того же предмета, необходимо придетъ къ заключенію, что старинная сѣверная деревня представляла собою населенное мѣсто, среднимъ числомъ дворами съ десятью

Что это не была семья и дворъ въ позднѣйшемъ смыслѣ, а семья и дворъ, соотвѣтствующіе сербской задругѣ, насчетъ этого акты сохранили самыя точныя указанія. Обратимся за доказательствами къ печатнымъ источникамъ, которые передъ глазами у всѣхъ. „Се язъ Назарья Оѳанасьевъ сына, да язъ Есипъ, да язъ Григорій, да язъ Валфромей Филипповы дѣти, да язъ Елизаръ Ѳедоровъ сынъ, да язъ Василій, да язъ Павелъ, да язъ Иванъ Онкудиновы дѣти, да язъ Омосъ да язъ Онтонъ да язъ Иванъ Стефановы дѣти, да язъ Ларіонъ Стефановъ сынъ раздѣлили есмя животы отцовъ своихъ, кони и коровы и овцы, хлѣбъ и денги... и земля въ карзинѣ курьи. Вси земли есмя раздѣлили по третямъ, дворы и дворища: дворъ Назарьи да Есипу съ братьею съ нижняго конца, Елизарью дворъ да Онкудиновымъ дѣтямъ середній, а Омосу дворъ съ братьею да съ Ларіономъ верхній" и т. д. *). Передъ нами чистый типъ настоящей задруги. Двѣнадцать человѣкъ родственниковъ,—вѣроятно, дядей съ племянниками и двоюродныхъ братьевъ, конечно, однихъ только взрослыхъ полноправныхъ работниковъ, такъ какъ не упоминаются ни ихъ отцы, ни дѣти, которыхъ не могло не быть хоть у нѣкоторыхъ изъ нихъ,—сообща ведутъ обширное хозяйство, а какъ оно было обширно и разнобразно, видно изъ дальнѣйшихъ словъ акта, которыя не приводимъ. До раздѣла они составляли одну хозяйственную единицу—одинъ дворъ, хотя жили, какъ видимъ изъ акта, въ трехъ домахъ, которые только послѣ раздѣла явились въ роли настоящихъ дворовъ: сербская задруга при большомъ количествѣ членовъ также размѣщается въ разныхъ домахъ. Здѣсь кстати будетъ вспомнить то обстоятельство, записанное въ лѣтописяхъ, что въ Новгородѣ возникло волненіе изъ-за намѣренія татаръ переписывать жителей по домамъ, а не по дворамъ. По всей вѣ-

или около того. А между тѣмъ такое представленіе будетъ грубымъ заблужденіемъ. Въ Городенскомъ погостѣ есть дѣйствительно нѣсколько поселеній съ относительно большимъ количествомъ дворовъ—максимумъ 16 двор., но это не пашенныя деревни, а рыболовныя поселенія. Въ другомъ мѣстѣ Лешковъ говоритъ, что русскій народъ искони и всегда селился не отдѣльными дворами, а деревнями и селами. Между тѣмъ онъ самъ производилъ вычисленіе надъ Городенскимъ погостомъ, гдѣ 66°/₀ пашенныхъ деревень состоитъ изъ одного двора. Факты удивительнаго ослѣпленія.

*) „Юридическ. Акты", № 23.

роятности, слово печище, употребляемое въ двинскихъ актахъ, обозначаетъ именно такого рода родственное сожительство. Это слово сохранилось до сихъ поръ, но утратило свой первоначальный смыслъ, такъ какъ исчезъ и самый обычай жить задругами: теперь „печище" въ Архангельской губерніи чаще всего обозначаетъ деревню въ нашемъ смыслѣ слова, т.-е. въ смыслѣ совокупности угодій, тянущихъ къ населенному мѣсту, иногда нѣсколькихъ деревень, имѣющихъ общее землевладѣніе. Печищное землевладѣніе, которое обнаруживается актами новгородскаго періода, видно еще по памятникамъ XVI вѣка, начало на сѣверѣ довольно рано разлагаться: по актамъ XVII и XVIII вѣковъ видно уже преобладаніе малыхъ семей современнаго типа.

Пока деревня равна двору, что бы ни представлялъ собою этотъ дворъ, все-таки не можетъ быть рѣчи ни о какой сложной поземельной деревенской организаціи. Такая возможность наступаетъ только съ момента раздробленія первоначальнаго двора, т.-е. большой семьи, печища. Мы не считаемъ дробленіе двора единственнымъ процессомъ, которымъ шло диффе有ренцированіе того первоначальнаго безраздѣльнаго цѣлаго, какое представляла собою деревня. Но тѣмъ не менѣе это былъ основной процессъ, по типу котораго совершались всѣ другіе процессы, и потому необходимо познакомиться съ нимъ.

Передъ нами „дѣльное письмо" (раздѣльный актъ) 1640 г. Шесть братьевъ дѣлятся «промежъ собою полюбовно хлѣбомъ и солью и слободою и долгомъ и деньгами и платьемъ и кузнью серебрянымъ и мѣднымъ и деревяннымъ судовымъ и всякимъ житейскимъ запасомъ и скотомъ конями и коровами и мелкимъ всякимъ скотомъ всѣмъ безъ вывѣта, и деревнею тяглыми и оброчными землями и дворами и всѣми хоромы и подворными землями и всѣмъ безъ остатка». Сначала дѣлятся дворы и дворища, «хоромы», т.-е. избы, хлѣвы, клѣти, амбары, бани и т. д. Затѣмъ переходятъ къ землѣ. «Въ *дворовомъ полѣ* Шумилу досталася полоса съ верхняго края, отъ Шумила досталась Третьяку полоса, отъ Третьяка досталась Завьялу полоса, отъ Завьяла досталась Шестому полоса, отъ Шестаго досталась Луки полоса. Въ *пожженномъ полѣ* да и въ *закраинки* что за тѣмъ полемъ Шумилу досталась по-

лоса съ верхняго края, отъ Щумила досталась Третьяку полоса, отъ Третьяка досталась Максиму полоса, отъ Максима досталась Завьялу полоса, отъ Завьяла досталась Шестому полоса, отъ Шестаго досталась Луки полоса.... Въ *малолюженномъ полѣ* Шумилу досталась полоса съ верхняго края, отъ Шумила досталась Третьяку полоса и т. д. Въ *прилукомъ полѣ* да и съ *закраинкою* отъ проѣзжей дороги и въ лѣсу Шумилу досталась полоса съ верхняго края» и т. д. и т. д.

Итакъ, при раздробленіи печища, каждый участникъ дѣлежа имѣлъ право на участіе въ каждомъ изъ сортовъ угодій, къ нему принадлежавшихъ, на свой «повытокъ» въ каждомъ полѣ каждой смѣны. Исключеніе представлялъ тотъ случай, когда можно было кому-нибудь изъ участниковъ дѣлежа дать на его пай другую деревню или участокъ въ ней, пріобрѣтаемые чаще всего куплей *). Иногда участники дѣлежа уступали другъ другу свои повытки или даже мѣнялись ими, соединяя такимъ образомъ куски разныхъ полей въ одно. Но такіе отдѣльные случаи были рѣдки и не мѣняли общаго характера этихъ дѣлежей, стремящихся всегда и прежде всего къ полнѣйшему уравненію долей всѣхъ соучастниковъ.

Разложеніе печища есть первый моментъ возникновенія той деревенской поземельной организаціи, которую представляютъ намъ верввныя. И право на участіе въ каждомъ изъ полей и прочихъ деревенскихъ угодій, и равенство долей— все объясняется такимъ образомъ. Изъ обычаевъ наслѣдованія объясняются и тѣ кратныя отношенія долей, которыя мы встрѣчаемъ (родственники разныхъ линій). Мы не хотимъ сказать, что каждая деревня была соединеніемъ такихъ родственниковъ; но это была основная схема, въ которую укладывались всякія отношенія.

Несмотря на то, что при дѣлежѣ земли, какъ видно и изъ словъ вышеприведенной дѣльной, участокъ каждаго опредѣлялся реально: полоса тамъ-то, полщо такое-то,—доля каждаго не теряла своего первоначальнаго идеальнаго характера, характера права на такую-то часть цѣлаго. Дѣлежъ не разбивалъ цѣлаго безповоротно. Каждый соучастникъ дѣлежа могъ найти, что реальный участокъ, доставшійся ему, не

*) Дѣльная 1633 г.

соотвѣтствуетъ его праву, его идеальной долѣ, и могъ требовать передѣла, уравниванія. Это ясно видно изъ особыхъ условій, которыя чаще стали встрѣчаться въ дѣльныхъ второй половины XVII вѣка. Соучастники дѣлежа договаривались впередъ «лишними землями другъ друга не уравнивать, не передѣливаться и не перeровниваться, новаго дѣлу другъ на другѣ не спрашивать» ни имъ самимъ, ни дѣтямъ ихъ *). Или, напримѣръ, братья при дѣлежѣ договариваются, что они должны вознаградить другъ друга, если ихъ дядя «станетъ землею ровняться и гдѣ которого поля уровняетъ и возьметъ себѣ» **). Или, наконецъ, такое условіе: «А буде который изъ насъ здумаетъ землю ровнять и намъ другъ другу земля подъ ровность дать опрочь тѣхъ, которыми не ровнятся описано» (выше написано, что „Борисовскаго огородца да гуменнаго поля не передѣливать никогда, ни ровняться ими“ ***). Обычай передѣла былъ такъ распространенъ, что надо было особо выговаривать отъ непривлеченія къ передѣлу даже вновь расчищаемыя послѣ дѣлежа земли. Если въ родственную схему вложить посторонніе элементы, которые постоянно въ нее входили, какъ мы сейчасъ увидимъ, то получается въ этомъ обычаѣ прототипъ нашего общиннаго передѣла.

Печище почти никогда не дѣлилось, что называется, дотла: всегда оставалась какая-нибудь собственность не дѣленная, иногда изъ движимаго имущества, напримѣръ ладьи, пивные котлы, промысловыя орудія. Но чаще оставалась въ общемъ владѣніи разная недвижимость—гумна, овины, особенно рыбныя тони и земельныя угодья, чаще всего пожни. Такимъ образомъ клалось основаніе одному изъ самыхъ распространенныхъ видовъ складства,—складства, о которомъ мы и поведемъ рѣчь, какъ объ явленіи въ высшей степени важномъ для пониманія деревни.

Въ предыдущей части этого очерка нами не разъ было говорено, что родовая схема деревни была пропитана посторонними элементами. Входили они въ нее разнообразными путями, замѣщая союзъ кровнаго родства союзомъ договор-

*) Дѣльная 1689 г.
**) Дѣльная 1664 г.
***) Дѣльная 1663 г.

1689
1664
1663

наго характера, союзомъ складства, складничества. У насъ есть одинъ любопытный документъ начала XVII вѣка (1602 г.), изъ котораго видно, что складство проникало даже въ семейный союзъ, порождая такимъ образомъ интересный образчикъ договорной, искусственной семьи. Одинъ крестьянинъ продаетъ другому половину своей „деревни“ (въ крестьянскихъ актахъ слово деревня употребляется и для обозначенія части, т.-е. участка каждаго деревенскаго совладѣльца, отсюда и выраженія въ родѣ: „моя деревня въ деревнѣ такой-то“). При продажѣ они заключаютъ договоръ складства на десять лѣтъ, чтобы въ теченіе этихъ десяти лѣтъ имъ составлять одну семью, „пить и ѣсть вмѣстѣ и платье и обувь держать въ тѣ срочные лѣта изъ вопчего живота, и та намъ своя деревня въ тѣ же срочные лѣта пахать, сѣять и орать вмѣстѣ же за-едино и въ промыслы ходить и посылать изъ вопчаго живота“. Договориваются подробно насчетъ уплаты долговъ, которые сдѣлалъ каждый до склада, перечисляютъ „животы“, скотъ и хлѣбъ, которые вноситъ каждый въ общее имущество. „А впредь буде по срочныхъ лѣтехъ не похотимъ жить вмѣстѣ и намъ та своя вопчая деревня и что у насъ будетъ скота до срочнаго лѣта раздѣлить по половинамъ на двое и весь свой животъ и всякой житейской запасъ и домъ и слободу раздѣлить межь собою пополамъ же“. Черезъ 16 лѣтъ складники эти дѣлились точно такъ же, какъ дѣлились всегда родные братья: пополамъ дворища и хоромы, попаламъ всѣ участки каждаго поля и каждаго угодья, пополамъ всѣ животы и весь житейскій запасъ. Понадобилось также и условіе не требовать больше другъ у друга передѣла земли. Однимъ словомъ, эта дѣльная ни формой своей, ни содержаніемъ—ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ дѣльныхъ между кровными родными. Обычай такихъ складныхъ, искусственныхъ семей существуетъ и теперь на сѣверѣ, хотя, конечно, по самому характеру своему онъ не можетъ быть очень распространеннымъ, какъ не былъ, вѣроятно, распространенъ и встарину.

За то складство иного типа,—складство, вводящее посторонніе элементы не въ семью, а въ кровную, родовую клѣточку деревни,—было развито въ высшей степени.

Однимъ изъ очень распространенныхъ путей, какимъ по-

сторонніе элементы входили въ родовую клѣточку деревни, были брачные союзы: семья, въ которой не было сыновей, чтобы наслѣдовать ея деревенскій жеребій, а оставалась дочь, обыкновенно принимала во дворъ зятя-пріемыша, который и вступалъ въ полныя права деревенскаго совладѣльца. Но этотъ случай не представляетъ интереса, такъ какъ зять-пріемышъ является со всѣми аттрибутами кровнаго родственника. Интереснѣе другіе случаи.

Во введеніи къ настоящей работѣ мы уже говорили, что двинское крестьянство сложилось въ значительной степени изъ своеземцевъ. Черные люди Двинской земли называли свою землю „вотчиной великаго князя", но это не мѣшало имъ распоряжаться ею, какъ полной своею собственностью,—разумѣется, только воздѣланною землей: ограниченіе этого права могло исходить лишь отъ кровнаго или некровнаго деревенскаго союза. Отсюда—купчія, закладныя, данныя на землю, которыя встрѣчаются въ безчисленномъ множествѣ между старинными актами и свидѣтельствуютъ о томъ, что разнообразное отчужденіе земли было очень распространено на сѣверѣ, а слѣдовательно было распространено и вступленіе чужихъ людей въ деревенскую единицу.

Каждый получившій „по дѣлу" свой участокъ имущества могъ свободно его продать, заложить, дать въ приданное, отдать въ церковь или монастырь (подразумѣвается согласіе совладѣльцевъ, которые имѣли право перекупа и выкупа). Могъ онъ такимъ образомъ распорядиться или со всѣмъ своимъ участкомъ, или съ какою-нибудь его долей, или, наконецъ, даже съ лоскутомъ, оторваннымъ отъ деревенскаго участка, который онъ могъ, при согласіи совладѣльцевъ, „припустить" къ другой деревнѣ. Впрочемъ, этотъ послѣдній способъ распоряженія землей начинаетъ распространяться лишь въ XVIII столѣтіи, когда, при размноженіи населенія, деревни стали сближаться: это же и было основною причиной той страшной путаницы поземельныхъ отношеній, которая наступила въ XVIII столѣтіи и образовала настоящій гордіевъ узелъ, разрубленный правительствомъ съ большою рѣшительностью. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Для характеристики поземельнаго деревенскаго устройства важны пока лишь первые, долевые, виды отчужденія.

Каждый могъ продать любую долю своего деревенскаго участка. Вотъ, напримѣръ, женщина—наслѣдница своего отца—продаетъ *) „двѣ доли двора своего и дворища со всѣми хоромы и двѣ доли деревни своей орамыхъ земель и пожень и по тое своей деревни двѣ доли угодій, чѣмъ я сама владѣла, а треть того двора и дворища и треть тое деревни орамыхъ земель и пожень и по тое деревни треть угодій не продала...“ Такимъ образомъ являлось складническое владѣніе не только однимъ деревенскимъ участкомъ, но и дворомъ съ хоромами. Но гораздо чаще отчуждался цѣлый участокъ съ дворомъ и со всѣмъ, что къ нему потягло. Все способствовало тому, чтобы сдѣлать такого рода сдѣлки, переводящія земли изъ рукъ въ руки, самымъ обыденнымъ явленіемъ: и страшныя государственныя тяготы, лежавшія на землѣ, и промышленныя наклонности населенія, также, конечно, то, что было много крестьянъ, сидящихъ на чужой землѣ—монастырской и церковной—и естественно стремящихся пріобрѣсть собственный участокъ.

Владѣя реально своею долей, каждый членъ разложившагося печища не переставалъ быть идеальнымъ представителемъ извѣстной доли когда-то общаго цѣлаго. Отчуждая, онъ отчуждалъ не только свою землю,—землю, находящуюся въ его владѣніи,—но и свое право на эту идеальную долю. Онъ могъ продать или заложить свой деревенскій участокъ даже до дѣлежа: наприм., продается „деревенскій участокъ треть, что достанется по дѣлу“, или „деревенскій жеребій, что достанется по дѣлу“ **). Но и при продажѣ выдѣленнаго деревенскаго участка все-таки продается не такая-то опредѣленная земля, находящаяся въ такихъ-то межахъ, какъ это опредѣлялось для отдѣльныхъ лоскутовъ и позже вошло въ общій обычай, а лишь идеальная доля или доли. Напримѣръ, двое братьевъ продаютъ „деревеньку свою въ Моржегорской волости въ Алексѣевской деревни въ половинѣ шестую доль да тое же деревни въ другой половинѣ Максимовской восьмую доль и съ дворомъ и съ подворной землей“ и т. д. ***). Выбрали мы этотъ примѣръ, чтобы на-

*) Купчая 1655 г.

**) Двѣ купчія 1699 г.

***) Купчая 1615 г.

глядно показать читателю, какія сложныя отношенія возникали въ деревенской единицѣ путемъ этихъ долевыхъ дѣлежей и отчужденій.

Такимъ образомъ изъ кровнаго деревенскаго союза, возникшаго на развалинахъ печища, очень энергично, сколько можно судить по количеству сохранившихся актовъ, отчужденія земель, извлекались его кровные элементы и замѣщались посторонними. Къ тому же и родные мало-по-малу теряли сознаніе своей кровной связи. Союзъ родственниковъ замѣщался союзомъ складниковъ, сосѣдей, сябровъ, сохраняя подъ собой всецѣло старую кровную схему.

Изъ всего изложеннаго выше, кажется, ясно, въ чемъ заключалась суть поземельной организаціи старой сѣверной деревни. Это не было общинное владѣніе, такъ какъ величина участка каждаго деревенскаго совладѣльца опредѣляется наслѣдованіемъ, покупкой и т. п. основаніями, не имѣющими ничего общаго съ тѣми основаніями, которыми теперь опредѣляется право общинника на его долю. Но это не было и подворно-участковое владѣніе, такъ какъ каждый деревенскій совладѣлецъ являлся представителемъ идеальной доли цѣлаго, деревни, всего, „что къ той деревни изстарь потягло". Каждый сосѣдъ, складчикъ, сяберъ въ смыслѣ поземельнаго владѣнія есть только дробь деревенской единицы и ужь, конечно, еще гораздо дальше отстоитъ отъ современнаго крестьянина-собственника, чѣмъ отъ крестьянина-общинника. Сознаемся, что съ нашей стороны нѣкоторая смѣлость составлять гипотезы въ такомъ важномъ и темномъ вопросѣ, но мы все-таки выскажемъ наши предположенія въ надеждѣ, что, можетъ-быть, намъ удастся вызвать со стороны какого-нибудь компетентнаго лица основательное уясненіе этого предмета. Намъ сдается, можно отыскать подкрѣпленія нашему предположенію въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ, что описанная нами долевая деревенская поземельная организація была общимъ типомъ старой русской поземельной организаціи (по крайней мѣрѣ для Новгородскаго района), выросшимъ на развалинахъ той послѣдней стадіи родоваго быта, которая называется у юго-западныхъ славянъ задругой, а на сѣверѣ—печищемъ. Долевая деревенская организація можетъ быть сочтена за материнскую форму, которая

заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ существенныя черты обѣихъ развившихся изъ нея формъ поземельнаго владѣнія, какъ общинной, такъ и подворно-участковой. Отъ посторонних влiянiй зависѣло, которыя стороны будутъ подхвачены жизненнымъ процессомъ, получатъ питанiе и ростъ, которыя замрутъ. Существеннѣйшимъ изъ такихъ влiянiй было то, въ какомъ отношенiи останется крестьянинъ къ своей землѣ. Если онъ сохранитъ на нее право собственности (не устаемъ повторять, что подъ землей вездѣ подразумѣвается воздѣланная земля, земля со вложеннымъ въ нее трудомъ) болѣе или менѣе отдаленное, то неизбѣжное послѣдствiе—разрушенiе деревенской организацiи и возникновенiе участковаго владѣнiя, начало котораго мы и видимъ на сѣверѣ въ XVIII вѣкѣ. Если право собственности на землю будетъ отдѣлено отъ земледѣльческаго класса и перейдетъ къ государству или къ другому классу, какъ было въ центрѣ,—тѣ стороны, подъ давленiемъ которыхъ развивалось индивидуальное владѣнiе, замрутъ, и получатъ возможность роста и развитiя лишь тѣ, которыя будутъ поддерживать коллективность формы. Но перейдемъ изъ области предположенiй снова на твердую почву фактовъ.

По типу деревенской организацiи было организовано отчасти и пользованiе рыбными тонями, а въ особенности соляными варницами, о которыхъ сохранилось особенно много свѣдѣнiй. Не распространяемся объ этомъ, такъ какъ мы, въ нашей статьѣ объ артеляхъ Архангельской губернiи, излагали довольно подробно организацiю владѣнiя въ соляныхъ варницахъ *), а потомъ и г. Соколовскiй повторилъ сообщенные нами факты въ своей извѣстной книгѣ объ исторiи сѣверной общины. Варница можетъ быть совершенно приравнена къ деревнѣ,—къ ней, какъ и къ деревнѣ, тянутъ варничныя угодья. Складники, сябры, варницы точно воспроизводятъ собою въ своихъ взаимныхъ отношенiяхъ складниковъ, сябровъ деревни. Что по этому же типу было организовано и владѣнiе рыбными тонями, на это есть тоже самыя точныя свидѣтельства **). Указываемъ на эти факты

*) „Сборникъ матерiаловъ объ артеляхъ", вып. II, стр. 136—146.

**) „Юридическiе Акты", № 71. Выпись съ писцовыхъ книгъ Ондрея Плещѣева 90 (1482) году въ Архивѣ истор.-юрид. свѣдѣнiй Калачова. 1861 г., кн. 3.

для интересующихся, такъ какъ они могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ предмету настоящей статьи, къ поземельной организаціи деревни.

Замѣщая собою кровныхъ родственниковъ и являясь въ силу этого обстоятельства представителями какой-нибудь идеальной доли общаго деревенскаго цѣлаго, складники естественно могли также требовать передѣла и уравниванья въ своихъ доляхъ, какого имѣли право требовать и кровные родственники. „Уравниваться по купчимъ крѣпостямъ"—выраженіе, встрѣчающееся въ старинныхъ деревенскихъ актахъ, и хотя оно достаточно нелѣпо съ современной точки зрѣнія, но въ высшей степени характерно для старинныхъ сѣверныхъ поземельныхъ распорядковъ. Отказъ въ уравненіи, по жалобѣ обиженнаго, могъ влечь за собой даже вмѣшательство высшей правительственной власти, которая возстановляла нарушенное право. У насъ есть два любопытныхъ свитка, заключающихъ въ себѣ дѣло о столкновеніи такихъ деревенскихъ совладѣльцевъ,—дѣло довольно поздняго времени, конца XVII вѣка, когда въ деревенской поземельной организаціи начали замѣчаться признаки разложенія. Двое крестьянъ кировстровцевъ бьютъ челомъ великимъ государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ на двухъ же другихъ своихъ совладѣльцевъ деревни Настасьиной „въ ровности орамыхъ земель и сѣнныхъ покосовъ" въ такихъ-то поляхъ и угодьяхъ. Отвѣтчики заявляютъ, что они „по старымъ крѣпостямъ ровняться готовы". Вслѣдствіе этого, изъ съѣзжей избы посылается память мѣстному земскому судейкѣ и сотскому, чтобъ они „взяли съ собою верешника человѣка добра да сторожиловъ и волостныхъ крестьянъ сколько пригоже человѣкъ и съ тѣми людьми у такихъ-то въ Настасьинской деревни по всякимъ письмянымъ крѣпостямъ орамые земли и сѣнные покосы и всякіе угодья сравняли въ правду по евангельской заповѣди Господни...» Черезъ четыре года снова идетъ уравненіе. Одинъ изъ отвѣтчиковъ уравнивается съ новыми двумя совладѣльцами „по письмянымъ своимъ крѣпостямъ, по купчимъ и по дѣльнымъ, въ орамыхъ земляхъ и сѣнныхъ покосахъ, пожняхъ, причистныхъ земляхъ и рѣпищахъ". Подробно излагается, кому сколько пришлось „донять" земли въ каждомъ полѣ и въ каждомъ угодьѣ,—на-

примѣръ, такъ: „и по тое ровности довелося имъ Кондратью да Василью донять у меня, Алексѣя, въ большомъ поли въ ольховицы пять пядей полъ-третья вершка да въ ичняжной кошки и въ медвѣдкахъ пять же пядей полтора вершка и за ту доверсточную землю они, Кондратей да Василей, у меня, Алексѣя, взяли по дочету въ причистныхъ земляхъ въ рѣпищахъ въ сѣнномъ кутѣ... А что довелося мнѣ, Алексѣю, по тое жъ ровности донять у нихъ, Кондратья да у Василья, въ орамыхъ же земляхъ въ большомъ поли на вонговицы изъ половины изъ ихъ доли сажень шесть аршинъ и ту землю на вонговицы я, Алексѣй, у нихъ, Кондратья съ братомъ, взялъ съ верхняго конца къ своей земли смежно...“ Всюду исчисляются не только сажени, но пяди и вершки, которые должны отойти отъ одной стороны къ другой. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ совершалось это уравниваніе между деревенскими совладѣльцами или складниками. Кромѣ описаннаго выше урѣзыванія или прирѣзыванія кусочковъ не было другаго способа уравниванія, хотя въ актахъ рядомъ встрѣчаются выраженія „передѣлъ“ и „уравниваніе“.

Но кромѣ складниковъ-дольщиковъ въ деревнѣ, былъ и еще видъ деревенскаго складства, очень распространенный и тоже имѣющій свой корень въ кровной основѣ деревенскаго союза. Мы уже говорили выше, что при раздѣленіи кровнаго союза родственники почти никогда, сколько можно судить по сохранившимся актамъ, не дѣлились имуществомъ, особенно же нѣкоторыми видами угодій, совсѣмъ, а оставляли постоянно извѣстную часть ихъ въ нераздѣльномъ пользованіи. Угодьями, по преимуществу недѣлившимися, были рыбныя тони, а изъ земель—пожни. Кровные элементы деревни извлекались и замѣщались посторонними, родные теряли со временемъ сознаніе соединявшей ихъ родственной связи, а угодья все продолжали оставаться, какъ и въ началѣ, въ общемъ пользованіи всѣхъ или нѣкоторыхъ деревенскихъ совладѣльцевъ. Все это были, вѣроятно, угодья, неудобныя для раздѣла, которыя нельзя было раздѣлить безъ нарушенія или справедливости, или общей выгоды *). Нѣ-

---

*) Впрочемъ, мы имѣемъ и случаи дѣлежей этихъ угодій: напримѣръ очень интересная дѣльная семи кяростровцевъ 1623 г., которые дѣлятъ по третямъ

которыя изъ такихъ нераздѣльныхъ угодій дожили даже до нашихъ дней, переживъ всѣ перепитіи, которыми не бѣдна была исторія сѣвернаго землевладѣнія. Нераздѣльное пользованіе угодьями называется на языкѣ сѣверныхъ актовъ складствомъ, соучастники его складниками, по преимуществу, такъ что если встрѣчается слово складникъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, всегда нужно понимать его въ смыслѣ именно такого нераздѣльнаго пользованія.

Во владѣніи большаго и богатаго печища была, случалось, и не одна деревня,—были деревни прикупныя, которыми надѣлялись, при раздѣлѣ, отдѣльные члены, какъ уже было сказано выше. Но при этомъ все-таки могли оставаться и оставались нѣкоторыя угодья недѣленными. Отсюда земли, по преимуществу пожни; находящіяся въ складствѣ между складниками различныхъ деревень—случаи складства тоже встрѣчающіеся, хотя значительно рѣже, чѣмъ складство въ нераздѣльномъ пользованіи угодьями одной и той же деревни.

Этихъ нераздѣльныхъ угодій, главнымъ образомъ пожень, „вопчихъ земель“, „вопчихъ“, „обшинъ“ было такое множество, сколько можно судить по актамъ и веревнымъ, что почти не было деревень, не имѣющихъ такихъ вопчихъ. Или вся деревня, или хоть часть ея совладѣльцевъ непремѣнно имѣла въ общемъ пользованіи какія-нибудь поженки, переложки, закраины. „Въ деревнѣ такой-то у такого-то со складниками сѣнныхъ покосовъ столько-то“ или „у такихъ-то общей земли, общихъ пожень столько-то“ — постоянно встрѣчается въ веревныхъ. Владѣніе въ этихъ угодьяхъ было такое же долевое, какъ и въ остальной деревнѣ, съ тою разницей, что долями здѣсь опредѣлялось не право на такой-то участокъ земли, а лишь право на такое-то количество продукта. Кое-какія подробности о нераздѣльномъ владѣніи пожнями находятся въ нашей статьѣ объ артеляхъ Архангельской губерніи *).

Складники этого типа также имѣли право перекупа и выкупа, какъ видно изъ одной купчей прошлаго столѣтія **).

находившійся до тѣхъ поръ въ нераздѣльномъ пользованіи островомъ Медвѣдкомъ.

*) „Сборникъ матер. объ артеляхъ“, т. II, стр. 151—154.

**) Купчая 1764 г.

Крестьянинъ продаетъ другому свою долю пожни, находящейся въ общемъ владѣніи со складниками. При этомъ сообщается, что продажа совершена „со объявленіемъ складникамъ“ и что „у тѣхъ складниковъ денегъ дать за скудостью не было“. Продается пожня „въ дернь, безъ вывѣта“ и „впередъ до той пожни намъ (продавцамъ) дѣла нѣтъ, ни дѣтямъ нашимъ, ни сродникамъ, ни складникамъ нашимъ“,— слѣдовательно, складники имѣли, вмѣстѣ съ правомъ перекупа, и право требовать проданную землю на выкупъ, также какъ и кровные родственники.

Прибавимъ еще нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

Мы установили фактъ существованія на сѣверѣ особой поземельной деревенской организаціи, которую называемъ, за неимѣніемъ соотвѣтствующаго научнаго термина, долевой организаціей, долевымъ владѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы отрицаемъ — или по крайней мѣрѣ подвергаемъ сильному сомнѣнію—существованіе на сѣверѣ какой-нибудь иной поземельной организаціи большаго размѣра и иного типа. За отрицаніе говоритъ и отсутствіе какихъ-либо точныхъ фактическихъ указаній и апріорныя соображенія. Финскій сѣверъ колонизовался относительно поздно, когда родово-племенной бытъ у русскихъ славянъ долженъ былъ уже подвергнуться разложенію, и все, что мы знаемъ объ этой колонизаціи, подтверждаетъ высказанное предположеніе; затѣмъ: еслибы движеніе шло даже и родами, то условія мѣстности—лѣсной и болотистой, гдѣ удобныя земли лежатъ клочками—не позволили бы селиться болѣе или менѣе сплоченными группами, по неволѣ разрывали бы родовую связь. Констатируемъ фактъ лишь для крайняго сѣвера, не принимая на себя рѣшеніе того, насколько этотъ сѣверъ можетъ быть подвинутъ на югъ. Но что онъ не можетъ быть заключенъ въ предѣлахъ Двинской земли, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ писцовыя и переписныя книги.

Сначала „село“, потомъ „деревня“—вотъ два названія, встрѣчающіяся въ сѣверныхъ актахъ для поземельныхъ клѣточекъ, разбросанныхъ по дикой землѣ. Оба эти названія изслѣдователи понимаютъ обыкновенно въ современномъ смыслѣ слова, въ смыслѣ населеннаго мѣста. Нашъ извѣстный филологъ проф. Потебня *) чуть ли не первый обратилъ внима-

*) *А. А. Потебня*: „Этимологическія замѣтки“.

ніе на то, что смыслъ древнихъ актовъ не позволяетъ вкладывать въ эти слова такое содержаніе; онъ рѣшительно склоняется къ тому мнѣнію, что „село" или „деревня" актовъ должны быть понимаемы въ смыслѣ участка воздѣланной земли. Намъ думается, что истина находится въ примиреніи этихъ двухъ мнѣній: село или деревня вначалѣ непремѣнно обхватываетъ совокупность земли и двора или дворовъ и это сложное понятіе лишь позже диффоренцируется на два отдѣльныя понятія — населеннаго мѣста и земли.

„Село" новгородскихъ актовъ обыкновенно является лишь съ однимъ дворомъ. Это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми указанными выше свидѣтельствами актовъ, позволяетъ заключать, что въ новгородскій періодъ исторіи нашего сѣвера преобладалъ задружный характеръ семейнаго устройства и въ связи съ нимъ поземельнаго владѣнія. По свидѣтельству Богишича *), кое-гдѣ въ Сербіи до сихъ поръ „село" обозначаетъ и поселеніе, и отдѣльную кучу или задругу: „приселите се" значитъ сдѣлаться участникомъ правъ задруги, „селище"—земля задруги. Такимъ образомъ „село" служитъ синонимомъ „печища" (по-малорусски печище — мѣсто, гдѣ была печь) или „огнища" **): „печище" обозначаетъ кровный союзъ, группирующійся около одного огня, очага, и представляющій въ то же самое время обособленное населенное мѣсто и землю, находящуюся въ распоряженіи союза. Это слово, отъ котораго вѣетъ на насъ мракомъ до-историческихъ временъ, разбилось своимъ первоначальнымъ сложнымъ содержаніемъ на нѣсколько значеній: напримѣръ, огнище въ Сербіи — та коренная куча, отъ которой отдѣлились другія и которая достается при дѣлежѣ меньшому

*) Bogisic: „Zbornik sadasnjih pravnih obicaja u juznih Slovena". 1874 г., стр. 12.

**) „Огонь въ сферѣ права служитъ символомъ оккупаціи, заимки, пріобрѣтенія собственности, символомъ традиціи, семейства. Людямъ въ первобытномъ состояніи огонь служилъ средствомъ очистки земель отъ лѣсовъ и способомъ пріобрѣтенія собственности. Такъ вожди народныхъ общинъ, выселившіеся въ 870 г. въ Исландію, уходя отъ тираніи и преслѣдованій Гарольда, сошли на берегъ съ огнемъ. Глава вождей несъ горящую головню и вся земля, которую онъ могъ занять въ теченіе дня съ помощью огня, объявлена была его собственностью". *Карасевичъ*: „Гражданское обычное право Франціи въ историческомъ его развитіи", стр. 79.

брату; огнище въ Вологодской губерніи—выжженая изъ-подъ лѣса земля; печище въ Архангельской губерніи—или отдѣльная деревня (Пинежскій уѣздъ), или нѣсколько слившихся вмѣстѣ деревень (Архангельскій уѣздъ), въ томъ и другомъ случаѣ населенное мѣсто съ обособленнымъ землевладѣніемъ.

„Деревня", по изслѣдованію г. Потебни, означаетъ выдранную, расчищенную изъ-подъ лѣса землю. Въ Московской землѣ „деревня" замѣнила собою „село", причемъ „село", утративъ свое первоначальное значеніе, стало употребляться въ смыслѣ сѣверной „волости", т. е. совокупности деревень, связанныхъ тягломъ и принадлежностью къ одному погосту. Этимъ объясняется, почему въ языкѣ сѣверныхъ актовъ, съ водвореніемъ московскаго владычества, „село" внезапно исчезаетъ и замѣняется словомъ деревня: оффиціальный языкъ, какимъ былъ, конечно, языкъ актовъ, не могъ допустить употребленія одного и того же слова въ двухъ совершенно различныхъ значеніяхъ, и новгородскій терминъ долженъ былъ уступить мѣсто московскому. Но такъ какъ село еще не утратило окончательно своего задружнаго характера, то и деревня вначалѣ обозначала то же самое печище, задругу. Съ разложеніемъ задруги, съ развитіемъ изъ нея долеваго владѣнія, слово деревня и стало обозначать такую долевую поземельную организацію,—съ такимъ, по преимуществу, значеніемъ мы встрѣчаемъ это слово въ сѣверныхъ актахъ московскаго періода. Но въ то же самое время оно обозначаетъ, по веревнымъ книгамъ, и участокъ каждаго деревенскаго совладѣльца, позднѣе одну пахатную землю и даже поле. Такимъ образомъ мы видимъ, что содержаніе слова деревня разбилось между понятіями населеннаго мѣста и земли; но г. Потебня указываетъ въ малорусскомъ нарѣчіи еще одно малоизвѣстное его значеніе—„домъ": „у міщанина новая деревня... великая семья" (изъ пѣсни). Очевидно, что въ словѣ деревня, какъ и въ словѣ село и печище, языкъ сближаетъ всѣ тѣ же, повидимому такъ разнородныя, понятія, какъ жилье человѣческое,—слѣдовательно, семейный союзъ, населенное мѣсто и земля,—чѣмъ еще разъ подтверждается первоначальная цѣлость, нераздѣльность этихъ понятій.

„Braca podijeljena komsije nazwate", то-есть „раздѣленные братья—названные сосѣди", такъ опредѣляетъ сербская пос-

ловица происхожденіе сосѣдства. „Сосѣди-складники *), порядны приближенные!“—поетъ старинная архангельская свадебная пѣсня, указывая такимъ образомъ на другой источникъ его происхожденія. Сосѣди, шабры, сябры есть или родственники, или складники, въ томъ и другомъ случаѣ деревенскіе совладѣльцы, сначала дольщики въ деревнѣ, при разрушеніи деревенской организаціи, и недольщики, но всегда участники въ общесмѣнномъ владѣніи, а слѣдовательно и обязательномъ сѣвообогротѣ. „А кто съ кѣмъ ростяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы (на истребованіе документовъ) или на шабъры, ино ему дать одинъ срокъ и т. д.; а ему сказать шабра своего на имя за кѣмъ управы лежатъ...“, говоритъ новгородская судная грамота **). Еще яснѣе смыслъ соотвѣтствующаго мѣста псковской судной грамоты ***): „А кто съ кѣмъ ростяжутся о земли или о борти да положатъ грамоты старыя и купленную (купчую) свою грамоту и его грамоты зайдутъ многыхъ бо сябровъ земли и борти и сябры вси станутъ на суду въ одномъ мѣсте отвѣчаючи ктожь за свою землю, или за борть, да и грамоты подъ господою (судомъ) покладутъ, да и межниковъ возмутъ и тои отведутъ у стариковъ по своей купной грамотѣ свою часть: ино ему правда дати по своей части...“ Здѣсь мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ земельнымъ владѣніемъ, тождественнымъ съ описаннымъ нами деревенскимъ долевымъ владѣніемъ: права совладѣльцевъ опираются на старыя и купчія грамоты, но тѣмъ не менѣе они владѣютъ каждый „по своей части“, т.-е. долями. Это и есть сябры, шабры, сосѣди-складники въ ближайшемъ и точномъ смыслѣ этого слова. Вообще значеніе сосѣдства и сосѣдскаго права почти совершенно не выяснено наукой; а между тѣмъ это—предметъ, который не можетъ быть обойденъ будущей исторіей нашей поземельной общины или крестьянства. У западныхъ славянъ сосѣдство сохранило еще до сихъ поръ большое нравственное значеніе: сосѣди обязаны другъ другу взаимною

*) Любопытно, что слово складники, опредѣляющее собою принципъ противоположный кровному, само имѣетъ корни въ родовыхъ отношеніяхъ. Въ Сербіи неподѣленные братья называются skladna braca.

**) „Акты Археогр. Экспедиціи“, т. I, № 92.

***) Ст. 106.

помощью, защитой. Мало того, они имѣютъ даже право перекупа недвижимыхъ имуществъ *), какъ и описанные нами деревенскіе совладѣльцы. Деревенскимъ совладѣльцамъ, т.-е. сосѣдямъ въ точномъ смыслѣ этого слова или „приближеннымъ“, „ближнимъ“ сосѣдямъ, вѣроятно, принадлежало и право наслѣдованія за отсутствіемъ родственниковъ. Въ одномъ донесеніи фискала холмогорскому архіерею, начала прошлаго вѣка, крестьянинъ обвиняется въ томъ, что онъ завладѣлъ имуществомъ умершей женщины, „не будучи ей ни родственный человѣкъ, ни ближній сосѣдъ“.

Въ заключеніе, еще одинъ вопросъ: неужели описанная нами форма деревенскаго долеваго владѣнія представляетъ собою исключеніе, не имѣющее никакихъ аналогій въ исторіи развитія поземельнаго владѣнія у другихъ народовъ? Вѣдь въ исторіи этой такъ поразительно много общаго... Конечно, мы не имѣетъ права сказать, что, положимъ, процессъ развитія поземельныхъ формъ и отношеній у русскихъ славянъ былъ тотъ же, что у нѣмцевъ, по той простой причинѣ, что мы слишкомъ мало знаемъ относительно того, какъ двигался у насъ этотъ процессъ. Но масса тожественныхъ частныхъ фактовъ невольно наводитъ на мысль о близкомъ родствѣ и самыхъ процессовъ. Мы видимъ, напримѣръ, что въ старомъ германскомъ правѣ потушеніе огня на очагѣ или раззореніе очага было символомъ потери членомъ общины его общинныхъ правъ **), ясно, что наше печище (огнище) въ смыслѣ земли, тяготѣющей къ очагу, около котораго группируется семейный союзъ, имѣло свои связи въ исторіи соотвѣтствующихъ германскихъ учрежденій. Нѣмецкая „Dorf“ въ своемъ происхожденіи совершенно тожественна съ нашей деревней: то и другое значила вначалѣ расщищенная изъ-подъ лѣса земля — Rottland, „въ старой маркѣ—вновь расчищенная маленькая полевая марка“ ***). Изъ вышеприведенныхъ веревныхъ таблицъ видно, что одинъ крестьянинъ сидитъ на верви, другой на двухъ и т. д.; у нѣмцевъ встрѣчаются одноверевныя, двухверевныя (einschnürige, zweischnürige) ****).

*) Bogišić, стр. 292 и 644.

**) *Maurer*: „Geschichte der Dorfverfassung“, т. I, стр. 185.

***) *Maurer*: „Einleitung“, стр. 73.

****) Ibid., стр. 178.

крестьянскія земли. Вообще веревка (funiculum, Schnur, Seil, Reif и т. п.) играла такую же роль въ исторіи германской земли, какъ и нашей: она служила для измѣреній земли вообще и специально для уравниванія. Постоянно встрѣчающіяся въ германскихъ старыхъ актахъ названія для земли Loos, sors точно переводятся нашими—участокъ, жеребій и т. д. Конечно, только изслѣдованіе можетъ придать настоящій смыслъ всѣмъ этимъ и подобнымъ сопоставленіямъ, имѣющимъ пока лишь значеніе внѣшнихъ аналогій. Но совокупность этихъ аналогій такъ полно настраиваетъ умъ на предположеніе о тожествѣ процессовъ, проявленіями которыхъ служатъ упомянутые частные факты, что уже съ нѣкоторой увѣренностью, найдя извѣстную форму здѣсь, начинаешь отыскивать ея аналогію и тамъ.

Однако по отношенію къ деревнѣ ожиданія, повидимому, совершенно обманываютъ; но это только повидимому. Нѣмецкая Dorf, описываемая Мауреромъ, очевидно есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ извѣстная намъ сѣверная деревня. Мауреръ не знаетъ никакой долевой поземельной деревенской организаціи. Это несомнѣнно; но намъ кажется также несомнѣннымъ и то, что онъ даетъ ясныя свидѣтельства въ пользу того, что такая организація была,—не имѣя о ней никакого представленія, онъ механически подводитъ факты этого рода подъ свои положенія.

Въ самомъ началѣ своего введенія Мауреръ говоритъ о двухъ типахъ старо-германскихъ поселеній: селеніи (Dorf) *) и дворѣ. Что германцы имѣли обыкновеніе садиться отдѣльными дворами, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Тацитъ, сообщая, что германцы не живутъ поселеніями со скученными постройками, но такъ, что дворъ каждаго окружаетъ пространство. Свидѣтельство Тацита, подтверждается и нѣмецкими источниками. Оттого между нѣмецкими учеными нѣкогда было общепринятымъ мнѣніе, что воздѣлываніе земли въ Германіи начато было отдѣльными дворами, которые позже соединились въ поселенія. Мауреръ же принимаетъ, что наряду съ дворовыми поселеніями отъ глубокой древности были

*) Ibid., стр. 10. Не переводимъ слово Dorf словомъ деревня, чтобы не произвесть путаницы.

и селенія съ общиннымъ землевладѣніемъ. Съ большей основательностью замѣчаетъ онъ, что такія дворовыя поселенія заводились тамъ, гдѣ чувствовался недостатокъ въ свободномъ пространствѣ вообще или въ удобной къ воздѣлыванію землѣ, напримѣръ, въ горахъ, лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ. Но, установивъ фактъ существованія такихъ дворовыхъ поселеній, Мауреръ совершенно его кидаетъ,—его интересуетъ лишь судьба селеній съ ихъ общиннымъ землевладѣніемъ.

А между тѣмъ, съ нашей сѣверно-русской точки зрѣнія, насъ должна интересовать прежде всего именно судьба этого изолированнаго двора (mansus, Gube), съ которыми мы должны сближать нашу деревню за невозможностью сблизить ее съ нѣмецкой Dorf *). Что дворъ этотъ былъ такой же самостоятельной поземельною клѣточкой, районъ тяготѣнія которой опредѣлялся тѣмъ wohin Pflug und Sense geht, это хорошо видно изъ всего, что Мауреръ говоритъ о дворѣ вообще. Что этотъ дворъ былъ той же самой задругой, печищемъ, обиталищемъ цѣлаго кровнаго союза, тоже видно совершенно ясно. Объ этомъ Мауреръ не разъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ работъ **). Значитъ, были на-лицо всѣ условія, необходимыя для того, чтобы могла возникнуть форма владѣнія аналогичная съ нашимъ деревенскимъ долевымъ владѣніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, у Маурера встрѣчаются факты, прямо указывающіе на существованіе именно такой долевой поземельной организаціи.

Съ очень ранняго времени,—говоритъ Мауреръ ***) (первыя извѣстія отъ VIII вѣка), — встрѣчаются крестьянскіе дворы (дворъ—совокупность всего, тянущаго ко двору), дѣленные на 8, 9, 14, 16, 32 и даже до 160 частей. Въ иныхъ мѣстахъ дворъ могъ дѣлиться только на четыре части; но эти части

*) Обратите вниманіе на выраженія германскихъ памятниковъ („Einleitung", 231) въ родѣ: „mansi et dimidius", „dimidius mansus et octava pars mansi", „sunt hubae plenae XXXVIII et dimidia una",—они такъ живо напоминаютъ выраженія нашихъ писцовыхъ книгъ и другихъ старинныхъ актовъ: „полъ-деревни и жеребій деревни" (восьмая часть), и „всего деревень столько-то съ половиной живущихъ" и т. д.

**) Напр. „Geschichte der Dorfverfassung", т. I, стр. 64 и другія мѣста.

***) „Geschichte der Fronhöfe", стр. 323 и слѣд.

опять дѣлились на половины и четверти, даже на восьмыя, такъ что первоначальная единица двора разбивалась на 32 части. Отсюда—половинные, четвертные, восьминные и т. д. крестьяне. Послѣ дѣлежа каждая часть становилась самостоятельнымъ цѣлымъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти подѣлившіяся части не переставали составлять одно цѣлое. А именно всѣ обладатели частей (Theilgenossen, Getheileten; Theilinge) составляли одну податную единицу (Zinsgenossenschaft), каковой единицей была наша деревня, какъ видно изъ писцовыхъ, и связаны были взаимной отвѣтственностью и круговою порукой. Цѣлое, раздробленное на доли, могло быть опять возстановлено путемъ покупки отдѣльныхъ долей, какъ это всегда могло имѣть мѣсто и въ нашей деревнѣ. Владѣльцы этихъ долей, по нашему складники, при отчужденіи земли ихъ совладѣльцами имѣли преимущество передъ чужими. Мало того: они имѣли преимущество передъ членами кровнаго (дворовrouteаго—Hofgenossenschaft) и, случалось, даже семейнаго союза, передъ прямыми наслѣдниками. Отчужденную уже часть они могли требовать на выкупъ; слѣдовательно, имѣли, подобно нашимъ складникамъ, право перекупа и выкупа долей.

Мауреръ свидѣтельствуетъ о большомъ распространеніи этой формы земельнаго владѣнія; но онъ говоритъ о ней вскользь, разсматривая ее, страннымъ образомъ, какъ какую-то разновидность двора, и потому не придаетъ ей никакого значенія. Ни возникновенія, ни развитія, ни окончательной судьбы этой формы—ничего не видно изъ работъ Маурера. Но изъ того немногаго, что онъ сообщаетъ, кажется, достаточно ясно, что мы имѣетъ въ этой формѣ полную аналогію нашему деревенскому владѣнію. Почему наша деревня получила дальнѣйшее развитіе, а ея германская аналогія, повидимому, исчезла?—Конечно, эта различная судьба находится въ тѣсной связи съ различнымъ направленіемъ, какое приняло въ своемъ развитіи наслѣдственное право, развившее въ Германіи майоратъ и минорать, а у насъ сохранившее въ своей силѣ первоначальное равенство. Но рѣшеніе этого и подобныхъ вопросовъ есть дѣло будущаго и, вѣроятно, еще не очень близкаго: пока дай Богъ поставить правильно вѣхи, намѣчающія пути будущихъ изслѣдованій.

II.

Что такое была та большая единица, которой наши ученые приписывают общинно-поземельный характеръ въ pendant нѣмецкой родовой маркѣ?

Разсматривая соотвѣтствующіе историческіе факты находимъ три формы, за которыми нельзя не признать свойствъ формъ органическихъ, не навязанныхъ землѣ государствомъ, хотя, позже, и пріуроченныхъ къ государственному тяглу. Формы эти—вервь, погостъ, волость. Только этимъ формамъ можно приписывать съ нѣкоторымъ основаніемъ поземельно-общинный характеръ.

„Вервь", „волость", „погостъ" иногда отожествляются учеными, которые считаютъ ихъ за выраженіе, различное по мѣсту и времени, одного и того же понятія большой поземельной единицы. Вѣрно ли это отожествленіе?—вопросъ темный. Съ одной стороны, есть нѣкоторыя основанія ихъ отожествлять. Вервь „Русской Правды" является съ такимъ же значеніемъ юридическаго лица *), съ какимъ позже является сѣверная волость; слово волость замѣняется иногда словомъ погостъ, какъ равнозначущее **). Но можно не мало говорить и противъ такого отожествленія. Погосты писцовыхъ книгъ заключаютъ въ себѣ по нѣскольку волостей, а случается и волость заключаетъ въ себѣ нѣсколько погостовъ ***),—однимъ словомъ, волость является единицей, совсѣмъ отличной отъ погоста: это—совокупность земель, объединенныхъ однимъ владѣніемъ. Волости перерѣзывали и искрещивали погосты въ разныхъ направленіяхъ. Какъ бы то ни было, позднѣйшая сѣверная волость, т.-е. волость московскаго періода, близко подходитъ къ погосту новгородскихъ писцовыхъ книгъ, отличаясь отъ него развѣ только меньшимъ райономъ, что легко объясняется увеличеніемъ наро-

---

*) „Аже кто оубьетъ князя мужа... верьвьную платити въ ней же верви голова лежитъ". Въ позднѣйшихъ актахъ съ такимъ значеніемъ появляется волость.

**) *Неволинъ*: „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ", стр. 106.

***) Тамъ же, стр. 110.

донаселенія, побуждавшимъ старинные обширные погосты дробиться на болѣе мелкія территоріальныя единицы.

Но такъ или иначе, отождествляя или различая эти формы, все-таки нельзя не признать за ними органическаго происхожденія. Но это не значитъ еще, чтобъ онѣ имѣли непремѣнно общинно-поземельный характеръ. Мы полагаемъ, что только относительно верви можно поддерживать съ нѣкоторымъ успѣхомъ положеніе объ общинно-поземельномъ ея характерѣ. Да и то не потому ли, что за отсутствіемъ положительныхъ фактовъ здѣсь гораздо свободнѣе можетъ работать діалектика?

Лешковъ съ большимъ умѣньемъ и талантомъ нарисовалъ картину нашей первоначальной верви, большой общины-марки. Но всякій, кто знаетъ, что основаніемъ для его построенія послужили два-три мѣста „Русской Правды“, собственно даже не касающіяся поземельнаго владѣнія, не можетъ не отнестись къ нему скептически. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что его построеніе очень правдоподобно. Самое сильное, хотя тоже косвенное, доказательство общинно-поземельнаго значенія верви есть вервленіе и все къ нему относящееся, перенесенное въ позднѣйшую сѣверную черную волость. Вервленіе всегда совершалось въ предѣлахъ волости, —это была одна изъ существеннѣйшихъ функцій волостной организаціи. Въ описываемое нами время (XVI—XVII вв.) „волостная веревка“ на сѣверѣ служила исключительно для измѣренія земли съ цѣлью равномѣрнаго распредѣленія податныхъ тягостей. Но, кромѣ измѣренія, вервленіе, по всей вѣроятности, имѣло когда-то и другой смыслъ—уравниванія земли внутри всего веревнаго, или волостнаго, района: на это наводятъ разнообразныя соображенія и, между прочимъ, аналогія въ развитіи соотвѣтствующихъ германскихъ учрежденій. Въ высшей степени вѣроятно, что южная, степная, вервь, представляя собой болѣе или менѣе крупную территоріальную единицу, занятую какимъ-нибудь подраздѣленіемъ рода, путемъ верленія дѣлила и уравнивала землю между большими семейными союзами, которые осѣли отдѣльными клѣточками на родовой землѣ. Но такая вервь не была перенесена на сѣверъ, по крайней мѣрѣ на крайній сѣверъ: никакого равенства между дворами, изъ которыхъ выросли

деревни, не видно, нѣтъ и необходимыхъ условій, которыя сдѣлали бы возможнымъ такое равенство.

Но, скажутъ, можетъ-быть, если не было въ указанной большой территоріальной единицѣ уравниванія, а слѣдовательно и общиннаго владѣнія въ воздѣланной землѣ, то оно все-таки могло удержаться въ землѣ невоздѣланной, лѣсахъ, пастбищахъ и пр. угодьяхъ. Выше мы уже говорили немного по этому поводу; поговоримъ здѣсь пообстоятельнѣе.

Могъ ли имѣть общія нераздѣльныя угодья новгородскій погостъ, физіономія котораго хорошо вырисовывается изъ новгородскихъ переписныхъ книгъ?

Прежде всего надо имѣть въ виду, что погостъ былъ всегда очень крупной территоріальною единицей—по нѣскольку сотъ квадратныхъ верстъ. Возьмемъ, напр., Городенскій погостъ Вотской пятины *), который мы брали раньше, и разсмотримъ, что это такое. Около полутораста деревень разбросано по теченію нѣсколькихъ рѣкъ и по берегу Ладожскаго озера. Всѣ эти деревни, въ новгородскія времена, группировались въ волости и волостки новгородскихъ бояръ и монастырей, на земляхъ которыхъ сидѣли половники, и шесть деревень принадлежали своеземцамъ; московскіе князья часть отнятыхъ владѣльческихъ волостей и волостокъ оставили за собой, часть за монастырями, часть поразадавали въ помѣстье боярамъ, боярскимъ дѣтямъ и служилымъ людямъ; своеземцы остались какъ были. Такимъ образомъ погостъ, какъ въ новгородскія времена, такъ и въ московскія, являлся разбитымъ на отдѣльныя самостоятельныя владѣнія, изъ которыхъ каждое захватывало большее или меньшее, неопредѣленное, количество деревень. При такомъ составѣ погоста возможно ли предположить общинное погостнее владѣніе чѣмъ бы то ни было? Да и чѣмъ же собственно? Лѣса были такою всеполоняющею, всезахватывающею Божіей стихіей, что разграничивать ихъ не было ни смысла, ни возможности. Пастбища и выгоны не могли быть общими уже по той простой причинѣ, что это было физически невозможно при данныхъ размѣрахъ погостской единицы. Рыболовныя угодья, какъ ви-

*) Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 года („Временникъ Московск. Общества исторіи и древностей", кн. II, 1851 г.).

димъ изъ переписной книги Деревской пятины *), всегда приписываются къ отдѣльнымъ владѣніямъ или, точнѣе сказать, владѣльцамъ. Однимъ словомъ, погостъ едва ли могъ имѣть поземельно-общинное значеніе.

Остается волость. Но волость на владѣльческой территоріи (а не владѣльческою была лишь незначительная часть территоріи Московскаго государства) означала лишь совокупность земель, объединенныхъ владѣніемъ, т.-е. принципомъ совершенно внѣшнимъ и случайнымъ. О поземельной общинѣ тутъ, конечно, не могло быть и рѣчи. На крайнемъ сѣверѣ, въ царствѣ государевыхъ черносошныхъ крестьянъ, волость, какъ кажется, значила то же самое, что погостъ, такъ что въ нее входили, наравнѣ съ черными крестьянскими землями, и владѣльческія земли, исключительно, впрочемъ, монастырскія, такъ какъ другихъ крупныхъ частныхъ владѣльцевъ послѣ московскаго завоеванія уже не было. Но владѣльческія земли обнаруживали постоянно тенденцію выдѣляться изъ волости, составляя самостоятельныя волости или станы. Такимъ путемъ образовались тѣ сѣверныя крестьянскія черныя волости, которыя и имѣются обыкновенно въ виду, когда говорятъ о волостной поземельной общинѣ. Но если вспомнить, что эти волости есть продуктъ относительно поздней формаціи, что онѣ образовались изъ разложившихся погостовъ **) (а что такое погостъ—мы знаемъ) и что многія изъ нихъ есть не что иное, какъ старыя новгородскія боярщины и боярщинки, то мнѣніе о поземельно-общинномъ значеніи волости, необходимо предполагающее за волостью нѣкоторое исконное значеніе, теряетъ почву. Да и въ чемъ, повторяемъ опять, могла волость составлять организованную земельную единицу? Вся воздѣланная земля, пахатная и сѣнокосная, тянула къ деревнямъ; о стихійномъ значеніи лѣсовъ было не разъ говорено выше: до сихъ поръ путики, т.-е. лѣсныя тропинки, по которымъ разставляются силки для птицъ и западни для звѣрей, изрѣзываютъ лѣса во всевозможныхъ направленіяхъ, безусловно не возбуждая никакихъ между-

*) Новгородскія писцовыя книги, изданныя Археографическою Коммиссіей, томъ II-й.

**) Что Двинская земля дѣлилась на погосты, свидѣтельствуетъ уставъ Святослава Ольговича, на который мы ссылались выше.

волостныхъ претензій *). Пастбища и выгоны организованы и теперь такъ, что волость тутъ вообще говоря, совсѣмъ ни при чемъ. На всемъ сѣверѣ, а не въ одной только Архангельской губерніи, и изъ глубокой старины, какъ свидѣтельствуютъ акты, всегда воздѣланныя земли, тянущія къ деревнямъ, отдѣлялись огорожей. Все, что было внѣ огорожи (пустая земля), могло служить въ качествѣ выгона и пастбищъ для всѣхъ, кому то или другое мѣсто было сподручно. И теперь, а встарину и подавно, на сѣверѣ мало распространенъ обычай держать пастуховъ. Иногда не держатъ пастуха даже для коровъ, т.-е. такого скота, котораго нельзя упускать изъ виду; объ овцахъ, лошадяхъ нечего и говорить: онѣ могутъ цѣлое лѣто свободно разгуливать, гдѣ имъ угодно, уходить въ чужія волости, откуда онѣ обыкновенно доставляются благополучно во-свояси и т. д. Иногда крестьяне выгораживаютъ для такого скота, который не хотятъ пускать на Божью волю, наприм. для телятъ, особыя мѣста, но и эти „телятники" тоже не волостные, а какъ гдѣ удобнѣе. Случается, въ какой-нибудь волости есть особенныя естественныя удобства для пастьбы извѣстнаго скота, напр. въ селѣ Ступинѣ, Холмогорскаго уѣзда, для овецъ: туда свозятъ овецъ изъ окрестныхъ волостей и онѣ живутъ себѣ тамъ и пасутся цѣлое лѣто безъ всякаго вознагражденія за пастбище. Вообще, для всего сѣвера можно считать правиломъ, что пастбища и выгоны не ограничиваются какими-нибудь опредѣленными правовыми гранями, волостными или иными: скотъ пасутъ гдѣ какъ удобнѣе—или нѣсколько деревень вмѣстѣ, или цѣлая волость, или даже нѣсколько сосѣднихъ волостей **).

Но тѣмъ не менѣе волость,—останавливаясь на томъ ея понятіи, которое установилось послѣ Московскаго завоеванія на крайнемъ сѣверѣ,—связанная тягломъ, не могла не оказывать извѣстнаго вліянія на земельныя отношенія.

Государево тягло, сдавливавшее волость, лежало, какъ извѣстно, исключительно на землѣ. Деревенскій совладѣлецъ

*) *П. Ефименко*: „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи". Арханг. 1869 г., стр. 79.

**) *П. Ефименко*: „Договоръ найма пастуховъ".—„Записки Географическ. Общества по отдѣленію этнографіи", т. VIII, 1878 г.

былъ собственникомъ своей доли. Но что значило это право собственности, когда собственникъ долженъ былъ платить съ своей земли больше, чѣмъ онъ могъ изъ нея выжать? Такое положеніе дѣлалось очень распространеннымъ въ эпохи особеннаго напряженія государственныхъ силъ: этимъ ознаменовался особенно рубежъ XVII и XVIII вѣковъ, вѣкъ Петра, оставившій на сѣверныхъ деревняхъ болѣе рѣзкіе слѣды опустошенія, чѣмъ набѣги литовскихъ людей за столѣтіе передъ тѣмъ. Въ такія эпохи крестьяне массами бросали свои земли и дворишки и брели врознь, пропадая безвѣстно. На брошенную землю не находилось ни покупателей, ни претендентовъ-наслѣдниковъ *). Но земля эта была записана писцами въ тяглѣ, „въ живущемъ", слѣдовательно кто-нибудь долженъ былъ съ нея платить. Платила волость, которая естественно и брала землю въ свое распоряженіе, „пока не отыщется вотчичъ". Но вотчичъ могъ никогда не отыскаться и у волости оказывалась мірская земля. Могла „мірская земля" получаться и другимъ способомъ: напр. землю, на которой лежитъ невыплаченный мірской долгъ, міръ не отдавалъ наслѣднику,—впрочемъ, только до уплаты долга **). Кромѣ того, волость, какъ юридическое лицо, могла брать у казны на оброкъ свободныя земли—новая категорія мірскихъ земель. Своей мірскою землей волость пользовалась различнымъ способомъ. Она могла продать свою землю въ собственность ***), конечно, съ обязательствомъ нести тягло, особенно если эта земля была деревней или долей деревни,—могла отдать изъ-за оброка, если это было угодье ****). Не находился крестьянинъ-покупатель на деревню или на долю деревни,—отыскивался какой-нибудь вольный человѣкъ, который соглашался взять землю подъ условіемъ нести земельноетягло *****). Этого рода случаи, встрѣчающіеся въ Юри-

*) Изъ нашихъ актовъ, напр., отступная крестьянина Верхне-Койдокурской волости 1698 г. на дворъ, дворище и землю и мн. друг.

**) Дѣло 1721 г. объ отнятіи деревенскаго участка быстрокурскимъ священникомъ у своего родственника.

***) Заявленіе крестьянина объ утратѣ документовъ на свою землю 1614 г.

****) Мірское сговорное письмо 1747 г.

*****) Челобитная царю крестьянъ Верхне-Койдокурской волости о дозволеніи отдавать заброшенныя крестьянскія земли въ мірскія тягла 1699 г.

дическихъ Актахъ *), подавали ученымъ поводъ думать, что волость, какъ и современная община, имѣла право распоряжаться земельными участками; но очевидно, что это два совершенно различныя явленія, не имѣющія между собой ничего общаго. А не находилось у волости ни покупателя, ни таглеца, или жильца, приходилось ей самой уплачивать тягло съ заброшенной земли, пока новые писцы не запишутъ землю „впустѣ". Кромѣ того, въ распоряженіи волости находились еще церковныя земли, которыя вѣдалъ всегда волостной міръ съ выборнымъ церковнымъ прикащикомъ.

Вотъ и все, что мы могли выжать изъ нашего матеріала о поземельномъ значеніи волости. А между тѣмъ многія сотни изъ имѣющихся у насъ актовъ вышли изъ такъ-называемыхъ мірскихъ избъ, которыя были органами волостнаго міра, или перешли къ намъ отъ потомковъ разныхъ сотскихъ, старостъ и т. п. волостныхъ должностныхъ лицъ, удержавшихъ за собой должностные документы. Если и въ этихъ документахъ волость является такой блѣдною тѣнью, облекающеюся плотью лишь на почвѣ податей и обложеній, то надо думать, что ея реальное значеніе въ сферѣ земельныхъ отношеній было дѣйствительно очень слабо и такъ-сказать производнаго характера, вытекающаго изъ ея податнаго назначенія.

Но выше было уже сказано, что волость удержала за собой по отношенію къ землѣ одну функцію, которая въ архаическомъ обликѣ сохраняетъ слѣды стараго поземельнаго значенія волости, хотя въ описываемое нами время является исключительно лишь какъ орудіе податныхъ цѣлей волости. Мы говоримъ о вервленіи со всѣмъ, что къ нему относится.

Датское Reebmate, reebdeling, т.-е. измѣреніе, дѣленіе посредствомъ веревки, имѣло цѣлью, какъ свидѣтельствуетъ Мауреръ **), возстановить нарушившееся первоначальное равенство дворовыхъ участковъ. Каждый boolesmann (владѣлецъ участка) могъ требовать вервленія какъ своего участка, такъ и всей полевой марки. Тотъ, кто отказывался отъ вервленія, подвергался наказанію, которое налагалось на него спеціальнымъ закономъ („de poena funiculum denegan-

*) „Юридическіе Акты", стр. 175 и 187.

**) „Einleitung", стр. 72 и 135.

tis"). Вервь „Русской правды", по всей вѣроятности, вервила свои земли именно въ этомъ, датскомъ, смыслѣ слова. Но въ позднѣйшей волостной „верви" или „веревкѣ" сохранилось лишь блѣдное воспоминаніе этого ея стараго назначенія. Въ нашихъ актахъ не разъ встрѣчаются выраженія: „давно для ровности веревка не бывала", „вервить мірскою волостною ровностью и веревью" и т. п., такъ что, разсматривая эти выраженія отдѣльно, легко придти къ заключенію, что тутъ идетъ дѣло именно о волостномъ веревномъ уравниваніи, т.-е. о такомъ именно процессѣ, о которомъ говоритъ Мауреръ. Но такое заключеніе будетъ совершенно ошибочно: подъ ровностью вездѣ подразумѣвается исключительно ровность податная, т.-е. соотвѣтствіе податной единицы съ ея реальною величиной. Посредствомъ вервленія опредѣлялась величина тяглой земли каждаго двора въ веревныхъ единицахъ, которыя были и единицами обложенія. Но въ промежуткахъ между вервленіями реальная величина земли дворовъ могла сильно измѣниться. Отчужденіе земли, новыя росчисти, весенніе разливы рѣкъ, то смывающіе и засыпающіе пескомъ значительныя пространства, то образующіе „новоприсады"—все это могло рѣзко нарушать первоначальную податную „ровность" и требовало новаго вервленія въ видахъ болѣе справедливаго распредѣленія податныхъ тягостей. Однимъ словомъ, волостное вервленіе имѣло исключительное значеніе измѣренія тяглой земли съ цѣлью податнаго уравненія.

Сѣверное крестьянство искони обладало искусствомъ измѣрять свою землю,—искусствомъ, которое сохранилось и до сихъ поръ. Крестьяне умѣютъ сдѣлать всѣ необходимыя вычисленія площадей правильныхъ и неправильныхъ фигуръ, имѣютъ таблицы для перевода однѣхъ мѣръ въ другія и т. д. До сихъ поръ они употребляютъ при земельныхъ вычисленіяхъ свои собственныя веревныя мѣры, которыя потомъ уже переводятся на общепринятыя.

Каждая волость—будь то волость черносошныхъ крестьянъ или волость владѣльческая, т.-е. совокупность земель одного владѣльца, напр., монастыря—вервила землю особо одной „общей", „большой", „волостной веревкой", въ первомъ случаѣ по приговору волостнаго міра, во второмъ—по

распоряженію вотчинника. Трудно сказать, совершалось ли верпленіе періодически или по требованію обстоятельствъ: вѣрнѣе послѣднее. Самымъ сильнымъ поводомъ къ частымъ верпленіямъ служили вешніе разливы рѣкъ. Обитателю степи трудно представить себѣ, какіе перевороты производили многоводныя сѣверныя рѣки, съ ихъ страшнымъ напоромъ льда при вскрытіи, въ землевладѣніи сѣверныхъ деревень, расположенныхъ по берегамъ этихъ рѣкъ: въ одномъ мѣстѣ отмоетъ пожню; гдѣ-нибудь ниже присадитъ къ берегу кусокъ земли; тамъ засыплетъ пескомъ или сдеретъ льдомъ,—однимъ словомъ, сдѣлаетъ ни къ чему негодною землю, которая была воздѣланною землей; вдругъ исчезнетъ большой островъ, который, повидимому, стоялъ на своемъ мѣстѣ испоконъ-вѣковъ, а въ другомъ мѣстѣ точно выростетъ изъ земли новый, и т. д. и т. д. Эта, такъ-сказать, подвижность недвижимой собственности порождаетъ цѣлый рядъ своебразныхъ правовыхъ представленій и въ то же время побуждаетъ постоянно къ перемѣриванію земли съ цѣлью податнаго уравненія. Но общее верпленіе всѣхъ земель волости—операція слишкомъ затруднительная и дорого стоющая, чтобъ ее можно было производить каждый годъ или въ два-три года. Поэтому на каждый годъ обходились частными переверпливаніями отдѣльныхъ лоскутовъ и соотвѣтствующими поправками въ веревныхъ книгахъ. Общее же верпленіе предпринималось въ нѣсколько десятковъ лѣтъ разъ (большій срокъ, что мы знаемъ, 25 лѣтъ), когда видъ земельной собственности значительно уклонялся отъ того, чѣмъ онъ являлся по веревнымъ, такъ что требовалось писать новыя веревныя книги. Волостной міръ, съ земскими судейками, судейскими цѣловальниками, сотскими и т. п. своимъ выборнымъ начальствомъ во главѣ, постановлялъ мірской приговоръ о верпленіи *) и затѣмъ съ какого-нибудь лѣтняго праздника, напр. Семена-лѣтоприводца или Николы вешняго, въ свободное отъ работъ время, приступалъ къ операціи.

Во главѣ дѣла стоялъ верепщикъ, котораго волость нанимала по общему мірскому совѣту и согласью. Въ верепщики

---

*) У насъ есть нѣсколько такихъ приговоровъ отъ разныхъ годовъ XVII вѣка.

выбирался опытный въ верленіи, набожный и „справедливый“ человѣкъ, который могъ быть и изъ чужой волости. Веревные же цѣловальники, наблюдавшіе за правильнымъ ходомъ операціи—нѣсколько человѣкъ—выбирались непремѣнно изъ своихъ волощанъ. Личный составъ веревной операціи дополнялся дьячкомъ или другимъ какимъ-нибудь „пищикомъ“ и нѣсколькими рабочими—„вильщиками“.

„Волостная веревка“—это была простая, тонкая, плохо осмоленная, а то и вовсе не осмоленная бичева, чаще всего въ 64 сажени, но иногда въ 32 с. и даже въ 16 саж. Вообще, „какую веревку пустить“, т.-е. во сколько саженъ, и даже во сколько аршинъ пустить сажень, наприм., въ три, четыре, пять, шесть аршинъ—все это завѣсило отъ міра и опредѣлялось въ мірскомъ приговорѣ.

Въ назначенный день весь личный составъ веревной операціи и хозяева земель выходили на поля. Вильщики тянули веревку, вложенную въ рожки небольшой палочки, которая называлась вилочкой; они же несли колышки, которые и втыкали въ землю на поворотахъ. Веревщикъ распоряжался работой и дѣлалъ по таблицамъ вычисленія о количествѣ вымѣренной земли, сообщая результаты своихъ вычисленій пищику, который и записывалъ ихъ. Цѣловальники слѣдили за тѣмъ, чтобы веревка шла какъ слѣдуетъ и чтобы веревщикъ дѣлалъ вѣрно свои вычисленія; на ихъ же обязанности лежало—класть ли землю „въ цѣль“, ничего не сбавляя, или дѣлать сметъ на негодную землю: на посыпь, на подморину, на клочье и т. д. Сметъ дѣлался на глазомѣръ, по совѣсти; присутствующіе хозяева земли упрашивали цѣловальниковъ побольше помѣстить въ сметъ, обѣщая попотчивать. Иногда, —вѣроятно, во избѣжаніе недобросовестности и произвола со стороны цѣловальниковъ,—заранѣе опредѣлялся мірскимъ приговоромъ максимумъ смета съ разныхъ сортовъ земли: напр. съ средней орамой земли постановлялось сметывать шестую долю, съ новинныхъ боровинныхъ мѣстъ—треть и т. д. Вмѣстѣ съ цѣльнымъ количествомъ каждаго лоскута земли, которое опредѣлялось веревщикомъ, пищикъ записывалъ и сметъ на этотъ лоскутъ, опредѣляемый цѣловальниками. Вычисливъ и записавъ реальную величину и сметъ всѣхъ лоскутовъ, принадлежащихъ одному двору, переходили къ

землѣ другаго двора. Вервилась исключительно только та земля, „куда плугъ, соха и коса ходили“, т.-е. пахатныя и сѣнокосныя земли: хотя въ писцовыхъ книгахъ всегда писались и лѣса *), вѣроятно, по образцу центра, гдѣ лѣса уже переводились, но они никогда не вервились, какъ не вервились и другія угодья.

Каждый хозяинъ земли имѣлъ по отношенію къ волостной веревкѣ серьезныя обязательства, нарушеніе которыхъ навлекало на него значительную отвѣтственность. Прежде всего каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать при вервленіи его земли, сказывать названія лоскутамъ своихъ полей и пожень и указывать межи. Онъ обязанъ былъ самъ указать веревщику непремѣнно всѣ свои земли. Никто не имѣлъ права, подъ угрозой тяжелыхъ зарядовъ, пахать землю, не положенную въ веревку. Но такъ какъ въ промежуткахъ между волостными вервленіями могло оказаться, что какая-нибудь земля, положенная въ веревку, сдѣлалась негодной; или, наоборотъ, крестьянинъ могъ начать воздѣлывать землю или новую, или заброшенную за негодностью и не положенную въ веревку, то на эти случаи существовали особыя правила. Въ заранѣе опредѣленные сроки, напр. о Прокопьевѣ или объ Ильинѣ днѣ, вотчинникъ долженъ былъ дѣлать заявленіе міру о такихъ своихъ земляхъ и міръ не имѣлъ права оставить безъ вниманія такое заявленіе. Онъ былъ обязанъ послать сотсткаго съ волостными людьми сдѣлать измѣреніе и положить въ веревку или исключить изъ нея указанную землю. Впрочемъ, причистями можно было владѣть нѣсколько лѣтъ, напр. лѣтъ 5, безъ тягла, а слѣд. и безъ вервленія; маленькими причистными кусками, меньше сажени, можно было владѣть безъ заявленія міру до новой волостной веревки. Вообще каждая волость зорко смотрѣла за тѣмъ, чтобы никто не владѣлъ землей безъ веревки, а слѣд. и безъ тягла. Нельзя было владѣть безъ тягла даже приполками своихъ полей и скармливать ихъ своимъ скотомъ: если кто не хотѣлъ положить ихъ въ тягло, обязанъ былъ выгородить ихъ подъ общую поскотину.

Каждое общее волостное вервленіе сопровождалось пись-

*) Они приписывались не къ волости, а къ отдѣльнымъ деревнямъ.

момъ новыхъ „веревныхъ лоскутовыхъ книгъ". Выше мы говорили о томъ, какъ писались эти книги. Количество земли обозначалось въ веревныхъ мѣрахъ—вервяхъ *) и веревныхъ саженяхъ. До сихъ поръ архангельское крестьянство мѣряетъ землю веревными, или тяглыми, саженями, но вервей, какъ поземельной мѣры, уже не знаетъ, хотя еще въ концѣ прошлаго столѣтія „веревка" была общераспространенной поземельною мѣрой. Величину верви, или веревки, точно опредѣлить теперь едва ли возможно: надо думать, что это не была величина совершенно неподвижная, хотя колебанія ея, повидимому, не были значительны. Надо думать, что вервь была тожественна со стариннымъ задвинскимъ лукомъ (лукъ — двѣ обжи): она заключала 64 веревныхъ сажени, причемъ величина веревной сажени опредѣлялась не одинаково въ разныхъ мѣстностяхъ. Мы знаемъ два ея опредѣленія: въ 252 и 256 кв. саженъ, но можетъ-быть были и другія. Если принять во вниманіе эту подвижность веревной сажени, затѣмъ если припомнить, что и простыя сажени, изъ которыхъ слагались веревныя, тоже были различны, заключая въ себѣ различное число аршинъ, да и величина аршинъ была измѣнчива, — то понятно, что величина верви не могла быть точной и постоянной. Но все-таки можно принять приблизительно, что она была нѣсколько больше 16.000 кв. саженъ, т.-е. заключала въ себѣ около 7 десятинъ.

Итакъ, вервленіе въ сѣверной волости имѣло исключительно значеніе измѣренія земли съ цѣлью податнаго уравненія. Старый смыслъ реальнаго земельнаго уравненія оно сохранило лишь внутри отдѣльной деревни, между ея совладѣльцами, которые имѣли право, какъ было показано выше, требовать уравнительнаго вервленія. Но такое деревенское вервленіе не имѣло ничего общаго съ волостнымъ вервленіемъ.

III.

Бѣляевъ дѣлитъ нашъ старинный земледѣльческій классъ на три категоріи половниковъ, крестьянъ общинниковъ и крестьянъ-собственниковъ. Дѣленіе это находило и находитъ себѣ сторонниковъ. Но съ нашей точки зрѣнія оно не имѣ-

*) Слово „вервь" упоминается въ нашихъ рукописныхъ актахъ впервые въ одномъ платежномъ документѣ конца XV вѣка.

етъ никакого основанія. Владѣлъ-ли крестьянинъ цѣлой деревней или даже нѣсколькими деревнями—случай, приводимый, между пр., и Бѣляевымъ *), владѣлъ-ли онъ только участкомъ, жеребьемъ, долей деревни—онъ одинаково былъ собственникомъ своей земли. Характеръ его правъ на землю ничуть не мѣнялся. Въ силу этого, и существованіе двухъ особыхъ категорій, крестьянъ-собственниковъ и крестьянъ-общинниковъ, не имѣетъ подъ собой почвы. Съ другой стороны,—половники, точно также какъ и собственники, могли сидѣть или на цѣлой владѣльческой деревнѣ или на какой-нибудь ея доли, т.-е. могли быть также и дольщиками въ деревенскомъ владѣніи, или общинниками въ переводѣ на общепринятые термины.

И такъ, земледѣльческое населеніе сѣвера или само „владѣло своими деревнями" или сидѣло на владѣльческихъ земляхъ, и это единственный существенный признакъ: по этому признаку мы и дѣлимъ сѣверное крестьянство на двѣ группы—крестьянъ-собственниковъ и половниковъ.

Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ—насколько позволяютъ намъ наши матеріалы—въ чемъ заключалась сущность правъ крестьянъ-собственниковъ на ихъ землю: предметъ, который наша наука почти совсѣмъ обходила.

Изучая акты, относящіеся до движенія крестьянской земельной собственности, поражаешься, прежде всего, страннымъ противорѣчіемъ. Съ одной стороны, право крестьянина на землю является со всѣми привычными намъ аттрибутами неограниченной, полной собственности: крестьяне продаютъ, закладываютъ, мѣняютъ, дарятъ, завѣщаютъ, отдаютъ въ приданое за дочерьми, дѣлятъ свои земли совершенно такъ, какъ это могли бы дѣлать настоящіе собственники въ самомъ современномъ смыслѣ слова. А между тѣмъ рядомъ же наблюдаемъ явленія, совершенно необъяснимыя съ точки зрѣнія современныхъ понятій о собственности. Кое-что въ этихъ противорѣчіяхъ обязано своимъ происхожденіемъ государству, которое давило своей тягловой организаціей да и сознательными актами, направленными на стѣсненіе крестьянской земельной собственности—объ этомъ будетъ рѣчь ни-

---

*) Крестьяне на Руси, изд. 1-е стр. 39.

же. Но все-таки корень этихъ кажущихся противорѣчій лежалъ въ особенностяхъ правового народнаго міровоззрѣнія.

Сейчасъ было сказано, что крестьянинъ-дольщикъ въ деревнѣ стоялъ въ такомъ же отношеніи къ своей землѣ, какъ и независимый владѣлецъ цѣлой деревни. Это вѣрно, но только съ извѣстными ограниченіями: деревенскіе совладѣльцы и складники всегда имѣли право перекупа и выкупа долей, какъ это видно изъ первой главы. Но это право было лишь видоизмѣненіемъ того широкаго и общаго права родового выкупа, которое тяготѣло надъ всей земельной собственностью.

Въ ту эпоху, которую мы беремъ,—т.-е. XVI—XVIII вѣка, обычай родового выкупа уже клонился къ вымиранію. Почти всѣ акты отчужденія, относящіеся къ московскому періоду исторіи нашего сѣвера, заключаютъ въ себѣ условія, ограничивающія право выкупа: въ актахъ періода новгородскаго нѣтъ такихъ условій. „Продали вдернь безъ выкупа да и дѣла намъ до тое деревеньки нѣтъ“ *), „да и дѣла нѣтъ мнѣ и брату моему и дѣтямъ моимъ и роду моему“ **), „а намъ и сродцамъ нашимъ ни во что не вступаться и дѣла нѣтъ“ ***) —такими и подобными формулами ограждалась отчуждаемая земля отъ родовыхъ претензій. Мы говоримъ родовыхъ, слѣдуя выраженіямъ актовъ, но точнѣе было бы говорить родственныхъ: подъ родомъ тутъ никакъ нельзя разумѣть настоящій архаическій родъ, остатки котораго до-сихъ-поръ сохранились кое-гдѣ у южныхъ славянъ, а скорѣе разложившійся союзъ типа большой задружной семьи. Почему въ актахъ новгородскаго періода почти нѣтъ такихъ ограничивающихъ условій? Вѣроятно, потому, что право выкупа еще такъ было живо въ сознаніи народа, что представлялось невозможнымъ стѣснять его примѣненіе. Другого возможнаго объясненія—а именно того, что права выкупа земельной собственности могло не существовать въ новгородскія времена—нельзя допустить, помимо апріорной несообразности, и потому, что на него есть прямыя указанія ****). Въ XVI и XVII

*) Купчая 1615 г.

**) Купчая 1619 г.

***) Купчая 1717 г.

****) Акты Юридическіе, напр. Новгородская купчая XXXVI.

вѣка, съ водвореніемъ семьи малаго типа, началъ приходить въ упадокъ и обычай родового выкупа земельной собственности. Но онъ былъ искусственно поддержанъ московскимъ законодательствомъ и позже, въ концѣ XVIII стол., въ періодъ земельныхъ замѣшательствъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, сильно способствовалъ къ усиленію того хаотическаго состоянія, въ которомъ очутилось на сѣверѣ все крестьянское земельное владѣніе.

Однако для огражденія отчуждаемой собственности отъ родственныхъ притязаній, видимо, не всегда оказывалось достаточнымъ простой оговорки въ актѣ. Отчужденіе часто обезпечивалось условіями, въ родѣ: „а понадобится та земля дочерямъ моимъ или родникомъ моимъ и они бы дали св. Георгію (въ церковь, куда отчуждается земля) сорокъ алтынъ денегъ“ *), „а кто станетъ ту мою пожню выкупать ино дать подъ ту пожню 12 рублевъ **). Такія условія встрѣчаются въ актахъ XVI и первыхъ годовъ XVII вв.—позже они исчезаютъ съ отживаніемъ самаго обычая родового выкупа. Кромѣ того, собственникъ отчуждаемой земли иногда заблаговременно „очищалъ“ ее отъ родственниковъ деньгами ***).

Притязанія родственниковъ, сколько можно видѣть изъ актовъ, обыкновенно не влекли за собой возврата земли: притязанія же удовлетворялись дополнительными платежами. Съ такимъ характеромъ является обычай родственнаго выкупа въ древнѣйшихъ, новгородскихъ актахъ, съ такимъ и въ позднѣйшее время, даже до настоящаго столѣтія.

Не останавливаемся дольше на обычаѣ родового выкупа, такъ какъ онъ извѣстенъ юридической наукѣ и разработывался ею. Коснемся теперь другихъ обычаевъ, которые своеобразно оттѣняютъ крестьянскіе взгляды на земельную собственность и ея отчужденіе.

Нетолько родственники имѣли право „спрашивать на выкупъ“ проданную землю; это право имѣлъ и самъ продавецъ. Но прадавецъ, имѣющій право возвращать себѣ обратно проданное, предполагаетъ необходимо, что самый договоръ

*) Прикладная запись 1501 г.

**) Вкладная 1619 г.

***) Даревенная запись 1619 г.

купли продажи, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ земельной собственности, есть нѣчто очень отличное отъ того юридическаго акта, которой мы теперь обозначаемъ этимъ названіемъ. Какъ видно изъ выписокъ, приведенныхъ выше, въ актахъ отчужденія, между условіями, уничтожающими права родственниковъ на выкупъ, всегда упоминается и о правѣ самого собственника. И право это было вполнѣ реально. Въ нашихъ актахъ ни разу не встрѣчается случая, чтобъ оно удовлетворялось дополнительнымъ платежомъ; наоборотъ, не разъ видимъ, что проданная земля снова находится въ рукахъ ея прежняго собственника. Напр., крестьяне Ломоносовы (отецъ и другой какой-то родственникъ извѣстнаго Ломоносова) продаютъ въ 1714 г. свою пожню „ввѣкъ и вдерпь безъ выкупа“. Но въ 1739 г. отецъ Ломоносова снова продаетъ туже самую пожню (тожество видно изъ названія и подробнаго обозначенія межъ) уже другому крестьянину *).

Въ болѣе отдаленную старину, повидимому, самыя слова „продажа“, „продалъ“ не имѣли того специфическаго, хотя все-таки условнаго, значенія, съ которымъ они появляются позже. Въ вкладной записи 1501 г. вкладчикъ пишетъ: „есть у меня землица вотчина, отца моего оставленіе, а свое владѣніе, и азъ ту землю отдаю св. Георгію на поминанье души своей и своему роду, оприче нѣтъ тое земли, что есми Гурью продалъ, гдѣ что ни есть его владѣніе“... Какъ видно изъ этого акта „продалъ“ здѣсь является синонимомъ „отдалъ“, т.-е. далъ въ даръ: съ другой стороны въ обмѣнъ за землю не дается никакая цѣнность. Да и позже названіе „продажи“ примѣняется иногда къ такимъ актамъ отчужденія земли, которые лишены элементовъ, существенно необходимыхъ, съ современной точки зрѣнія, для договора купли-продажи: напр., земля якобы продается, но въ обмѣнъ собственникъ земли выговариваетъ себѣ пожизненное содержаніе и т. д. До-сихъ-поръ на юридическомъ языкѣ архангельскаго крестьянства отдать землю въ аренду называется „продать землю въ годы“, т.-е. на время, въ отличіе отъ вѣчной продажи.

---

*) Архангельскія Губ. Вѣдомости 1868 г. № 4. Акты семейства Ломоносовыхъ, сообщ. П. Ефименко.

Какъ бы особымъ видомъ продажи служилъ заемъ денегъ подъ залогъ земли: „А будемъ мы, заимщики, по сей закладной кабалѣ на тотъ вышеписанный срокъ тѣхъ заемныхъ денегъ не заплатимъ и того своего закладнаго поля не выкупимъ ся наша закладная и купчая ввѣкъ и вдерињ безъ выкупа". Такіе заклады были очень распространеннымъ способомъ отчужденія земли и во всѣхъ отношеніяхъ замѣняли собой настоящія продажи. Большое распространеніе этого вида отчужденія, кажется, надо объяснить мѣрами правительства, которое стремилось стѣснять движеніе крестьянской собственности. Хотя мѣры эти, вообще, оказывались очень мало дѣйствительными, но могли побуждать продажу земель прятаться подъ внѣшней видимостью залога. Напр., въ одной закладной *) пишется: „а тѣмъ дворомъ и съ подворнею землею и съ огородцемъ и новиною и со всѣмъ безъ вывѣта вольно владѣть до выкупа и продать и заложить и жить во всѣхъ хоромахъ и съ того двора подымныя деньги и съ огородца и съ новины по мірскимъ разрубнымъ спискамъ платить тягло и до выкупа и службы служить съ міромъ врядъ и т. д." Очевидно, что тутъ дѣло идетъ никакъ не о залогѣ земли, а о продажѣ.

У насъ масса актовъ, касающихся движенія свободной крестьянской земельной собственности на сѣверѣ. Но останавливаться на нихъ дольше, заниматься характеристикой ихъ по категоріямъ и подробнымъ анализомъ мы здѣсь не будемъ. Вышеприведенныхъ фактовъ мы считаемъ достаточнымъ для характеристики типичнѣйшихъ особенностей крестьянской земельной собственности.

И такъ, особенности эти можно свести къ слѣдующему. Крестьянская земельная собственность — той мѣстности и эпохи, о которой у насъ идетъ рѣчь—не смотря на отчуждаемость, была гораздо тѣснѣе связана съ собственникомъ, чѣмъ это представляется мыслимымъ съ точки зрѣнія современныхъ понятій о собственности. Собственникъ былъ „крѣпокъ" **) своей землѣ не въ позднѣйшемъ государственномъ, а

*) Закладная 1697 г.

**) „И та де ихъ земли по родству крѣпка, говорятъ родственники, требующіе землю на выкупъ. „Челобитная 1718 г.

въ первоначальномъ естественномъ смыслѣ этого слова: право человѣка, обратившаго своимъ трудомъ дикую землю въ воздѣланную или вообще вкладывавшаго свой трудъ въ землю естественно считалось выше всякихъ другихъ производныхъ правъ. Въ тоже время—такъ какъ архаическія представленія, вынесенныя изъ родоваго быта, еще не утратили своей жизненности—это верховное право собственника на землю распространялось въ значительной степени и на его родъ, т.-е. родственниковъ болѣе близкихъ степеней родства. Изъ этой основной особенности вытекало все остальное, т.-е. тотъ относительный и условный характеръ, которымъ отличаются всѣ виды отчужденія земельной собственности.

Нельзя сказать, чтобъ государство, считавшее всю землю своею собственностью, а тѣмъ болѣе крестьянскую, не вліяло своей организаціей, своими распоряженіями и указами, на характеръ этой собственности. Но что типичнѣйшія черты ея развились независимо отъ давленія государства—это ясно видно изъ сличенія актовъ новгородскаго и московскаго періодовъ.

Съ половины XVII-го вѣка *) извѣстны намъ категорическія запрещенія крестьянамъ заонежскихъ погостовъ продавать свои земли; запрещенія эти, навѣрное существовали и раньше, въ XVI-мъ вѣкѣ, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ выраженій актовъ. Но что значили эти запрещенія передъ извѣстной формулой, посредствомъ которой каждый владѣлецъ могъ оправдать отчужденіе своей собствтнности: „не измоглъ есми съ той земли дани царевы платить, на службы служить, ни хлѣба оброчнаго платить“? Вѣдь для государства все-таки существенный интересъ былъ не въ томъ, кто владѣлъ землей, а въ томъ, чтобъ владѣющій „измогъ“ отправлять все, что ему слѣдовало. А, конечно, государство не было въ силахъ разслѣдовать, дѣйствительно-ли крестьянинъ „не измогъ“ или это была лишь уловка, чтобъ обойти царскій указъ. Какъ бы то ни было, земля, несмотря ни на какіе указы, совершенно свободно переходила нетолько отъ крестьянъ къ крестьянамъ, но и къ лицамъ другихъ сословій: купцамъ, посадскимъ людямъ, духовенству.

*) Крестьяне на Руси, стр. 160.

Волостной міръ въ извѣстномъ случаѣ могъ вмѣшиваться въ отчужденіе, а именно въ томъ, когда за владѣльцемъ были „старыя денежныя или хлѣбныя невыплатки", т.-е. недоимки. Міръ могъ требовать—или чтобы недоимки были переведены съ землей на новаго владѣльца, или чтобы старый владѣлецъ оставилъ за собой часть земли, достаточно гарантировавшую уплату этихъ недоимокъ. „А горней земли никому не продалъ и не заложилъ... горней земли водой не сноситъ и льдомъ не здираетъ и пескомъ не посыпаетъ" *), заявляетъ одинъ такой продававшій свои земли владѣлецъ, за которымъ числились недоимки. Но за исключеніемъ этого случая міръ, повидимому, считалъ всякое отчужденіе собственности въ его районѣ частнымъ дѣломъ собственниковъ и совсѣмъ не вмѣшивался въ дѣла этого рода. Мірское тягло лежало не на лицѣ, а на землѣ и переходило вмѣстѣ съ землей. Единственнымъ интересомъ міра было, чтобы, съ одной стороны, земля не осталась какъ-нибудь безъ владѣльца и не легла на его плечи, съ другой—чтобъ не перешла въ такія руки, которыя были бы достаточно сильны, чтобъ отбиться отъ мірского тягла или хоть отъ какой-нибудь его составной части, напр., отъ службы: нерѣдко случалось, что нетяглые люди, пріобрѣтшіе тяглую землю, не хотѣли нести съ нея службы. За послѣднимъ обстоятельствомъ, т.-е. за тѣмъ, чтобъ земля, входящая въ мірской районъ, не вышла изъ мірского тягла, міръ слѣдилъ такъ же зорко, какъ слѣдило государство за тѣмъ, чтобъ земля вообще не выходила изъ тягла. Интересы міра сталкивались въ этомъ случаѣ съ принципіально-признаваемымъ правомъ каждаго собственника на свободное отчужденіе своей земли: впрочемъ, это столкновеніе ничуть не вело къ ограниченію правъ собственника, а лишь порождало безчисленное множество судебныхъ процессовъ, которыми міръ старался задержать въ тяглѣ или возвратить въ тягло то, что стремилось изъ него выскользнуть.

Отчужденіе земли сопровождалось „сводомъ" ея. Сводъ— мірской актъ, посредствомъ котораго до свѣдѣнія міра доводилось, что такой-то „свелъ съ себя" тяглой своей земли такія-то поля такихъ-то названій всего въ тяглѣ столько-то

*) Купчая 1724 г.

такому-то, которому „съ тое земли подати платить и службы служить съ міромъ врядъ“. Актъ „свода“ вносился въ волостную веревную книгу. *)

Волостныя веревныя книги, помимо своего спеціальнаго назначенія, служили и актомъ закрѣпленія земли: выписки изъ веревныхъ, называемые сколками, постоянно встрѣчаются между другими имущественными актами. Вообще, на сѣверѣ—вслѣдствіе свободнаго движенія земельной собственности, съ одной стороны, и распространенія письменности, съ другой—обращалась масса имущественныхъ актовъ. Случается, что у одного владѣльца на одну и ту же землю было больше двадцати различныхъ „деревенскихъ крѣпостей“. Все это тщательно пряталось и хранилось. Утрата этихъ „деревенскихъ крѣпостей“ требовала явки въ съѣжей избѣ, „чтобъ отъ того изгару (сгорѣнія документовъ) деревенскаго жеребья не отбыть“ **). Имущественные акты писались или площадными подъячими въ городахъ или по деревнямъ земскими и церковными дьячками. Подписи неопредѣленнаго числа „послуховъ (свидѣтелей) добрыхъ людей“ считалось достаточнымъ, чтобъ придать документу необходимую законную силу. Только съ начала XVIII столѣтія появляется требованіе закрѣплять имущественные акты сложнымъ оффиціальнымъ порядкомъ „у крѣпостныхъ дѣлъ“. Но крестьянство постоянно старается обходить эту сложную и дорогую процедуру, и старыя деревенскія крѣпости своего собственнаго деревенскаго закрѣпленія продолжаютъ обращаться на старыхъ правахъ.

IV.

Теперь перейдемъ къ обширному классу земледѣльцевъ, сидѣвшихъ на владѣльческихъ земляхъ.

Но прежде необходимо познакомиться съ владѣльческими элементами. Кто, кромѣ своеземцевъ, земскихъ людей,—позднѣйшихъ черносошныхъ крестьянъ—владѣлъ землею на крайнемъ сѣверѣ?

Очень оригинально то обстоятельство, что землевладѣніе нашего сѣвера, теперь исключительно мелкое, крестьянское ***)

*) Копія со своду 1744 г.

**) Челобитная 1685 г.

***) Ни одного помѣщика, кромѣ удѣла.

когда-то начало свою исторію обширными боярскими латифундіями. Почти всѣ знатные новгородскіе боярскіе роды — а ихъ, къ слову сказать, было очень немного *) владѣли вотчинами въ Заволочьѣ. Откуда взялись эти владѣнія? Трудно сказать что-нибудь съ положительностью. По всей вѣроятности, происхожденіе ихъ коренилось въ первоначальномъ завоеваніи края посредствомъ вольныхъ дружинъ: можетъ-быть, эти знатные новгородскіе роды потому и были знатны, что предкамъ ихъ удалось, во главѣ такихъ дружинъ, счастливыми набѣгами позахватывать куски этой отдаленой территоріи и такимъ образомъ обезпечить себѣ постоянный источникъ богатства, а слѣдовательно и власти, въ даняхъ и другихъ доходахъ сначала съ туземнаго населенія захваченной территоріи, а потомъ и съ пришлаго, которое осѣдало на этой территоріи и колонизовало ее. Правда, относительно рода Своеземцовыхъ есть прямое, документальное свидѣтельство, что начало ихъ господству на Вагѣ было положено въ XIV-мъ вѣкѣ мирной сдѣлкой съ чудскими старшинами **), которые уступили за 20,000 бѣлъ Шенкурскій погостъ „и всѣ его земли до ростовскихъ межъ“. Но самая эта сдѣлка была результатомъ какихъ-то столкновеній между бояриномъ и Чудинами, которые жаловались на Своеземцова великокняжескому намѣстнику: однимъ словомъ, отношенія Своеземцова къ Важской землѣ начались не этой сдѣлкой.

Владѣнія Своеземцовыхъ на Вагѣ захватывали части нѣсколькихъ большихъ рѣкъ: Ваги, Паденги, Шенги, Понцы. Въ указанныхъ актомъ граняхъ все принадлежало имъ: „земли и воды, и лѣса лѣшніи, и рѣки, и лѣшніи рѣки, и мхи, и озера, и соколья гнѣзда“. Всѣ эти земли, вѣроятно, были заняты кочевыми туземцами-охотниками, такъ какъ не упоминается никакихъ населенныхъ мѣстъ, кромѣ одного погоста, административнаго центра для сбора дани. Но уже въ слѣдующемъ столѣтіи эти земли заключаютъ въ себѣ нѣсколько погостовъ и множество селъ, къ которымъ текутъ страдомыя земли, пожни и ловища. Еще значительнѣе по своимъ размѣрамъ были владѣнія Борецкихъ. У Борецкихъ были вотчины по среднему

*) Бѣляевъ за триста лѣтъ насчитываетъ всего-на-все лишь сорокъ такихъ родовъ (Разсказы изъ русской исторіи. Исторія Новгорода, стр. 156).

**) Акты Юридическіе, 257, I.

теченію Двины—старинный погостъ Борокъ, который упоминается въ уставѣ Святослава Ольговича, нынѣшняя Борецкая волость Шенкурскаго уѣзда; имъ принадлежали устья Двины; они владѣли множествомъ земель по берегамъ Бѣлаго моря, рыбными тонями, соляными ключами и другими промысловыми угодьями. Въ промышленныя становища, принадлежавшія Борецкимъ по берегамъ Бѣлаго моря, ежегодно приходили тысячи Новгородцевъ на ловлю морскаго звѣря *).

Только о владѣніяхъ этихъ двухъ боярскихъ родовъ и дошли до насъ свѣдѣнія. Однако достовѣрно извѣстно, что ко времени московскаго завоеванія многіе новгородскіе бояре имѣли вотчины въ Заволочьѣ. Отъ роковаго для Новгорода 1471 г. сохранились судейскіе списки о двинскихъ земляхъ **). Изъ этихъ списковъ видно, какъ много новгородскихъ бояръ изъ партіи, враждебной Москвѣ, было между заволочскими вотчинниками. Въ Важской землѣ, кромѣ Своеземцевыхъ, видимъ вотчинниками Якова Ѳедорова, Василія Селезня, Михаила Тучу и его сына Григорья, Ивана Лошинскаго, Ивана Максимова, Ивана Ѳеанасьева, Есипа Малаго; на Пинежскомъ волокѣ того же Василья Селезня, затѣмъ Василья Онаньина, Мишу Борисова—за ничтожнымъ исключеніемъ все извѣстныя имена болѣе вліятельныхъ и энергическихъ противниковъ Москвы.

Новгродскіе бояре не жили въ своихъ вотчинахъ, только объѣзжали ихъ время отъ времени. Управляли прикащики. Прикащикамъ бояре и передавали принадлежавшее имъ право суда надъ своими крестьянами, половниками, отхожими людьми.

Но боярское землевладѣніе нашего крайняго сѣвера не ограничивалось вотчинами новгородскихъ бояръ; тамъ были и свои мѣстные крупные землевладѣльцы, двинскіе бояре. Они не были такими значительными собственниками, какъ бояре новгородскіе: ихъ владѣнія сосредоточивались въ низовьяхъ Двины, въ мѣстности съ самымъ плотнымъ, и, надо думать, самымъ старымъ русскимъ населеніемъ, служившей, вѣроятно, исходнымъ пунктомъ для колонизаціи всего края. Двинскіе бояре, мѣстные богатые земцы, держали въ своихъ рукахъ управленіе краемъ, какъ новгородскіе бояре—управ-

*) Лѣтопись Сумскаго посада.
**) Акты Археографич. Экспедиціи, т. 1, № 94.

леніе Новгородомъ. На имя ихъ Новгородъ и князья новгородскіе писали свои грамоты и имъ поручали охраненіе своихъ интересовъ на Двинѣ. Въ качествѣ скотниковъ *) двинскіе бояре являются обложенными фискальными обязанностями и отвѣтственностью передъ Новгородомъ.

Московское завоеваніе однимъ ударомъ подкосило боярское землевладѣніе нашего сѣвера, и новгородское и мѣстное двинское: оно уже не возрождалось ни въ старой, ни въ новой московско-помѣстной формѣ. Но кой-какіе его отпрыски еще долго тянули свое существованіе, медленно вымирая и вырождаясь въ землевладѣніе крестьянское. Напр., за одной отраслью рода Своеземцовыхъ, вѣроятно въ уваженіе памяти ихъ предка св. Варлаама Важескаго, оставлена была часть ихъ вотчинъ и потомки Своеземцевыхъ, подъ именемъ Едомскихъ, еще долго жили на Вагѣ крупными вотчинниками, пока ихъ вотчины не раздробились окончательно между ихъ потомками, которые и перешли въ крестьянство.

Между нашими актами есть одинъ, отъ начала XVI столѣтія (1501 г.), изображающій одну изъ предсмертныхъ судорогъ этой смертельно пораженной и уже издыхающей формы землевладѣнія. Крестьяне двухъ волостей жалуются великому князю Василію на „своеземца" Ивашку Романова, вѣроятно, потомка и наслѣдника какого-нибудь двинскаго боярина. Этотъ Ивашко Романовъ отнялъ „у Николы святаго на Орлецѣ пять деревень, двѣ деревни на Усть-Пѣнеги рѣки да деревню въ Товрицѣ да деревню Есюпиньскую да деревню Кудемкинскую да тѣ деи деревни пашетъ и сѣно коситъ пріѣзжая съ Матигоръ (матигорскіе бояре упоминаются въ актахъ XIV вѣка) по третей годъ на собя силко и половникомъ (церковнымъ) деи въ тѣхъ деревняхъ пахать на собя же велитъ"; отъ другой церкви тоже отнимаетъ четыре деревни. Мало того: „игуменовъ и поповъ отъ св. Николы отсылаетъ прочь силко, а съ приходомъ не поговоря, а тотъ деи Ивашко Романовъ и не тое церкви приходъ, а тою церковью властвуется, а христіаномъ-деи тое церкви св. Николы приходу воли въ томъ не даетъ чтобы имъ къ тое церкви

*) Акты Археогр. Экспедиціи т. 1. № 1. Бѣляевъ Разсказы, стр. 52—3. Скотъ-деньги.

игумена или попа призвать"; и въ другой церкви „попа Клементья выслалъ вонъ да попа Іакова къ той церкви принялъ, а попа Клементья съ тѣмъ попомъ съ Іаковомъ пограбили, а та церковь не его же приходъ". Интересно, что Едомскіе, только-что упомянутые, тоже преслѣдуются, по одному акту, за грабежъ Богословскаго монастыря, построеннаго ихъ предкомъ бояриномъ Своеземцевымъ *). Очевидно, это есть запоздалое проявленіе старыхъ боярскихъ патрональныхъ правъ на церкви, выстроенныя ими въ своихъ вотчинахъ — правъ, которые потомъ цѣликомъ перешли къ приходу, къ крестьянамъ. Понятное дѣло, что власти великаго князя не замедлили и выметать вонъ изъ церковныхъ деревень, этого не во время вспомнившаго о своихъ старыхъ правахъ боярскаго потомка и за крѣпкими поруками представить его на судебный срокъ въ Москву.

Другимъ представителемъ крупнаго землевладѣнія на сѣверѣ, и въ новгородскій и въ московскій періодъ, были монастыри. Впрочемъ, монастырское землевладѣніе въ новгородскій періодъ было незначительно: на все огромное пространство Заволочья, до завоеванія, мы едва насчитываемъ пять-шесть монастырей. Къ тому же, монастыри были по преимуществу боярскіе, такіе, которые или были основаны боярами въ своихъ собственныхъ вотчинахъ или надѣлялись ими землей. Борецкіе давали земли и промысловыя угодья въ два монастыря, которые находились посреди ихъ, вотчинъ, въ Никольскій, Корельскій и Соловецкій — впрочемъ послѣдній острова свои получилъ по пожалованію отъ Новгорода; Своеземцовы устроили въ своихъ вотчинахъ Важеской Богословской монастырь; двинскіе бояре поддерживали Архангельскій монастырь, самый древній монастырь края. Московское завоеваніе отражается на сѣверѣ внезапнымъ расцвѣтомъ и размноженіемъ монастырей; втеченіи XVI вѣка появилось, въ предѣлахъ Архангельской губер., новыхъ монастырей въ три раза больше, чѣмъ ихъ успѣло образоваться въ нѣсколько предшествующихъ вѣковъ новгородскаго господства (было пять монастырей, время возникновенія шестаго спорно: въ

*) Архангельскія Губ. Вѣдомости 1868 г. № 69.

XVI вѣкѣ устроилось ихъ пятнадцать да въ XVII-мъ около двадцати *).

Монастырское землевладѣніе складывалось различными путями. Московскіе государи всегда утверждали за монастырями всю землю, которой тѣ успѣвали завладѣть на правахъ вольной заимки. Но кромѣ того монастырямъ обильно жаловались и населенныя земли, которыя однѣ только и могли служить источникомъ дохода: колонизація пустыхъ земель могла идти лишь очень медленно и въ первое время не приносила никакихъ выгодъ. Нерѣдко великіе князья московскіе жаловали монастырямъ земли изъ конфискованныхъ ими боярщинъ **). Такимъ образомъ основной фондъ монастырскаго землевладѣнія образовался изъ захвата и царскихъ пожалованій; но этотъ основной фондъ монастыри приращали съ большимъ успѣхомъ, все расширяя свое землевладѣніе. Расширяясь, монастырское землевладѣніе рано пришло въ столкновеніе съ крестьянскимъ — несмотря на кажущійся безграничный просторъ, удобныхъ земель было относительно немного. Столкновенія эти вели къ стѣсненіямъ крестьянъ, такъ какъ монастыри, въ глазахъ царскихъ судей, воеводъ и писцовъ, постоянно назывались сильнѣе и правѣе ***).

Страшное размноженіе монастырей, захватъ пустопорожнихъ земель, служившихъ крестьянству промысловыми урожаями, вторженіе въ самыя деревни и печища путемъ пріобрѣтенія долей въ нихъ,—вторженія, тяжелыя для деревенскихъ дольщиковъ, наконецъ, опасность просто-на-просто лишиться права на землю посредствомъ пожалованія ее монастырю—все это побуждало крестьянство относиться къ монастырямъ съ понятнымъ недовѣріемъ. Недовѣріе это выражалось прежде всего въ томъ, что крестьянство мѣшало заводиться новымъ монастырямъ и пустынямъ, гнало и преслѣдовало отшельниковъ, осѣдавшихъ вблизи крестьянскихъ зе-

*) Арх. Губ. Вѣдомости 1869 г. ст. „О монастыряхъ, существовавшихъ на сѣверѣ Россіи въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской епархіи съ конца XIV до начала XVII в.

**) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Калачева, кн. 3-я 1861 г. Выпись изъ писцовыхъ книгъ Ондрея Плещеева 90-го года. Жалованная грамота Іоанна III Важескому Богословскому монастырю и другіе.

***) Напр. Акты юридическіе 18, 23 и т. д.

мель. Въ книгѣ г. Соколовскаго *) приводятся интересные факты этого рода. Относительно описываемой нами мѣстности также можно указать не одинъ аналогичный фактъ. Напр., очень уважаемый на сѣверѣ мѣстный святой Антоній Сійскій былъ прогнанъ крестьянами съ рѣки Шелексы, гдѣ онъ съ братьей было совсѣмъ уже основался на пустынножительство; тоже было и съ преп. Даміаномъ, основателемъ Юрьегорской пустыни. Акты наполнены свидѣтельствами о постоянной враждѣ монастырей съ окрестнымъ крестьянствомъ, о насильственныхъ дѣйствіяхъ съ обѣихъ сторонъ, взаимныхъ искахъ и тяжбахъ. Вражда иногда такъ обострялась, что монастырь погоралъ жертвой „злобы злыхъ людей", какъ это случилось, напр., съ Моржегорскимъ монастыремъ.

Хотя отдѣльные случаи столкновенія крестьянъ съ монастырями изъ-за земли встрѣчаются, какъ мы сейчасъ сказали, очень рано, массовое озлобленіе крестьянства противъ монастырей явилось результатомъ горькаго и относительно поздняго опыта. Много нужно было времени для того, чтобъ крестьянство убѣдилось, что каждый монастырь въ концѣ-концовъ дѣлается членомъ сильной организаціи, которая преслѣдуетъ свои цѣли и для которой народъ есть лишь почва, ее матеріально питающая. У сѣвернаго крестьянства былъ и долго держался свой оригинальный взглядъ на назначеніе монастырей, и оно осуществляло и поддерживало этотъ взглядъ, пока онъ не былъ сломленъ противодѣйствующими ему стремленіями церковной іерархіи, находившими себѣ поддержку въ государствѣ. Это довольно любопытная страница нашей бытовой исторіи, на которой стоитъ немножко остановиться.

Строили тотъ монастырь крестьяне мірскіе люди и вотчины свои деревенки въ тотъ монастырь давали для царскаго богомолія и душевнаго своего спасенія и на помянокъ родителей своихъ *и для постриганія безвкладныхъ нищихъ нужныхъ* (нуждающихся) *людей*, *которые ходя по міру скитаются*, такъ показываютъ крестьяне Чухченемской, Ровдогорской, двухъ Ухтъостровскихъ и Курейской волостей (около 1650 г.) о Чухченемскомъ монастырѣ. Этотъ монастырь былъ выстроенъ общими силами всѣхъ упомянутыхъ волостей; такіе же мірскіе

*) Очеркъ исторіи сельской общины, стр. 67—8.

монастыри встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ. Для чего міръ тратился на постройку себѣ монастыря—видно очасти и изъ предъидущаго: помимо религіозныхъ цѣлей, которымъ могла удовлетворять и простая церковь, монастырь могъ служить пристанищемъ для бездомныхъ нищихъ, которые иначе должны были бы скитаться по міру. Но этимъ далеко не ограничивалось назначеніе такого мірскаго монастыря—его цѣли были шире.

Когда большая, родовая семья распалась и на ея мѣсто выступила малая семья современнаго типа — что на сѣверѣ случилось очень рано—отдѣльная личность часто должна была оставаться безпомощной. Не каждому удавалось выростить сыновей-работниковъ. Вотъ эта-то открывающаяся для каждаго крестьянина перспектива безпомощности и вызвала слѣдующее оригинальное приспособленіе. Когда крестьянинъ чувствовалъ, что приходитъ конецъ его рабочей силѣ—иногда же и заблаговременно — онъ дѣлалъ въ свой мірской монастырь вкладъ и получалъ изъ монастыря вкладную, договорный актъ на счетъ условій, на какихъ онъ имѣетъ поступить въ монастырь. Часто случалось, что крестьянинъ уже имѣлъ въ монастырѣ старый вкладъ отца, дѣда или другихъ родственниковъ и только подбавлялъ къ нему. Вклады дѣлались деньгами, вещами (промысловыя орудія-неводъ, судно и т. д.), но чаще всего землей—пока государство не стало энергично преслѣдовать отчужденія земли въ монастырь. Величина вклада обусловливалась договоромъ. Въ силу этого договора вкладчикъ получалъ право требовать отъ монастыря обезпеченія во всѣхъ своихъ потребностяхъ не только для себя, но и для всей своей семьи, которая всегда приписывалась къ вкладу. Для вкладчика нисколько не было обязательнымъ поступленіе въ монастырь—это было дѣломъ его воли: онъ имѣлъ право требовать для себя и семьи содержанія въ обусловленныхъ договоромъ предѣлахъ, и ничѣмъ не обязывался монастырю. Такимъ образомъ монастырь служилъ какимъ-то своеобразнымъ пенсіоннымъ фондомъ *). „Положила язъ, Парасья", пишется въ одномъ такомъ вкладномъ актѣ, „ту пожню Николѣ Чудо-

*) Останавливаемся на этомъ учрежденіи, такъ какъ оно было, кажется, на сѣверѣ совершенно оригинально мѣстнымъ явленіемъ. Мы разспрашивали у одного спеціалиста по исторіи церковнаго права, и онъ намъ сказалъ, что ничего аналогичнаго онъ не знаетъ въ исторіи нашихъ монастырей.

творцу въ домъ за себя и за дѣтей своихъ и за внука своего и какъ мы будемъ въ монастырь и строителю съ братіею насъ въ монастырѣ поить, кормить и обувать и одѣвать всѣхъ четырехъ, и обутокъ и одежда давать изъ казны посильнымъ дѣломъ; и какъ язъ, Парасья, захочу постричься или посхимиться или дѣти мои или внукъ мой и насъ четверыхъ всѣхъ постричь и посхимити и платье черное изъ казны посильнымъ же дѣломъ*). Вотъ какъ описываетъ этихъ вкладчиковъ инквизиторъ въ донесеніи холмогорскому архіерею въ 1724 г. „Въ холмогорской епархіи во многихъ монастыряхъ и пустыняхъ содержатся многіе вкладчики съ женами и дѣтьми (жили они частью въ самомъ монастырѣ, частью въ деревняхъ), и оные не вкладчики, но грабители и тунеядцы, и придетъ де оный мужикъ въ монастырь, дастъ вкладу десять рублевъ или больше и возьметъ изъ того монастыря договорное письмо, что ему жить въ томъ монастырѣ и ѣсть и пить за трапезою, а женѣ изъ того монастыря отсылкой хлѣбъ давать до смерти четвертей по пяти или по шести, да ему ни на какіе труды братскіе не ходить, также дать ему изъ монастыря корову и оную корову кормить ему монастырскимъ сѣномъ; а оные-де вкладчики, пришедъ изъ государевыхъ волостей съ тяголъ, у которыхъ оные тягла впустѣ, и таковыхъ вкладчиковъ и совершенныхъ монастыремъ раззорителей и не плательщиковъ его Императорскаго Величества податей и жительство имѣющихъ въ таковыхъ пустыняхъ—множество, а въ оныхъ де монастыряхъ и пустыняхъ братіи по малому числу и таковыхъ раззорителей и тунеядцовъ человѣкъ пятьдесятъ съ женами и дѣтьми при монастыряхъ живущихъ и за трапезу ходящихъ съ братіею..." Раздражительный тонъ доношенія показываетъ, какъ высшая церковная іерархія начала относиться къ этому мужицкому учрежденію. Монастырямъ было выгодно дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ согласно желаніямъ своего начальства, и вотъ они начали выгонять вкладчиковъ „своихъ раззорителей и грабителей", разумѣется, оставляя за собой вклады. У насъ есть челобитная архіерею на Архангельскій монастырь одного слѣпаго. Онъ положилъ заблаговременно порядочный вкладъ за себя, жену и дочь; жена и дочь умерли, такъ что онъ остал-

*) Вкладная въ Моржегорскій монастырь 1629 г.

ся одинъ пользоваться своимъ вкладомъ; тѣмъ не менѣе монастырь перестал̾ъ давать ему одежду и содержаніе, предоставляя «помирать гладною смертью».

Такимъ образомъ крестьянство устраивало себѣ монастыри, съ одной стороны, съ цѣлью дать пріютъ „безвкладнымъ“ нищимъ; съ другой стороны, чтобъ путемъ вклада дать каждому изъ среды себя возможность обезпеченія на случай старости и болѣзни (въ одной вкладкѣ прямо оговаривается, что монастырь долженъ его, вкладчика, во время болѣзни «посѣщать и дозирать какъ и въ прочихъ обителяхъ *). Иногда крестьянамъ удавалось довольно долго удержать монастырь въ своихъ рукахъ: Чухченемскій монастырь больше ста лѣтъ былъ мірскимъ. Но все-таки, рано или поздно, въ одинъ прекрасный день точно съ неба сваливался указъ, посредствомъ котораго „мірскимъ людямъ отказываютъ и владѣть тѣмъ монастыремъ не велятъ“ **). Монастырь же, въ силу указа, отводится какому-нибудь старцу, которому удавалось на Москвѣ „воровски оболгать“, что тотъ „монастырь пустъ и церковь Божія безъ пѣнія стоитъ“, или приписывался къ какому-нибудь другому богатому мѣстному или центральному монастырю, къ архіерейскому дому, якобы для его благоустройства, въ сущности же для эксплуатаціи его доходовъ. Такимъ образомъ мірской монастырь вдругъ ускользалъ изъ рукъ крестьянъ въ какую-нибудь Троицко-Сергіевскую Лавру, которая уже распоряжалась имъ по своему. Понятно, что крестьянство озлоблялось и дѣло доходило до пожаровъ и „грабежей“, насильственнаго отнятія документовъ.

Получивъ независимое отъ крестьянства существованіе, опирающееся лишь на церковную организацію, монастырь является по отношенію къ крестьянству уже исключительно крупнымъ и юридически очень сильнымъ собственникомъ, главная тенденція котораго возможно больше расширить свои владѣнія и возможно увеличить ихъ доходность.

Жалованныя грамоты, купчія, данныя и др. документы на землю, которые до-сихъ поръ тысячами хранятся въ архивахъ сколько-нибудь значительныхъ монастырей, показы-

*) Вкладная въ Моржегорскій монастырь 1608 г.

**) Дѣло о Чухченемскомъ монастырѣ—розыскъ 1650 г.

ваютъ, какъ велико было монастырское землевладѣніе. Но, опредѣлить эту величину цифрами, даже приблизительно, очень трудно. Такъ какъ способы пріобрѣтенія земельныхъ имуществъ имѣли, большею частью, случайный характеръ, то и самыя владѣнія были чрезвычайно разбросаны: отдѣльныя деревни въ разныхъ волостяхъ, доли въ разныхъ деревняхъ, случайно доставшіеся куски полей и пожень; при томъ же владѣнія разныхъ монастырей были перемѣшаны, такъ что въ одной деревнѣ одна доля могла принадлежать одному монастырю, другая другому, третья крестьянину и т. д.

Только владѣнія одного Соловецкаго манастыря лежали компактной массой на протяженіи многихъ сотъ кв. верстъ, что не мѣшало Соловецкому монастырю владѣть отдѣльными деревнями и кусками земли въ мѣстностяхъ, очень отдаленныхъ отъ этой центральной массы. Хорошо освѣщаетъ значеніе монастырскаго землевладѣнія на сѣверѣ тотъ фактъ, что въ XVI—XVII вв. почти нельзя натолкуться ни на одно сколько-нибудь значительное промысловое угодье, тоню, варницу, гдѣ бы львиная доля не принадлежала монастырямъ, мѣстнымъ и центральнымъ.

Заручившись землей, монастыри успѣли заручиться и различными привиллегіями, которыми ихъ очень охотно одаряли московскіе государи. Съ помощью этихъ привиллегій монастыри могли оказывать на судьбы населенія своихъ земель такое вліяніе, какое было немыслимо для другихъ непривиллегированныхъ вотчинниковъ. Къ монастырямъ надо причислить и архіерейскій домъ. Утвердившись къ концу XVII стол. на холмогорахъ, онъ сразу сталъ въ положеніе очень сильнаго вотчинника, такъ какъ къ нему было приписаны земли нѣсколькихъ мѣстныхъ монастырей и церквей.

Церкви, какъ землевладѣльческій элементъ, были совсѣмъ въ другомъ положеніи, чѣмъ монастыри. Дѣло въ томъ, что церкви не успѣли получить самостоятельности отъ міра. Онѣ оставались въ полномъ распоряженіи крестьянъ до относительно поздняго времени, до начала XVIII столѣтія; да и позже, хотя главная власть надъ церквами и церковной собственностью отходитъ къ архіерейскому дому, мірскіе люди съ выборнымъ церковнымъ прикащикомъ все-таки еще не теряютъ окончательно своихъ старыхъ правъ. Помимо сво-

его общественнаго значенія (церковная трапеза—мѣсто мірскихъ сходокъ и суда), церкви долго сохраняли и тотъ характеръ благотворительныхъ учрежденій, какой былъ у мірскихъ монастырей: при церквахъ устраивались кельи для нищихъ. Крестьянство одѣляло свои церкви землей: жертвовали отдѣльныя лица, волость давала запустѣвшія земли, не имѣвшія владѣльцевъ; наконецъ, церковь сама, на церковныя средства, покупала земли или брали ихъ въ залогъ подъ денежныя ссуды. Писцы, переписывавшіе землю, обыкновенно тоже не отказывались по просьбѣ церкви приписать къ ней какую-нибудь пустошь. Такимъ образомъ, хотя каждая отдѣльная церковь и не могла сравняться по размѣрамъ своего земельнаго имущества, съ монастыремъ даже средней руки, но въ общей сложности у церквей была масса земель. Обыкновенно, церковь имѣла деревни въ своей волости; но нерѣдко ей принадлежали деревни, доли деревень и угодья также и въ чужихъ волостяхъ, иногда очень отдаленныхъ *). Находясь въ зависимости отъ міра, раздѣляя съ нимъ его „чернотяглую" судьбу, церковь не успѣла развить въ себѣ тѣхъ спеціальныхъ землевладѣльческихъ свойствъ и тенденцій, которыя развили въ себѣ монастыри. Онѣ ничего не добились, кромѣ привиллегіи—и то въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ—писаться, и, слѣд., и облагаться „особьстатьей", „опричь волостныхъ людей".

Начиная съ половины XVI вѣка, то-и-дѣло повторяются указы, стѣсняющіе, а то и категорически запрещающіе отчужденіе земель церквамъ и монастырямъ. Спеціально для сѣвера съ особенной настоятельностью шлются указы и разсылаются памяти въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка, „чтобы никто на посадехъ изъ посадскихъ людей, и въ волостяхъ изъ волостныхъ крестьянъ государевыхъ оброчныхъ и черныхъ тяглыхъ деревень и земель и всякихъ угодій въ монастыри и къ церквамъ не отдавалъ въ закладъ и не прода-

*) Напр. въ Матигорской церкви—не бѣдной, но и не выдающееся богатой—вотъ сколько было земли по писцовымъ и переписнымъ книгамъ XVII вѣка: въ своей волости—9 деревень, кромѣ бѣлой церковничеcкой, затѣмъ 3 деревни въ Лодомской волости, 1 деревня въ Курейской, 1 дер. на Ровдинѣ-горѣ, 1 дер. въ Быстрокурской вол., 2 деревни и починокъ въ Заостровской вол. все это на протяженіи по-крайней-мѣрѣ ста верстъ по берегу Двины.

валъ подъ угрозой смертной казнью". Сдѣлано было распоряженіе, чтобъ указъ объ этомъ читался всюду и копія съ него имѣлась въ каждой церковной казнѣ. Дѣйствительно, съ тѣхъ-поръ мы не встрѣчаемъ больше оффиціальныхъ актовъ, отчуждающихъ земли въ церкви и монастыри; но тѣмъ не менѣе количество земель у церквей продолжаетъ какими-то путями приращаться, что ясно видно изъ сравненія писцовыхъ и переписныхъ копій разныхъ годовъ. Послѣ того, какъ земли были отобраны отъ монастырей, появляются указы, подтверждающіе права церквей на ихъ земли *).

Къ непривиллигированнымъ вотчинникамъ принадлежали, кромѣ церквей, купцы и посадскіе люди. Большая часть ихъ владѣній находилась среди крестьянскихъ земель; но встрѣчаются случаи и совершенно обособленнаго владѣнія. Купцы и посадскіе—землевладѣльцы оказывались среди крестьянъ слѣдующими путями: во-первыхъ, крестьяне сами могли уходить въ города, приписываясь въ купечество или въ посадское тягло и „унося съ собой землю;" во-вторыхъ, купцы и посадскіе могли покупать землю у крестьянъ или получать ихъ по духовнымъ завѣщаніямъ и частнымъ сдѣламъ всякаго рода. Обособленное владѣніе могло доставаться въ руки отдѣльныхъ лицъ лишь при посредствѣ правительства. Такъ оно и бывало. Напр., купецъ Кромининъ владѣлъ Семжинскимъ берегомъ въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ. Царицѣ Натальѣ Кириловнѣ понравился его садъ въ Москвѣ, но Кромининъ не хотѣлъ его продать за деньги, а согласился уступить, если ему будетъ пожалованъ Семжинскій берегъ, приглянувшійся ему, когда онъ ѣздилъ по торговымъ дѣламъ на сѣверъ **) и т. д. Довольно извѣстна мѣстная легенда, которая разсказываетъ, что Петръ Великій хотѣлъ пожаловать кораблестроителя купца Баженина всѣми землями, лежащими вокругъ Баженинской деревни Вавчуги, на что Баженинъ будто бы отвѣчалъ отказомъ. „не пристойно де мнѣ владѣть себѣ подобными..."

---

*) Напр. указъ 1768 г., воспрещающій касаться земли, закойно состоящей за церквами и церковнослужителями.

**) Современникъ 1848 г. т. 8-й. Разсказъ о кочеваніи по тундрамъ Самоѣдскимъ, Исляввин.

Баженинъ былъ богатѣйшій изъ мѣстныхъ купцовъ-землевладѣльцовъ. Онъ владѣлъ нѣсколькими деревнями въ околопосадныхъ (посады-Холмогоры) волостяхъ и множествомъ угодій, таглыхъ и оброчныхъ. Великодушіе, о которомъ говоритъ легенда, не мѣшало однако ему и его потомкамъ настойчиво стремиться къ тому, чтобы выдѣлить свои земли изъ мірскаго тягла и создать себѣ такимъ путемъ привилегированное, дворянское положеніе. Благодаря личному вліянію, Баженинымъ и удалось кое-что сдѣлать въ этомъ направленіи. Вообще, исторія баженинскихъ земель очень интересна: на ней можно прослѣдить процессъ, какимъ изъ простаго крестьянскаго землевладѣнія создается привиллегированное и дальнѣйшую судьбу этого привиллегированнаго, которое на сѣверѣ снова возвратилось къ своему первоначальному крестьянскому типу. Въ третьей статьѣ мы остановимся на этой поучительной исторіи.

Вообще, въ этой категоріи владѣльцовъ нѣтъ крупныхъ вотчинниковъ. Баженинъ представляетъ исключеніе, да и его можно назвать крупнымъ только очень условно: на его земляхъ сидѣло всего-на-все около пятидесяти крестьянъ. Остальные владѣльцы изъ купцовъ и посадскихъ владѣли, на крестьянскомъ положеніи, деревнями и долями деревень и отдѣльными угодьями, чаще всего пожнями, обыкновенно въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Кромѣ купцовъ и посадскихъ, встрѣчаются, въ качествѣ деревенскихъ владѣльцовъ, и другіе люди разнаго званія, духовенство, служилые и т. д. на такихъ же правахъ и по такимъ же основаніямъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ привиллегированномъ вотчинникѣ—государѣ. Извѣстно, что въ новгородскій періодъ исторіи сѣвера московскіе государи пріобрѣтали въ Заволочьѣ земли, которыми владѣли на частномъ правѣ. Но исторія этихъ земель темна, и онѣ незамѣтно смѣшались съ государственными землями. Слѣды этой исторіи сохранились въ существованіи особой группы крестьянъ, принадлежащихъ государю-кречатьихъ помытчиковъ. Въ Важеской землѣ, которая тоже входитъ въ предѣлы нынѣшней Архангельской губ., образовалось большое удѣльное владѣніе, но мы оставляемъ его въ сторонѣ, чтобъ не усложнять работы.

V.

Работа Бѣляева „Крестьяне на Руси" посвящена исключительно разъясненію процесса, посредствомъ котораго наши старинные, лично свободные и безземельные, крестьяне-половники обратились въ крѣпостныхъ. Хотя Бѣляевъ признаетъ исконное существованіе у насъ крестьянъ-земцовъ, и притомъ въ двухъ видахъ, въ видѣ общинниковъ и личныхъ собственниковъ, но дальнѣйшая ихъ судьба какъ-то незамѣтно скрывается въ тѣни того главнаго процесса, къ которому Бѣляевъ сводитъ исторію русскаго крестьянства. Изъ его книги мы узнаемъ только, какъ безземельные крестьяне прикрѣплялись постепенно къ владѣльческой землѣ.

Процессъ постепеннаго прикрѣпленія свободныхъ земледѣльцовъ къ землѣ и обращеніе ихъ въ лично несвободныхъ крѣпостныхъ крестьянъ вырисовывается изъ изложенія Бѣляева широко, полно и несмотря на нѣкоторую спутанность деталей, очень рельефно. Но все-таки нельзя опускать изъ виду, что главное вниманіе Бѣляева обращено на оффиціальные памятники и правительственныя мѣропріятія. Совпадалъ-ли жизненный процессъ съ его отраженіемъ на оффиціальной поверхности? Факты показываютъ, что нѣтъ. Можетъ-быть, жизненныя теченія центра и находились въ большей или меньшей гармоніи съ указами, но окраины были въ другомъ положеніи.

Общеизвѣстный фактъ, что на сѣверѣ половники существовали до позднѣйшаго времени: въ Архангельской губ. они были еще въ концѣ прошлаго вѣка, въ Вологодской—и въ настоящемъ столѣтіи, чуть не до нашихъ дней. Что значитъ этотъ фактъ? Были-ли половники на сѣверѣ какимъ-нибудь, случайно удержавшимся, исключеніемъ среди прочихъ владѣльческихъ крестьянъ? Ничуть не бывало; масса крестьянъ, не имѣвшихъ собственной земли, сидѣла на чужихъ земляхъ, въ качествѣ половниковъ, послѣ всѣхъ законовъ о прикрѣпленіи точно также свободно, какъ и до этихъ законовъ. Значитъ, эти законы, въ силу какихъ-нибудь особыхъ условій и обстоятельствъ, совсѣмъ не примѣнялись на сѣверѣ? И

того нѣтъ: на сѣверѣ одновременно были и владѣльческіе крестьяне въ настоящемъ „центральномъ" смыслѣ этого слова.

Чѣмъ же объусловливалась эта разница?

Въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губ. несвободные крестьяне оказались на земляхъ лишь одной категоріи владѣльцовъ, а именно на земляхъ монастырей—на земляхъ всѣхъ остальныхъ разнообразныхъ владѣльцовъ крестьяне сохранили свою старинную свободу. Но очевидно сила была тутъ не въ монастырѣ, какъ монастырѣ: далеко не на земляхъ всѣхъ монастырей крестьянство лишилось своей свободы. Землевладѣльцами крѣпостническаго типа оказывались лишь немногіе богатые и сильные монастыри—во главѣ ихъ Соловецкій, Антоніевъ-Сійскій и Холмогорскій архіерейскій домъ. Ларчикъ открывается просто: крестьяне лишались своей свободы лишь тамъ, гдѣ землевладѣльцы были достаточно сильны, чтобъ ихъ ея лишить.

Юридическая сила монастырей, т.-е. собственно немногихъ привиллегированныхъ изъ общей ихъ массы, объусловливалась тѣми разнообразными и важными правами, которыми поступалось въ ихъ пользу государство: они имѣли право суда, право собственнаго управленія, свободнаго отъ вмѣшательства правительственныхъ агентовъ, право изъятія отъ нѣкоторыхъ видовъ обложенія, право собственной раскладки и т. д. и т. д. Соловецкій монастырь былъ въ такой степени государствомъ въ государствѣ, что самъ организовалъ военную защиту, строилъ крѣпости, входилъ въ сношенія съ пограничными государствами. Понято, что при такихъ рессурсахъ ему, да и другимъ сильнымъ монастырямъ, легко было дѣйствовать въ выгодномъ для себя направленіи даже вопреки всякимъ указамъ—не то что пользоваться благопріятными указами.

Но было бы ошибочно думать, что масса монастырскихъ, т.-е. единственныхъ крѣпостныхъ крестьянъ на сѣверѣ, образовалась черезъ прикрѣпленіе половниковъ. Главный процессъ закрѣпощенія шелъ не этимъ путемъ.

Правительство постоянно жаловало вліятельнѣйшимъ изъ монастырей вотчины въ видѣ цѣлыхъ черносошныхъ государевыхъ волостей. Напр., Соловецкому монастырю, за нѣ-

сколько лѣтъ до перваго извѣстнаго намъ указа о прикрѣпленіи, Θеодоръ Іоанновичъ пожаловалъ Кемскую волость въ добавленіе къ пожалованной уже Подужемской, Пабозерской и Маслозерской волостямъ „въ вотчину впрокъ со крестьяны и со дворовыми мѣсты и со всякими угодьи, и съ тамгой и съ рыбной десятиной и крестьянъ имъ вѣдати и судити" *). Къ Сійскому монастырю при основаніи его были пожалованы земли вокругъ него „съ трехъ сторонъ по три версты, и съ четвертую на пять верстъ" **), разумѣется со всѣмъ, что заключалось въ этомъ районѣ, и потомъ жалованы были волости. Напр., въ 1615 г. велено къ Сійскому монастырю „въ волости Варзупѣ отвезти дворовыхъ крестьянъ и рыбныхъ ловель и всякихъ угодій чѣмъ владѣютъ Варзунскіе волости крестьяне третью долъ" ***). Къ Холмогорскому архіерейскому дому; кромѣ другихъ земель, перешедшихъ къ нему, была пожалована и приписана Чухченемская волость и т. д. и т. д.

Въ составъ населенія этихъ жалованныхъ волостей могли входить частью жильцы или тяглецы—люди, получившіе отъ волостей запустѣвшія земли, могли входить и крестьяне-половники, сидѣвшіе на чужихъ земляхъ; но въ огромномъ большинствѣ случаевъ населеніе волостей состояло изъ крестьянъ-земцовъ, собственниковъ своихъ деревень или долей. Борьба между владѣльцомъ и владѣемымъ—если только можно назвать борьбой процессъ, въ теченіе котораго одна сторона постепенно и незамѣтно наступала, а другая также постепенно и незамѣтно отступала—велась собственно не изъ-за прикрѣпленія. Крестьянинъ-собственникъ былъ и безъ того „крѣпокъ" своей землѣ. Передача въ монастырь не уничтожала этой естественной крѣпости. Считаясь монастырской, какъ прежде государевой, земля продолжала оставаться крестьянской собственностью. Совершенно естественна тенденція землевладѣльцевъ обратить свое фиктивное право въ реальное. Реализація же этого права была въ то же время отдѣленіемъ крестьянина отъ его земли—процессъ, совсѣмъ не похожій на прикрѣпленіе. Конечно, стѣсненіе личной свобо-

*) Акты Археол. экспедиціи т. I, 353.

**) Списокъ съ переписныхъ книгъ Семена Васильевича Волынскаго.

***) Тамъ-же.

ды всюду шло параллельно, было-ли то прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ или отдѣленіе его отъ земли.

Интересно слѣдить за тѣмъ, какъ землевладѣльцы мало по-малу стѣсняли крестьянъ въ ихъ первоначальныхъ правахъ собственности. Сначала крестьяне совершенно свободно распоряжаются своей земельной собственностью: земля, конечно, не свободна, на ней лежатъ, кромѣ государственныхъ, если монастырь не успѣлъ ее обѣлить, и владѣльческія обязательства, но крестьянинъ, еще самъ лично свободный, не лишается права распоряжаться землей по своему усмотрѣнію. Онъ ее свободно отдаетъ на порядъ и отчуждаетъ даже лицамъ совершенно постороннимъ: „Се азъ, архіерейскій крестьянинъ, такой-то заложилъ посадскому человѣку такому-то статки отца своего и свое владѣніе половину пожня своей сѣнныхъ покосовъ по купчей отца своего... А буде я, заимщикъ, тѣхъ денегъ на срокъ не заплачу и тое своей половины пожни не выкуплю и по сродѣ вольно ему тоею моею половиною пожнею владѣть до выкупа“ *) О правахъ землевладѣльца здѣсь нѣтъ и рѣчи. Но этого права—отчужденія земли на сторону—крестьяне естественно должны были лишиться, такъ какъ оно въ корнѣ подрывало владѣльческія права: покупщикъ могъ, если бы хватило силы, отбиться отъ всякихъ монастырскихъ повинностей и „унести съ собой землю“, какъ тогда выражались. Но среди себя—въ одной волости или и разныхъ волостяхъ, но принадлежащихъ одному владѣльцу—крестьяне еще продолжаютъ свободно распоряжаться землею и отчуждать ее. Сначала все это дѣлается помимо владѣльца. Продали мы и поступились въ вѣчное владѣніе тоя-жь вотчины Антоніева-Сійскаго монастыря крестьянину... оставленіе у покойныхъ дѣда и отца своего и свое владѣніе въ островахъ такихъ-то девятый участокъ и т. д. **) Землевладѣлецъ все-таки остается пока въ сторонѣ. Но вотъ вотчинное управленіе вынуждаетъ крестьянъ дѣлать у себя явки сдѣлкамъ, касающимся земли. ***) Наконецъ, такія сдѣлки могутъ совершаться лишь „съ вѣдома и благословленія“

*) Закладная 1697 г.
**) Купчая 1724 г.
***) Поступное письмо 1754 г.

монастырскаго начальства и „по воли властелинской“. *) Однако видно, что вотчинники все-таки признаютъ за крестьянами въ значительной степени ихъ права на землю. Въ то же время землевладѣльцы дѣлаютъ попытки поставить это дѣло на иныхъ основаніяхъ, болѣе согласныхъ съ владѣльческими интересами. Архіерей Аѳанасій издаетъ для своихъ вотчинъ указъ, запрещающій „крестьянамъ промежъ себя землю продавать и покупать“, вообще „подписывать ее ввѣкъ и вдернь“, а оставляющій за ними лишь право закладывать ее на время выкупа. Но этотъ указъ шелъ такъ рѣзко въ разрѣзъ съ исконнымъ крестьянскимъ взглядомъ на землю, что встрѣченъ былъ съ большимъ неудовольствіемъ. Крестьяне подаютъ Аѳанасію челобитную объ отмѣнѣ указа, курьезно мотивируя свою просьбу: ...„Пожалуй насъ сиротъ твоихъ, благослови Государь насъ межъ собою земли свои нужды ради продавать и закладывать для того что у насъ, сиротъ твоихъ, хлѣбная скудость почасту бываетъ и морозомъ на всякой годъ позябаетъ и инымъ прокормиться нечѣмъ толки не продажею земланою или закладомъ“. **).

Процессъ нигдѣ не дошелъ до своего естественнаго конца, такъ какъ онъ былъ прерванъ отобраніемъ земель у монастырей. А между тѣмъ экономическое закрѣпощеніе, которое шло впереди и выражалось все увеличивающимся количествомъ барщинъ и платежей, и закрѣпощеніе личное достигло значительныхъ размѣровъ. Кромѣ платежей, которые брались въ опредѣленномъ размѣрѣ съ каждаго тягла, каждая владѣльческая волость должна была отбывать массу разнообразной барщины, величина которой произвольно опредѣлялась владѣльцемъ. Личность крестьянина была стѣснена уже въ такой степени, что владѣльцы могли мѣняться землей съ сидящими на ней крестьянами; крестьянинъ не могъ, безъ согласія владѣльца, напр., уйти въ монастырь, хотя бы всѣ платежи съ его участка были обезпечены владѣльцу и т. д.

Получивъ въ вотчину волость, землевладѣлецъ прежде всего вервилъ ее своею особою веревкою, размѣръ которой имъ самимъ опредѣлялся. Крестьянину, собственнику участка,

*) Купчая 1764 г.

**) Челобитная крестьянъ Чухченемской волости 1683 г.

находившагося въ предѣлахъ пожалованной вотчины, ничего не оставалось для охраненія личной свободы, какъ отказаться отъ своей собственности и идти прочь: если онъ допускалъ заверить на свое имя землю, онъ тѣмъ самымъ дѣлался владѣльческимъ крестьяниномъ. Когда въ архіерейскій домъ была пожалована, во второй половинѣ XVII-го вѣка, Чухченемская волость, многіе крестьяне „отказывались жить за архіереемъ въ крестьянствѣ" и не хотѣли записываться на свои деревенскіе участки. Они бросали свои земли, которыя вотчинникъ раздавалъ крестьянамъ, рѣшившимся остаться на своей землѣ въ качествѣ владѣльческихъ крестьянъ. Но если одни крестьяне уходили, то всегда находились другіе, нуждающіеся, бобыли, которые охотно брали удобныя земли не только на половническихъ условіяхъ, но „на вѣчное поселеніе", не смущаясь перспективой закрѣпощенія.

Но кромѣ пожалованій, былъ и еще способъ, которымъ свободные люди обращались въ владѣльческихъ крестьянъ: это заселеніе владѣльческихъ земель. У крупныхъ землевладѣльцевъ всегда была масса пустопорожнихъ земель. Удобнѣйшія изъ этихъ земель облюбовывались свободными людьми, нуждающимися въ землѣ, и брались ими на росчисть. Но тотъ, кто брался расчистить пустую землю, т.-е. создать своимъ трудомъ новую деревню во всѣхъ ея составныхъ частяхъ, не могъ находить для себя выгоднымъ половническій договоръ, который необходимо давалъ его праву на землю характеръ найма, временнаго пользованія. Только право собственности на землю могло вознаградить человѣка, рѣшившагося взять на себя такой трудъ—хотя бы даже условной и рискованной собственности, грозящей закрѣпощеніемъ. Въ pendant къ извѣстной формулѣ, посредствомъ которой государевъ черный крестьянинъ-собственникъ обозначаетъ свое отношеніе къ землѣ: „государева вотчина, а мое поселье", крестьяне этого вида формулировали свое отношеніе къ землѣ такъ: „трудовъ нашихъ архіерейская (или монастырская) земля". Вопросъ о томъ, „чтобъ труды не были напрасны" былъ важнѣе и насущнѣе всѣхъ вопросовъ о личныхъ правахъ. И вотъ, когда открывались въ чьей-нибудь вотчинѣ такая удобная для заселенія земля, изъ разныхъ мѣстъ, даже очень отдаленныхъ, стекалось нуждающееся въ землѣ и садилось, не обезпечивая себя

никакими договорами и заботясь только о томъ, чтобъ удержать за собой землю. Единственное, о чемъ они просятъ вотчинника, это — нѣсколько лѣтъ льготы: по истеченіи льготныхъ годовъ, они поступаютъ въ полное распоряженіе вотчинника.

Чтобъ понять эту готовность, съ которой вольные люди накладывали себѣ на шею крѣпостную петлю, не надо опускать изъ виду, что эта петля затягивалась очень медленно. А пока что, монастырскіе крестьяне всегда имѣли въ вотчинникѣ сильнаго защитника, готоваго и способнаго поддерживать ихъ въ правѣ и въ не-правѣ. Въ актахъ нерѣдко встрѣчаются жалобы тяглыхъ черносошныхъ крестьянъ на монастырскихъ, которые захватываютъ у нихъ то тò, то другое угодье, дѣлаютъ себѣ новыя расчисти за крестьянскими землями, а за своими чистить не даютъ, не хотятъ нести мірскихъ службъ, „отъимаясь тарханными грамотами" и т. д. *). При такомъ состояніи общества, когда право должно уступать мѣсто произволу и усмотрѣнію—немудрено, что люди искали защиты сильнаго, закрывая глаза на будущее даже въ то время, когда это будущее уже вырисовывалось очень отчетливо, какъ это и было въ XVIII-мъ вѣкѣ: въ то время даже, когда болѣе проницательные, а можетъ-быть и менѣе вынуждаемые необходимостью готовы были жертвовать своей собственностью, лишь бы уйти отъ этого будущаго, какъ мы видимъ изъ вышеупомянутаго примѣра крестьянъ Чухченской волости.

Итакъ, на крайнемъ сѣверѣ владѣльческіе, т.-е. монастырскіе и архіерейскіе, крестьяне образовались или изъ населенія пожалованныхъ государствомъ черныхъ государевыхъ волостей или изъ вольныхъ людей, поселявшихся на вновь расчищенныхъ владѣльческихъ земляхъ. Та и другая группа крестьянъ смотрѣла на землю какъ на свою собственность и была этой землѣ въ извѣстномъ смыслѣ „крѣпка". Центръ закрѣпостительнаго процесса двигался не въ направленіи прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, а въ направленіи постепеннаго отобранія правъ свободнаго человѣка и въ экономическомъ закабаленіи.

Но какую роль въ закрѣпощеніи игралъ на сѣверѣ тотъ элементъ, который, по мнѣнію Бѣляева, составлялъ главную

*) Арх. Губ. Вѣд. 1870 г. Матеріалы для исторіи поземельнаго владѣнія въ Арханг. губ.

массу позднѣйшихъ крѣпостныхъ крестьянъ т. е. безземельные, садившіеся на землю по свободному договору, половники? Были-ли они закрѣпощаемы землевладѣльцами?

Вотчинники того типа, о которомъ у насъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, всегда имѣли, кромѣ болѣе или менѣе закругленныхъ округовъ, отдѣльныя деревни и доли деревень, разбросанныя среди государевыхъ черныхъ волостей. Эти деревни и деревенскія доли, жеребьи, доставались имъ путемъ духовныхъ завѣщаній, вкладовъ и разныхъ частныхъ сдѣлокъ. Представляя изъ себя совсѣмъ устроенныя хозяйства, нетолько распаханную землю, но, большею частью, также и дворъ со всѣмъ, къ нему относящимся, эти деревни и деревенскія доли обыкновенно отдавались на половническомъ договорѣ. Часто старые собственники, уступивъ свое право, оставались на своихъ участкахъ въ видѣ половниковъ — объ этомъ будетъ рѣчь ниже; но и посторонніе свободные люди всегда садились на такія земли на время, по договору. Прикрѣплялись-ли половники къ землѣ?

Мы не имѣемъ ясныхъ свидѣтельствъ ни за, ни противъ. Правда, встрѣчаются указанія на дѣла въ родѣ отдачи на поруки съ записями крестьянъ такихъ-то „что имъ Сійскаго монастыря въ деревняхъ жить на старыхъ участкахъ и подати всякіе въ монастырь платить, а за непослушаніе учинить имъ наказаніе". Но идетъ-ли здѣсь рѣчь о половникахъ или настоящихъ владѣльческихъ крестьянахъ—не видно. Указы о прикрѣпленіи были извѣстны на сѣверѣ очень рано. Еще отъ 1592 г. мы знаемъ грамоту Ѳеодора Іоановича Николаевскому Корельскому монастырю о томъ, чтобы вышедшихъ изъ его вотчинъ крестьянъ выслать обратно. Тѣмъ не менѣе, половники, всегда и у всѣхъ вотчинниковъ, составляли значительный процентъ населенія ихъ земель. Слѣдовательно, если указы о прикрѣпленіи и примѣнялись къ половникамъ, то развѣ въ видѣ исключительныхъ случаевъ. Конечно, такіе сильные вотчинники, какъ Соловецкій или Антоніевъ-Сійскій монастыри, могли прикрѣпить своихъ половниковъ, если-бъ захотѣли. Вѣроятно, они не стремились къ этому, и надо думать по слѣдующимъ основаніямъ. Мы сказали выше, что процессъ отдѣленія крестьянина отъ земли не былъ доведенъ на сѣверѣ до его естественнаго конца: вотчинники все еще продолжали признавать, въ

большей или меньшей степени, за крестьянами право собственности на ихъ землю. Понятія о земельной собственности пока еще держались на старыхъ основаніяхъ, хотя эти основанія и расшатывались. Земельная собственность владѣльца и юридически и фактически продолжала быть отличной отъ собственности его крестьянина. Прикрѣпить половника къ землѣ значило признать за нимъ право на землю, равное праву другихъ крестьянъ, т.-е. поступиться для него безспорной и неотъемлемой частью своихъ собственныхъ правъ. Положимъ, все это имѣло значеніе лишь до того момента, когда крестьянинъ будетъ окончательно обобранъ въ своихъ правахъ свободнаго человѣка, и въ виду этого момента было выгоднѣе теперь поступиться извѣстной долей своихъ правъ. Но вѣдь этотъ моментъ былъ все-таки въ грядущемъ, а синица въ рукѣ лучше журавля въ небѣ. Да и кто могъ строить свои разчеты на грядущемъ, когда указъ имѣлъ силу въ значительной степени отклонять въ ту или другую сторону направленіе этого грядущаго".

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной группѣ зависимыхъ крестьянъ—кречатнихъ помытчикахъ. Изъ старины—отъ XIV-го вѣка—князья московскіе выговорили себѣ у Новгородцевъ право на ловлю кречетовъ въ заволочьѣ и держали тамъ спеціальныхъ охотниковъ, которые ватагами ходили на промыселъ. Эти кречатые помытчики находились въ какомъ-то отношеніи личной зависимости къ великому князю—вѣроятно, это были его кабальные холопы *). Впослѣдствіи на ловлю кречетовъ могли пооброчиться и обыкновенные черные государевы крестьяне. Взявъ на себя обязательство доставлять государю опредѣленное количество кречетовъ, они освобождались за то отъ другихъ податей и службъ. Они выдѣлялись особь-статьей изъ мірскаго тягла, „равнялись межъ-собя землей", т.-е. только промежъ себя измѣряли ее для уравнительной раскладки, имѣли веревныя книги, отдѣльныя отъ той волости, въ которой они жили. Выдѣлившись изъ мірскаго тягла и неся службу, которая удовлетворяла потребностямъ государева двора, они постепенно стали въ крѣпостную зависимость отъ двора. Когда, съ конца прошлаго столѣтія, не стало надобности въ кре-

*) Акты Юридическіе, 19.

четахъ, помытчики оказались дворцовыми крестьянами; но позже они снова обратились въ государственныхъ крестьянъ.

Послѣдовательно проводя взглядъ государства на всѣхъ крестьянъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ, Петръ I началъ и на сѣверѣ давать указы о припискѣ крестьянъ къ заводамъ, которые онъ тамъ пробовалъ заводить. Но крестьяне энергически противились этому новому виду закрѣпощенія. Такъ, напр., на Печорѣ былъ устроенъ мѣдный заводъ: крестьяне, которые должны были на немъ работать, старались загребать и скрывать рудныя жилы—такъ что заводъ долженъ былъ прекратить свое существованіе *). Въ другомъ случаѣ крестьяне прямо раззорили заводъ. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ Архангельской губ., не оказалось ни заводовъ, ни заводскихъ крестьянъ.

VI.

Теперь перейдемъ къ половникамъ, чтобъ остановиться на нихъ подольше. Важное значеніе половничества для исторіи нашего крестьянства побуждаетъ насъ извлечь изъ нашихъ матеріаловъ побольше чертъ, которыя бы характеризовали этотъ видъ крестьянства, нѣкогда такъ распространенный. Писцовыя книги Новгородской области показываютъ, какъ страшно преобладали половники надъ своеземческимъ крестьянствомъ даже въ сѣверной полосѣ русскаго государства: при этомъ можно замѣтить, что чѣмъ глубже на сѣверъ, тѣмъ крестьянъ-собственниковъ становится относительно больше. На крайнемъ сѣверѣ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, численное отношеніе между крестьянами-собственниками и половниками было самое выгодное для первыхъ, хотя точной цифрой нельзя выразить этого отношенія, нельзя, за недостаткомъ данныхъ, рискнуть даже и на приблизительное опредѣленіе.

Мы всюду, вслѣдъ за Бѣляевымъ и другими изслѣдователями, называли наше безземельное крестьянство, сидѣвшее, по свободному договору, на владѣльческихъ земляхъ половниками, но должны здѣсь измѣнить терминологію. Удоб-

*) Путешествіе Лепехина, IV, 230.

нѣе употреблять термины такъ, какъ они употреблялись въ жизни.

Въ предѣлахъ Архангельской губ. крестьяне, садившіеся на владѣльческихъ земляхъ по свободному договору, „по рядѣ", „по порядку", всегда назывались порядчиками. Порядчики могли сидѣть изъ половины, изъ трета продукта, т. е. быть половниками или третниками, могли сидѣть и на другихъ условіяхъ, которыя были очень разнообразны и опредѣлялись каждый разъ договоромъ—все-таки это были порядчики. Такимъ образомъ половникъ былъ лишь частнымъ видомъ порядчика.

Многочисленныя церковныя земли эксплуатировались исключительно порядчиками: на монастырскихъ земляхъ порядчики сидѣли вмѣстѣ съ настоящими крестьянами, земли другихъ владѣльцевъ также могли обрабатываться самими владѣльцами, помощью наемныхъ работниковъ, хотя и на нихъ, большею частью, сидѣли порядчики. Но церковныя земли всегда отдавались на-порядъ. Церковный порядчикъ—самый распространенный видъ порядчика, а къ нему, по преимуществу, относятся сохранившіеся матеріалы, главнымъ образомъ, въ видѣ порядныхъ записей (больш. част. XVII-го, но также XVI-го и XVIII-го вѣковъ).

Прежде всего мы выдѣлимъ изъ массы порядчиковъ ту группу, которая пользовалась землей не по своему собственному, личному договору, а по условію, сдѣланному ихъ предками—старыми собственниками той земли, на которой теперь сидѣли, въ качествѣ порядчиковъ, ихъ потомки. Этого вида порядчики встрѣчались обыкновенно на церковной землѣ.

Крестьяне, которые желали сдѣлать, ради своей души, вкладъ въ церковь, не лишая въ то же время земельнаго обезпеченія свой родъ, отдавали земли въ церковь съ тѣмъ, чтобы ихъ родные, настоящіе и грядущіе, оставались на этой землѣ, какъ порядчики, на льготныхъ для нихъ условіяхъ, которыя точно опредѣлялись въ этомъ разъ навсегда сдѣланномъ договорѣ. Напр., *) большая семья умершаго крестьянина, его вдова и племянники, братнины и сестрины

*) Данная запись 1597 г.

дѣти, отдаютъ въ церковь „государеву цареву вотчину, а Филимонова (умершаго) владѣнье, дворъ и дворище двѣ доли деревеньки Оврамовщины и съ прикупными землями“, а третья доля деревеньки остается въ собственности одного изъ племянниковъ. Дается земля въ церковь подъ условіемъ что племянникъ, собственникъ третей доли деревеньки, долженъ также жить на порядѣ на подаренныхъ церкви двухъ доляхъ. Точно опредѣляется, сколько порядчикъ долженъ сѣять хлѣба на церковь и сколько платить „бразги“ (арендной платы) „на Филимоново поминанье“. „А не изволитъ или не изможетъ онъ на той земли жить, ино иной племянникъ Филимоновъ, которой изволетъ на той земли жить, и по тому на той земли и бразга ему платить по сей данной. А не изволемъ мы, племянники Филимоновы, на той земли жить или государевыхъ податей съ той земли не станемъ платить или бразгу Богоявленью не станемъ давать или землю запустошимъ или дворъ огнемъ а вново не прибавимъ и по съ тою землею съ Богоявленскою вѣдаетъ Богъ за міръ Богоявленскій приходъ“. Здѣсь въ условіе включены только живущіе родственники. Но иногда земля отдавалась въ церковь подъ такимъ условіемъ, что пока живъ родъ жертвователя, церковь не имѣетъ права „выживать“ этотъ родъ изъ деревни, а также измѣнять по своему произволу условія поряда, „переряживать“. Пока церковными землями завѣдывалъ міръ, права этихъ порядчиковъ „безъ пересоброчки“ оставались неприкосновенными. Но когда въ завѣдываніе церковными землями съ начала XVIII-го вѣка, началъ вмѣшиваться архіерейскій домъ, онъ сталъ нарушать права этихъ порядчиковъ, „переряживать“ ихъ, отбирая у нихъ ихъ старые документы.

Теперь перейдемъ къ порядчикамъ, которые сидѣли на владѣльческой землѣ по личному договору, „по поряду“, „порядѣ“. Порядъ всегда дѣлался на извѣстный срокъ; по окончаніи срока порядчикъ или кидалъ землю или дѣлалъ „перерядъ“, то на старыхъ условіяхъ, то со сбавкой, но чаще всего „съ новой наддачей“.

Порядчики, естественно, покидали неохотно насиженную ими землю. Между ними встрѣчаются порядчики „старые“ или „извѣчные“, т. е. такіе, которые втеченіи нѣсколькихъ

поколѣній жили на одной и той же землѣ. Впрочемъ, самый длинный срокъ, на какой мы имѣемъ указанія, 95 лѣтъ. Старые порядчики, повидимому, считали свое продолжительное пребываніе правомъ на особое къ нимъ вниманіе владѣльца: когда дѣло доходило до переряда, они всегда выставляли на видъ это обстоятельство, какъ такое, которое должно ихъ защищать отъ неумѣренныхъ требованій. Точно также порядчики считали нѣкоторымъ своимъ правомъ, противопоставляемымъ притязаніямъ владѣльца, и то обстоятельство, если они или ихъ предки сѣли не на готовую деревню, а на пустую землю: „а взяля тотъ участокъ дѣды ихъ и прадѣды испуста и распахивали и расчищали и дворы ставили они, дѣды ихъ и прадѣды, собою" (т. е. сами). Міръ, руководствуясь своими обычаями, принималъ въ разсчетъ такія и подобныя права церковныхъ порядчиковъ: но архіерейскій домъ не обращалъ на эти права никакого вниманія, такъ какъ они не основывались на законѣ или какихъ нибудь документахъ: порядчики извѣчные или сами распахивавшіе землю держались на землѣ до тѣхъ поръ, пока они удовлетворили требованіямъ „новой поддачи" и не наталкивались на конкурента, который могъ бы взять надъ ними верхъ при переоброчкѣ.

Въ порядчики шли или совсѣмъ безземельные люди или такіе, которые не могли прокормиться съ своего участка: послѣдніе сбывали какимъ-нибудь способомъ съ рукъ свою землю, продавали, передавали роднымъ, отдавали изъ тягла, отступались въ міръ, а сами садились на порядъ. Владѣлецъ земли обязанъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобъ садящійся на его землю былъ свободный человѣкъ, „въ службу нигдѣ не записанный" и не прикрѣпленный къ чьей-нибудь вотчинѣ, однимъ словомъ, не бѣглецъ; также и за тѣмъ, чтобъ онъ „нигдѣ не бывалъ въ приводѣ и въ воровствѣ". Съ другой стороны, вотчинникъ не упускалъ изъ виду и того, чтобы не отдать земли человѣку, который могъ-бы, въ силу принадлежности къ какой-нибудь привиллегированной группѣ, «отъиматься» отъ лежащихъ на землѣ обязательствъ (напр. кречатій помытчикъ) *).

*) Въ такомъ случаѣ это обстоятельство специально оговаривалось въ порядной: „А служба служить куда выберутъ а кречатьимъ помытчикомъ не отъиматься". Порядная 1683 г.

Порядчикъ, вновь садящійся на землю, обыкновенно оформливалъ свои отношенія къ владѣльцу письменно, посредствомъ такъ-называемой „порядокъ записи“. Но если, по истеченіи срока, онъ не кидалъ земли, а оставался на ней на прежнихъ или нѣсколько измѣненныхъ условіяхъ это не всегда влекло за собой новой „порядной“. Только въ XVIII-мъ стол., когда холмогорскій архіерейскій домъ началъ, и довольно-таки безцеремонно, распоряжаться церковными землями, старые церковные порядчики стали постоянно просить новыхъ порядныхъ записей, заявляя, что они иначе „жить опасны“, что они не хотятъ больше „простой“ владѣть безъ указу. Вѣроятно, они опасались, какъ бы имъ не очутиться „за архіереемъ во крестьянствѣ“.

Садился порядчикъ или на цѣлую деревню, „на всю безъ вывѣта“, или на какую-нибудь ея часть, чаще всего половину, но также треть, четверть, восьмую, полторы четверти, т.-е. три восьмыхъ *) и т. д. Случалось, что къ деревнѣ добавлялось по порядку какая-нибудь пожня или другое угодье изъ прикупныхъ земель владѣльца. При разложеніи деревни стали отдавать и брать на порядъ также и отдѣльные куски земли, поля, пожни. Иногда двѣ-три семьи соединялись и брали сообща на порядъ деревню.

Срокъ, на какой заключался договоръ поряда, колебался обыкновенно между 5 и 15 годами; часто встрѣчается срокъ въ 10 лѣтъ. Остальныя условія поряда, какъ мы уже сказали, были очень разнообразны. Да они и не могли не быть разнообразны. Одно дѣло, когда порядчикъ садился на бѣлой или оброчной деревнѣ, совсѣмъ другое—на тяглой; одно дѣло, когда бралась на порядъ цѣлая деревня, другое—когда бралась ея часть или даже просто какой-нибудь кусокъ: одно дѣло, сидѣть на хорошей, поддерживаемой въ порядкѣ землѣ, другое—на дурной, запущенной; одно дѣло, когда хозяйственныя постройки были на лицо, другое—когда ихъ приводилось строить порядчику и т. д.

У всѣхъ церквей были, кромѣ черныхъ тяглыхъ деревень, и бѣлыя: писцы обѣляли обыкновенно ту деревню, на которой стояла церковь и церковническіе дворы. Разумѣется, по-

*) Спасскія приходо-расходныя книги 1653.

рядчики обѣими руками ухватывались за бѣлыя деревни, съ которыхъ не нужно было ни платить потуговъ, ни нести службы. Разумѣется, они за то должны были платить гораздо больше бразги въ церковь, чѣмъ остальные порядчики; но несмотря на это, они все-таки не могли не находить своего положенія относительно спокойнымъ и льготнымъ. Интересно, что міръ, который вкладывалъ много заботы въ дѣло попеченія о церкви и ея земельномъ довольствѣ въ то же время, повидимому, неблагосклонно относился къ факту существованія бѣлыхъ церковныхъ деревень: онъ постоянно „легкуя" (т.-е. облегчая) себя, старался втягивать ихъ въ волостные разрубы, а когда земли „писались" (т.-е. переписывались) онъ старался бѣлыя церковныя деревни записать въ тяглыя. Это было однимъ изъ источниковъ часто встрѣчающихся тяжбъ между церковными порядчиками и міромъ. Въ такомъ же льготномъ положеніи находились порядчики, сидѣвшіе на владѣльческихъ оброчныхъ деревняхъ.

Но церковные порядчики на бѣлыхъ и оброчныхъ земляхъ были все-таки исключеніемъ въ массѣ церковныхъ и иныхъ порядчиковъ, сидѣвшихъ на „чернотяглыхъ" земляхъ.

Крестьянинъ, который бралъ на порядъ землю, бралъ на себя и всѣ обязательства, лежащія на этой землѣ по отношенію къ государству. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда отдавалась на порядъ не деревня или часть ея, а какой-нибудь кусокъ, оторванный отъ деревни, владѣлецъ оставлялъ за собой отправленіе общественныхъ и государственныхъ повинностей*). Такимъ образомъ обязательства порядчика рѣзко распадались на двѣ группы: обязательства общественныя — къ міру и государству—и обязательства къ владѣльцу.

Несмотря на то, что общественныя обязательства постоянно передавались порядчику вмѣстѣ съ землей, это всегда оговаривалось въ порядныхъ записяхъ: „а дань и оброкъ и посошкой хлѣбъ и всякіе волостные и земскіе разметы съ той деревни по разрубнымъ спискамъ платить намъ же (порядчикамъ) своими деньгами, „и подати великихъ государей и всякіе денежные доходы съ той деревни платить и всякіе отпуски земскіе расходы и въ мірскіе издержки и по мірскимъ

*) На церковныхъ оброчныхъ деревняхъ церковь тоже обыкновенно брала на себя оброкъ.

волостнымъ разрубамъ что міромъ разрубятъ и по мірскимъ выборамъ службы служить съ мірскими людьми врядъ" и т. д. Въ заключеніе давалось обязательство „въ разрубныхъ деньгахъ и службахъ, ни въ чемъ владѣльцу убытка не привесть".

Порядчики тянули обыкновенно съ міромъ волости, въ которой находилась владѣльческая деревня. Но церковные порядчики имѣли общее тягло съ міромъ той волости, которой принадлежала церковь, и потому вервились общею съ ней веревкою. Это влекло за собой значительныя неудобства, такъ какъ церковныя деревни могли быть разбросаны въ волостяхъ, очень отдаленныхъ отъ той волости, съ которой они должны были тянуть. Отсюда жалобы и тяжбы: напримѣръ, порядчики Матигорской церкви, сидящіе на церковной деревнѣ въ Курейской волости (верстахъ въ десяти) жалуются на Матигорскій міръ, что онъ свои земли свервилъ, а ихъ земли не вервилъ, хотя у нихъ много земли водой смыло, льдомъ содрало и пескомъ посыпало, отчего они и обременены излишними платежами и т. д. Старыя и богатыя церкви (напримѣръ, Богоявленская Ухтъ-островская) добивались иногда того, что писцы писали всѣ ихъ деревни «особь-статьей», отдѣльно отъ волости: такія выдѣленныя церковныя деревни имѣли свои особыя веревныя книги и церковные порядчики ужь «опрочь черныхъ людей» разрубали подати, государевы и земскіе, и служили службы. Но церкви могли добиться такой самостоятельности только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Большей частью церковь съ ея имуществомъ находилась въ полномъ распоряженіи міра, который выбиралъ для завѣдыванія церковнымъ имуществомъ церковнаго прикащика: безъ согласія міра нельзя было договорить, перерядить или отпустить порядчика, ни совершить какого-либо другаго акта, относящагося до церковной земли. Понятно, что при такихъ условіяхъ церковнымъ землямъ нелегко было выдѣлиться отъ міра, а потому и церковные порядчики въ огромномъ большинствѣ случаевъ должны были тянуть съ черными волостными людьми. Монастырскіе же порядчики тянули съ волостями только въ тѣ раннія эпохи существованія монастырей, когда монастырь еще находился въ зависимости отъ міра; позже всѣ монастыри пріобрѣли не только самостоятельность отъ міра, но и господство надъ

нимъ; естественно, что и монастырскія земли, гдѣ бы онѣ ни находились, всегда писались особь-статьей, а потому и монастырскіе порядчики тянули въ свои особые станы или волости.

Хотя порядчики тянули вмѣстѣ съ міромъ, а слѣдовательно были въ извѣстномъ смыслѣ такими же членами міра, какъ и прочіе крестьяне, но міръ, тѣмъ не менѣе, противопоставлялъ ихъ себѣ. Міръ всегда былъ не прочь, при случаѣ, „легчать себѣ", слагая большій процентъ суммы обложенія со своихъ земель на владѣльческія. Отъ мірскаго усмотрѣнія зависило, какъ дѣлать раскладку, по сошкамъ и обжамъ, по вытямъ, по веревкамъ, и міръ выбиралъ тотъ способъ, который давалъ ему возможность тяжелѣе обложить владѣльческія земли: такъ церковные порядчики Ухтьостровской волости жалуются архіерею Аѳанасію, что ихъ облагаютъ по вытямъ, тогда какъ въ ихъ выти только $6^1/_2$ веревокъ (отсутствіе причистей, водой отмыло), а въ крестьянской $8^1/_2$, а ровняются они одной веревкой. Когда, позже, архіерейскій домъ началъ обкладывать церковныхъ порядчиковъ разными церковными данями, это обстоятельство вызывало въ порядныхъ специальныя опредѣленія, регулирующія податныя отношенія порядчиковъ въ волостному міру, напр.: „И буде спросятъ какихъ времянныхъ подымныхъ денегъ опрочь волостныхъ людей и въ томъ платежѣ мнѣ (порядчику) крестьянъ не притягивать, а буде великій государь спроситъ на крестьянехъ тое волости какихъ времянныхъ дворовыхъ денегъ опрочь церковныхъ деревень и въ тотъ платежъ меня имъ не притягивать".

Теперь перейдемъ къ тому, чѣмъ обязаны были порядчики по отношенію къ владѣльцамъ.

Порядчики, во первыхъ, должны были нести платежи за пользованіе землей; во вторыхъ, обязывались извѣстными условіями и ограниченіями, относящимися къ землѣ и хозяйственному инвентарю.

Въ порядныхъ XVII-го вѣка часто встрѣчается формула: „А та мнѣ (порядчику) деревня въ тѣ срочныя лѣта пахать и орать и сѣять и руно сымать и сѣно ставить все на себя". Изъ этой формулы можно заключить, что порядчики, случалось, пахали и сѣно ставили также и не на себя, а на владѣльца земли. Однако во всей массѣ порядныхъ XVII-го вѣ-

ка, имѣющейся у насъ, нѣтъ случаевъ, чтобы порядчикъ обязывался владѣльцу какой-нибудь работой: въ рѣдкихъ случаяхъ порядчики церковныхъ бѣлыхъ деревень даютъ обязательство привозить къ церкви дровъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ встрѣчаются условія въ родѣ: „а бразги сѣять мнѣ Богоявленью на всякой годъ по мѣры жита на лучшую землю Богоявленскими сѣмяны"—условіе, имѣющее видъ работы на церковь. Но въ XVII-мъ вѣкѣ и позже такія условія не повторяются: обязательства въ пользу владѣльца всегда имѣютъ видъ платежей деньгами „празговыя деньги", „свершекочныя, добавочныя деньги" и продуктами—„приходный хлѣбъ", сѣно. При этомъ оба вида платежа, денежный и натурой, обыкновенно совмѣщаются: въ рѣдкихъ случаяхъ платятъ только натурой или только деньгами.

Такъ какъ мы имѣемъ въ виду особо заняться разсмотрѣніемъ экономическаго положенія сѣвернаго крестьянства въ описываемую нами эпоху, то здѣсь мы лишь коснемся вопроса о платежахъ порядчиковъ владѣльцамъ, не вдаваясь въ его разработку. Денежная плата съ чернотяглой деревни, втеченіе XVII-го и первыхъ десятилѣтій XVIII-го вѣка, смотря по качеству деревни и прочимъ условіямъ, колебалась между 10 алтынами и 6 рублями; часто встрѣчающаяся плата 1—1½ рубля съ деревни. Притомъ приряднаго хлѣба—мѣра, двѣ ячменя. (Мы не говоримъ о порядчикахъ „безъ переоброчки", сидѣвшихъ по старымъ сдѣланнымъ ихъ предками, условіямъ: тѣ платили сравнительно очень мало, напр. 5 алтынъ и ½ мѣры ячменя). Плата съ бѣлыхъ деревень доходитъ до очень высокой суммы 15 руб. съ деревни. И когда главный платежъ былъ не деньгами, а хлѣбомъ—максимумъ 10 мѣръ ячменя. Случалось, что на первый годъ,—во вниманіе къ тому обстоятельству, что порядчикъ долженъ былъ устраиваться на новомъ мѣстѣ—дѣлалась скидка съ порядной платы.

И такъ, порядчики чернотяглыхъ деревень садились изъ-за опредѣленной платы, денежной и хлѣбной. Мы не знаемъ случаевъ, чтобъ на такой деревнѣ садились изъ-за доли продукта (половины, трети). Половники или третники встрѣчаются на оброчныхъ деревняхъ, и на тяглой землѣ лишь въ такихъ случаяхъ, когда эта земля не составляетъ особой де-

ревни или доли ея, а представляетъ обособленный кусокъ, съ котораго самъ владѣлецъ тянетъ тягло. Половникъ или третникъ, обыкновенно, не тяглецъ. Если это положеніе и не было закономъ, не допускавшимъ исключеній, то во всякомъ случаѣ оно было общимъ правиломъ. На тяглой землѣ, въ виду тяжести государственныхъ и общественныхъ повинностей, вѣроятно, не было возможности сидѣть изъ доли.

Вотъ половническія условія въ главныхъ чертахъ. Трудъ и орудія цѣликомъ половника; сѣмена или всѣ половника, или только половина, другая половина — владѣльца. Хлѣбъ дѣлится мѣрою на гумнѣ пополамъ; половина порядчику „на сѣмена и на работу, половина владѣльцу „на землю и на разрубы". Также пополамъ дѣлится кучами и сѣно. Для дѣлежа хлѣба и сѣна половникъ обязанъ приглашать владѣльца, который имѣетъ право выбирать лучшую половину. До зимняго пути половникъ обязанъ беречь владѣльческій хлѣбъ и сѣно; по зимнему пути онъ долженъ вымолоченный и провѣянный въ присутствіи владѣльца или его прикащика хлѣбъ и сѣно отвесть къ владѣльцу. Солома и мякина—половнику. Остальныя условія, какъ и въ другихъ порядныхъ. Третникъ платилъ владѣльцу треть хлѣба и сѣна, а ему оставалось „на силу и на сѣмена" двѣ доли хлѣба и сѣна, вся солома и мякина; впрочемъ, третникъ на крестьянской землѣ отдавалъ владѣльцу также треть мякины и соломы.

Юрьевъ день на сѣверѣ, сообразно мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, постоянно замѣнялся Николинымъ днемъ: „съ Николина дня вешняго съ нынѣшняго такого-то года до сроку до Николино же дня вешняго такого-то года"—общая формула всѣхъ порядныхъ записей. Для платежа же назначались разные осенніе и зимніе сроки: на Успеньевъ день, на Филиппово заговѣнье и т. д.

Кромѣ платежей, порядчикъ обязывался владѣльцу земли, прежде всего, поддерживать въ порядкѣ землю, „не запустошить" ее: „и та деревня пахать доброю пашнею добро и безохулно", „орать на горѣ трою, а въ острову двою плугомъ" (горныя и островныя, высокія и низменныя), „пары орать по трижды на лѣто и боронить по трижды же". Въ „выхожей" или „останошной" годъ, т.-е. когда кончался срокъ поряду, порядчикъ долженъ былъ оставить треть земли па-

ромъ“ и назьму (навозу) навозить на ту треть довольно“. Жердье и колье „на стѣнные огороды“ и всякіе заплоты порядчикъ долженъ былъ припасать самъ вдоволь и не имѣлъ права ихъ свозить по окончаніи срока.

Вообще, не только трудъ, но и всѣ подвижныя составныя части хозяйственнаго инвентаря порядчикъ долженъ былъ имѣть свои собственныя, скотъ и орудія, какъ это подробно оговаривается въ порядныхъ: „И та деревня пахать... на своихъ лошадяхъ и своею силою и своими работными людьми и всякой деревенской заводъ сохи, бороны, косы и серпы все мое (порядчика). Владѣльцу принадлежали только неподвижныя части инвентаря—дворъ съ его постройками. Каждая деревенская порядная запись непремѣнно заключаетъ въ себѣ подробное условіе на счетъ двора: хорошее или дурное положеніе двора, обязательства, которыя бралъ на себя порядчикъ относительно новыхъ построекъ, вліяли замѣтнымъ образомъ на величину арендной платы.

Прежде всего порядчикъ обязывался „старые хоромы починивать которые можно“, „и что будетъ у двора или у избы погніетъ или развалится и то все постраивать своимъ лѣсомъ“. Но часто къ этимъ условіямъ прибавлялось обязательство сломать старую избу, а на то мѣсто выставить новую, при чемъ подробно обозначалось, какая то должна быть изба: „на подъизбицѣ со всѣмъ по угожеству“, „всѣ стѣны трехъ саженъ“ или „трехъ саженъ съ локтемъ, до курицы восемнадцать рядовъ и нутра у горницы и у подъизбицы сдѣлать по угожеству и покрыть тесомъ да и клѣть старая подрубить вровень съ избною кровлею и тесомъ покрыть же“; иногда прибавлялось обязательство поставить и новую баню на старое банное мѣсто, или въ общей формѣ „дворовая всякая постройка строить“. Порядчики обязывались ничего построеннаго ими—будь оно изъ оговореннаго въ порядной или нѣтъ—не сносить съ земли и не увозить, когда они станутъ сходить. Вообще, въ порядныхъ всегда оговаривалось, что порядчикъ не имѣетъ права увезть съ земли или продать не только чего-нибудь изъ построекъ, но также жердня, колья и соломы. Все это должно было оставаться на деревнѣ въ пользу владѣльца.

Не всегда порядчикъ исполнялъ взятыя имъ на себя обязательства. Случалось, что владѣлецъ, вмѣсто новой до-

говоренной избы, находилъ, что нетолько новой избы нѣтъ, но и „старая разсыпалась, заплоты и тыны и кровли развалились и жильца въ томъ дворѣ нѣтъ и никакого завода, хлѣба и соломы и сѣна и скота и назьму въ томъ дворѣ нѣтъ же". *)

Какимъ же образомъ обезпечивалъ себѣ владѣлецъ исполненіе со стороны порядчика принятыхъ имъ обязательствъ?

Прежде всего, въ порядныхъ всегда оговаривалось, что порядчикъ обязанъ „снимать" съ владѣльца „убытки и волокита", которые приключаются владѣльцу по винѣ порядчика. Затѣмъ—заряды: „А не учну я, такой-то, въ той деревни до срочныхъ лѣтъ жить и дать намъ заряды пять рублевъ". Но обязательства возмѣщенія убытковъ или заряды все-таки мало обезпечивали владѣльца: порядчикъ могъ всегда съѣхать съ деревни, а тамъ поди разъискивай его. Былъ одинъ способъ обезпеченія, несравненно болѣе дѣйствительный: это „порутчики", т.-е. поручители.

Если нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ брали на порядъ деревню, какъ это нерѣдко бывало, они ручались другъ по другѣ: „а которой изъ насъ троихъ въ лицахъ (т.-е. на лицо) на томъ празговые деньги и заряды по сей записи". Или, напр., пятеро братьевъ поряжаются на ту деревню, на которой жилъ ихъ отецъ, но поряжаются не сообща, а раздѣлившись на двѣ группы—каждая группа поряжается на полдеревню". Порядившись такимъ образомъ, братья взаимно ручаются, т.-е. одна половина ручается по другой. Отецъ и другіе родственники ручались за сына и родственника, который садился куда-нибудь на порядъ; могли ручаться и посторонніе. Поручителей всегда было по нѣсколько человѣкъ, и они вписывались въ порядную запись: „а мы такіе-то по такому-то ручались и въ записи писать себя велѣли въ томъ во всемъ по сей записи въ деревенскомъ житьи во всю десять лѣтъ и въ доброй пахотѣ и въ розрубныхъ деньгахъ и празговыхъ и въ службахъ и въ остаткахъ къ выхожему году трети паромъ земли съ назьмомъ" и т. д. Такимъ образомъ, порутчики были отвѣтственны передъ владѣльцомъ за каждый пунктъ порядной записи; все, чего не исполнилъ порядчикъ, владѣлецъ имѣлъ право взыскивать на порутчикахъ. Отсюда вы-

*) Судебное дѣло 1679 г. по жалобѣ церковнаго приказчика на порядчика.

текали своеобразныя права поручиковъ на имущество „своихъ порядчиковъ": если порядчикъ не исполнялъ обязательствъ, поручики могли забирать съ порядчиковой деревни хлѣбъ, солому, сѣно, и такимъ образомъ удовлетворять требованья, предъявляемыя къ порядчику.

Большая часть порядныхъ, которыми мы пользовались, относится къ церковнымъ порядчикамъ; очень незначительный процентъ—къ крестьянскимъ и монастырскимъ.

Церковные порядчики—какъ было уже сказано—съ самаго начала XVIII-го вѣка отданы были въ распоряженіе архіерейскаго дома. Новое управленіе было для нихъ далеко не такъ льготно, какъ старое мірское, и порядчики имѣли основаніе быть имъ недовольными. Результатъ неудовольствія былъ слѣдующій. При первой ревизіи порядчики церковныхъ деревень, а также не порядчики, „но самые худые бобыли, которые сами и владѣть не могутъ, но другимъ вмѣсто себя во владѣніе даютъ" начали записываться на церковныя деревни, „мня себѣ такими деревнями завладѣть, и отъ церквей Божіихъ отлучить вовсе". Чѣмъ объяснить эту претензію порядчиковъ? Трудно сказать съ положительностью. Съ одной стороны, конечно, накопившееся неудовольствіе; съ другой, вѣроятно, воспоминаніе о писцовыхъ записяхъ, которыя служили крѣпостными актами для того, кто успѣлъ записаться на землю; во многихъ случаяхъ существовала еще память о старыхъ правахъ собственности на землю, на которой теперь доводилось сидѣть по договору, а также и сознаніе права на землю, пріобрѣтеннаго долгимъ трудомъ, вложеннымъ въ нее. Наконецъ, не чувствовалъ-ли народъ инстинктивно, что правительство начинаетъ рѣшительнѣе осуществлять свое верховное право на землю, и что поэтому въ правительствѣ, а не въ старыхъ грамотахъ, слѣдуетъ искать источника и опоры своихъ правъ на землю? Какъ бы то ни было, церковные порядчики вдругъ прекратили платежъ празговыхъ денегъ и хлѣба въ церковную казну, а также начали „отказываться отъ церковнаго суда", продолжая въ то же время исправно отбывать всѣ государственныя повинности. Такимъ образомъ, всѣ церкви вдругъ лишились своихъ доходовъ; и не безъ ущерба былъ и архіерейскій домъ. Началось дѣло: о ходѣ его до насъ не дошло свѣдѣній.

VII.

Еще въ прошломъ столѣтіи маленькая деревня нашего р айняго сѣвера представляла собою въ поземельномъ отношеніи общину,—впрочемъ, уже только на владѣльческихъ земляхъ и лишь отчасти на земляхъ крестьянъ-собственниковъ: у послѣднихъ она начала разлагаться раньше, въ XVII вѣкѣ. Чтобы не подать повода къ недоразумѣніямъ, сведемъ здѣсь коротко то, что мы считаемъ существенными чертами деревенскаго владѣнія и что даетъ намъ право,—впрочемъ, лишь въ извѣстномъ, условномъ смыслѣ,—называть эту форму поземельнаго владѣнія общинной.

Старая сѣверно-русская деревня представляла собою поземельное цѣлое, разбитое на доли. Каждый деревенскій совладѣлецъ, или дворъ, имѣлъ право на извѣстную долю этого цѣлаго. Не опредѣленный участокъ земли принадлежитъ тому или другому двору, а право на выдѣлъ извѣстной доли изъ каждаго поля, каждой пожни, каждаго угодья, входящаго въ районъ деревни. Отсюда вытекала необходимость передѣла или уравниванія: если деревенскій дольщикъ находилъ, что земля, которою онъ пользуется, не представляетъ собой всей величины той идеальной доли, на какую онъ имѣетъ право, онъ могъ требовать, чтобы земля была передѣлена и уравнена. Съ этой стороны старая сѣверно-русская деревня представляетъ собой типичныя черты общиннаго склада; но за то съ другихъ сторонъ она очень уклоняется отъ того, что мы привыкли связывать съ понятіемъ поземельной общины. Деревенскій дольщикъ былъ полнымъ собственникомъ своей доли (конечно, не на владѣльческой землѣ): если его права собственности и подвергались ограниченіямъ, то эти ограниченія не вытекали изъ организаціи поземельнаго владѣнія. Онъ могъ покупать и продавать, завѣщать и наслѣдовать, отдавать и получать въ приданое, могъ дробить и даже разрывать на куски свою долю. Естественно, что при этомъ условіи не могло быть равенства въ поземельномъ владѣніи—этого безусловно-необходимаго элемента современной поземельной общины. Оттого мы и предпочли называть деревенское владѣніе не общиннымъ, а долевымъ. При этомъ мы высказали предположеніе, что позднѣйшая поземельная сельская община,

и въ другихъ мѣстахъ, развилась изъ долевого деревенскаго владѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, деревня на владѣльческой землѣ, т.-е. собственно деревня порядчиковъ *), или половниковъ, гдѣ совладѣльцы не могутъ по произволу распоряжаться своими долями и гдѣ величина доли, на которую порядился крестьянинъ, обусловливалась исключительно его хозяйственными силами,—такая деревня уже ближе подходила къ позднѣйшей, извѣстной намъ формѣ поземельной общины. Если же предположить,—какъ оно и было на самомъ дѣлѣ, — что порядчики перестаютъ быть вольными наемщиками, а прикрѣпляются къ землѣ, то долевое владѣніе необходимо превращается въ настоящее общинное. На крайнемъ сѣверѣ нельзя было наблюдать этого процесса: тамъ порядчики не были прикрѣплены къ владѣльческимъ землямъ, настоящіе же владѣльческіе, крѣпостные крестьяне (монастырскіе и архіерейскіе) оставались въ значительной степени собственниками своей земли **), какими были въ началѣ, и до конца сохранили за собой право распоряженія землей, мѣшавшее долевому владѣнію превратиться въ настоящее общинное. Владѣніе крѣпостныхъ, собственно монастырскихъ и архіерейскихъ, крестьянъ, въ предѣлахъ Архангельской губерніи, по отношенію къ его внутренней организаціи въ XVII вѣкѣ ничѣмъ не отличалось отъ владѣнія свободныхъ черносошныхъ государевыхъ крестьянъ, т.-е. крестьянъ-собственниковъ.

Деревня черносошныхъ крестьянъ начала разлагаться, какъ сейчасъ было сказано, уже въ XVII вѣкѣ. Начало XVII вѣка представляетъ намъ деревню еще въ ея первоначальномъ видѣ, хотя уже и съ нѣкоторыми признаками элементовъ, долженствующихъ пошатнуть ея равновѣсіе. Прежде всего разсмотримъ положеніе деревни по переписной 1612 г.

*) По общепринятой исторической терминологіи, половниками называются всѣ крестьяне, садившіеся по договору на чужую землю. На архангельскомъ сѣверѣ такіе крестьяне назывались вообще порядчиками, такъ какъ пользовались землей по договору „поряда“, по порядным записямъ, половниками же называлась лишь та категорія порядчиковъ, которая брала земли изъ половины продукта.

**) Дѣло въ томъ, что крѣпостное крестьянство въ сѣверной Россіи образовалось не черезъ насильственное прикрѣпленіе свободныхъ крестьянъ къ владѣльческой землѣ,—процессъ, къ которому сводитъ Бѣляевъ въ своемъ трудѣ „Крестьяне на Руси“ образованіе всего крѣпостнаго сословія,—а черезъ пожалованіе крестьянъ-собственниковъ въ пользу монастырей и архіерейскаго дома.

Павиловской волости,—веревной, на которую мы уже ссылались въ первой главѣ.

Въ Павиловской волости семь деревень. Въ одной деревнѣ два двора: одинъ дворъ на двухъ третяхъ деревни, другой на трети; въ другой два двора, каждый на половинѣ; въ третьей четыре двора, каждый на четверти; въ четвертой два двора: одинъ на трехъ четвертяхъ, другой на четверти; въ пятой четыре двора, изъ которыхъ два на трети каждый и два—на шестой каждый; въ шестой три двора: одинъ на половинѣ и два на четверти каждый. Бобыльскихъ дворовъ, владѣвшихъ однимъ какимъ-нибудь кускомъ, обыкновенно пожней, мы не считали. Одна изъ этихъ деревень, Вороновская, представляетъ ту особенность, что доля ея, полу-треть, т. е. шестая, выложена на оброкъ: при верленіи выкидывалась эта шестая изъ каждаго поля и каждаго угодья, принадлежащаго деревнѣ. Позже часть этой оброчной доли опять попала въ тягло: по веревной 1665 года, у каждаго изъ деревенскихъ совладѣльцевъ выкладывалась въ оброкъ шестая доля уже не всего его участка, а только трехъ долѣ участка, „изъ двухъ же доль не выложена въ оброкъ,—жеребей тотъ тяглой продажи Калины Косогорова"; такимъ образомъ на оброкѣ оставалась не шестая, а лишь десятая доля деревни.

Распредѣленіе долей по отдѣльнымъ полямъ и прочимъ угодьямъ деревень Павиловской волости еще очень правильно. Такая правильность не можетъ быть достигнута иначе, какъ путемъ передѣла или уравниванія долей Необходимо допустить, что въ началѣ XVII вѣка обычай деревенскаго передѣла, переравниванія, уравниванія еще былъ въ полной силѣ. Но въ то же время уже замѣчается кое-что, идущее въ разрѣзъ съ началами, объусловливающими собою передѣлъ и вообще долевое деревенское владѣніе въ чистомъ его видѣ.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ распредѣленіе долей по угодьямъ держится еще строго настоящаго типа: чтобы каждому дольщику доставался непремѣнно соотвѣтствующій его праву участокъ въ каждомъ лоскутѣ деревенской земли. Но въ другихъ деревняхъ уже встрѣчаются и уклоненія отъ этого основнаго начала.

Первое уклоненіе, на которомъ мы остановимся, собственно говоря, кажущееся. Оно заключается въ томъ, что на долю того или другого изъ дольщиковъ, въ какомъ-нибудь полевомъ или сѣнокосномъ угодьѣ, приходится больше или меньше, чѣмъ ему слѣдуетъ по точному разсчету, такъ что нѣсколько нарушается требующееся равенство или пропорціональность долей. Но очевидно, что это не есть настоящее нарушеніе. Часто при раздѣлѣ земли, какъ это мы видимъ постоянно и въ современной общинѣ, невозможно произвесть раздѣлъ ариѳметически точно; справедливость требуетъ замѣщать количество качествомъ и обратно. Такимъ образомъ, если мы видимъ, что у одного изъ четырехъ дольщиковъ, сидящихъ каждый на четверти деревни, въ извѣстномъ полѣ $7^1/_2$ веревныхъ саженъ, у другаго—7, у третьяго—7 и у четвертаго $6^1/_2$, то это не значитъ, чтобы равенство владѣнія было нарушено, а значитъ только, что по свойству почвы или положенію поля невозможно было раздѣлить поле на ариѳметически-равныя части. Такъ что всѣ эти уклоненія отъ точнаго разсчета: въ поляхъ—на четь сажени, саженъ, а въ пожняхъ даже на нѣсколько саженъ,—естественно и неизбѣжно необходимы. Удивительно одно, что находились деревни, въ которыхъ возможно было произвесть раздѣлъ всѣхъ угодій безъ малѣйшаго уклоненія отъ математической точности. Впрочемъ, надо сказать, что это были обыкновенно деревни лишь съ двумя дольщиками. Эти уклоненія,—если только это можно было назвать уклоненіями,—не могли имѣть никакого вліянія на дальнѣйшую исторію деревни.

Гораздо важнѣе уклоненія другого рода, которыя мы также встрѣчаемъ по веревной Паниловской волости. Коегдѣ, при распредѣленіи долей внутри деревень этой волости, встрѣчаются такого рода комбинація. Одни изъ дольщиковъ деревни получаютъ въ извѣстномъ угодьѣ свои доли въ одномъ лоскутѣ, а другія въ другомъ, вмѣсто того, чтобы каждый изъ лоскутовъ раздѣлить между всѣми: наприм., двое изъ четырехъ деревенскихъ совладѣльцевъ получаютъ и дѣлятъ между собой, по своимъ долямъ, подъоконное полце, а другіе два, вмѣсто того, получаютъ и дѣлятъ какое-нибудь подколодечное полце и т. д. Конечно, такой способъ дѣлежа, нарушающій основной принципъ деревенскаго раздѣла, ле-

жить тоже въ практической необходимости: иной лоскутъ, раздробленный на мелкія части, могъ дѣлаться не только неудобнымъ къ обработкѣ, но прямо невозможнымъ. Чѣмъ больше становилось число деревенскихъ совладѣльцевъ, чѣмъ сильнѣе дѣлалось дробленіе, тѣмъ, естественно, чаще и чаще приходилось прибѣгать къ такого рода комбинаціямъ. Послѣдствія же этого были очень важны. На сѣверѣ господствовала очень интенсивная система земледѣльческой культуры. Понятно, что если извѣстный лоскутъ земли попадалъ въ руки одного-двухъ дворовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обрабатывали его, унаваживали и т. д., то они сами, да и другіе, пріучались смотрѣть на этотъ лоскутъ какъ на ихъ исключительную собственность. Къ тому же и уравненіе между отдѣльными лоскутами было несравненно затруднительнѣе, чѣмъ между частями одного и того же лоскута. Естественно, что, подъ тяготѣніемъ этого условія, обычай передѣловъ долженъ былъ понемногу замирать, а деревня разлагаться.

Не менѣе важно—и какъ причина дальнѣйшаго разложенія деревни, и какъ признакъ этого разложенія—слѣдующее обстоятельство, также наблюдаемое въ веревной 1612 года. Въ нѣкоторыхъ,—впрочемъ, еще относительно немногихъ,—случаяхъ мы находимъ у отдѣльныхъ хозяевъ землю, очевидно стоящую внѣ деревенскаго передѣла. Земля эта—обыкновенно отдаленныя пожни. Вѣроятно, болѣе состоятельные домохозяева скупали доли этихъ угодій у своихъ складниковъ или можетъ-быть покупали ихъ отъ другихъ деревень. Земля, пріобрѣтенная тѣмъ или другимъ способомъ отдѣльнымъ дворомъ, не могла естественно поступать въ передѣлъ. Но принципъ исключительной собственности, разъ вторгшійся въ деревню, не могъ не дѣйствовать разлагающимъ образомъ на общинныя черты ея организаціи.

Покупныя земли, естественно, стояли внѣ передѣла; но какъ относилась деревня къ новинамъ? Вопросъ очень важный для пониманія деревенскихъ поземельныхъ отношеній, а между тѣмъ онъ не выясняется вполнѣ веревными. Мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ новины входятъ въ общую сумму передѣляющихся земель, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ не входятъ. Какъ объяснить это обстоятельство? Трудно предполо-

жить, чтобы новина, расчищенная изъ-подъ лѣса однимъ дворомъ, съ болѣе или менѣе значительною затратой труда, времени и средствъ, отбиралась деревней и шла въ передѣлъ: это противорѣчило бы крестьянскимъ понятіямъ о справедливости. Гораздо вѣроятнѣе, что новины разрабатывались обыкновенно не отдѣльными дворами, а общими силами деревни, какъ это случается наблюдать еще и до сихъ поръ. Новины, разработанныя общими силами деревни, должны были, естественно, поступать, въ передѣлъ. Но могли ли онѣ дѣлиться по тому принципу, по которому дѣлялись старыя земли, т.-е. по долямъ, размѣры которыхъ обусловливались купчими крѣпостями, духовными завѣщаніями и т. п.?—Очевидно, нѣтъ. Обращаясь къ веревнымъ, мы дѣйствительно находимъ, что новины, въ своемъ распредѣленіи между дворами, иногда слѣдуютъ, иногда и не слѣдуютъ за другими землями, подчиняясь какому-то другому порядку распредѣленія, зависящему, вѣроятно, отъ размѣровъ участія отдѣльныхъ дворовъ въ ихъ разработкѣ. Встрѣчаются и новины, не входящія въ передѣлъ, т.-е., вѣроятно, разработанныя силою одного двора. Такимъ образомъ новины составляли еще одинъ лишній элементъ, побуждавшій деревню уклоняться отъ своего идеальнаго типа. Но значеніе его для дальнѣйшей исторіи деревни намъ не ясно.

Въ такомъ положеніи находилась деревня въ началѣ XVII-го вѣка. Но вотъ передъ нами двѣ новыя веревныя—одна половины того же XVII-го вѣка, другая начала XVIII-го—обѣ однѣхъ и тѣхъ же деревень Спасскаго стана: обстоятельство чрезвычайно удобное для того, чтобы прослѣдить самымъ точнымъ, такъ сказать математическимъ, путемъ дальнѣйшую судьбу деревни.

Изъ семнадцати тяглыхъ деревень Спасскаго стана въ 1651 г., когда писана была первая изъ двухъ имѣющихся у насъ веревныхъ этого стана, съ однимъ дворомъ было 8 деревень, съ двумя—5, съ тремя—1, съ четырьмя—3. Въ девяти деревняхъ, имѣвшихъ долевое владѣніе, преобладало равенство долей: въ шести случаяхъ доли деревенскихъ совладѣльцевъ были равны, въ одномъ случаѣ существовало отношеніе 2 : 1, въ одномъ случаѣ—отношеніе 3 : 1, еще въ одномъ—отношеніе 2:1:1. Отношенія, какъ видно изъ этихъ

цифръ, такія же простыя, какъ и тѣ, которыя мы наблюдали полстолѣтія назадъ въ деревняхъ Паниловской волости. Но, всматриваясь въ распредѣленіе долей по полямъ и прочимъ угодьямъ деревень, приходишь къ заключенію, что уклоненія отъ чистаго типа деревни теперь выражены уже отчетливѣе и признаки разложенія обрисовываются яснѣе.

Мы предполагаемъ, что въ это время, т.-е. въ половинѣ XVII вѣка, общихъ передѣловъ по деревнямъ уже не существовало, или если и существовали, то въ видѣ исключенія. Надо думать, что къ этому времени удержались лишь частные передѣлы или уравниванія въ отдѣльныхъ поляхъ или другихъ угодьяхъ. По крайней мѣрѣ мы не можемъ иначе объяснить фактъ, постоянно наблюдаемый по веревной 1651 г.: большую, часто ариѳметически-точную, правильность въ распредѣленіи однихъ лоскутовъ и значительныя уклоненія отъ правильности въ распредѣленіи другихъ. Обычай „не передѣливаться, не переравниваться, иному дѣлу не спрашивать“ *), сначала явившись какъ исключеніе для отдѣльныхъ случаевъ,—исключеніе требовавшее каждый разъ особыхъ юридическихъ опредѣленій,—теперь уже видимо завоевалъ себѣ широкое поле. Оттого и итоги, опредѣляющіе цѣлое той или другой доли, обыкновенно нѣсколько уклоняются въ ту или другую сторону отъ своей настоящей величины. Напримѣръ, цѣлое деревни заключаетъ въ себѣ 380 веревн. саженъ и распредѣляется между двумя совладѣльцами по отношенію 3:1; но въ итогѣ на доли ихъ приходится 3 верви 38 саж. и 1 вервь 16 саж., т.-е. 230 и 80 саженъ, а не 285 и 95, какъ бы слѣдовало по точному разсчету. Такія уклоненія встрѣчаются постоянно, хотя они еще и не настолько значительны, чтобы могли закрывать собою типъ отношенія. Очевидно, что въ тѣхъ частяхъ деревень, которыя выдѣлились изъ передѣла, уже началъ дѣйствовать процессъ неизбѣжный при возникновеніи свободной частной земельной собственности. Происходили частныя сдѣлки, которыя переводили куски земельныхъ лоскутовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, болѣе состоятельные округляли свои владѣнія на счетъ менѣе состоятельныхъ и т. п. Но здѣсь мы присутствуемъ

*) См. выше: главу первую.

при самомъ началѣ процесса, который еще такъ мало подвинулся, что не успѣлъ измѣнить основныя черты физіономіи старинной сѣверно-русской деревни. Дальнѣйшіе результаты его дѣятельности—впереди.

Выше было указано на важное значеніе для деревни того обстоятельства, когда лоскуты земли не могли уже больше дробиться между деревенскими совладѣльцами. Въ веревной 1651 г. мы также находимъ, что на каждую деревню, имѣющую больше двухъ дольщиковъ, приводится по нѣскольку случаевъ, когда эквивалентныя доли распредѣляются по разнымъ лоскутамъ. Но такъ какъ число деревенскихъ совладѣльцевъ пока еще все-таки очень невелико,—не больше четырехъ,—то и значеніе этого условія все еще не выступаетъ съ достаточною рельефностью.

Прикупныхъ земель у отдѣльныхъ дворовъ въ деревняхъ Спасскаго стана нѣтъ вовсе, но за то много земель, собственно сѣнныхъ покосовъ, въ общемъ владѣніи цѣлой деревни. Иногда эти «обчія земли» находятся въ районѣ своей деревни, иногда внѣ его. У иныхъ деревень количество этой общей земли чуть не равняется количеству всей остальной деревенской, подѣленной, земли, а въ одномъ случаѣ даже превышаетъ его.

Еще пятьдесятъ лѣтъ впередъ—и судьба деревни уже значительно уясняется. Веревная Спасскаго стана 1710 г., вмѣстѣ съ предъидущей веревной того же стана 1651 г., на которую мы сейчасъ ссылались, даетъ возможность, путемъ сравненія цифровыхъ и другихъ данныхъ, отчетливо представить себѣ, какъ совершался процессъ разложенія деревни.

Веревная 1710 г. застаетъ семнадцать деревень Спасскаго стана уже значительно измѣнившими свой видъ. Главный моментъ этой перемѣны — размножившееся населеніе, а слѣдовательно и увеличившееся количество дворовъ, т.-е. деревенскихъ совладѣльцевъ. Деревень съ однимъ дворомъ уже почти нѣтъ, кромѣ одного починка,—только двѣ деревни съ двумя дворами. Преобладающій типъ деревни—съ четырьмя дворами, но есть уже деревни съ семью, девятью и даже пятнадцатью дворами.

Мы считаемъ увеличеніе народонаселенія самымъ существеннымъ изъ внутреннихъ условій, вліявшихъ на разложе-

ніе деревни. Въ самомъ дѣлѣ, прибавочное населеніе нуждалось въ землѣ. Оно могло получать ее, во-первыхъ, изъ старыхъ земель,—при этомъ естественно возникало дробленіе со всѣми его послѣдствіями, на значеніе которыхъ частію уже указано выше: во-вторыхъ, могло удовлетворить свою потребность въ землѣ расчисткою новинъ. Казалось бы совершенно естественно, при безграничномъ пространствѣ свободныхъ земель, что населеніе будетъ прибѣгать ко второму способу, такъ какъ старыя земли, тоже, большею частью, расчищенныя изъ-подъ лѣса, разсчитаны на потребности стараго населенія. На дѣлѣ оказывается не то. Конечно, земли продолжаютъ расчищаться, но далеко не пропорціанально приросту населенія (т.-е. собственно увеличенію числа дворовъ, такъ какъ цифръ соотвѣтствующаго населенія у насъ нѣтъ; но мы знаемъ изъ сравненія писцовыхъ, что для пятидесяти лѣтъ того періода, который мы разсматриваемъ, среднюю величину двора можно принять за величину постоянную *). Между тѣмъ какъ количество дворовъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ значительно возросло, въ 2—4 раза, количество земли въ большинствѣ случаевъ незначительно уклонилось отъ прежняго, большею частію, въ сторону увеличенія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ сторону уменьшенія; въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ, которые составляютъ приблизительно 30% общей суммы, количество земли возросло въ $1\frac{1}{2}$ раза **). Несоотвѣтствіе очень рѣзкое. Ясно, что деревня не могла по произволу расширять свой районъ, несмотря на полную свободу и безграничное многоземелье. Удобныя земли вблизи, въ большинствѣ случаевъ, были уже цѣликомъ заняты; расчистка же отдаленныхъ новинъ, вѣроятно, представлялась слишкомъ неблагодарною затратой труда. Такимъ образомъ весь приростъ населенія долженъ былъ довольствоваться землей главнымъ образомъ изъ того же стараго фонда. Результаты такого положенія вещей были слѣдующіе.

---

*) По переписнымъ половины XVII вѣка на дворъ приходилось пахотного поля душъ отъ 2,5 до 3, а по переписнымъ начала XVIII вѣка—3.

**) По веревной 1651 г. было въ Спасскомъ станѣ 34 двора и 4.687 веревныхъ саженъ, а по веревной 1710 г. стало 79 дворовъ и 4.862 веревн. сажени. Такимъ образомъ количество дворовъ возросло на 56%, количество же земли—только на 3%.

Прежде всего явилась необходимость страшнаго дробленія, практически неосуществимаго. Тѣ лоскуты, изъ которыхъ состояла деревня и которые можно было удобно раздѣлить между 2—3 совладѣльцами, стало невозможно дѣлить между 10—15. Отсюда лоскуты необходимо должны были распредѣлиться по дворамъ или по группамъ дворовъ. Въ такой раздробленной деревнѣ, съ большимъ количествомъ совладѣльцевъ, вы не найдете уже ни одного обособленнаго куска земли, въ пользованіи которымъ участвовали бы всѣ деревенскіе совладѣльцы. Каждый такой кусокъ принадлежитъ лишь нѣсколькимъ дворамъ. Возникаетъ такая спутанность которая устраняетъ всякую мысль о передѣлахъ или уравниваніяхъ, кромѣ развѣ частныхъ уравниваній между двумя-тремя совладѣльцами, складниками въ томъ или другомъ спеціальномъ лоскутѣ.

Вторымъ результатомъ увеличенія населенія было малоземелье въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т.-е. ощущеніе тѣсноты, какъ несоотвѣтствія количества земли съ силами и потребностями крестьянскаго хозяйства. Много или мало было прежде земли по количеству, но ея было достаточно; теперь ея стало мало. Ничто не могло быть болѣе пагубнымъ для неустойчиваго равновѣсія деревни, какъ это условіе, т.-е. тѣснота. Деревня держалась традиціей, альтруистическимъ чувствомъ, имѣвшимъ подъ собою подкладку родового преданія. Ничто не ограждало ея, кромѣ этого чувства,—ни законъ, ни юридическій обычай, освящавшій право каждаго на свободное распоряженіе своею землей. Для дѣйствія эгоистическихъ инстинктовъ было открыто свободное поле. А между тѣмъ наступившая тѣснота дала сильный стимулъ дѣйствію этихъ инстинктовъ. Всякій, кто могъ, конечно, старался, путемъ покупки и другихъ способовъ пріобрѣтенія, поставить количество своей земли въ соотвѣтствіе съ своими хозяйственными силами и средствами; началась борьба, въ которой экономически слабый долженъ былъ шагъ за шагомъ уступать свою землю, предоставляя ее болѣе сильнымъ. Признаки начинающейся борьбы въ этомъ направленіи видны и раньше, какъ мы указывали при разсмотрѣніи веревной 1651 года, но только признаки, здѣсь же мы видимъ процессъ въ полномъ его развитіи. Разложеніе деревни есть другая

сторона этого процесса. Правда, неравенство было и раньше, и не могло не быть, такъ какъ права деревенскихъ совладѣльцевъ опредѣлялись не потребностью ихъ въ землѣ, а случайными юридическими отношеніями. Но пока не было земельной тѣсноты, не обнаруживались и зловредныя стороны такого положенія вещей. Тотъ, кому доставалось много земли, уступалъ, по такой или иной сдѣлкѣ, свой излишекъ тому, у кого ея было мало; малоимущій могъ приращать свой земельный фондъ расчисткой. Кровная основа деревни, питавшая альтруистическое чувство, упрощала все, что было въ этихъ отношеніяхъ сложнаго и неудобнаго. Оттого мы не видимъ, несмотря на полную юридическую возможность, скопленія земли въ однѣхъ рукахъ. Размѣры того неравенства, какое существовало до тѣхъ поръ, не превышало размѣры того естественнаго неравенства, какое не можетъ не быть въ силахъ и средствахъ разныхъ хозяйствъ, зависящихъ отъ различныхъ размѣровъ семьи, т.-е. рабочихъ силъ. Только тогда, когда возникаетъ настоящее малоземелье, возникаетъ и настоящее земельное неравенство въ такихъ размѣрахъ, которые уже не могутъ найти объясненія въ естественномъ неравенствѣ семей. Такимъ образомъ, увеличеніе народонаселенія имѣло своимъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, разложеніе долевой организаціи деревни, съ другой—возникновеніе настоящаго экономическаго неравенства; впрочемъ, это разныя стороны одного и того же предмета.

Въ видѣ иллюстраціи къ вышеизложенному возьмемъ одну деревню Спасскаго стана и разсмотримъ ее, сравнивая данныя обѣихъ веревныхъ 1651 и 1710 гг.

Деревня Софушкино, по веревной 1651 года, заключала въ себѣ 644 вер. сажени. Онѣ были распредѣлены между четырьмя дворами: у одного двора 170 саж., у другого—148 саж., у третьяго—149 саж., у четвертаго—177 саж. Какъ видно изъ распредѣленія долей по отдѣльнымъ угодьямъ, каждый дворъ сидитъ на четверти: но настоящая правильность въ распредѣленіи уже нарушена, оттого и итоги уклоняются отъ своей нормальной величины $\frac{644}{4}$=161 саж. Впрочемъ уклоненіе пока еще очень незначительное, едва ли способное сколько-нибудь замѣтно вліять на хозяйственное положеніе двора. Разсматривая деревню внутри, въ ея распредѣленіи долей по лоскутамъ,

видно, отъ чего зависитъ это уклоненіе. Прежде всего находимъ тѣ маленькія нарушенія требующагося равенства, которыя видимо обусловливаются качествомъ и положеніемъ угодья, напримѣръ: „поле на шипичницѣ у одного двора 6 саж. 2 чети, у другого—6 саж. 1 четь, у третьяго—6 саж. 2 чети, у четвертаго—6 саж.", или: „поле на гачахъ у одного двора 2 саж. 3 чети, у другого—2 саж., у третьяго—2 саж. 2 чети, у четвертаго—2 саж.". Очевидно, здѣсь неравенство только кажущееся, являющееся вслѣдствіе того, что нельзя раздѣлить поле ариѳметически-правильно. Но рядомъ же встрѣчаемъ и такіе случаи: у одного двора вовсе нѣтъ земли въ какомъ-нибудь лоскутѣ между тѣмъ какъ у другого они въ двойномъ количествѣ. Очевидно, что первый дворъ уступилъ свою долю въ лоскутѣ, второму. Однако такіе случаи относительно рѣдки. Большею частью у каждаго двора есть земля въ каждомъ лоскутѣ, хотя часто съ такими уклоненіями отъ правильности, которыя нельзя объяснить одной невозможностью раздѣлить ариѳметически точно: очевидно, тутъ происходили какія-нибудь соглашенія между дворами, вслѣдствіе которыхъ одни дворы поступались частями своихъ доль въ пользу другихъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ доли совладѣльцевъ распредѣлены по разнымъ лоскутамъ, но это пока еще незначительный процентъ въ общей суммѣ.

По веревной 1710 года Софушкино заключаетъ въ себѣ 779 веревныхъ саж. земли (кромѣ 150 саж. общей у трехъ дворовъ). Вмѣсто четырехъ дворовъ явилось пятнадцать. Земля распредѣлена между дворами такъ: 1-й дворъ—25 саж., 2-й—26 саж., 3-й—44 саж., 4-й—90 саж., 5-й—52 саж., 6-й—35 7-й—219 саж., 8-й—41 саж., 9-й—25 саж., 10-й—24 саж., 11-й—34 саж., 12-й—43 саж., 13-й—44 саж., 14-й—77 саж. (одной цифры нѣтъ). Если всматриваться въ эти цифры, особенно имѣя передъ глазами таблицу съ распредѣленіемъ земли по отдѣльнымъ частямъ деревни, то можно замѣтить въ нихъ нѣкоторую правильность, коренящуюся въ старомъ долевомъ владѣніи деревни. Но въ то же время ясно, что деревня, можно сказать, разложилась. Нѣтъ ни одного обособленнаго куска полевого или сѣнокоснаго угодья, во владѣніи которымъ участвовали бы всѣ дворы, хотя все-таки еще во многихъ участвуетъ большая часть ихъ. Все сбито, пере-

путано, все носитъ характеръ случайной сдѣлки, однако изъза этой спутанности и случайности все еще вырисовываются, хотя не совсѣмъ ясно, черты старой деревни. Неравенство достигаетъ такихъ размѣровъ, которые были немыслимы еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Максимумъ владѣнія отдѣльнаго двора—219 веревн. саж., минимумъ—25 саж., т.-е. одинъ дворъ имѣетъ земли больше другого почти *въ девять разъ*! Въ болѣе раннихъ веревныхъ не встрѣчается ни одного случая, чтобъ одинъ дворъ былъ многоземельнѣе другого больше чѣмъ въ три раза.

Въ этой же веревной 1710 года мы имѣемъ неоспоримое доказательство того, что разложеніе деревни, т.-е. распаденіе долевого владѣнія съ сопровождающимъ его возникновеніемъ экономическаго неравенства, было дѣйствительно результатомъ увеличенія народонаселенія, помимо всякихъ другихъ внутреннихъ или внѣшнихъ факторовъ. Какъ было уже сказано выше, въ Спасскомъ станѣ въ 1710 году, наряду съ большими, относительно, деревнями новаго типа, есть и маленькія деревни съ двумя-четырьмя дворами. Эти маленькія деревни ничѣмъ не отличаются по своей организаціи отъ деревень Спасскаго стана за пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Итакъ, на основаніи тѣхъ точныхъ данныхъ, какія представляются веревными, мы утверждаемъ слѣдующее. Деревня сѣверныхъ крестьянъ начала разлагаться еще въ XVII вѣкѣ, но процессъ ея разложенія не былъ оконченъ съ этимъ вѣкомъ, а перешелъ въ слѣдующій. Деревня рушилась силою своего собственнаго неустойчиваго равновѣсія: она держалась исключительно традиціей, а между тѣмъ укрывала въ себѣ такой опасный ферментъ, какъ право личной земельной собственности, если и не тождественно съ современнымъ правомъ свободной частной земельной собственности, то все-таки заключающее важнѣйшіе изъ его элементовъ. Размножившееся населеніе и малоземелье, какъ его необходимый результатъ, привели въ дѣйствіе эгоистическіе инстинкты, выдвинули на первый планъ право личной собственности со всѣми его послѣдствіями—и деревня быстро распадалась всюду, гдѣ появлялись указанныя условія.

Но даже и тогда, когда деревня разложилась окончательно, когда на мѣсто долеваго водворилось подворно-участко-

вое владѣніе, слѣды старой организаціи все еще были замѣтны кое въ чемъ и остались замѣтными вплоть до того момента, когда новые поземельные порядки снесли все старое и на мѣсто деревни водворили поземельную общину. Съ этой точки зрѣнія очень любопытна страница изъ книги Крестинина: „Опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ“ (1785 г.) о деревенскихъ статьяхъ. Кто не знакомъ съ особенностями долеваго деревенскаго владѣнія, тотъ остановится въ недоумѣніи передъ тѣми чертами, какими изображаетъ онъ поземельный строй прошлаго столѣтія. Вотъ что пишетъ Крестининъ:

„Частныя деревни *), состоящія изъ пашенной и сѣнокосной земли частныхъ владѣльцевъ, обрабатываемыя единою крестьянскою семьею, раздѣляются въ двинскихъ волостяхъ на пять статей. Въ первой статьѣ считаются пашни, обсѣваемыя 20—25 мѣрами или получетвертями ячменя, и пожни, отъ 600 до 800 кучъ производящія сѣна. Во второй статьѣ—пашни, обсѣваемыя 15—20 мѣрами ячменя, и пожни, отъ 300 до 500 кучъ производящія сѣна. Въ третьей статьѣ—пашни, обсѣваемыя 10—15 мѣрами жита, и пожни, отъ 150 до 300 кучъ производящія сѣна. Въ четвертой статьѣ—пашни, обсѣваемыя 5—10 мѣрами жита, и пожни, отъ 75 до 150 кучъ производящія сѣна. Въ пятой статьѣ—пашни, обсѣваемыя $2^1/_2$—5 мѣрами ячменя, и пожни, отъ 35 до 75 кучъ производящія сѣна. Впрочемъ, нѣтъ никакого, на правилахъ основаннаго, уравненія между вышеобъявленными статьями: иной, напр., крестьянинъ имѣетъ въ пашняхъ болѣе земли, нежели въ пожняхъ; другой, напротивъ того, болѣе имѣетъ сѣнокосной, нежели пашенной земли. Надлежитъ примѣчать, что не во всякой волости находятся частныя первой статьи деревни, да и въ самыхъ большихъ волостяхъ оныя рѣдки. Въ Ровдогорской волости оныхъ нѣтъ; на Куростровѣ же два или три дома считаются, по владѣнію деревень первой статьи, лучшими. Крестьяне сихъ двухъ знатныхъ волостей, по большей части, владѣютъ землями 3 и 4 статьи. Частныя

*) Слѣдовательно деревня на языкѣ архангельскихъ крестьянъ (въ связи съ разложеніемъ деревни) значила позже то же, что и деревенскій участокъ, хотя это же слово употреблялось и для обозначенія деревенскаго поземельнаго цѣлаго. Объ этомъ мы говорили выше, въ первой главѣ.

крестьянскія деревни продаются цѣлыми весьма рѣдко и почитай продажными не бываютъ. Впрочемъ, по нынѣшнему состоянію на Двинѣ деревенскихъ капиталовъ, оцѣниваютъ двинскіе поселяне свои земли слѣдующимъ образомъ: деревню первыя статьи—въ 600 и въ 800 рублей, рѣдко же и въ 1000 рублей, деревню вторыя статьи—въ 500 и 600 рублей, деревню третьей статьи—въ 350 и 500 рублей, деревню четвертыя статьи—въ 150 и 200 рублей, деревню пятыя статьи—въ 50 и 100 рублей". Мы сдѣлали такую большую выдержку, такъ какъ книга крайне рѣдка, а свѣдѣнія, сообщаемыя ею, очень интересны. Факты, представляемые Крестининымъ, нельзя объяснить иначе, какъ остатками долеваго владѣнія. Что это за деревенскія статьи? Неравенство очень рѣзкое: максимумъ первой статьи превышаетъ минимумъ послѣдней статьи, по даннымъ Крестинина, въ 10—20 разъ (съ одной стороны 25 мѣръ ячменя и 800 кучъ сѣна, съ другой—2½ мѣры ячменя и 35 кучъ сѣна). Но отчего происходитъ та правильность, которая позволяетъ разгруппировать поземельное владѣніе на статьи, стоящія другъ къ другу въ пропорціональныхъ отношеніяхъ? Очевидно, подъ этимъ лежитъ недавно разложившаяся деревня.

VIII.

Мы констатировали важнѣйшій изъ факторовъ, вліявшихъ на распаденіе долевой деревенской организаціи,—важнѣйшій, но не единственный. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы такое важное и сложное явленіе было результатомъ одной только—и относительно такой простой—причины. Надо думать, что этотъ результатъ подготовленъ былъ цѣлою суммою второстепенныхъ причинъ. Можно указать между ними, напримѣръ, на естественное ослабленіе родовой традиціи; но остановимся только на одной—на той, которую можно освѣтить при посредствѣ фактическаго матеріала. Это—вторженіе въ деревню посторонняго, т.-е. не крестьянскаго, владѣнія.

На крайнемъ сѣверѣ, еще со временъ новгородскаго владычества, было распространено крупное землевладѣніе, въ видѣ землевладѣнія боярскаго, монастырскаго, церковнаго,

позже еще домоваго-архiерейскаго. Но это было землевладѣнiе обособленное отъ крестьянскаго захватывавшее отдѣльные куски территорiи. Кромѣ этого крупнаго, обособленнаго землевладѣнiя было и еще не-крестьянское землевладѣнiе другаго рода,—такое, которое не выдѣлялось изъ крестьянскаго, но находилось съ нимъ въ самой тѣсной связи. Это—владѣнiе въ деревняхъ купцовъ и посадскихъ людей, которые имѣли возможность дѣлаться, и дѣйствительно дѣлались, владѣльцами деревень и деревенскими дольщиками.

Юридическiй строй деревни не представлялъ для этого никакихъ препятствiй. Владѣя своею долей на правахъ частной собственности, крестьянинъ могъ продавать ее (съ извѣстными ограниченiями, на которыя было указано выше) не только крестьянину же, но всякому, кому хотѣлъ. Возможностью прiобрѣтать такимъ образомъ крестьянскiя земли пользовалась главнымъ образомъ группа, стоявшая къ крестьянству въ самыхъ близкихъ и родственныхъ отношенiяхъ,—купцы и посадскiе. Они прiобрѣтали отъ крестьянъ земли по купчимъ, закладнымъ и другимъ актамъ этого рода. Но масса земель уходила отъ крестьянъ въ эту городскую группу и другимъ, еще болѣе простымъ и непосредственнымъ, путемъ: крестьяне, переходя на житье въ города и поступая въ то или другое городское сословiе, „уносили съ собой" и свои вотчинныя земли. Наконецъ, горожанинъ могъ получать землю отъ своихъ деревенскихъ родственниковъ по наслѣдству, по духовнымъ завѣщанiямъ и т. п. *). Такимъ образомъ въ рукахъ купцовъ и посадскихъ людей скоплялась деревенская земля, которая продолжала de jure, по отношенiю къ мiру и государству, состоять на правахъ настоящей крестьянской земли.

Ни государство, ни административный крестьянскiй мiръ не страдали отъ этого владѣнiя: все, что требовалось, отбывалось съ этой земли такъ же, какъ и съ обыкновенной крестьянской (т.-е. не страдали непосредственно; косвенный же вредъ, происходящiй отъ стѣсненiя крестьянскаго землевладѣнiя, позже, при размноженiи населенiя, почувствовали

*) Дѣло холмогорской нижней расправы о владѣнiи архангельскими и холмогорскими купцами и мѣщанами деревенскими земляными участками 1791 г.

сильно). Но за то на деревенской организаціи это владѣніе должно было отражаться гибельнымъ образомъ.

Крестьянинъ-земледѣлецъ, сидящій на своей землѣ, всегда естественный хранитель традиціи; горожанинъ, порвавшій съ землей и представляющій собой элементъ промышленной предпріимчивости, естественный врагъ ея. Получивъ отъ предковъ деревню съ ея долевою организаціей, крестьянинъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, необходимо долженъ былъ стараться о ея сохраненіи; только сильныя побужденія того или другаго характера могли отвратить его дѣятельность отъ поддержанія традиціонной формы и направить къ ея разрушенію. Отношеніе горожанина было совсѣмъ иное. Онъ не имѣлъ съ землей кровныхъ связей, которыя бы побуждали его, какъ крестьянина, съ благоговѣніемъ относиться ко всему, что касалось земли. Для горожанина земля была только предметомъ ея торговыхъ или промышленныхъ оборотовъ. Понятно, что онъ не могъ дорожить традиціонной организаціей деревни,—напротивъ, долженъ былъ находить свое удобство и выгоду въ томъ, чтобы дѣйствовать въ цѣляхъ ея разрушенія. Между тѣмъ никакихъ препятствій для дѣйствій въ этомъ направленіи не было: горожанинъ имѣлъ полное право разрывать на куски свою долю, внося въ деревенское владѣніе такое замѣшательство, которое могло разрѣшиться лишь разложеніемъ деревенской организаціи. Купцы и посадскіе люди особенно стремились пріобрѣтать и удерживать въ своихъ рукахъ сѣнокосныя угодья, которыя не требовали такой затраты труда и доставляли имъ сѣно для ихъ городскихъ хозяйствъ; оттого продажи оторванныхъ отъ деревень пожень, закраинъ и т. п. сѣнокосныхъ угодій отъ крестьянъ посадскимъ и между посадскими, относительно рано, дѣлается очень обыкновеннымъ явленіемъ.

Владѣнія купцовъ и мѣщанъ сосредоточивались около торговыхъ центровъ, каковы были Холмогоры и потомъ Архангельскъ: чѣмъ дальше отъ этихъ центровъ, тѣмъ ихъ становилось меньше, пока они наконецъ совсѣмъ исчезали. Все деревенское владѣніе околопосадныхъ волостей, т.-е. волостей, лежащихъ около Холмогоръ, было пропитано этимъ постороннимъ элементомъ. Если купцы и посадскіе удерживали въ своихъ рукахъ полныя деревни или деревенскія доли, они садили на нихъ половниковъ.

Купцы и посадскіе отбывали съ своихъ земель, наравнѣ съ прочими крестьянскими землями, все, что требовалъ волостной міръ или государство. Но они естественно стремились, если только представлялась какая-нибудь возможность, выдѣлить свои земли изъ крестьянскихъ, — у нихъ передъ глазами былъ соблазнительный примѣръ льготнаго крупнаго землевладѣнія въ видѣ монастырскихъ, архіерейскихъ и тому под. земель. Выдѣлить земли можно было такъ: прежде всего слѣдовало добиться путемъ царскихъ грамотъ или договоровъ съ волостнымъ міромъ, чтобы земля впередъ „не ровнялась", т.-е. не вервилась съ прочими крестьянскими землями, а оставалась всегда въ тяглѣ въ разъ опредѣленномъ количествѣ вервей. Это былъ первый важный шагъ къ образованію настоящаго льготнаго вотчиннаго владѣнія. Второй и послѣдній шагъ заключался въ томъ, чтобы, пользуясь какими-нибудь благопріятствующими обстоятельствами, высвободить свою землю отъ лежащихъ на ней податей и повинностей, вывести изъ тягла. То и другое являлось достижимымъ далеко не для каждаго собственника изъ купцовъ и посадскихъ людей, даже и не для большинства ихъ. Только отдѣльныя единицы, исключительно благопріятно поставленныя, имѣли возможность провести все, что было необходимо, чтобы выдѣлить свои земли изъ тяглыхъ въ привилигированныя. Въ массѣ же собственники этой категоріи были слишкомъ слабы, чтобы довести до конца трудное дѣло.

Въ околопосадскихъ волостяхъ родъ купца Баженина, извѣстнаго кораблестроителя, является представителемъ тѣхъ деревенскихъ владѣльцевъ изъ горожанъ, которые были достаточно сильны, чтобы приняться за выдѣленіе своихъ земель. Остановимся нѣсколько на исторіи баженинскихъ земель; исторія эта можетъ служить образчикомъ для характеристики землевладѣнія этого рода.

Въ 12 верстахъ отъ Холмогоръ, за Двиной, при впаденіи въ нее рѣчки Вавчуги, съ глубокой старины находились чудскія городища. Съ половины XVI вѣка Вавчужское урочище съ рѣчкой и озеромъ, гдѣ была построена водяная мельница, состояло на оброкѣ за жильцомъ Двинскаго уѣзда — Поповымъ. По писцовымъ книгамъ Мирона Вельяминова 1622—23 гг., въ Вавчужскомъ оброчномъ урочищѣ заводилась де-

ревня: было тамъ „пашни паханные худые земли двѣ чети безъ третника въ полѣ, а въ дву потому-жь.“ Въ концѣ того же вѣка Вавчужская деревня уже состояла въ тяглѣ въ четырехъ сохахъ, а „рѣчка Вавчуга съ озеры и съ островки и кругъ озерокъ земли“ по-прежнему была на оброкѣ за владѣльцами Вавчужской деревни—Поповыми. Крестьяне Поповы были такъ богаты, что имѣли свою собственную церковь и содержали для нея на свой счетъ священника. Они не дробили своей деревни, такъ какъ имѣли средство выдѣлять лишнихъ членовъ, а сохраняли ее въ рукахъ одной семьи. Въ 1671 году владѣлецъ Вавчужской деревни продалъ ее зятю своему, посадскому человѣку, Андрею Баженину за триста рублей. Баженинъ пріобрѣталъ „все владѣніе Поповыхъ и строеніе орамые тяглые земли оброчные и сѣнные покосы и рыбные ловли и лѣщіе угодья и мельнишніе пруды со всякими мельнишными заводы и снастьми и строеніемъ и съ дворами и съ дворовыми со всякими хоромы и съ подворными и съ огородичными землями, гдѣ что ни есть сыщется и объявится остатковъ и животовъ и всякихъ заводовъ—ввѣкъ безъ выкупа и вдернь, чтобы сродцамъ и стороннимъ людямъ никому не было дѣла никотораго“; вмѣстѣ съ деревней Баженинъ пріобрѣталъ и „церковь съ алтарнею и церковною утварью, и съ иконами, и съ книгами и со всякимъ церковнымъ строеніемъ и съ трапезою“; причемъ обязывался и „попа ружить по разсмотрѣнію, какъ ему Богъ по сердцу положитъ...“

Между тѣмъ на Холмогорахъ былъ учрежденъ архіерейскій домъ, которому и были пожалованы Загорскій станъ и Чухченемская волость; первый архіерей, Аѳанасій, началъ хлопотать о томъ, чтобъ оттянуть у Баженина Вавчужскую деревню, какъ входящую въ районъ владѣній архіерейскаго дома (вѣроятно, она тянула тягломъ въ которой-нибудь изъ архіерейскихъ волостей). Но Баженинъ, опираясь на старые документы крестьянъ Поповыхъ, успѣлъ выхлопотать царскую грамоту, утверждающую его въ правахъ владѣнія. Сынъ этого перваго Баженина, Осипъ Баженинъ, пользовался, какъ извѣстно, большимъ расположеніемъ Петра I: онъ устроилъ въ Вавчугѣ корабельную верфь. Чтобъ обезпечить новое и дорогое ему дѣло, Петръ I надѣлялъ Баженина разными льготами, но земель ему не жаловалъ. Насчетъ этого

обстоятельства передается до сихъ поръ въ народѣ такое преданіе. Царь былъ въ гостяхъ у Баженина, пока достраивался корабль, чтобы присутствовать при спускѣ. Послѣ спуска, сказалъ Баженину: „чѣмъ мнѣ тебя, Баженинъ, дарствовать?"—Петръ показалъ ему на всѣ волости (съ Вавчуги видны почти всѣ околопосадныя волости) и говоритъ: „возьми всѣ волости себѣ и крестьянъ всѣхъ". А Баженинъ крестьянъ не взялъ, говоритъ: „если мой сынъ будетъ бѣдный и станетъ крестьянъ обижать, то они будутъ меня проклинать",—и только взялъ отъ каждой волости по участку. Дѣйствительно, у Осипа Баженина были земли почти въ каждой изъ околопосадныхъ волостей, но это не были земли пожалованныя, а пріобрѣтенныя имъ по разнымъ сдѣлкамъ. Имѣя средства и сильный царскою милостью, Осипъ Баженинъ энергически принялся пріобрѣтать земли: съ одной стороны онъ захватывалъ въ свои руки всѣ свободныя оброчныя угодья, съ другой—скупалъ тяглыя земли у крестьянъ. Наслѣдники его дѣйствовали въ томъ же направленіи. Отъ первыхъ годовъ XVIII вѣка дошло до насъ около двадцати купчихъ и закладныхъ на крестьянскія земли, пріобрѣтенныя Бажениными. Земли эти—частью цѣлыя деревни и ихъ доли, частью отдѣльныя поля; но въ большинствѣ случаевъ—это сѣнокосныя угодья. Крестьяне, нуждающіеся въ деньгахъ, продавали Бажениным оторванныя отъ своего деревенскаго участка цѣлыя пашни или доли въ нихъ. Такимъ образомъ Баженины имѣли семьдесятъ полевыхъ и сѣнокосныхъ участковъ въ Богоявленской Ухтъ-Островской, больше двадцати въ Ровдогорской и т. д. во всѣхъ околопосадныхъ волостяхъ.

Вопреки вышеприведенной легендѣ, у Бажениныхъ были крѣпостные крестьяне. Петръ I, по своему обыкновенію, приписалъ нѣсколько крестьянскихъ семей къ корабельной верфи. Баженинъ потомъ разселилъ этихъ приписныхъ крестьянъ по своимъ землямъ (ихъ было душъ до пятидесяти), но все-таки изъ этого зародыша не выросло крѣпостного владѣнія: баженинскіе крестьяне какъ-то незамѣтно исчезли.

Баженины скупали тяглыя земли, относительно которыхъ и міръ, и государство крѣпко держались формулы: „чтобъ землѣ изъ тягла не выходить". Во всѣхъ купчихъ непремѣнно опредѣляется, что Баженины, покупая землю, должны съ

имея „разрубы платить и службы служить по веревной книгѣ“. Независимо отъ этого міръ каждой волости, гдѣ у Баженинымхъ были земли, бралъ съ каждаго новаго Баженина, вступавшаго во владѣніе, письменное обязательство платить съ земли все, что будетъ на нее ложиться (послѣ введенія подушной подати, повинности не только мірскія, но и государственныя продолжали все-таки распредѣляться по землѣ, а не по душамъ: порядокъ, поддерживаемый указами, напримѣръ указъ 1739 года). Очевидно, міръ сильно опасался, чтобы Баженины не высвободили какъ-нибудь своихъ земель изъ тягла. И въ самомъ дѣлѣ, они начали дѣйствовать въ этомъ направленіи. Прежде всего Баженины добились какими-то способами отъ крестьянъ, чтобъ они „не ходили съ веревкой“ на тѣ ихъ земли, которыя составляли отдѣльныя деревни: куски полевыхъ и сѣнокосныхъ угодій, которые лежали въ крестьянскихъ деревняхъ, едва ли было возможно выдѣлить изъ вервленія. Вслѣдъ за тѣмъ они просто-на-просто отказались отъ всѣхъ платежей, кромѣ платежа подушныхъ за своихъ крестьянъ. Они мотировали свой отказъ тѣмъ, что эти платежи никогда не были для нихъ обязательными, а платили они исключительно „по одному только христіанскому человѣколюбію и къ крестьянамъ сожалѣнію“. Не обязательны же они потому, что эти земли—не крестьянскія тяглыя, а ихъ, баженинскія, покупныя, пріобрѣтенныя ими для расширенія корабельной верфи, причемъ ссылались на царскую жалованную грамоту, хотя въ ней ни слова не говорится о правѣ покупать на льготномъ основаніи тяглую землю. Завязался длинный процессъ Баженинымхъ съ мірами четырехъ изъ околопосадныхъ волостей, наиболѣе страдавшихъ отъ баженинскаго владѣнія. Процессъ этотъ кончился не въ пользу Баженинымхъ, такъ какъ всѣ документы, представленные суду, слишкомъ очевидно говорили противъ ихъ притязаній, а главное—наступили времена неблагопріятныя для дѣлъ такого рода: это было уже послѣ межевыхъ инструкцій *).

Ниже намъ еще разъ придется вернуться къ землевладѣнію купцовъ и посадскихъ людей въ деревняхъ.

*) Дѣло 1780 года архангелогородской губернской канцеляріи по исковому челобитью Двинскаго уѣзда черносошной Николаевско-Матигорской, Богоявленской и Троицкой Ухтъ-Островскихъ и Уемской волостей на архангелогородскихъ купцовъ Баженинымхъ.

IX.

На сѣверѣ,—несмотря на господство такой формы земельнаго владѣнія, которая приближалась многими существенными чертами къ частной земельной собственности,—долго держалось между народомъ, отчасти держится и до сихъ поръ, такое представленіе, что незанятая, не эксплуатируемая, пустая земля не можетъ быть чьей-либо собственностью, а есть ничья, Божія. Конечно, это представленіе было вынесено изъ до-историческихъ временъ; но оно нашло себѣ поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что сѣверъ колонизовался не родами, которые захватывали бы большіе куски территоріи, образуя такимъ образомъ марки, а большими семьями, захватывавшими лишь то, что онѣ могли эксплуатировать.

А между тѣмъ уже во времена новгородскаго господства появились условія, которыя должны были ослаблять это архаическое представленіе. Война и насильственный захватъ создали боярское землевладѣніе, подъ покровительствомъ котораго выросло землевладѣніе монастырское. Крупный землевладѣлецъ являлся собственникомъ не только воздѣлываемой, но и всей земли,—конечно, и пустой,—своего „завода“. Но интересно, что правовое сознаніе самихъ крупныхъ землевладѣльцевъ какъ бы обходило этотъ фактъ: такъ, въ раздѣльномъ актѣ новгородцевъ Своеземцевыхъ *), владѣльцевъ большой территоріи, дѣлится не эта территорія, а только „села“, то-есть лишь воздѣлываемая земля. Но, какъ бы то ни было, крупная земельная собственность, основанная на военномъ захватѣ, должна была порождать такія воззрѣнія на земельную собственность, которыя шли въ разрѣзъ съ указаннымъ выше взглядомъ народа. Однако оба эти теченія правовой мысли, повидимому совершенно исключающія другъ друга, могли на самомъ дѣлѣ уживаться совершенно мирно другъ съ другомъ; прямолинейныя требованія логики далеко не всегда примѣнимы къ такому сложному объекту, какъ народное міровоззрѣніе, и кажущіяся, а часто и совершенно реальныя проти-

*) „Юридическіе акты“, № 260.

ворѣчія встрѣчаются въ немъ на каждомъ шагу. Такимъ образомъ этотъ болѣе ранній періодъ исторіи сѣвернаго землевладѣнія характеризуется представленіями о правѣ частной — собственно семейной, задружной, печищной—собственности на воздѣлываемую землю на ряду съ отрицаніемъ всякаго права собственности на пустую, дикую землю; но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ формулироваться представленія о частной земельной собственности въ болѣе современномъ смыслѣ этого слова.

Московское завоеваніе внесло въ понятіе земельной собственности совсѣмъ новый принципъ. Появился и сталъ настойчиво проводиться тотъ взглядъ, что вся земля—и воздѣлываемая, и пустая—есть собственность государя. Для водворенія этого взгляда, тотчасъ послѣ завоеванія, сдѣланъ былъ энергическій шагъ уничтоженіемъ, почти полнымъ, крупной поземельной собственности ввидѣ боярскаго, а отчасти и монастырскаго землевладѣнія. Но провести этотъ же принципъ по отношенію къ мелкой крестьянской собственности было несравненно труднѣе. Правда, формальная сторона дѣла была водворена быстро: нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ завоеванія—и владѣльцы земли уже перестаютъ называть, въ актахъ, свои земли, по-старому, своими вотчинами, а начинаютъ называть ихъ „вотчинами великаго князя", а деревни крестьянъ-собственниковъ—государевыми черными деревнями. Но этою формальною стороной все и ограничивалось. Крестьяне попрежнему оставались собственниками своей земли. Правда, съ тягломъ, которое налегло на землю, связывались всегда извѣстныя стѣсненія и ограниченія правъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ ограниченія эти становились чувствительнѣе; но существа правъ они все-таки не касались. Больше трехъ вѣковъ прошло прежде, чѣмъ принципъ доведенъ былъ до конца, т.-е. право собственности крестьянъ на воздѣлываемую ими землю окончательно перешло къ государству. Но почва для этого окончательнаго перехода постепенно подготовлялась и расчищалась въ теченіе всего этого длиннаго періода.

Что воздѣлываемая земля есть собственность государя или государства (понятія государя и государства дифференцировались лишь съ теченіемъ времени), съ этимъ положеніемъ, какъ сейчасъ было сказано, сѣверное крестьянство познакомилось до поры до времени лишь формально; но съ другимъ

положеніемъ, что вся дикая, пустая, незанятая земля не есть ничья, или Божія, а есть та же государева собственность, крестьянству пришлось—и не фиктивно лишь, а вполнѣ реально—познакомиться значительно раньше, хотя архаическій взглядъ не легко уступилъ мѣсто новому.

Крестьянство на первыхъ порахъ, естественно, продолжало по старому расчищать новыя земли, захватывать пустыя угодья и заводить новыя поселенія, гдѣ находило удобнымъ. Но московское правительство тотчасъ же начало вмѣшиваться въ это дѣло. Конечно, земледѣльцы могли по старому дѣлать „причисти", „притеребы", т. е. расширять свои деревни, расчищая земли, прилегающія къ ихъ полямъ или пожнямъ, „чистить противъ своихъ полей",—въ это правительство не имѣло возможности вмѣшиваться, предоставляя все волостному міру съ его веревкой. Но за то всякій захватъ новыхъ мѣстъ подъ разработку или поселеніе оно стремилось поставить подъ свой контроль. Правительственные агенты наблюдали за тѣмъ, чтобы нигдѣ никто не владѣлъ „безданно и безоброчно", включая сюда даже и тѣ подвижные, новоприсадные острова, которые то и дѣло образуются на большихъ рѣкахъ, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ, въ какое-нибудь водополье, снова исчезнуть. Все это была государева собственность, которою нельзя было владѣть безъ разрѣшенія, или по крайней мѣрѣ безъ платежа за пользованіе.

И распашка дикихъ земель или эксплуатація новыхъ промысловыхъ угодій, и новое поселеніе внѣ существующаго района населенныхъ мѣстъ—все требовало спеціальнаго разрѣшенія государя, какъ вотчинника всей пустой земли. Если люди находили удобныя мѣста, на которыхъ пожелали бы основать новое поселеніе, то должны были прежде добыться государевой грамоты, которая разрѣшила бы имъ „пашни пахать и пожни чистить, и дворы ставити и лѣсы сѣчи"—все это въ опредѣленныхъ грамотою межахъ *). Такъ стѣснена была старинная вольная новгородская колонизація, которая подчинила Чудскій сѣверъ русскому элементу. Разумѣет-

*) „Акты археогр. экспедиціи", т. I, № 383; *Архангельск. Губерн. Вѣдомости* 1868 г., №№ 25—27.

ся, жизнь не такъ-то легко уложить въ рамки предписаній изъ отдаленнаго центра даже теперь, а не то что триста лѣтъ тому назадъ и при тогдашнихъ мѣстныхъ условіяхъ, въ безконечныхъ лѣсахъ, въ безграничныхъ тундрахъ. Крестьяне продолжали заводить новыя поселенія безъ всякихъ грамотъ и разрѣшеній, продолжали при всякомъ удобномъ случаѣ „безданно и безоброчно“ расчищать дикія земли и эксплуатировать новыя угодья. Но вслѣдъ за раздвигающимся крестьянствомъ, шагъ за шагомъ, слѣдовало правительство, настойчиво доказывая крестьянству, при всякомъ случаѣ, нелегальность его свободныхъ распорядковъ въ государевой собственности. Дани и оброки съ пошлинами шли по пятамъ крестьянина. Конечно, настойчивость правительства находилась въ зависимости и отъ финансовыхъ соображеній. Но что не одинъ разсчетъ выгоды, а именно политика,—если не сознательная, то инстинктивная, — руководила московскимъ правительствомъ, это видно изъ его отношенія къ тяглымъ землямъ.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ, какъ тягло само по себѣ стѣсняло крестьянина въ его правахъ собственности на землю (въ трудахъ Бѣляева и другихъ изслѣдователей хорошо разъяснено значеніе тягла). Но правительство шло дальше, руководимое стремленіемъ установить принципъ своего верховнаго права не только на пустую, но и на воздѣлываемую землю.

Земельное тягло иногда бывало такъ тяжело, что земля не могла его вынести. Естественно, что и право собственности со всѣми его послѣдствіями въ такомъ случаѣ переворачивалось на изнанку: интересъ собственника заключался уже не въ томъ, чтобы поддерживать свое право, а въ томъ, чтобъ отдѣлаться отъ него. Это не всегда было легко. такъ какъ тяглая земля должна была во что бы то ни стало отбывать тягло до новой переписи. Но тѣмъ не менѣе на нашемъ сѣверѣ какъ-то не прививалось насильственное прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ и тяглу, и онъ, обыкновенно могъ свободно кидать ее на руки міру, „поступался въ міръ“ (волостной), если не находилъ возможнымъ пристроить свою землю иначе. Эти брошенныя владѣльцами земли назывались „пометы“, „пометныя земли“. Міръ былъ отвѣтственъ за тягло

и потому сильно заинтересованъ въ томъ, чтобы земля не оставалась впустѣ, безъ тяглеца. Міръ, если могъ, продавалъ такую землю, конечно, въ томъ только случаѣ, если владѣлецъ земли отступался отъ нея формально, а не кидалъ ее на время, чтобъ опять вернуться на нее въ качествѣ „вотчича"; если не могъ продать, то подъискивалъ человѣка, который согласился бы взять ее даромъ, изъ тягла, и даже со льготой (мірскія условія Тавренской волости съ такими „жильцами", напечатанныя въ „Юридическихъ актахъ", №№ 175—187, приводятся нерѣдко, хотя и совершенно неосновательно, изслѣдователями нашихъ старинныхъ поземельныхъ отношеній въ доказательство того, что на сѣверѣ издревле господствовала поземельная община современнаго типа). Часто міръ отдавалъ такія земли въ церковь, принимая на себя въ такомъ случаѣ тягло. Однимъ словомъ, міръ считалъ себя,—и совершенно естественно, если принять во вниманіе характеръ его организаціи въ связи съ его тягловыми обязанностями,—хозяиномъ этихъ брошенныхъ земель. Но уже съ конца XVI вѣка писцы, важнѣйшіе изъ правительственныхъ агентовъ, имѣвшихъ отношеніе къ землѣ, начинаютъ вмѣшиваться въ это дѣло *). Еще столѣтіе—и міръ уже совсѣмъ устраненъ отъ распоряженія этими землями. Онѣ поступаютъ въ завѣдываніе правительства, которое само отдаетъ ихъ тѣмъ, кто пожелаетъ взять ихъ на тягло или оброкъ. Если міръ хочетъ какъ-нибудь самъ распорядиться такою землей, онъ долженъ выпросить на то царскій указъ **), „а безъ государева указа они, соцкой и всѣ крестьяне, церковному порядчику на то пустое тяглое дворище велѣть ставиться дворомъ не смѣютъ", пишетъ міръ въ одной челобитной. Такъ дѣйствовало московское правительство, прививая массамъ, исторически воспитаннымъ въ иныхъ правовыхъ представленіяхъ, сознаніе своего верховнаго права на всякаго рода земельную собственность.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ о значеніи переписей земли съ этой точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія поддержки въ массахъ сознанія верховнаго права правительства на

*) Челобитная 1588 г.

**) Челобитная крестьянъ Койдокурской волости 1672 г.

земельную собственность. Обычай переписей, внесенный въ русскую землю монголами, которые руководствовались въ свою очередь основаніями, выработанными китайской политическою мудростью *), вмѣстѣ съ формой внесли и частицу азіатскаго духа, которому этотъ обычай обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ. Писцы, представители верховной власти являлись вершителями всякихъ дѣлъ и затрудненій, вытекавшихъ изъ поземельныхъ отношеній. Они имѣли даже право собственною властью разрѣшать „писаться, особь-статьей", то-есть выдѣлять земли отдѣльныхъ вотчениковъ изъ общаго тягла, что составляло первый и самый важный шагъ къ образованію частной поземельной собственности въ позднѣйшемъ смыслѣ слова, т. е. собственности обособленной и льготной. Фактомъ внесенія въ перепись разсѣкались всевозможные Гордіевы узлы. Внесеніе въ писцевую, переписную книгу давало такую верховную санкцію факту,—какое бы правонарушеніе онъ не представлялъ собою,—что возстановленіе права дѣлалось вещью почти невозможной. Всякія права имѣли смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока они утверждались переписью, иначе они обращились ни во что. Будь вы двадцать разъ вотченникомъ вашей земли, имѣй на нее неоспоримѣйшіе документы, но разъ эти документы не предъявлены писцу и не внесены въ книгу, всѣ ваши права прекращаются. „Кто станетъ на тое землю и на сѣнные покосы объявлять какія старыя купчія или закладныя и тому ни чему вѣрить не вѣлено и въ дѣло ихъ не ставить, потому что они тѣхъ купчихъ и закладныхъ не объявляли, какъ земли переписывали": на этомъ основаніи земля, неоспоримо состоящая въ вотчинномъ владѣніи, объявляется пустой и на нее дается изъ съѣзжей избы владѣнная запись лицу, желающему взять ее въ пользованіе,—запись, прекращающая силу всякихъ старыхъ крѣпостныхъ документовъ на землю **).

Итакъ, правительственный актъ по отношенію къ земельной собственности становился выше всѣхъ частныхъ правъ, которыя могли имъ уничтожаться или только черезъ посред-

*) *Бѣляевъ*: „Лекціи по исторіи русскаго законодательства", 1879 года, стр. 269—272.

**) Правая память 1683 г.

ство его получать реальную силу. Трудно преувеличить значеніе этого факта и его вліяніе на умы и правовыя представленія массъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда былъ нанесенъ рѣшительный ударъ крестьянской земельной собственности, почва для него уже была подготовлена.

Какъ бы то ни было, но до второй половины XVIII вѣка большая часть тяглыхъ земель на сѣверѣ принадлежала крестьянамъ на правахъ частной собственности, ограниченной, съ одной стороны, родовой организаціей деревни, съ другой—тягломъ. Но за то, утвердивъ фактъ своего права собственности на всякую пустую землю, московское правительство тѣмъ самымъ пріобрѣло возможность скопить въ своихъ рукахъ огромный земельный фондъ въ видѣ такъ-называемыхъ оброчныхъ земель. Право на пустую землю, конечно, было совершенно фиктивнымъ правомъ; но оно реализировалось съ того момента. какъ эта земля подвергалась эксплуатаціи. Всякій, занявшій такъ или иначе, съ разрѣшенія или безъ него, пустую землю, тѣмъ самымъ реализировалъ государеву собственность, увеличивая фондъ государевыхъ оброчныхъ земель. А такъ какъ крестьянство не могло держаться на наслѣдственныхъ тяглыхъ земляхъ, доставшихся имъ отъ ихъ новгородскихъ предковъ, то запасъ оброчныхъ земель все росъ и росъ. Часть этихъ оброчныхъ земель переходила въ тяглыя, но все-таки количество ихъ увеличивалось въ далеко большей пропорціи, чѣмъ увеличивалось количество земли тяглой.

Считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на оброчныхъ земляхъ, которыми всегда пользовались крестьяне, пополняя ими недостатокъ своей вотчинной тягловой земли, тѣмъ болѣе, что, кажется, въ спеціальной исторической литературѣ нѣтъ работъ, выясняющихъ эту сложную темную по своей запутанности сторону въ исторіи нашей поземельной собственности.

Итакъ, до наступленія того момента, когда государство окончательно экспропріировало сѣвернаго крестьянина, чтобы затѣмъ возвратить ему его исконную собственность въ видѣ надѣла вся земельная собственность дѣлилась на вотчинную, во главѣ коей стояла вотчинная крестьянская соб-

ственность, и государеву оброчную: „а тотъ оброчный островъ искони вѣчный государевъ, а не вотчинной“ *). Нѣтъ возможности даже приблизительно опредѣлить отношеніе количества оброчной земли къ вотчинной тяглой и не тяглой. Можно сказать только, что къ концу XVII вѣка крестьяне уже не такъ были стѣснены на своихъ наслѣдственныхъ земляхъ, что количество занимаемыхъ ими оброчныхъ земель, сучалось превышало всю сумму земель тягловыхъ: такъ въ Загорскомъ станѣ **) считалось всей тягловой земли 39 вервей 50 вер. сажень, а оброчной, присошенной къ этому стану, 41 вервь 120 саж.

Откуда брались оброчныя земли—мы уже знаемъ. Когда въ деревняхъ становилось тѣсно, крестьяне присматривали, нѣтъ ли гдѣ по сосѣдству, внѣ района ихъ деревень, какого-нибудь удобнаго пустого мѣста. Найдя такое мѣсто, они по настоящему должны были бы получить на него разрѣшеніе и такимъ путемъ обезпечить за собой пользованіе. Но они обыкновенно поступали не такъ. Они просто-на-просто захватывали его, не стѣсняясь административными гранями своихъ волостей, становъ, уѣздовъ, т.-е. прямо начинали его „пахать и сѣна ставить“. Затѣмъ дѣло шло такъ. Правительство дознавалось, что такіе-то крестьяне тамъ-то владѣютъ „сильно“; дознавалось оно или черезъ своихъ агентовъ, или по доносу стороннихъ людей, которымъ тоже приходилось по вкусу отъисканное крестьянами угодье, а часто и по доносу монастырей: такъ какъ послѣднихъ стѣсняли въ пріобрѣтеніи тяглыхъ земель, то они съ тѣмъ большимъ стараніемъ тянулись къ землямъ оброчнымъ. Пустая государева земля переставала быть пустой: она должна была теперь давать доходъ, перейти изъ пустыхъ земель въ оброчныя. Изъ Москвы шелъ указъ мѣстному воеводѣ, чтобъ онъ посылалъ «кого пригоже тое землю досмотрѣть и смѣтить», а также разъискать, не подходитъ ли та земля вплотную къ какимъ-нибудь деревнямъ, «чтобъ крестьянамъ не было утѣсненія». Производился сыскъ и досмотръ при посредствѣ

*) Списокъ стройной книги Архангельскаго и Холмогорскаго посадовъ 1649—1650 гг.

**) Верервая книга Загорскаго стана второй половины XVII вѣка.

понятыхъ—церковныхъ старостъ ближайшихъ волостей и добрыхъ крестьянъ, и досмотръ опредѣлялъ количество эксплуатируемой земли разсѣвомъ и покосомъ. Затѣмъ землю „обводили", т.-е. опредѣляли, по показаніяхъ тѣхъ же понятыхъ, ея предѣлы—по естественнымъ границамъ, если захваченное угодье лежало среди пустой земли,—и новая оброчная статья прибавлялась къ прочимъ государевымъ оброчнымъ землямъ. Оставалось только положить ее на оброкъ, съ торгу, если желающихъ ее взять было нѣсколько, или по собственному усмотрѣнію, если конкурентовъ не было.

Другимъ источникомъ для увеличенія запаса оброчныхъ земель было запустѣніе земель тяглыхъ. Мы выше говорили, что запустѣвшія тяглыя земли поступили въ распоряженіе правительства, которое или снова передавало ихъ тяглецу, или отдавало на оброкъ. Наконецъ, къ оброчнымъ землямъ принадлежала большая часть промысловыхъ угодій. Вѣроятно, съ самаго начала, т.-е. со времени завоеванія, всѣ промысловыя угодья отписаны были на государя. Нѣкоторая часть ихъ была потомъ во власти монастырей на вотчинномъ правѣ; были промысловыя угодья и за крестьянами, составляя какъ бы часть ихъ деревень, и хотя эти угодья лежали часто за десятки, сотни верстъ, на морскомъ берегу, но значительная часть ихъ все-таки оставалась за правительствомъ въ качествѣ оброчныхъ статей.

Оброчныя земли отдавались или писцами на мѣстѣ, или въ Москвѣ, въ Новгородскомъ приказѣ. На нихъ производились формальные торги: кто изъ конкурентовъ давалъ больше наддачи, за тѣмъ и оставалась земля. Давалась земля на опредѣленный срокъ, на нѣсколько лѣтъ, иногда до новой общей переписки, „до валовыхъ писцовъ". По истеченіи срока дѣлалась переоброчка, земля шла уже съ новою наддачей. Обротчики должны были представлять за себя поручительство, „поручную запись добрыхъ порутчиковъ". Оброкъ съ пошлиной представлялся въ опредѣленный срокъ въ съѣзжую избу.

Теперь намъ надо коснуться запутанной стороны предмета—смѣшенія оброчныхъ земель съ тяглыми.

Московское правительство находило выгоднымъ переводить земли изъ оброка въ тягло; „а тотъ починокъ запу-

стѣлъ съ давнихъ лѣтъ... отданъ на денежный оброкъ... до иного переобротчика или до полнаго тяглеца" *). Т.-е. обротчикъ являлся по отношенію государства не полнымъ плательщикомъ и только тяглецъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, какія государство предъявляло къ землѣ. Въ однихъ случаяхъ оброкъ совсѣмъ снимался съ земли, которая поступала въ тягло: „и то полцо послѣ оброку было въ тяглѣ, а оброкъ былъ сложенъ и нынѣ то полцо мѣряно въ тяглѣ-жъ и съ того полца оброкъ сложенъ" **). Въ другихъ случаяхъ тягло накладывалось на землю сверхъ оброка: „да тѣ-жъ угодья даны ему Якушку съ товарищы сверхъ оброку и пошлинъ въ живущее тягло въ полполчети выти" ***); въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. если оброчныя земли давались въ тягло, онѣ уже были изъяты изъ переоброчки.

Результаты всего этого были довольно неожиданны. Такъ какъ тяглыя земли находились за крестьянами на вотчинномъ правѣ, то и оброчныя, попадали въ тяглыя, сами собой становились такою же вотчинною землей, какъ и прочія тяглыя земли: такъ какъ съ тягломъ всегда соединялось безпереоброчное владѣніе, то эти земли не могли отойти отъ ихъ владѣльца помимо его желанія, а права его укрѣплялись наслѣдственною передачей и давностью. Въ такое же вотчинное владѣніе переходили постепенно и тѣ оброчныя земли, которыя не выходили изъ оброчныхъ въ тяглыя, но давались на льготу безъ переоброчки: такихъ земель было много за церквами и монастырями. Какъ тѣ, такъ и другія, т.-е. оброчныя, перешедшія въ тяглыя, и оброчныя, пожалованныя со льготой безъ переоброчки, покупались и продавались, передавались по духовнымъ завѣщаніямъ и т. п., какъ и настоящія вотчинныя земли. Разумѣется, такія сомнительныя права не могли не порождать споровъ и претензій, дававшихъ поводъ къ возникновенію множества тяжебныхъ дѣлъ. Въ концѣ концовъ правительство само стало на сторону правъ этого рода. Θеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ, въ силу котораго „оброчныя земли и рыбныя ловли и всякія

*) Изъ писцовой книги 1677 года.

**) *Арханг. Губ. Вѣдом.* 1871 г., № 4, ст. „Матеріалы для исторіи поземельнаго владѣнія въ Арханг. губ.". *П. Ефименко.*

***) Выписка изъ писцовой книги Чухченемской волости конца XVII вѣка.

угодья по купчимъ и по даннымъ и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ отдавать тѣмъ людямъ, за кѣмъ въ писцовыхъ книгахъ написаны, и которыя угодья послѣ писцовъ даны въ живущее тягло на урочные годы, и переоброчки тѣмъ угодьямъ въ прошлыхъ годѣхъ по 186 годъ буде не бывало, и тѣмъ угодьямъ по писцовымъ книгамъ и по дачамъ и по тяглу велѣно быть за тѣми людьми, кто ими напредь сего владѣлъ, а инымъ людемъ изъ переоброчки тѣхъ угодій отдавать не велѣно". Т.-е. земли эти окончательно закрѣплены за ихъ владѣльцами.

Издавая такіе указы, московское правительство, повидимому, дѣйствовало въ разрѣзъ тому теченію, которое направлялось къ утвержденію его верховнаго права собственности на крестьянскую землю. Но это только повидимому. На самомъ же дѣлѣ, въ интересахъ утвержденія указаннаго принципа, было очень важно смѣшать оброчныя земли съ тяглыми вотчинными. Конечно, трудно предположить, чтобы правительство Θеодора Алексѣевича или кого-нибудь другого изъ его предшественниковъ или преемниковъ, не исключая и Петра, руководилось въ своихъ дѣйствіяхъ тонкимъ разсчетомъ всѣхъ послѣдствій своихъ мѣропріятій; но въ политикѣ, какъ и въ другихъ сферахъ соціальной жизни, инстинктъ часто замѣняетъ собой сознательный разсчетъ и среди кажущагося хаоса, колебаній и отступленій вѣрно приводитъ къ намѣченной цѣли.

Какъ бы то ни было, когда наступила, во второй половинѣ XVIII вѣка, критическая эпоха въ исторіи сѣвернаго крестьянскаго землевладѣнія, это смѣшеніе оброчныхъ земель съ тяглыми вотчинными оказалось далеко не безполезнымъ.

X.

Кризисъ этотъ пріурочивается ко времени изданія межевыхъ инструкцій 1754 и 1766 гг. Но „межевыя инструкціи" были лишь рѣшительнымъ шагомъ въ направленіи, которое начало обозначаться съ начала XVIII вѣка, со времени императора Петра I-го и его реформъ.

Основною формулой внутренней политики Московскаго го-

сударства было то, что земля не должна выходить изъ тягла (дополненіемъ котораго была служба), иначе говоря—всѣ силы страны должны служить цѣлямъ и интересамъ государства: „все—для государства". Но московское правительство не могло привести въ дѣйствіе другой формулы, которая должна была служить дополненіемъ и развитіемъ первой: „все—черезъ государство". Это дополненіе, совершенно необходимое для того, чтобы первая формула получила все возможное для нея осуществленіе и примѣненіе, было выдвинута XVIII вѣкомъ, т.-е. собственно императоромъ Петромъ, направившимъ теченіе нашей государственной жизни въ новое русло. Московскій государственный механизмъ весь былъ приспособленъ къ тому, чтобы возможно больше извлекать изъ данныхъ силъ земли; петербургскій же ставилъ себѣ болѣе широкія цѣли — организовать силы земли такъ, чтобъ онѣ возможно лучше служили цѣлямъ государства.

Казалось, московская формула: „чтобы земля не выходила изъ тягла"—была всеобъемлюща; но это только казалось. На самомъ дѣлѣ масса силъ выскользала изъ-подъ нея, выдвигая впереди себя тяглецовъ, которые и расплачивались передъ государствомъ за все про все. Народившійся Петербургъ замѣтилъ ошибку и принялся за ея исправленіе. Ревизія (1719 г.) и указъ о введеніи подушной подати (1722 года) ввели, на мѣсто стараго принципа, „чтобы земля не выходила изъ тягла", новый, „чтобы никто не былъ въ избылыхъ", т.-е. „чтобъ никто не былъ безъ платежа подушной подати": „хотя въ той губерніи, такъ какъ и въ прочихъ губерніяхъ, скудные, также старые, малые и дряхлые и малолѣтніе находятся, однако же безъ платежа подушныхъ денегъ быть имъ невозможно",—таково указное разъясненіе закона на донесеніе сибирскаго губернатора *).

Но очевидно, что выбираться подать должна была съ той же земли. Правительство это такъ и понимало съ самаго начала. Въ только-что упомянутомъ указѣ 1725 года прямо сказано: „чтобъ верстались по землѣ и по тягламъ"; то же—и въ указѣ 1739 года о взысканіи недоимокъ, который предназначался для дворцовыхъ крестьянъ, но примѣнялся и къ черносошнымъ, такъ какъ эти двѣ категоріи крестьянъ посто-

*) Указъ 1725 г.

янно смѣшивались между собой: „не безъизвѣстно, что подушныя деньги платятъ только за себя, включая самыхъ убогихъ, умершихъ, бѣглыхъ и взятыхъ въ службу, и для того при взысканіи съ нихъ такой доимки будутъ отговариваться, что они за себя платить готовы, а за выбылыхъ платить не должны, но такихъ отговорокъ не принимая, разложить доимку по тягламъ, сколько съ кого по платежу и по владѣнію земли придетъ... всякъ изъ нихъ по препорціи земель, кто сколько пашетъ, также и по препорціи своихъ пожитковъ и другихъ промысловъ и доимку заплатить должны". „Чтобы подать располагаема была не по числу въ семействѣ состоящихъ душъ, а соразмѣрно имѣнію у каждаго земли, промысла и работниковъ", какъ выражались позднѣе, въ концѣ XVIII вѣка *).

Итакъ, платежъ за прежнихъ „избылыхъ" легъ на ту же самую землю, которая и безъ того была отягощена тягломъ до невозможности. Ясно, что ничего нельзя было подѣлать, не реорганизовавъ самыя платежныя силы. Планъ реорганизаціи подсказывался всѣмъ прошлымъ, всей исторіей: съ одной стороны, постоянная тенденція государства утвердить свое верховное право собственности на всякую землю, въ томъ числѣ и тяглую,—тенденція, получившая при императорѣ Петрѣ новую жизненность; съ другой — самый этотъ принципъ, „чтобъ никто не былъ въ избылыхъ", породившій ревизію и подушную подать. Если государство есть настоящій собственникъ тяглой земли, а не крестьянство, если каждая душа должна платить,—естественный выводъ, что государство обязано обезпечить за каждою душой возможность платить путемъ надѣленія ея землей. Уже и въ первой половинѣ XVIII вѣка эта идея, которой предстояло въ будущемъ такое грандіозное осуществленіе, чувствовалась, такъ-сказать, носилась въ воздухѣ, просвѣчивала въ указахъ и распоряженіяхъ правительства; но для осуществленія ея дѣйствительность представляла слишкомъ много препятствій (просимъ читателя не забывать, что мы освѣщаемъ всѣ факты лишь съ той точки зрѣнія, на какую ставитъ насъ ознакомленіе съ фактами исторіи землевладѣнія нашего сѣвера).

*) Приказъ директора экономіи старостѣ Матигорской волости 1786 года.

Въ самомъ дѣлѣ, идея эта и та дѣйствительность, которую представляло собою въ XVIII вѣкѣ сѣверное землевладѣніе, являлись такъ противоположными другъ другу, какъ могутъ быть противоположны два соціальные типа, воспитаные и вскормленные совсѣмъ различными историческими теченіями. Крестьянство продолжало жить съ спокойной вѣрой въ незыблемость своихъ правъ на земельную собственность и продолжало распоряжаться своею землей согласно своимъ представленіямъ о правѣ. А между тѣмъ старый деревенскій укладъ уже рушился. Съ разрушеніемъ деревни рушились и тѣ естественныя препятствія, на которыя мы указали выше, къ скопленію въ отдѣльныхъ рукахъ земельной собственности. Въ средѣ самого крестьянста росло неравенство. Въ тоже время въ деревню вторгалось постороннее владѣніе, главнымъ образомъ, въ видѣ владѣнія посадскихъ людей.

Что же должно было предпринять правительство, для осуществленія того, что настойчиво навязывалось какъ прошлымъ такъ и потребностями настоящаго?

Какъ во всѣхъ аналогическихъ случаяхъ, передъ правительствомъ было два пути: во-первыхъ, путь медленнаго движенія къ намѣченной цѣли при посредствѣ подготовительныхъ мѣръ и, во-вторыхъ, путь переворота. Правительство избрало второй путь. Межевыя инструкціи по отношенію къ сѣверному крестьянскому землевладѣнію,—да и не къ нему одному,—являются настоящими декретами конвента. Если ихъ революціонный характеръ не вызвалъ въ сѣверномъ населеніи насильственной реакціи, то, конечно, только потому, что издать указъ еще не значило привесть его въ исполненіе. На самомъ дѣлѣ зданіе старыхъ порядковъ хотя и было подкопано въ фундаментѣ, но оно все-таки еще держалось, и держалось довольно долго, разрушаясь по частямъ. Не мгновенное разрушеніе стараго и возникновеніе новаго было результатомъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны правительства, а хаосъ и броженіе, въ которомъ одна часть дѣйствующихъ элементовъ держалась на обломкахъ стараго, другая хваталась за выдвигающееся новое, причемъ само правительство, вынуждаемое живучестью старыхъ началъ, не разъ отступало назадъ, дѣлая уступки обстоятельствамъ.

Межевыя инструкціи 1754 и 1766 гг. и манифестъ 1765 г. съ нѣкоторыми объяснительными указами послужили поворотными гранями въ исторіи сѣвернаго землевладѣнія. Не имѣя ни по формѣ, ни, повидимому, по сущности ничего, что выводило бы ихъ изъ ряда простыхъ административныхъ распоряженій, межевыя инструкціи, тѣмъ не менѣе, получили характеръ и значеніе настоящихъ законодательныхъ актовъ. Вотъ наиболѣе важные для сѣвера пункты этихъ инструкцій (по редакціи 1766 г.): „Тяглыя земли, деревенскіе участки и всякія угодья, которыя бы послѣ Уложенія государственные крестьяне въ Вятскомъ и другихъ уѣздахъ отдали въ поминовеніе по умершихъ и вкладомъ въ домъ архіерейскій въ монастыри и къ церквамъ, или продали, заложили и поступились воеводамъ, канцелярскимъ служителямъ, церковнымъ причетникамъ, монастырскимъ служкамъ, другимъ всякихъ чиновъ людямъ, не положеннымъ въ тѣхъ уѣздахъ въ подушномъ окладѣ, или которыя бы за иски были отданы кому-нибудь изъ такихъ же людей отъ канцелярій, въ случаѣ споровъ безденежно возвращать въ число государственныхъ земель черносошныхъ крестьянъ". „Земли, которыя крестьяне государственныхъ черносошныхъ волостей, расчиствъ вновь въ тѣхъ же волостяхъ и деревняхъ, написанныхъ за ними въ прежнихъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ, подъ видомъ своихъ собственныхъ продали и заложили разныхъ чиновъ людямъ тѣхъ провинцій, или которыя, бывъ расчищены крестьянами, отданы отъ канцелярій за иски, также отбирать отъ владѣльцовъ и межевать въ число земель государственныхъ". „Деревенскіе участки и печищныя земли, проданныя и заложенныя отъ государственныхъ крестьянъ посадскимъ людямъ тѣхъ же городовъ и наоборотъ, хотя и межевать къ общественнымъ землямъ всѣхъ жителей селенія но представляемыя купчія и закладныя должны разсматривать и утверждать мѣста, до которыхъ это принадлежитъ... Мѣста же сіи должны утверждать земли только за тѣми, которымъ онѣ по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ, а не по какимъ другимъ указамъ и опредѣленіямъ законно принадлежать будутъ". „Съ изданія сей инструкціи какъ купцамъ, такъ и государственнымъ крестьянамъ... недвижимыхъ имѣній никому, какъ постороннимъ, такъ и

между собой, не продавать и не закладывать, и въ иски, также и по векселямъ и за долги не отдавать". „Земель, оставшихся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ, на которыхъ они въ подушный окладъ положены, между наслѣдниками и женами на части не дѣлить и за дочерьми, выходящими въ замужество за людей другого званія и за государственныхъ крестьянъ другихъ селеній, не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ оныя примежеваны будутъ". „Если послѣ которыхъ государственныхъ крестьянъ сыновей не останется, а останутся дочери и выдутъ замужъ за государственныхъ же крестьянъ, которые пожелаютъ жить на земляхъ, принадлежавшихъ умершимъ, то земли сіи отдавать оставшимся послѣ крестьянъ дочерямъ и ихъ мужьямъ, а земли, бывшія за такими, вступившими въ бракъ, крестьянами въ селеніяхъ, къ которымъ онѣ принадлежали, оставлять въ пользу прочихъ жителей тѣхъ селеній". Указомъ 1766 г. было подтверждено, что черносошные крестьяне не могутъ совершать купчихъ на земли *).

Правительство впервые заявило, совершенно опредѣленно и категорически, что земля, на которой сидятъ такъ-называемые государственные крестьяне, есть его собственность, распоряженіе которою принадлежитъ только ему. Старыя права крестьянъ прямо названы узурпаціей: „а земли которыя крестьяне черносошныхъ волостей... *подъ видомъ своихъ собственныхъ* продали и заложили..." Крестьянамъ впредъ запрещались какого бы то ни было вида отчужденія ихъ земель: они не могли больше ни продавать земель, ни закладывать, ни отдавать ихъ по духовнымъ завѣщаніямъ, ни давать въ приданое за дочерьми; запрещеніе это имѣло отчасти даже обратное дѣйствіе до временъ Уложенія. Посадскіе люди, въ силу вышеупомянутыхъ положеній, совсѣмъ изгонялись изъ деревень, такъ какъ права на владѣніе деревенскими угодьями признавались лишь за тѣми изъ нихъ, кто могъ представить именные указы и жалованныя грамоты на владѣніе, а такіе составляли ничтожное исключеніе.

Межевыя инструкціи ничего не говорятъ объ уравненіи земель между крестьянами. Но душевой раздѣлъ являлся не-

*) „Собраніе сочиненій Неволина", т. IV, стр.. 310—312.

неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ принциповъ, установленныхъ инструкціями, въ связи съ принятою системой подушной подати. Выводъ этотъ сдѣланъ былъ не сразу, такъ какъ не сразу и жизнь поддалась напору новыхъ принциповъ, проводимыхъ инструкціями. Межевая инструкція 1754 г. осталась на сѣверѣ почти безъ всякаго результата; инструкція 1766 г. съ манифестомъ 1765 г. обнаружили дѣйствіе, хотя далеко не вдругъ и не во всей полнотѣ своего содержанія.

Неопредѣленное броженіе было первымъ результатомъ провозглашенія новыхъ принциповъ. Не появлялось ничего новаго и все, повидимому, оставалось такъ, какъ и было, за исключеніемъ того, что крестьянство чувствовало себя нѣсколько стѣсненнымъ въ распоряженіи своими землями, хотя все-таки продолжало ихъ отчуждать: продавать, закладывать (строгія запрещенія повторялись то-и-дѣло). Но въ то же время уже замѣтно было, что старые устои колеблются: тамъ сотскій, не извѣстно на какомъ основаніи, отбираетъ у крестьянъ и передаетъ другому давнымъ-давно купленный бабкою перваго у прадѣда втораго его „деревенскій хлѣбопашенный участокъ" *); тамъ крестьянинъ беретъ на выкупъ, безъ сколько-нибудь достаточнаго права, земли, много десятковъ лѣтъ тому назадъ проданныя предками его жены въ разныя руки **); тамъ крестьянинъ, купившій землю у другого передъ межевыми инструкціями, спѣшитъ перепродать ее обратно старому владѣльцу ***) и т. д. Чувствуется неувѣренность въ прочности своихъ правъ, каждый старается подкрѣпить, ихъ чѣмъ можно, или вообще обезопасить себя на случай всякой неожиданности; болѣе сильные и ловкіе, какъ всегда, пользуются обстоятельствами и ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Но дѣло не могло долго оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, и новое не замедлило явиться въ болѣе опредѣленныхъ формахъ.

Въ 1775 году черносошные крестьяне поступили въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ; особому члену казенной палаты, подъ именемъ директора экономіи, поручено было завѣдывать

*) Указъ изъ архангельской губернской канцеляріи сотскому Матигорской волости 1776 г.

**) Дѣло холмогорской нижней расправы 1798 г.

***) Купчая 1774 г.

ими *). Новый спеціальный органъ для крестьянскаго управленія поставилъ себѣ задачей развитіе новыхъ принциповъ, провозглашенныхъ межевыми инструкціями, и прививку ихъ къ народной жизни.

У насъ есть одинъ любопытнѣйшій документъ ввидѣ приказа, даннаго въ 1786 году архангельскимъ директоромъ экономіи старостѣ и крестьянамъ Николаевской Матигорской волости. Приказъ этотъ помимо всего, что обрисовываетъ самую интересную личность мудраго администратора, лелѣющаго идеалъ насажденія деревенской податной идилліи, представляетъ собою прекрасное выраженіе новыхъ взглядовъ правительства, поставившаго себѣ цѣлью до корня реорганизовать платежныя силы. То, что мы выше назвали логическимъ, хотя еще только подразумѣваемъ выводомъ изъ межевыхъ инструкцій, въ приказѣ это выражено въ вполнѣ ясной, категорической формѣ: „справедливость требуетъ, чтобы поселяне, платя одинаковую всѣ подать, равное имѣли участіе и въ угодьяхъ земляныхъ, съ коихъ платежъ податей производится", — слѣдовательно, и „уравненіе земель, особенно въ тѣхъ уѣздахъ и волостяхъ, гдѣ обыватели хлѣбопашествомъ болѣе нежели другими промыслами пріобрѣтаютъ пропитаніе, *почитать надлежитъ неминуемо нужнымъ*, сколько для доставленія способа платить поселянамъ подати свои бездоимочно, тѣмъ не менѣе для успокоенія малоземельныхъ крестьянъ".

Въ 1785 г. упомянутый директоръ экономіи, вѣроятно, руководствуясь указаніями свыше **), предписалъ во всѣ волости своего округа, старостамъ и крестьянамъ, „дабы они всѣ тяглыя земли между собой уравнили безобиднымъ раздѣломъ, и гдѣ оныхъ недостаточно, чтобъ къ разработыванію новыхъ полевыхъ земель приступили общими мірскими силами". Предписаніе это, понятно, вызвало общій переполохъ. Директору экономіи, въ казенную палату, генералъ-губернатору Архангельскаго и Олонецкаго намѣстничества посыпа-

*) Чичеринъ: „Опыты по исторіи русскаго права", стр. 55.

**) Можетъ-быть онъ руководствовался „Наставленіями экономическимъ правленіямъ" 1771 г., 6-й пунктъ которыхъ говоритъ о дѣлежѣ земель между крестьянами. Вообще, смѣшеніе экономическихъ крестьянъ съ черносошными должно было играть значительную роль въ процессѣ экспропріированія сѣвернаго крестьянства

лись и жалобы крестьянъ на то, что волостные старосты съ выборными „отнимаютъ у нихъ земли и отдаютъ постороннимъ владѣльцамъ такія, которыя прежде расчищены и обработаны были собственными ихъ трудами, а у другихъ издавна куплены за наличныя деньги“. Правительство не могло не обратить вниманія на этотъ градъ протестовъ. Въ самомъ дѣлѣ, отобрать расчищенныя самими крестьянами земли у ихъ владѣльцевъ, „которые употребили трудъ и стараніе къ разработыванію дикихъ и неудобныхъ земель“, значило отбить охоту къ расчисткѣ новыхъ земель, а слишкомъ нетрудно было понять, что въ такихъ расчисткахъ заключается существенный интересъ государства. Съ другой стороны, отобрать земли, на которыя есть у ихъ владѣльцевъ безспорные законные документы,—т.-е. такіе документы, которымъ само правительство дало свою правовую санкцію, — не могло не представляться дѣломъ очень неудобнымъ. Гораздо легче было высказать принципъ въ общей формулѣ, чѣмъ рѣшиться дать ему приложеніе въ тѣхъ или другихъ конкретныхъ случаяхъ. И вотъ правительство рѣшилось сдѣлать нѣкоторую уступку: не поступаясь принципомъ, „чтобы поселяне, платя одинаковую подать, равное имѣли участіе и въ угодьяхъ земляныхъ“, не нарушить въ то-же время правъ тѣхъ крестьянъ, которые, съ одной стороны, сами расчистили землю, съ другой — имѣли на нее законные документы. Въ этомъ смыслѣ сдѣланы были распоряженія мѣстнымъ властямъ, которые обязывались примирить непримиримое, рѣшить въ своемъ родѣ квадратуру круга. Предписывалось пустить въ уравнительный раздѣлъ „земли общественныя тяглыя, т.-е. никѣмъ особенно не расчищенныя и не пріобрѣтенныя по купчимъ и другимъ крѣпостямъ“, а земли расчищенныя или пріобрѣтенныя по законнымъ документамъ оставить за владѣльцами. Но предписывающій центръ очевидно очень не ясно понималъ дѣйствительное положеніе вещей: никакихъ общественныхъ тяглыхъ земель,—развѣ за ничтожнымъ исключеніемъ запустѣвшихъ земельныхъ участковъ,—не было: были лишь земли, находящіяся во владѣніи крестьянъ на правахъ болѣе или менѣе обезпеченной закономъ частной собственности, по купчимъ, по духовнымъ завѣщаніямъ, по наслѣдству; наконецъ, давность владѣнія могла покрывать собою то,

что не покрывалъ какой-нибудь документъ или другое легальное право. Единственнымъ возможнымъ исходомъ былъ разборъ правъ каждаго отдѣльнаго крестьянина, причемъ судебная казуистика должна бы была рѣшить, что слѣдовало признать законнымъ правомъ и что нѣтъ; но взяться за такое дѣло административная власть не имѣла ни права, ни возможности. Очевидно, мѣстнымъ властямъ не оставалось ничего другого, какъ обойти предписанія подъ какимъ-нибудь предлогомъ, представляя дѣла ихъ естественному теченію. Предлогъ для обхода въ Архангельской губерніи былъ подъ рукой. Уравнительный раздѣлъ долженъ имѣть цѣлью надѣлить крестьянъ такой „препорціей" земли, которая бы была достаточна для обезпеченія, а слѣдовательно и для бездоимочнаго отбыванія податей и повинностей. Такою „препорціей" полагалось на ревизскую душу (не знаемъ, вообще ли или только для сѣвера, центральною ли властью или мѣстной, и въ какомъ отношеніи эта препорція стояла къ 15-десятинной препорціи, установленной межевыми инструкціями)—„въ трехъ поляхъ пашни по три десятины". А между тѣмъ во многихъ волостяхъ Архангельской губерніи, вслѣдствіе ея малоземелья, уравнительный раздѣлъ всей тяглой земли на ревизскія души не могъ снабдить ихъ полною „препорціей". Такой же раздѣлъ земли, который не могъ снабдить каждую ревизскую душу полною „препорціей", по мнѣнію мѣстной мудрой администраціи, „болѣе вреда нежели пользы принесть можетъ, ибо раздѣля малое количество земли на мелкіе по душамъ участки всѣ крестьяне вообще останутся въ землѣ недостаточны, слѣдовательно и главный предметъ пользы общественной, т.-е. расширеніе земледѣльства, въ тамошнемъ краѣ будетъ невыполненнымъ".

Директоръ экономіи, который являлся вершителемъ судебъ крестьянства, видя, съ какими трудностями, почти непреодолимыми, соединено подведеніе сѣвернаго крестьянства подъ идеальный типъ, выработанный государственною мудростью центра, съ своей стороны озаботился мѣропріятіями, которыя предназначены были помочь злу. Онъ предписалъ крестьянамъ, чтобъ они „общими силами расчистили такое земли количество, какое по измѣренію нужно будетъ для снабженія какъ недостаточныхъ, такъ и вовсе не имѣющихъ

земли крестьянъ полною всѣхъ угодій препорціею". Всякому, кто хотя сколько-нибудь представляетъ мѣстное положеніе: всѣ трудности, съ какими боролось крестьянство, вѣками выдирая изъ-подъ лѣса или высушивая изъ тундры лоскуты своихъ деревень, ту жадность, съ какой оно цѣплялось за всякій клочекъ годной земли, ничего не жалѣя, чтобъ овладѣть имъ,—легко понять всю комичность этихъ чиновничьихъ предписаній и предложеній. Но этого мало: „какъ для сихъ безпахатныхъ и бѣдныхъ недовольно еще одного снабденія удобною землей, а на первый случай потребны имъ для хлѣбопашества лошади и на унаваживаніе земли скотъ, то и въ семъ случаѣ нужна имъ также общая мірская помочь, которая будетъ и для всей волости полезна", поэтому предлагаетъ міру снабдить такихъ неимущихъ всѣмъ необходимымъ. Розовыя иллюзіи невиннаго вѣка, впервые вкусившаго отъ плода административныхъ мѣропріятій!... Какъ легко, казалось, облагодѣтельствовать младенчествующій народъ и въ то же время благоустроить подати и повинности!

Но мы увлеклись административными иллюзіями и уклонились нѣсколько отъ нашего предмета.

Такимъ образомъ, само правительство, въ лицѣ мѣстныхъ властей, отказалось пока отъ приведенія въ исполненіе своей идеи объ уравнительномъ раздѣлѣ земли по душамъ. Но идея эта была громко высказана и запала въ сознаніе народа. Почва для ея воспріятія была подготовлена отчасти дѣйствіями правительства, отчасти старыми традиціями деревенскихъ передѣловъ и уравниваній, но, главное, тѣмъ обстоятельствомъ, что при развивающемся въ деревняхъ земельномъ неравенствѣ всюду было много малоземельныхъ и безземельныхъ, которые видѣли въ осуществленіи правительственной идеи объ уравнительномъ раздѣлѣ возможность улучшить свое экономическое положеніе. Напримѣръ, въ Николаевско-Матигорской волости, къ которой относится вышеупомянутый приказъ директора экономіи, было крестьянъ имѣющихъ „достаточныя земли", т.-е. выше установленной начальствомъ препорціи, 56 душъ, имѣющихъ „недостаточныя земли", т.-е. ниже препорціи, 375 душъ и совсѣмъ безземельныхъ 16 душъ *); неравенство въ

*) Вѣдомость 1784 г. о достаточныхъ и недостаточныхъ земляхъ.

распредѣленіи земельной собственности внутри каждой изъ деревень волости было такъ велико, что количество земли одного домохозяина превышало количество земли другаго, случалось въ 10—15 разъ *). Понятно, что при такомъ положеніи земельной собственности,—положенія, которое необходимо сопровождалось и разрушеніемъ старыхъ патріархальныхъ связей, нѣкогда скрѣплявшихъ деревню,—идея объ уравнительномъ раздѣлѣ, пущенная въ сознаніе массъ, не могла въ немъ не пустить ростковъ.

Наступилъ хаосъ, въ которомъ крайне трудно оріентироваться. Правительство, естественно, покровительствуетъ всему, въ чемъ проявляется тенденція уравнительнаго раздѣла; но въ то же время оно настаиваетъ и на томъ, чтобы „дѣлить не по прихотямъ, а по писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ“ **), то-есть, не нарушая старыхъ правъ, желаетъ, слѣдовательно, и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти, но не разъясняетъ своимъ агентамъ, какъ осуществить эту хитрую задачу. На этотъ сумбуръ жизнь отзывается такимъ же сумбуромъ. Начинается масса дѣлъ, исковъ, тяжбъ, съ безсмысенными мотивами и основаніями, съ безсмысленными рѣшеніями судовъ. Всѣ правовыя понятія—и въ головахъ тяжущихся, и въ головахъ судей всѣхъ инстанцій—кружатся въ какомъ-то дикомъ танцѣ. Нѣтъ ничего, на что такое или иное право могло бы опереться съ увѣренностью,—все предоставлено произволу, случайности, усмотрѣнію,

Главный узелъ путаницы—въ томъ, что постоянно сталкиваются два правовыхъ принципа, не имѣющихъ между собой ничего общаго: съ одной стороны—право, держащееся на старыхъ документахъ и другихъ законныхъ основаніяхъ, съ другой стороны—тоже признанное закономъ право каждой ревизской души на извѣстное земельное обезпеченіе. Столкновеніе этихъ совершенно непримиримыхъ принциповъ порождало такіе Гордіевы узлы, разрубить которые съ легкостью могли только тогдашніе провинціальные суды, для которыхъ законъ былъ въ полномъ смыслѣ слова „дышло,—куда поворотишь, туда и вышло“.

*) Вѣдомость 1765 г.
**) Указъ 1769 г.

Изъ массы беремъ на удачу нѣсколько примѣровъ, обрисовывающихъ хаотическое состояніе, въ которое погрузилась на сѣверѣ земельная собственность. Въ 1784 году крестьянинъ закладываетъ свое поле на два года другому крестьянину, но когда начинаетъ просить его обратно, уплачивая деньги, то закладчикъ отказывается возвратить его на томъ основаніи, что у него на 5 ревизскихъ душъ столько же земли, сколько у заложившаго на одну душу *). Одинъ крестьянинъ закладываетъ другому поле, потомъ черезъ 8 лѣтъ отбираетъ его, ничего не заплатя: обиженный проситъ не объ уплатѣ денегъ, а о томъ, чтобъ ему отдали поле назадъ, такъ какъ у него мало земли, а у отвѣтчика много **). Крестьянинъ, владѣя деревней въ складствѣ съ другимъ, продаетъ свою землю: складникъ проситъ ее на выкупъ на томъ основаніи, что онъ имѣетъ „семейство мужеска пола многолюдное, а препорціи на души земли не находится" ***). Крестьянинъ отбираетъ у другого землю, проданную чуть не столѣтіе тому назадъ, основываясь на томъ, что та земля состояла изстари за прадѣдомъ его" ****) и т. д.

Міръ, впутываясь по необходимости въ земельныя дѣла, только производилъ пущій сумбуръ. Напримѣръ, дѣдъ крестьянина Сѣдачева, во времена оны, заложилъ дѣду крестьянъ Тончихиныхъ свою землю. Такъ какъ у Сѣдачева было недостаточно земли на 3 его ревизскихъ души, то міръ приговариваетъ выкупить у Тончихиныхъ родовую землю. Черезъ нѣсколько времени оказывается, что у Сѣдачева душъ меньше, а земли на души больше, чѣмъ у Тончихиныхъ, и вотъ выкупленная земля снова возвращается Тончихинымъ. Но дальше міръ усматриваетъ, что отобранная земля есть „издревле по грамотѣ его, Сѣдачева, родовая", и дѣлаетъ общественный приговоръ отобрать и отвесть ему во владѣніе „коренной его деревенскій участокъ" *****). Или другой случай.

*) Дѣло холмогорской нижней расправы 1790 года.

**) Указъ изъ холмогорскаго земскаго суда выборнымъ Матигорской волости 1813 года.

***) Прошеніе крестьянина Курейской волости пятисотскому и выборнымъ 1799 года.

****) Дѣло холмогорской нижней расправы 1790 года.

*****) Указъ изъ пинежскаго земскаго суда Пильегорской волости выборнымъ 1817 года.

Крестьянинъ Рюминъ въ 1742 году покупаетъ землю у крестьянъ Макавеевыхъ и въ 1774 году перепродаетъ ее обратно Макавеевымъ. Въ 1802 году племянникъ Рюмина хочетъ выкупить землю у Макавеевыхъ. Общество, ссылаясь на верервную книгу, въ которой земля записана за Рюминымъ, даетъ приговоръ взять ту землю на выкупъ и впредь владѣть „по указной крѣпости и въ разсужденіе большесемейства просителя Рюмина". Но потомъ опять отмѣняетъ свой приговоръ и признаетъ землю за Макавеевыми и т. д. *).

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ расшатались и перепутались у крестьянъ всѣ правовыя воззрѣнія на земельную собственность: архаическія права рода съ его выкупомъ, послѣдующее право, основанное на частномъ договорѣ, позднѣйшее право на надѣлъ, на земельное обезпеченіе отъ государства. Вотъ еще одинъ образчикъ. Крестьяне Перепелкины въ 1735 и 1749 годахъ продали свои земли двумъ разнымъ крестьянамъ. Тѣ владѣли „спокойно, безъ всякаго отъ кого-либо спору" до 1769 года; въ этомъ году крестьянинъ Корельскій, женатый на дочери одного изъ продавцевъ Перепелкиныхъ, началъ требовать тѣ проданныя земли на выкупъ. Покупщики уступили, и Корельскій тоже безспорно владѣлъ этими землями до 1798 года. Въ этомъ году какой-то Перепелкинъ, правнукъ первоначальнаго владѣльца земли, вступился и началъ требовать землю на выкупъ, какъ родовую. Выборные и міръ рѣшили въ его пользу, такъ какъ та земля „дѣйствительно принадлежитъ на корень Перепелкину", „издревле состояла во владѣніи роду Перепелкиныхъ, то и принадлежитъ быть за прежними владѣльцами".

Легко догадаться, что такое броженіе понятій и неустойчивость правъ раскрыли широкое поле дѣйствію хищническихъ инстинктовъ, злоупотребленіямъ всякаго рода. Крестьяне начинали дѣла явно недобросовѣстныя, съ единственною цѣлью, что называется, сорвать. Довольно распространенъ былъ слѣдующій видъ этихъ недобросовѣстныхъ исковъ: крестьянинъ, который могъ доказать, что земля была когда-нибудь въ его роду и перешла въ другой по купчей или закладной, начиналъ требовать ее на выкупъ, чтобы вынудить дополни-

*) Дѣло холмогорской нижней расправы 1804 года.

тельный платежъ у настоящаго владѣльца: тому, естественно, жалко было поступиться насиженной землей, тѣмъ болѣе, что и цѣнность денегъ, за болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, должна была понизиться, а выкупъ совершался по номинальной цѣнѣ,—и онъ входилъ въ сдѣлку. Такимъ образомъ вымогалась иногда сумма, значительно превышающая первоначальную стоимость земли, по которой совершена была продажа. Такъ земля продана была въ 1749 году за 40 руб., въ 1792 году крестьянинъ беретъ на той же продажѣ дополнительный платежъ въ 150 руб. да еще выговариваетъ себѣ изъ этой земли два огорода *).

Нечего и говорить о судахъ, которые рѣшали вкривь и вкось—то въ пользу одной стороны, то въ пользу другой, самымъ нелѣпымъ образомъ мотивируя свои рѣшенія и руководствуясь, конечно, лишь количествомъ и качествомъ приношеній со стороны тяжущихся: даже точныя и несомнѣнныя предписанія закона самымъ безцеремоннымъ образомъ перетолковывались, сообразно желаніямъ нелицепріятныхъ судей. Деморализовался и крестьянскій міръ: не рѣдки указанія на „снисхожденіе выборныхъ", на „лакомство сотскаго". Да оно и не могло быть иначе.

Любопытно, что категорическія запрещенія правительства насчетъ отчужденія земель крестьянами,—запрещенія, то и дѣло повторявшіяся, оказывали очень слабое дѣйствіе. Крестьяне продолжали закладывать свои земли, какъ видно изъ только-что приведенныхъ примѣровъ. Мало того: продолжали совершаться даже формальныя продажи, только измѣнившія немного внѣшность, чтобы не попасть подъ кару закона. Купчая называется не купчей, а „полюбовнымъ" или „поступнымъ письмомъ", но тѣмъ не менѣе представляетъ собою настоящую купчую какъ по формѣ, такъ и по содержанію: „уступаю поле все по верввной книгѣ и по старымъ межамъ безъ остатка, и онымъ полемъ владѣть ему (покупщику) или по немъ, кому отъ него право сіе передано и утверждено будетъ, навсегда безспорно въ вѣчное и потомственное владѣніе". Присутственныя мѣста допускали такіе акты и къ загонному укрѣпленію. Правда, подобныя продажи совершались обык-

*) Поступное письмо 1792 г.

новенно между крестьянами одной и той же деревни: продажа въ другую деревню, а тѣмъ болѣе въ другую волость была несравненно затруднительнѣе. Но крестьяне и тутъ находили возможнымъ обойти прямой законъ *).

Хаосъ усиливался еще тѣмъ, что правительство одновременно задалось цѣлью изгнать изъ деревень постороннее владѣніе, которое сводилось на сѣверѣ почти исключительно къ владѣнію посадскихъ людей, купцовъ и мѣщанъ. Новый, провозглашенный межевыми инструкціями принципъ права собственности государства на всю тяглую крестьянскую землю не могъ примириться съ этимъ владѣніемъ; къ тому же оно было прямо невыгодно для государства, такъ какъ, съ одной стороны, стѣсняло крестьянъ, отнимая у нихъ земли, необходимыя для ихъ обезпеченія, съ другой—обнаруживало тенденцію совсѣмъ уводить землю изъ тягла. Руководствуясь этими соображеніями, правительство энергически принялось за изгнаніе посадскихъ людей изъ деревень. Мы уже указали выше на тѣ пункты межевыхъ инструкцій, которые должны были устранить купцовъ и мѣщанъ отъ участія въ деревенскомъ владѣніи. Но такъ какъ межевыя инструкціи не оказали желаемаго дѣйствія, то въ 1782 году изданъ былъ спеціальный указъ, которымъ предписывалось, „чтобъ тѣ, которые запишутся по городамъ въ купечество или въ мѣщанство, переселялись бы на отведенныя городомъ земли, не оставаясь въ селеніяхъ крестьянскихъ, пользуясь прибытками сихъ послѣднихъ съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ подъ разными видами и буде бы таковые гдѣ либо случились, то ихъ надлежитъ, конечно, понудить, чтобъ они поселились по мѣстамъ въ городахъ и предмѣстьяхъ при промыслахъ и упражненіяхъ, званію ихъ свойственныхъ" **).

Желанія правительства были здѣсь выражены въ очень ясной и категорической формѣ; но тѣмъ не менѣе привесть ихъ въ исполненіе было дѣломъ далеко не легкимъ. Если правительство нашло необходимымъ сдѣлать уступку старымъ правамъ крестьянъ, то вѣдь и права посадскихъ на ихъ земли заслуживали такого же уваженія. „Предки наши въ давнихъ

*) Прошеніе крестьянъ Курейской волости 1799 г.

**) Высочайшій указъ 1782 г. и подтвердительный указъ сената того же года.

годахъ, имѣя позволенное закономъ право, тѣ земли покупали отъ черносошныхъ государственныхъ крестьянъ, бравъ отъ оныхъ, съ платежемъ узаконенныхъ пошлинъ, совершаемыя у крѣпостныхъ дѣлъ купчія крѣпости, такъ же и на доставшіеся по наслѣдству утвержденныя духовныя, ибо до состоянія межевымъ канцеляріямъ и конторамъ въ 1766 году инструкцій земли продавать государственнымъ черносошнымъ крестьянамъ было позволено разнаго званія людямъ яко свою собственность... Послѣ же умертвія предковъ оныя владѣемыя ими земли, по указнымъ крѣпостямъ и духовнымъ яко собственность ихъ и мы получили къ себѣ во владѣніе по праву наслѣдства, поелику всякъ, получившій отъ предковъ по наслѣдству движимое и недвижимое имѣніе, въ чемъ бы оное ни состояло, имѣетъ право почитать не иначе какъ своею собственностью и распоряжаться онымъ, какъ узаконеніями предписано..." Такъ объясняли посадскіе люди свои права, прося суды „защитить ихъ огражденіемъ законнымъ". Къ этимъ аргументамъ отъ правъ они прибавляли и аргументы отъ практической пользы. Они объясняли, что отъ ихъ владѣнія въ деревняхъ „крестьянамъ не только нѣтъ ни малѣйшаго отягощенія, наиболѣе еще для нихъ полезно, потому за бѣдныхъ, неимущихъ и умершихъ крестьянъ, по расположенію собственно по ихъ крестьянъ, безъ всякаго отрицанія оплачиваемъ мы подушныя и прочія подати, а сверхъ того при обработываніи той земли получаютъ тѣхъ же самыхъ волостей крестьяне, по добровольному согласію, достойную отъ насъ плату въ собственное ихъ для пропитанія удовольствіе."*)

Конечно такого рода аргументы были очень натянуты и правительство не могло не видѣть ясно, что и утѣсненіе и отягощеніе для крестьянъ отъ посадскихъ людей есть несомнѣнное; но, съ другой стороны, не совсѣмъ ловко было оставить безъ вниманія всѣ эти болѣе или менѣе законныя права. Потянулись судебныя дѣла, съ переходомъ изъ суда въ судъ, отъ инстанціи къ инстанціи, съ разсмотрѣніемъ документовъ, съ собираніемъ всяческихъ справокъ—процедура сложная, длинная и совсѣмъ ненужная, такъ какъ правительство зара-

*) Дѣло холмогорской нижней расправы о владѣніи архангельскими и холмогорскими купцами и мѣщанами деревенскими земляными участками 1791 г.

нѣе и твердо рѣшилось привести дѣло къ намѣченному имъ концу. Вообще, правительство въ дѣлѣ посадскихъ людей дѣйствовало гораздо прямолинейнѣе, чѣмъ въ дѣлахъ крестьянскихъ. Существовало предположеніе о такомъ приличномъ выходѣ изъ затруднительнаго положенія: чтобы крестьяне выкупили земли посадскихъ людей, лежащія въ ихъ деревняхъ. Но предположеніе это не могло быть осуществлено, — некому было выкупать. Волостной міръ не былъ заинтересованъ въ дѣлахъ такого рода, такъ какъ земельною единицей была деревня; деревня же не представляла собой достаточно сильнаго и солидарнаго цѣлаго: въ замѣнъ расшатанной поземельной связи она не пріобрѣла даже той внѣшней административной скрѣпы, которая стягивала волость. Тѣ изъ крестьянъ, которые имѣли по родовымъ связямъ нѣкоторыя права на земли, отошедшія къ посадскимъ, могли бы ихъ требовать на выкупъ, но они предпочитали, пользуясь смутой, просто-на-просто отбирать у посадскихъ въ свою пользу купеческія и мѣщанскія земли, обходясь безъ всякаго выкупа. Напримѣръ, крестьянинъ отбираетъ у посадскаго „сильно, безъ всякаго отъ начальства повелѣнія“ землю, которою тотъ владѣетъ уже тридцать лѣтъ по совершенно законному духовному завѣщанію своего дѣда,—отбираетъ на томъ основаніи, что онъ приходится этому дѣду двоюроднымъ племянникомъ, а къ тому же „по малоимѣнію земли на каждый годъ для пропитанія себя прикупаетъ хлѣба въ немаломъ количествѣ“. Другой отбираетъ у посадскихъ людей сѣнные покосы, которые „въ прежнихъ годахъ отъ дѣда его вошли во владѣніе“ предкамъ тѣхъ посадскихъ,—отбираетъ на томъ основаніи, что „по числу семейства своего противъ положенной препорціи земли не имѣетъ“ и т. д. *).

Итакъ, правительству ничего не оставалось, какъ дѣйствовать на-проломъ, съ соблюденіемъ лишь самыхъ необходимыхъ якобы судебныхъ приличій. Въ 1790 г. повелѣно было въ послѣдній разъ всѣ земляныя угодья изъ владѣнія купцовъ и мѣщанъ исключить и присоединить оныя къ тяглу тѣхъ селеній, въ коихъ они по мѣстоположенію состоятъ; „ежели жъ изъ купцовъ и мѣщанъ на владѣніе сихъ земель представлять бу-

*) Тамъ же.

дутъ жалованныя предкамъ ихъ грамоты или другія указныя крѣпости, то оныя, отобравъ, препроводить для разсмотрѣнія куда слѣдуетъ по закону". Черезъ два года земли уже были окончательно отобраны у всѣхъ владѣльцевъ изъ посадскихъ людей, кромѣ Баженинныхъ, за которыми осталась ихъ старинная деревня Вавчуга. Быстрота, съ какою дѣйствовали мѣстные суды, вѣроятно, находилась въ связи съ угрозами „чувствительнѣйшаго оштрафованія" за проволочку, которыя слались имъ свыше: иначе они не разстались бы такъ просто и скоро съ купцами и мѣщанами.

Такимъ образомъ земли, состоявшія за посадскими людьми, отошли къ крестьянамъ. Онѣ не могли сдѣлаться собственностью отдѣльныхъ крестьянъ, а отошли къ деревнямъ, въ районѣ которыхъ находились. Такъ началъ образовываться фондъ общественныхъ земель, относительно которыхъ уже могъ быть примѣненъ безъ всякихъ затрудненій выдвигаемый правительствомъ принципъ уравнительнаго или душевого раздѣла. Скоро этотъ фондъ еще значительно увеличился.

Выше было сказано, что правительство, въ лицѣ своихъ мѣстныхъ представителей, останавливалось передъ окончательнымъ душевымъ раздѣломъ на сѣверѣ тяглой земли, между прочимъ, и въ виду крестьянскаго малоземелья, такъ какъ уравнительный раздѣлъ не могъ дать на душу такого количества земли, которое бы обезпечивало крестьянина по разсчетамъ властей *). Но во власти государства былъ большой запасъ оброчныхъ земель. Отдать эти земли крестьянамъ, смѣшать ихъ съ тяглыми землями значило убить однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ: съ одной стороны—подвинуть къ рѣшенію вопросъ объ опезпеченіи крестьянъ землей, съ другой—сдѣлать важный шагъ ко введенію уравнительнаго раздѣла всей земли. Правительство скоро напало на эту мысль и принялось за ея осуществленіе.

Осуществленіе это относится къ самому концу XVIII вѣка и къ первымъ годамъ XIX. Еще въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка оброчныя земли были на старомъ положеніи — отдавались всѣмъ желающимъ изъ-за платежа, оброка, причемъ, впрочемъ, уже отдавалось предпочтеніе

*) Въ этомъ смыслѣ мотивировано было одно предписаніе министра финансовъ архангельской казенной палатѣ даже въ 1827 г.

малоземельнымъ крестьянамъ *). Было даже предположеніе продать оброчныя земли тѣмъ лицамъ, за которыми онѣ состояли на оброкѣ. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ дошедшей до насъ просьбы крестьянина, который, основываясь на какомъ-то указѣ сената отъ 1796 г., заявляетъ, что онъ желаетъ „купить въ вѣчное себѣ владѣніе оброчную казенную пашенную землю, которая съ давнихъ лѣтъ имѣлась во владѣніи за отцомъ моимъ, черносошнымъ крестьяниномъ, а послѣ смерти его по наслѣдству нынѣ имѣется и за мною" **) Но уже съ конца девяностыхъ годовъ всюду идетъ передача оброчныхъ земель въ надѣлъ на волости.

Процессъ надѣленія волостей оброчными землями тянулся лѣтъ около двадцати. Каждый волостной міръ долженъ былъ особо ходатайствовать объ отдачѣ ему „смежныхъ" оброчныхъ статей, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что у него нѣтъ указной препорціи на души. Земля отводилась, но съ постояннымъ напоминаніемъ, что она дается для обезпеченія „скудныхъ" крестьянъ, и потому непремѣнно должна быть подѣлена между ними. Но волости не всегда распоряжались перешедшими въ ихъ власть оброчными статьями такъ, какъ имъ предписывалось: мы видимъ, что онѣ раздаютъ эти земли крестьянамъ какъ бы въ арендное содержаніе изъ платежа и даже отдаютъ „въ вѣчное владѣніе" ***). Но подлежащія власти строго слѣдятъ за такими уклоненіями отъ предписаній и преслѣдуютъ ихъ. Такъ казенная палата предписываетъ въ 1801 г. холмогорскому земскому суду, „чтобъ означенныя по Холмогорскому уѣзду оброчныя статьи и пустопорожнія мѣста въ наполненіе крестьянамъ тяглыхъ ихъ земель, нимало не мѣшкавъ, отвелъ каждому селенію въ дѣйствительное ихъ владѣніе, причемъ старостамъ съ выборными и всѣмъ крестьянамъ строжайше подтвердилъ, да и сами, особливо исправникъ, наблюдали, дабы отведенная имъ казенная оброчная и пустопорожняя земля раздѣлена была такъ, что-

*) Указъ изъ архангельскаго намѣстническаго правленія холмогорской нижней расправы 1795 г.

**) *Архангельскія Губернскія Вѣдомости* 1868г., № 18, ст. „Родъ крестьянъ Головиныхъ". П. Ефименко.

***) Дѣло о неправильной продажѣ оброчныхъ статей крестьянами Матигорской волости съ выборными 1808—1809 г.

бы каждая ревизская мужскаго пола душа имѣла оной вообще съ тяглой непремѣнно 15 десятинъ, а въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ не было измѣренія, присоединя отводимую оброчную казенную къ тяглой ихъ землѣ изо всей оной раздѣлить же на каждую ревизскую душу, по сколько причтется, а чтобъ по таковому удовольствію каждаго семейства землей непремѣнно старались оплачивать государственныя подати бездоимочно".

Изъ этого предписанія видно, что начальство, вмѣстѣ съ раздѣломъ оброчной, желало добиться и передѣла всей земли. Добиться раздѣла оброчныхъ земель было не трудно: ничто ни въ правовыхъ воззрѣніяхъ, ни въ привычкахъ крестьянъ не стояло поперекъ осуществленія такого раздѣла. И дѣйствительно, то въ той, то въ другой волости дѣлается „разводъ оброчныхъ земель по душамъ", онѣ „поравниваются на души". Дорога для общаго передѣла уже порасчищена, но онъ еще все-таки впереди.

Послѣ раздѣла оброчной земли, крестьянское земельное владѣніе принимаетъ слѣдующій видъ. Земля каждаго крестьянина состоитъ изъ двухъ частей: одной, которою онъ владѣетъ по старымъ правамъ, его „родовой" земли, и другой, которую онъ получилъ по душевому раздѣлу—„добавочной"*). Разумѣется, уже дѣло только времени — перемѣшать одну землю съ другой и подвергнуть всю вмѣстѣ общему душевому раздѣлу. Крестьяне предчувствуютъ этотъ неизбѣжный исходъ и, еще крѣпко держась за родовую, коренную землю и ведя о ней безконечныя тяжбы, уже толкуютъ о будущемъ «генеральномъ поравненіи»**). Это забавное выраженіе есть плодъ смѣшенія понятія общаго передѣла съ понятіемъ генеральнаго межеванія,—„генеральнаго межеванія, оказавшагося на нашей почвѣ если не причиной, то ближайшимъ поводомъ настоящаго соціальнаго переворота, одну изъ сторонъ котораго мы изобразили въ настоящей главѣ, насколько позволили намъ наши силы и средства.

---

*) Кромѣ оброчной была подѣлена еще экономическая земля, но мы не имѣемъ о ней подробныхъ свѣдѣній.

**) Указъ изъ пинежскаго земскаго суда выборнымъ Пильегорской волости 1818 г.

Не заставило себя долго ждать и „генеральное поравненіе". Подготовительныя мѣры и указы шли одинъ за другимъ, напримѣръ—указъ о томъ, чтобы не вступаться въ родовую землю тому, кто сидитъ на женином деревенскомъ земляномъ участкѣ *) и т. п. Мѣстныя власти не разъ по разнымъ поводамъ дѣлали предписанія волостямъ — „передѣлить всю владѣемую землю по душамъ", но все это пока ни къ чему не приводило: нигдѣ ни приступали къ такимъ раздѣламъ „за несогласіемъ большаго количества крестьянъ". Наступили тридцатые годы—и вмѣстѣ съ ними послѣдняя стадія въ развитіи того процесса, который долженъ былъ превратить сѣверную деревню въ современную поземельную общину.

Въ концѣ 1829 г. появилось циркулярное предписаніе министра финансовъ казеннымъ палатамъ, гласящее, „чтобы земли, принадлежащія каждому казенному селенію, раздѣляемы были между поселянами онаго для обрабатыванія и платежа податей, на основаніи мірскаго приговора, по тягламъ", а также, „чтобы казенныя поселяне не отдавали никому въ наемъ или въ кортому или подъ закладъ своихъ участковъ изъ денежнаго или хлѣбнаго платежа, но обрабатывали оные сами; равно не допускать и передачу участковъ подъ условіемъ, чтобы пріобрѣтающіе оные участки платили подати за уступающихъ, и отвращать всякія злоупотребленія въ захватѣ земель подъ видомъ возмѣщенія долга или подъ другими предлогами случающіяся, какія бы онѣ ни были" **).

Архангельская казенная палата въ своемъ циркулярѣ отъ 6 марта 1830 года констатировала фактъ, что въ районѣ ея вѣдѣнія „поселяне имѣютъ владѣніе почти повсюду неуравнительное, т.-е. въ одномъ и томъ же селеніи одинъ болѣе, а другія менѣе, отъ чего происходятъ, во-первыхъ, безпрестанныя между ними несогласія и тяжбы, чувствительныя для обѣихъ сторонъ, и, во-вторыхъ, значительная не уравнительность въ платежѣ податей и прочихъ сборовъ, который въ большей части казенныхъ имѣній производится по числу владѣемыхъ каждымъ крестьяниномъ земляныхъ угодій, а въ

*) Высочайшій указъ 1815 г.

**) Министръ ссылался въ своемъ предписаніи на наставленіе экономическимъ правленіямъ 1771 г. и на 8 ст. Высочайше утвержденнаго доклада экспедиціи государственнаго хозяйства 1797 г.

нѣкоторыхъ и съ земель и съ душъ вмѣстѣ, по таковой разнообразности сихъ платежей усчитывать волостныя начальства въ собираемыхъ съ крестьянъ деньгахъ не только затруднительно, но даже почти невозможно, отъ сего возникають излишніе съ крестьянъ поборы".

Руководствуясь предписаніемъ министра финансовъ, палата рѣшила распорядиться, „чтобы по тѣмъ казеннымъ имѣніямъ здѣшней губерніи, гдѣ владѣніе землями поселяне имѣють несообразно съ правилами, въ предписаніи изложенными, раздѣлъ таковыхъ угодій произведенъ былъ съ наступленіемъ удобнаго къ тому времени, весною сего года, непремѣнно, на точномъ основаніи означенныхъ узаконеній". Изъ раздѣла должны быть, по мнѣнію палаты, изъяты только росчисти, на которые дается сороколѣтній льготный срокъ; ни о какихъ старыхъ законныхъ правахъ уже нѣтъ и помину. Распоряженіе это нашло себѣ поддержку въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 1831 года, которымъ повелѣно было „уравнять по Архангельской губерніи земли между крестьянами".

Въ первый разъ вопросъ объ общемъ раздѣлѣ поставленъ былъ ребромъ, такъ что архангельскимъ крестьянамъ уже нельзя было дальше уклоняться. Дѣйствительно, въ 1830—1831 г. всюду приступлено было къ общему раздѣлу земель, не различая уже больше никакихъ родовыхъ или добавочныхъ.

Крестьяне давнымъ-давно ждали наступившаго „генеральнаго поравненія". И однако же они далеко не были къ нему подготовлены. Отъ самаго 1830 года до насъ дошли дѣла, изъ которыхъ видно, что крестьянскій міръ все еще тянетъ ту же старую безъисходную путаницу: напримѣръ, по жалобѣ крестьянина, не имѣющаго земли на свои ревизскія души, приговариваетъ отобрать въ пользу этого крестьянина у другого землю, на которую жалобщикъ имѣетъ какія-то права, какъ на свою родовую; или утверждаетъ своимъ приговоромъ передачу однимъ крестьяниномъ расчищенной имъ земли другому „въ вѣчное и потомственное владѣніе" (т.-е. попросту—продажу) *) и т. д.

*) Приговоръ выборныхъ и крестьянъ Быстрокурской волости, Холмогорскаго уѣзда, 1830 года.

Самый актъ раздѣла показываетъ, какъ мало были къ нему подготовлены крестьяне.

Чтобы крестьяне и на этотъ разъ не уклонились отъ раздѣла, выборные обязывались рапортовать казенной палатѣ о томъ, что указъ „насчетъ непремѣннаго раздѣла пашенной и сѣнокосной земли“ полученъ и прочтенъ въ земской избѣ всему міру, а также и объ исполненіи указа. Изъ этихъ рапортовъ видно, какъ трудно было произвесть раздѣлъ. „Въ теченіе осенняго времени чинили было о раздѣлѣ земель одиннадцать мірскихъ сходокъ, но превратить къ законному раздѣлу крестьянъ не могли“, такъ рапортуютъ выборные одной волости *). Мы знали одного старика, который не только хорошо помнилъ этотъ первый раздѣлъ, но и принималъ въ немъ дѣятельное участіе въ качествѣ пищика или дѣлильщика: онъ говорилъ, что „первый дѣлъ былъ шутовой“, т.-е. что первый раздѣлъ былъ шуточный, сдѣланный кое-какъ, на скорую руку, лишь бы исполнить настоятельный приказъ начальства. Разумѣется, все это сопровождалось ссорами крестьянъ между собой и всяческими безпорядками. Такъ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ, во время чтенія въ церковной трапезѣ, при собраніи міра, указа о раздѣлѣ земли, „произвелъ великій шумъ, укорялъ выборныхъ, называлъ ихъ дураками и говорилъ: „пожалуй, грабьте и обирайте отъ меня землю“, отъ какова крику хоть и былъ удержанъ священникомъ, но продолжалъ говорить... и, наконецъ, когда священникъ просилъ соцкаго, чтобы его закликать, онъ сказалъ соцкому: „я знать васъ, выборныхъ дураковъ, не хочу и никогда не думаю... Во время вздумалъ объявлять указъ, а то прежде объявили въ земской избѣ ночью, да еще и вино пили...“ **). Или другой случай, гдѣ крестьянинъ, при раздѣлѣ, тоже „съ какимъ-то намѣреніемъ нагло приступилъ къ выборнымъ со всякими неподобными словами, поносилъ, а особенно пищика ругалъ“ и т. д. Трудно сказать теперь съ увѣренностью, за вину или безъ вины нападали крестьяне на своихъ выборныхъ. Но безъ огня дыму не бываетъ,—говоритъ пословица; да и положеніе дѣлъ было такое, что для

*) Рапортъ выборныхъ Вонгской волости, Пинежскаго уѣзда, 1830 года.

**) Дѣло холмогорскаго уѣзднаго суда о противозаконныхъ дѣйствіяхъ крестьянина Рюмина въ церковной трапезѣ Матигорскаго прихода 1830—1831 г.

разгула естественныхъ слабостей человѣческихъ было открыто широкое и гладкое поле. Все то, что еще наканунѣ считалось правомъ—и такимъ, къ которому крестьянинъ привыкъ вѣками относиться съ уваженіемъ—сегодня уже не право; правда, все это уже было порастатано, но далеко не вырвано съ корнемъ,—не такъ-то легко вырывается изъ народнаго сознанія то, что воспитывалось вѣками. Новые порядки, не выросшіе органически, а предписанные указомъ свыше, какъ бы ни были хороши сами по себѣ, всегда дурны въ томъ отношеніи, что, не имѣя за собой выработанныхъ жизнью правовыхъ нормъ, допускаютъ, при ихъ водвореніи, въ широкихъ размѣрахъ участіе произвола со всѣми его темными спутниками. Немудрено, что и выборные съ прочимъ крестьянскимъ волостнымъ начальствомъ, очутившись, среди всеобщей перетасовки, вершителями судебъ своихъ собратій, не удерживались на высотѣ своего положенія, дѣлали „снисхожденія“ по родству, по знакомству, по корыстнымъ разсчетамъ, пользовались удобнымъ случаемъ, чтобы поблагопріятствовать благопріятелю и насолить врагу. „Повелѣно по здѣшней губерніи уравнять между казенными обывателями земли, каковыя и раздѣлены, но не могу рѣшительно сказать, между всѣми ли безобидно, однако жь не безъ того“ (т.-е. не безъ обиды)—наивно пишетъ одинъ крестьянинъ въ своей жалобѣ на неправильный раздѣлъ *).

Приступая къ раздѣлу, крестьяне руководствовались обычаями, выработанными ими для общаго волостного вервленія; міръ приглашалъ знающихъ людей въ дѣлильщики и заключалъ съ ними договоръ о производствѣ правильнаго раздѣла за опредѣленное вознагражденіе деньгами, льготами по мірской службѣ. Основанія перваго раздѣла, одобренныя начальствомъ, были таковы: каждый крестьянинъ могъ самъ оставлять изъ своей земли столько, сколько приходилось ему по разсчету на его душевые надѣлы. Такимъ образомъ, болѣе зажиточные крестьяне все-таки остались пока на своихъ лучшихъ земляхъ, отведя неимущимъ лишь „оплошные“ (плохія) и новинныя земли. Уравненіе было пока лишь количественное, а не качественное. Разумѣется, основанія эти соблюдались не съ большой строгостью, особенно если дѣло

*) Дѣло холмогорскаго уѣзднаго суда 1834 года.

касалось тѣхъ, кто не могъ постоять за себя. Отсюда—жалобы, въ которыхъ опять появляются на сцену купчія крѣпости. Напримѣръ, крестьянская вдова жалуется, что по раздѣлу ей дали меньше земли, чѣмъ слѣдуетъ, и только „оплошной“, а хорошей, которою она владѣла по купчей крѣпости, не дали вовсе; проситъ судъ, чтобъ ей выдѣлили, сколько ей приходится еще земли по надѣлу, непремѣнно изъ ея старой земли. Судъ находитъ ея просьбу заслуживающей удовлетворенія *).

Вообще замѣшательства по дѣламъ о землѣ выходили безконечныя. Помимо злоупотребленій со стороны выборныхъ и прочаго волостного начальства, крестьянскій міръ bona fide, вслѣдствіе того, что порядки были совсѣмъ новые, непривычные,—такіе, съ основаніями которыхъ онъ еще не успѣлъ освоиться,—допускалъ и даже самъ учинялъ несообразности, усложнявшія положеніе. Напримѣръ, міръ даетъ крестьянину поле подъ усадьбу и кладетъ его въ счетъ тяглой земли; или, не догадавшись образовать запасные участки, не знаетъ, какъ удовлетворить солдата, которому начальство приказываетъ дать землю, и беретъ изъ надѣльной земли у крестьянина и т. д. Столкновеній между отдѣльными крестьянами,—столкновеній, часто рѣшавшихся „коліемъ и дреколіемъ“, нѣсть числа. Видно, какъ трудно было крестьянину освоиться съ мыслью, что его неоспоримая вчерашняя собственность сегодня уже сдѣлалась почему-то не его, а чужая, и онъ невольно относился къ раздѣлу—какъ къ акту насилія. Встрѣчаются въ этомъ смыслѣ забавныя дѣла. Напримѣръ, крестьянка жалуется на крестьянина, который не допускаетъ ее „къ снятію руна“ съ поля, доставшагося ей отъ отца, хотя это поле, какъ она сама сообщаетъ въ своей жалобѣ, еще прошлой осенью отошло по раздѣлу „въ разсужденія надѣленія по душамъ земли“ тому крестьянину **). Особенно много столкновеній было изъ-за засѣва полей. Такъ какъ не успѣло еще образоваться никакихъ юридическихъ обычаевъ, которые бы были приспособлены къ новымъ обстоятельствамъ, то каждый толковалъ свои права

---

*) *Арханг. Губ. Вѣдомости* 1871 года, № 42, ст. „Изъ архивныхъ дѣлъ“.

**) Тамъ-же.

въ свою пользу. Одинъ засѣваетъ поле, ужъ ему не принадлежащее; другой жнетъ, гдѣ не сѣялъ, на томъ основаніи, что земля отошла къ нему по раздѣлу и онъ платитъ за нее подать и т. д.

Но были и такіе крестьяне—изъ гордой деревенской аристократіи, сидѣвшей „на лучшихъ деревняхъ", „деревняхъ первой статьи" *), которые просто-напросто отказывались давать свои земли въ раздѣлъ, основываясь по-прежнему на давнихъ лѣтахъ и законныхъ документахъ. Оно и немудрено: для такого „лучшаго человѣка" деревни поравненіе было дѣйствительно жестокимъ ударомъ. Деревня не смѣетъ попросту отобрать у него землю, а „неоднократно склоняетъ о положеніи по купчей крѣпости въ раздѣлъ на печище", но никакъ не можетъ склонить. Она входитъ съ нимъ въ сдѣлку; предлагаетъ ему, „включая сѣнокосную землю, поравнять съ прочими крестьянами онаго печища, не включая пашенной земли въ оное поравненіе", „но онъ и на сіе предложеніе ихъ не склоняется". Самое интересное то, что когда дѣло переходитъ въ мѣстный судъ, то судьи, конечно, ублаготворенные зажиточнымъ крестьяниномъ, рѣшаются склонить дѣло въ его пользу и постановляютъ оставить землю „въ собственное его распоряженіе", отнюдь не причисляя ее въ число прочихъ тяглыхъ общественныхъ поселянскихъ земель" **). Такія рѣшенія мѣстныхъ низшихъ судебныхъ инстанцій, идущія прямо въ разрѣзъ всѣмъ ясно выраженнымъ желаніямъ и намѣреніямъ правительства, получившимъ уже выраженіе въ законодательныхъ актахъ, встрѣчаются не разъ. Но высшія инстанціи послѣ 1830 г. постоянно перерѣшали подобныя дѣла въ одномъ смыслѣ—„отдать землю въ раздѣлъ съ прочими той деревни землями". Такимъ образомъ несмотря на иски, тяжбы и даже благопріятныя рѣшенія низшихъ судебныхъ инстанцій, нигдѣ въ предѣлахъ Архангельской губерніи не осталось за крестьянами послѣ тридцатыхъ годовъ никакого кусочка земли.

Но какую путаницу ни производило все это, центръ земельныхъ замѣшательствъ, сопровождавшихъ первое „гене-

*) *Крестининъ:* „Опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ".

**) Журналы холмогорскаго уѣзднаго суда 1833 года.

ральное поравненіе", все-таки былъ не тутъ. Самый главный и сложный узелъ заключался несомнѣнно въ томъ вопросѣ, который представлялся каждому крестьянскому міру: по какой единицѣ произвести раздѣлъ—по деревни или по волости? Отъ такого или иного рѣшенія существенно измѣнялись результаты поравненія. Деревни крайне различались между собой количествомъ и качествомъ земель. Отсюда столкновеніе интересовъ одной части крестьянства съ другой: крестьяне относительно многоземельныхъ деревень были за раздѣлъ по деревнямъ, а малоземельныхъ — по волости. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне не могли придти ни къ какому соглашенію, такъ какъ противоположность интересовъ была слишкомъ рѣзка, а потому ничего нельзя было подѣлать съ вопросомъ о раздѣлѣ. Необходимо было вмѣшательство правительства: лишь оно, такъ или иначе, могло разрѣшить возникшее неразрѣшимое затрудненіе. Правительство и приняло на себя рѣшеніе.

Но тутъ впуталось одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство ввидѣ недоразумѣнія, на первый взглядъ крайне ничтожнаго, но на самомъ дѣлѣ очень важнаго. Недоразумѣніе это заключалось просто въ словахъ. Мы уже имѣли выше *) случай объяснить, что значитъ на языкѣ сѣвернаго крестьянина выраженія „деревня" и „волость"; но въ языкѣ правящаго и предписывающаго центра, который имѣлъ передъ глазами строй средней Россіи, терминологія была иная. Вмѣсто „волость и деревня" онъ употреблялъ выраженія „волость и селеніе", причемъ подъ селеніемъ никакъ не подразумѣвалась сѣверная деревня, а великорусское большое село, скорѣе подходящее подъ сѣверное понятіе волости (совокупность маленькихъ близлежащихъ деревень, тянущихъ къ одному погосту, т.-е. церкви), чѣмъ деревни. На мѣстѣ же центральная терминологія толковалась по своему: „волость"—это совокупность деревушекъ, группирующихся около церкви (великорусское село, селеніе), а „селеніе"—отдѣльная деревня. Въ результатѣ выходило то, что предписаніе понималось и исполнялось какъ разъ навыворотъ, а потому путаница, нелѣпость, несообразности всякаго рода доходили до Геркулесовыхъ столбовъ. Можетъ-быть иному читателю

*) Въ первой главѣ настоящаго труда.

покажется страннымъ и даже не совсѣмъ правдоподобнымъ, что такое глупое недоразумѣніе можетъ отражаться на фактахъ жизни, а тѣмъ болѣе на такихъ важныхъ общественныхъ фактахъ, какъ организація земельныхъ отношеній. Но исторія „in spe“ нашихъ окраинъ навѣрное докажетъ, что подобные случаи не совсѣмъ какое-нибудь исключительное явленіе.

Еще въ концѣ XVIII вѣка (въ 1797 г.) былъ изданъ такой Высочайшій указъ: «какъ разныя казенныя селенія, приписанныя въ одну волость, не могутъ имѣть равнаго количества земли и угодій, но бываетъ у однихъ много, а у другихъ мало земли, то всякое селеніе, владѣя ему принадлежащимъ, дѣлаетъ свою раскладку для полнаго платежа казенныхъ податей по тягламъ и въ оное волостной голова вмѣшиваться не долженъ, потому что раскладка дѣлается не по мірскому приговору всей волости, но по каждому селенію особенно».

Указомъ этимъ, очевидно, опредѣлялась и единица, по которой долженъ былъ производиться земельный раздѣлъ. На этомъ-то указѣ и основывалось начальство, разрѣшая затрудненія сѣверныхъ крестьянъ, какъ дѣлить: по волости или по отдѣльнымъ деревнямъ.

«По точности законныхъ правилъ и предписаній высшаго начальства, каждое селеніе дѣлитъ токмо принадлежащія одному ему земли между крестьянами онаго, не входя въ границы земель другихъ селеній»—такъ разрѣшало начальство крестьянскія недоразумѣнія. «По селеніямъ, т.-е. по деревнямъ»—толковало крестьянство: толкованіе тѣмъ болѣе для него вразумительное, что всегда единицей землевладѣнія была деревня или печище. Какъ толковали, такъ и дѣлали: первый раздѣлъ всюду былъ произведенъ по деревнямъ и по печищамъ.

Но крестьяне въ массѣ не были довольны этимъ дѣленіемъ, и понятно. Для уравненія были потоптаны всѣ ихъ старыя права, опрокинутъ строй, съ которымъ они сжились вѣками, и это не могло не отражаться въ крестьянской душѣ недовольствомъ, болью. Но чувство справедливаго, воплощающагося въ строгой уравнительности, въ концѣ концовъ примирило бы крестьянина съ новыми порядками,—тѣмъ болѣе, что-

они были выгодны для большинства. А между тѣмъ настоящей уравнительности-то и не было при новомъ раздѣлѣ. У одного крестьянина могло быть значительно больше или меньше земли, чѣмъ у его сосѣда, живущаго отъ него въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей; деревни часто лежали очень близко одна отъ другой, нерѣдко даже совсѣмъ сливались. „Отобрать—отобрали, а поравнять—не поравняли“, такъ долженъ былъ полагать деревенскій обыватель насчетъ новыхъ порядковъ. Вотъ примѣръ того, какъ велико было неравенство,—примѣръ, приводимый нами со словъ старика-старожила: „Есть въ Быстрокурьѣ (Быстрокурская волость, Быстрокурское селеніе, что—одно и то же) рядомъ двѣ деревни: Микентьева и Захосовская. Въ первой встарину было много дворовъ, но они сгорѣли, а во время „дѣла“ оставалось два двора. Изъ одного двора владѣльцы ушли въ пріемыши и разошлись. Остался одинъ домохозяинъ во всей деревнѣ. При дѣлежѣ по печищамъ вся земля, до 30 мѣръ одной пахоты, осталась за нимъ однимъ. А въ деревнѣ Захосовской ревизскихъ душъ считалось много, а земли очень мало, такъ что при раздѣлѣ пахоты пришлось сажени по три на душу“. Могли ли крестьяне быть довольны такимъ уравненіемъ? Напрасно обиженныя деревни волновались, представляли, ходатайствовали,—отвѣтъ былъ одинъ: „по точности законныхъ правилъ каждое селеніе дѣлить токмо и т. д.....“ Только значительно позже палата государственныхъ имуществъ поняла недоразумѣніе и начала разъяснять крестьянамъ, что „земля принадлежитъ къ селеніямъ, а не къ деревнямъ“, и крестьяне принялись уравниваться по-настоящему. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, наприм., въ Пинежскомъ уѣздѣ, до сихъ поръ сохранился передѣлъ по печищамъ *). А между тѣмъ мы именно относительно Пинежскаго уѣзда знаемъ, что въ тридцатомъ году тамъ крестьяне ни какъ не могли произвесть раздѣлъ, оттого что не хотѣли дѣлиться по деревнямъ, а требовали раздѣла по волости, на который не соглашалось начальство **).

Разъ старыя права разбиты, дѣло уравненія уже покатилось по наклонной плоскости до своего естественнаго край-

*) *Дѣло* 1880 г., № 4, ст. г. *Сергѣева*: „Очерки общиннаго владѣнія въ Архангельской губ.“.

**) *Арханг. Губ. Вѣдомости* 1871 г. № 44, ст. „Изъ архивныхъ дѣлъ“.

няго предѣла. Правительство, руководствуясь разными соображеніями, преимущественно соображеніями хозяйственной выгоды, время отъ времени дѣлало попытки затормозить это движеніе; таковъ указъ, чтобы не отбирать удобренной земли. „чтобы запустошенные крестьянами участки оставлять при раздѣлахъ за ними въ число причитающейся имъ земли“ *), Но крестьянство шло дальше. Оно скоро отбросило старыя основанія, по которымъ производился первый раздѣлъ, т.-е. чтобы каждый удерживалъ изъ имѣющейся у него земли, сколько причтется на его души, и лишь остальное отдавалъ въ раздѣлъ. Отъ количественнаго раздѣла крестьяне черезъ нѣсколько лѣтъ перешли къ качественному. Они нашли болѣе справедливымъ раздѣлить всю землю на разряды — хорошей, средней и плохой земли, подобно тому, какъ земля дѣлилась встарину по веревнымъ, и затѣмъ уже дѣлить отдѣльно каждый разрядъ, чтобы всѣ получали земли не только количественно, но и качественно равныя.

Принципъ генеральнаго поравненія былъ установленъ окончательно въ то самое время, какъ установленъ былъ его корелативъ, что „владѣніе крестьянъ землею не можетъ происходить инымъ образомъ, какъ по отдачѣ оной въ надѣлъ отъ казны“, и потому всякая земля, находящаяся во владѣніи крестьянъ, есть собственность казны“ **).

Не безъинтересно заглянуть во взбудораженную физіономію деревни, когда надъ ней разразился административный громъ 1830 года въ видѣ указовъ о непремѣннѣйшемъ раздѣлѣ. Одно имѣющееся у насъ дѣло объ Ананьинскомъ печищѣ доставляетъ возможность немножко освѣтить то броженіе, въ которое погрузилась деревня. Ананьинское печище—это восемь дворовъ, пять дворовъ Пентелеевыхъ, да три двора Аксеновыхъ; земли 166 верев. саж. „собственной“, да 85 саж. экономической. Въ 1831 году, повинуясь строжайшимъ повелѣніямъ, кое-какъ подѣлили собственную землю „по согласію“. Въ слѣдующемъ году опять снова дѣлятъ, „по прихоти крестьянъ Пентелеевыхъ“, уже всю землю—и собственную, и экономическую. Послѣ дѣлежа оказывается какимъ-то

*) Тамъ же.

**) Дѣло 1848 г. арханг. палаты гражданскаго и уголовнаго суда о спорной пожнѣ между крестьянами и Моржегорскою церковью.

образомъ, что у Пентелеевыхъ, болѣе сильныхъ, больше земли, чѣмъ имъ слѣдуетъ по точному разсчету, а у Аксеновыхъ меньше. Аксеновы возстаютъ на Пентелеевыхъ: сначала обращаются къ выборному изъ общества, который, дѣйствительно, „сообразя съ землями по печищу и числу душъ", даетъ выписку той земли, изъ которой тоже видно, что Пентелеевы покривили душой, позабирали лишнее. Обиженные и выборный „стараются согнать снова для передѣла того печища народъ, но тщетно", т.-е. Пентелеевы не идутъ дѣлиться. Аксеновы жалуются волостному головѣ, исправнику, но, „не предвидя никакого удовлетворенія", идутъ въ судъ. Они приносятъ суду слезную жалобу на Пентелеевыхъ, „которые, корыствуясь землей съ 1831 г., могли черезъ нашу собственность получить выгоды значительныя". Въ концѣ концовъ мирятся, „почувствовавъ въ сердцахъ нашихъ по великому посту раскаяніе" *). Черезъ два года снова волнуется наше печище. Міръ печища, т. е. четыре мужика и три бабы Пентелеевыхъ и Аксеновыхъ, въ качествѣ домохозяевъ семи дворовъ, возстають на восьмой дворъ, уже очутившійся въ рукахъ какой-то жонки Кочегаровой, которую обвиняютъ въ неправильномъ захватѣ земли отсутствующихъ душъ. Идутъ самые точнѣйшіе разсчеты земли—не только саженями и аршинами, но вершками: „на каждую ревизскую душу приводится изъ полевой земли по 1126 саж. 2 аршина 14 вершковъ и т. д.", причемъ оказывается, по разсчету міра, что Кочегарова позабирала себѣ лишняго не только вершками или аршинами, но саженями и десятинами, какъ ихъ ни мало въ печищѣ. Снова идетъ горькая жалоба: „пусть правительство усмотритъ, за что невинность наша нѣсколько лѣтъ страдала и за что мы по сіе время лишались принадлежащей на часть нашу земли". Въ концѣ концовъ міръ семи домохозяевъ, изъ которыхъ четыре Пентелеевыхъ, единогласно учиняетъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, приговоръ — отобрать землю у Кочегаровой и отдать ее Пентелеевымъ.

Некрасивую картину, надо думать, представляла собой взбудораженная деревня.

*) Дѣло холмогор. уѣзднаго суда 1834 г.

XI.

Счастливый случай доставилъ въ наши руки рядъ документовъ, касающихся одной деревни и воспроизводящихъ ея исторію въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ. Мы хотимъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы дать читателю возможность окинуть однимъ бѣглымъ взглядомъ тотъ процессъ, какимъ развивалось сѣверное крестьянское землевладѣніе. Сжатое изложеніе исторіи этой деревни можетъ послужить вмѣсто резюме для нашего труда,—резюме не въ видѣ отвлеченныхъ положеній, а въ видѣ конкретныхъ фактовъ. Конечно, отдѣльный случай не можетъ охватить собой всѣхъ сторонъ предмета, но онъ довольно удачно передаетъ существеннѣйшія его черты.

Деревня, о которой пойдетъ рѣчь—Пожарище, Матигорской волости, верстахъ въ 5—6 отъ Холмогоръ. Окрестности Холмогоръ—одинъ изъ пунктовъ самаго стараго заселенія края; московское завоеваніе нашло тамъ богатыхъ и сильныхъ своеземцевъ, въ которыхъ крестьянство сливалось съ боярствомъ. До сихъ поръ, несмотря на всѣ перевороты, какимъ подвергался сѣверъ, по волостямъ около Холмогоръ крестьяне сохранили въ своемъ типѣ что-то гордое, независимое, обличающее кровь старинныхъ родовитыхъ вотчинниковъ. Надо думать, что крестьяне Комаровы, первоначальные владѣльцы Пожарища, принадлежали къ сильнымъ родамъ края, иначе они не могли бы раздобыть себѣ льготныя царскія грамоты, по которымъ мы и получили возможность составить представленіе о болѣе раннихъ судьбахъ деревни.

Принадлежа къ Матигорской волости, деревня Пожарище отступала отъ нея на довольно значительное разстояніе. Она стояла на крутомъ берегу Двины. Напоромъ вешнихъ водъ деревенскую землю валило въ рѣку, сдирало льдомъ и заносило пескомъ. Остальная земля деревни, лежавшая не на берегу, прилегала къ „мокредямъ“ и оттого хлѣбъ часто позябалъ отъ холодныхъ тумановъ, поднимавшихся съ тѣхъ мокредей. Однимъ словомъ, съ этой стороны деревня Пожарище была самая типичная сѣверная деревня.

Комаровы усѣлись на мѣстѣ съ 1566 г., вѣроятно, просто по праву вольной заимки. Грамотой царя Ивана Васильевича деревня дана была имъ на льготу на пять лѣтъ, а потомъ была положена въ сошное тягло: писецъ князь Василій Звенигородскій (1587 г.) написалъ ее въ „трехъ обежкахъ малыхъ“. А между тѣмъ владѣльцы Пожарища успѣли прикупить пожню отъ Быстрокурской волости, „что прилегла къ той ихъ деревнѣ межу ихъ пожень“; за ними оказываются также и „старое ихъ владѣнье по ихъ крѣпостямъ“, оброчныя тони на морскомъ берегу и лѣшіе путики. Во время междуцарствія пострадало и Пожарище: „польскіе и литовскіе люди и русскіе воры повоевали и животы и статки пограбили“, а къ тому же волостные и посадскіе люди начали вырубать лѣса, которые защищали деревню отъ напора вешней воды и льда. „И отъ того ихъ насильства та ихъ деревня и досталь пустѣетъ и крестьяне имъ въ тое деревню называть не можно и самимъ имъ жити невозможно,—такъ жалуются Комаровы царю,—и платячи съ тое деревни всякіе доходы и службы и мірскіе разметы охудали и одолжали великими долги“ *). Царь дозволяетъ Пожарищу со всѣми его прикупными угодьями отписаться отъ Матигорской и Быстрокурской волостей (послѣдняя тянула ихъ къ себѣ за купленную пожню) и „велѣлъ имъ быть особно отъ тѣхъ волостей“; крестьянамъ же тѣхъ волостей „въ тое ихъ деревню да и въ прикупную поженку и во всякія угодья въ сошное тягло по писцовымъ книгамъ и по ихъ волостнымъ веревнымъ вступаться никоими дѣлы и мірскою волостною ровностью и веревью ихъ земель тое деревни и прикупные поженки веревить не велѣли“.

Такимъ образомъ по писцовымъ книгамъ Мирона Вельяминова Пожарище было записано особь-статьей. Былъ въ деревнѣ тогда все-таки еще одинъ дворъ Васкинъ да Ондрюшкинъ Ивановыхъ, дѣтей Комарова—„пашни паханые.... середніе земли семь четвертей да худые земли четверть безъ третника, сѣна сорокъ копенъ, въ живущемъ полвыти и полполтрети выти“ и т. д.

Въ половинѣ XVII-го вѣка Комаровыхъ и ихъ деревню постигло новое бѣдствіе. Пришли разбоемъ гайдуки, поуби-

*) Грамота царя Михаила Ѳеодоровича 1615 г.

вали десять человѣкъ Комаровскаго рода, „купчія и оброчныя и всякія старинныя писмянныя крѣпости прадѣдовъ и дѣдовъ ихъ и животы и платье все пограбили и дворъ со всѣми хоромы и скотъ и хлѣбъ сожгли". „А послыша тотъ разбой и грабежъ и пожаръ и ихъ разоренье, что у нихъ вотчинные письменные крѣпости пограблены ябедники и горланы перекупкою изъ наддачи рыбные ловли и сѣнные покосы (оброчные) у нихъ отнимаютъ и убытчатъ ихъ напрасно и вотчины ихъ пустошатъ",—такъ жаловались Комаровы. Алексѣй Михайловичъ далъ имъ новую грамоту, подтверждающую ихъ права *). Хлопотали объ этой грамотѣ Комаровъ и племянникъ его Савинъ: надо думать, что деревня уже распалась на два двора.

Изъ жалобы Комаровыхъ на ябедниковъ и горлановъ и проч. замѣтно, что существовали неудовольствія между владѣльцами деревни и ихъ волостными сосѣдями. Оно и не могло быть иначе: волость не могла не коситься на Комаровыхъ за то, что они успѣли высвободиться изъ общаго тягла и такимъ образомъ занять относительно льготное положеніе. Но по актамъ не видно, чтобъ она предпринимала какія-нибудь открытыя наступательныя дѣйствія на своихъ счастливыхъ сосѣдей до начала XVIII-го вѣка,—вѣроятно, не разсчитывала на успѣхъ. Но съ началомъ XVIII-го вѣка, когда правительство заявило новый принципъ, „чтобы никто не былъ въ избылыхъ", Матигорская волость начала искъ противъ Комаровыхъ съ цѣлью привлечь ихъ въ общее тягло. Она жалуется, что „Комаровъ съ товарищами тое Пожарской деревни, которая приписана по писцовымъ книгамъ къ ихъ Матигорской волости, въ равенство не кладетъ и съ ними не равняется, подводъ не возитъ, службъ не служитъ и хочетъ быть отъ всего въ облегченіи". Поэтому проситъ, „чтобъ у нихъ Комаровъ съ товарищи ту Пожарскую деревню свервить въ правду и сверя приверстать съ ними челобитчики въ равенство и всякіе подати съ той деревни платить и службы служить и подводы возить нынѣ и впредь по вся годы съ ними же челобитчики вмѣстѣ". Конечно, здѣсь говорится о податномъ, а не о земельномъ равенствѣ.

*) Грамота царя Алексѣя Михайловича 1665 г.

Какъ ни объясняли Комаровы, что они не равняются съ Матигорской волостью, а платятъ подати и служатъ службы особь-статьей, въ силу жалованныхъ грамотъ, ничто не помогало,—времена были уже другія, неблагопріятныя особьстатьямъ. „По указу великаго государя велѣно земли и всякія угодья сверстить, чтобъ никто ни въ чемъ въ-избылыхъ не былъ... А прежніе ихъ великихъ государей грамоты нынѣшнимъ его великаго государя указамъ не примѣръ", объясняетъ судъ. По рѣшенію суда, Комарову съ товарищами велѣно быть „посполитно съ волостными, а не особнякомъ, и службы служить и доходы платить, считаясь по своимъ тягламъ" *).

Въ это время, т.-е. въ началѣ XVIII вѣка, деревня Пожарище съ внутренней стороны представляла слѣдующій видъ. Дольщиковъ, сколько можно заключить по актамъ, было пятеро. Три доли остались въ рукахъ коренного рода Комаровыхъ. Четвертая доля принадлежала боярскому сыну Шешенину, которому она досталась отъ бабки, урожденной Комаровой, получившей землю отъ своего рода въ приданое. Пятая доля была во владѣніи посадскихъ людей Устюга Великаго, Королевыхъ, унаслѣдовавшихъ тоже черезъ бабку долю Савина, племянника Комаровыхъ (выше упомянуто, что Комаровъ и Савинъ хлопотали о царской грамотѣ). Вообще, можно сказать, что деревня Пожарище въ эти полтораста лѣтъ (съ половины XVI до начала XVIII в.) не раздробилась такъ, какъ дробились деревни менѣе зажиточныхъ владѣльцевъ: въ подобныхъ случаяхъ лишніе члены выдѣлялись съ денежнымъ обезпеченіемъ и уходили въ города или пріобрѣтали себѣ другія земли.

Изъ актовъ не видно точнаго отношенія долей всѣхъ деревенскихъ совладѣльцевъ. Замѣтно только, что четыре доли были полныя, съ участіемъ во всѣхъ орамыхъ и сѣнокосныхъ, коренныхъ и прикупныхъ земляхъ, въ поскотинахъ, рыбныхъ ловляхъ, въ лѣсахъ затульныхъ (защищающихъ деревню отъ вешнихъ водъ) и десятинныхъ, въ морскихъ тоняхъ и лѣшихъ путикахъ,—однимъ словомъ, во всемъ, что изстари потягло къ деревнѣ. Доля же боярскаго сына была

*) Рѣшеніе архангельскаго ратушскаго правленія 1706 г.

неполная, лишь въ нѣкоторыхъ поляхъ и пожняхъ (впредь съ участіемъ въ остальныхъ угодьяхъ), всего-на-все 17 веревн. саженъ, между тѣмъ какъ одинъ дворъ Комаровыхъ сидѣлъ на пятидесяти саженяхъ, другой—на двойномъ количествѣ. Вообще, разобраться въ ихъ владѣніи довольно трудно, съ одной стороны—вслѣдствіе отрывочности извѣстій, съ другой—вслѣдствіе того, что у нихъ была масса угодій или общихъ у всей деревни (кромѣ тѣхъ, которыя вообще никогда не дѣлились, какъ-то: лѣсовъ, тонь, путиковъ), или въ складствѣ у нѣкоторыхъ совладѣльцевъ. Угодій общихъ и въ складствѣ было у каждаго значительно больше, чѣмъ раздѣленныхъ: родственная связь печища еще чувствовалась слишкомъ живо.

То обстоятельство, что волость навязала-таки Комаровымъ общее тягло, видимо, сильно измѣняло ихъ положеніе. Владѣльцы Пожарища начинаютъ сбывать свои доли. Въ это время Баженины дѣятельно занимались пріобрѣтеніемъ земель, и они скупили доли Пожарищенской деревни. У насъ есть купчія, по которымъ Баженины пріобрѣли доли двухъ дворовъ Комаровыхъ, затѣмъ доли боярскаго сына и посадскихъ людей. Какъ перешла пятая доля, мы не знаемъ; но уже въ 1711 г. Баженинъ является владѣльцемъ всей деревни.

Пріобрѣтя Пожарище, Баженинъ точасъ же принимается за то, чтобы высвободить его изъ волостного тягла. Онъ начинаетъ хлопотать, чтобы платить по-старому, особо, „подобно тому, какъ плачу я съ вотчинной своей Вавчужской деревни и съ покупной Ухтъ-Островской особо-жъ кромѣ волостныхъ крестьянъ..., а Матигорской волости соцкому и крестьянамъ съ тое Пожарищной деревни по тяглу въ общемъ платежѣ отказать и впредь, чтобы съ ними никакими платежами для ихъ излишнихъ волостныхъ расходовъ не быть". Такъ какъ Баженины были сильнѣе Комаровыхъ, а главное—сильны личнымъ благоволеніемъ царя, то судебный приговоръ и былъ отмѣненъ въ ихъ пользу.

Но когда умерли Баженины-кораблестроители, умеръ и Петръ Великій, волостной міръ опять началъ притягивать Пожарищенскую деревню, перешедшую къ наслѣдникамъ Бажениныхъ, въ общее тягло. Въ 1726 г. Баженины входятъ

въ такую сдѣлку съ міромъ Матигорской волости: они дають обязательство платить съ Пожарищенской деревни съ пяти верей, вѣчно и безспорно, все, что будетъ приходиться по мірскимъ разрубнымъ книгамъ, но съ своей стороны берутъ и отъ міра обязательство не спрашивать больше, чѣмъ съ пяти верей, „и на ту землю съ веревкой не ходить и не верить вѣчно-жь". Но въ 1748 г. еще новое поколѣніе Баженинныхъ опять даетъ обязательство въ міръ Матигорской волости платить „по мірскимъ разрубнымъ съ крестьянами врядъ" уже съ семи верей (въ соотвѣтствіи съ настоящими размѣрами деревни, на которой разсѣвалось до 15 четвертей ячменя и ставилось до 3.000 кучъ сѣна), причемъ снова обязываютъ крестьянъ „съ веревкой не ходить". Взаимныя обязательства исполняются до 1779 г.; съ этого года Баженины отказываютъ платить волостные разрубы и начинается, по жалобѣ міра, дѣло, о которомъ мы говорили выше. Дѣло это кончилось въ пользу міра; а между тѣмъ подошли послѣдніе года XVIII стол.—эпоха общаго изгнанія купцовъ и посадскихъ людей изъ деревень.

Когда тяжба съ міромъ кончилась неблагопріятно для Баженинныхъ и они присуждены были къ уплатѣ всей накопившейся за ними значительной недоимки, то вмѣсто денегъ они отдали въ міръ часть Пожарищенской деревни. Остальная земля оставалась пока за Бажениными. Но такъ какъ имъ, въ качествѣ посадскихъ людей, нельзя уже было дольше держаться въ деревнѣ, то они стали продавать землю по кускамъ. Человѣка два-три мѣстныхъ богатыхъ крестьянъ скупили эти земли, а такъ какъ купчихъ нельзя было писать, то писали полюбовныя отступныя письма съ формальной явкой ихъ въ присутственномъ мѣстѣ. Часть полученной отъ Баженинныхъ земли міръ, по приказу начальства, роздалъ тогда же малоземельнымъ крестьянамъ, которые немедля продали свои надѣлы упомянутымъ скупщикамъ Баженинской земли. Но самое интересное то, что, наконецъ, міръ, „по общественному приговору", имъ же продалъ «въ вѣчное владѣніе» всю нерозданную еще часть Пожарищенской земли, которая должна бы была идти „въ надѣленіе скудныхъ крестьянъ».

Такимъ образомъ, Пожарищенская деревня, отошедшая

въ девяностыхъ годахъ отъ Бажениныхъ, тотчасъ же очутилась въ рукахъ двухъ-трехъ богатыхъ крестьянъ, которые усѣлись въ ней въ качествѣ вотчинниковъ, обороняя ее отъ всякихъ притязаній. Но они могли уберечь ее лишь до 30-го года, когда міръ началъ настоятельно требовать ее для раздѣла по душамъ. Владѣльцы Пожарища жаловались въ судъ, ссылаясь на свои документы, но даже холмогорскій уѣздный судъ не нашелъ возможнымъ рѣшить дѣло въ ихъ пользу, такъ какъ документы, на которые они ссылались, были составлены послѣ межевой инструкціи *).

Тщетно обращались владѣльцы Пожарища отъ одной судебной инстанціи къ другой,—всюду получалось одно рѣшеніе: „раздѣлить на души".

Мы отряхнули пыль вѣковъ отъ найденныхъ нами хартій и изложили, въ назиданіе читателя, буде отъищется таковой, заключающіяся въ этихъ хартіяхъ правдивыя сказанія. Сказанія, конечно, правдивы; вмѣстѣ съ тѣмъ они и новы, такъ какъ вносятъ въ исторію русскаго крестьянскаго землевладѣнія новые факты, неизвѣстные до сихъ поръ наукѣ. И правдивы, и новы—все это такъ. Конечно правдивость и новизна—качества почтенныя. Но ихъ все-таки недостаточно, чтобъ заявлять притязаніе на вниманіе къ работѣ нетолько спеціалиста ученаго, но и читателя. Необходимо, чтобъ эти правдивые и новые факты вносили что-нибудь дѣйствительно новое въ общественное сознаніе, помогая ему такъ или иначе въ его роковой борьбѣ съ проклятыми вопросами. Можетъ ли наша работа оказаться состоятельной, если къ ней приложить критеріумъ этого рода?

Вся внѣшность нашей работы, загроможденной мелочными фактическими подробностями, говоритъ противъ. Но мы все-таки надѣемся показать читателю, что работа эта, несмотря на видимое преобладаніе въ ней археологическаго интереса, далеко не такъ, какъ кажется, удалена отъ живыхъ интересовъ современности.

---

*) Дѣло холмогорскаго уѣзднаго суда 1833 г. по прошенію крестьянъ Ивана Водомѣрова, Осипа Якимова и вдовы Матрены Берденниковой о предоставленіи имъ въ потомственное владѣніе пожарищенской земли.

Вотъ уже больше двадцати лѣтъ, какъ наша поземельная община встала во главѣ цѣлой группы проклятыхъ вопросовъ изъ наиболѣе скребущихъ по душѣ современнаго русскаго человѣка. Поскольку настоящей правды, поскольку простой случайности было въ такой краеугольной постановкѣ вопроса объ общинѣ—рѣшать не беремся. Фактъ въ томъ, что община служила знаменемъ и лозунгомъ, что на ней сходились и расходились партіи, формировались направленія. Правда, знакомство съ общиной далеко не шло въ параллель съ сознаніемъ ея исключительно важнаго значенія; но кого винить въ томъ, что земля наша хоть и велика, но такъ необильна общественной энергіей?...

Мы имѣемъ смѣлость утверждать, что работа наша, несмотря на ея мелочность, должна внести нѣкоторое движеніе въ историческую разработку вопроса объ общинѣ. Разработка эта застоялась до невозможности. Съ трудомъ вѣрится, чтобы можно было такъ много говорить и, повидимому, такъ много интересоваться предметомъ и въ то же время такъ поразительно мало знать о немъ. Знакомство съ настоящимъ, правда, понемногу подвигается впередъ; но для прошлаго только переворачиваются время отъ времени давнымъ давно собранные и извѣстные факты, причемъ не замѣчается никакого движенія ни въ ширину, въ смыслѣ захвата новаго матеріала, ни въ глубину, въ смыслѣ разработки стараго. А нужно ли доказывать, что только знакомство съ явленіемъ въ процессѣ его развитія можетъ дать о немъ настоящее понятіе? Могутъ указать на работу г. Соколовскаго: „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ“,—чего же еще, если есть цѣлая исторія предмета? Но въ томъ-то и бѣда, что это совсѣмъ не исторія сельской поземельной общины: тутъ вышло нѣкоторое недоразумѣніе съ заглавіемъ. Мы отдаемъ все должное труду г. Соколовскаго,—труду, разсчитанному на потребности нашего интеллигентнаго общества и прекрасно ихъ удовлетворяющаго,—но тѣмъ не менѣе трудъ этотъ—совсѣмъ не исторія нашей сельской общины. Онъ посвященъ главнымъ образомъ выясненію тѣхъ экономическихъ и бытовыхъ условій, которыя такъ или иначе должны были вліять на форму землевладѣнія; собственно общинѣ посвящена незначительная часть работы, да и то въ понятіи общины для

автора сливались разнообразныя формы соціальныхъ организацій, даже не однѣхъ только поземельныхъ. Впрочемъ, употребляя такъ неопредѣленно слово „община“, г. Соколовскій только продолжалъ традицію другихъ болѣе раннихъ изслѣдователей, которые всегда употребляли это слово въ самыхъ различныхъ, совершенно произвольныхъ, смыслахъ: если акты, относящіеся до того низшаго слоя древне-русскаго общества, который соотвѣтствуетъ современному крестьянству, давали намекъ или указаніе на какой-нибудь внѣсемейный союзъ, какого бы характера, содержанія и цѣлей онъ ни былъ,—все шло за общину. Да оно и не мудрено. Нѣкто сказалъ по поводу труда г. Соколовскаго, что этотъ трудъ пораженъ органическимъ недостаткомъ, заключающимся въ томъ, что авторъ писалъ исторію предмета, существа котораго онъ не зналъ,—и нѣкто, конечно, правъ. Но это же самое замѣчаніе приложимо, и въ еще несравненно большей степени, ко всѣмъ другимъ попыткамъ—правда, только эпизодическимъ—разъяснить исторію русской общины.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ хаосѣ невыясненныхъ понятій и неустановившихся терминовъ, въ связи съ извѣстными благопріятствующими теченіями общественной мысли, возникъ и пустилъ крѣпкіе корни въ общественномъ сознаніи миѳъ объ исконности существующей формы поземельной общины. Мы говоримъ „миѳъ“, такъ какъ эта исконность на самомъ дѣлѣ не имѣетъ за себя достаточныхъ научныхъ основаній, а лишь вѣру,—вѣру очень понятную, если принять во вниманіе всю совокупность условій, но все-таки вѣру, и ничего больше. Ниже мы займемся этой стороной дѣла поближе, здѣсь же скажемъ только, во избѣжаніе недоразумѣній, что мы подвергаемъ сомнѣнію исконность лишь существующей формы поземельной общины, а никакъ не исконность общинности, общиннаго или коллективнаго принципа, нѣкогда полновластно заправлявшаго жизнью. Это двѣ совершенно различныя вещи, которыя никакъ не слѣдуетъ смѣшивать.

Въ какой просакъ попадали и попадаютъ изслѣдователи съ своей слѣпою вѣрой въ исконность существующей формы поземельной общины, видно на примѣрѣ сѣвера. Надо замѣтить, что сѣверъ издавна обращалъ на себя особенное вни-

маніе всѣхъ, интересующихся народомъ вообще, общиной въ частности, да и понятно. На сѣверѣ община—преобладающая форма земельнаго владѣнія въ такой степени, что въ предѣлахъ Архангельской губерніи, можно сказать, нѣтъ личной земельной собственности; на сѣверѣ почти не было крѣпостного права, извратившаго народную душу,—на сѣверѣ, слѣдовательно, самостоятельное крестьянство могло сохранить въ наибольшей чистотѣ исконныя формы своего быта. Профессора съ каѳедръ указывали на сѣверъ, который одинъ только сохранилъ въ неприкосновенности первобытную общинную организацію *); книжная наука черпала девять десятыхъ своихъ свѣдѣній объ исторіи общины изъ актовъ, относящихся до сѣвера. Нѣтъ ничего удивительнаго, что изслѣдователь, приступая къ изученію общины въ той или другой сѣверной мѣстности, былъ предвзято и всецѣло убѣжденъ въ исконности и первобытности того явленія, которое онъ долженъ былъ изучать. А извѣстно, какъ легко наблюдаемое явленіе получаетъ свою окраску отъ того или другого угла зрѣнія наблюдателя. Оттого и община въ подобныхъ изслѣдованіяхъ являлась съ такими аттрибутами, которые должны были несомнѣнно свидѣтельствовать о ея первобытности, о незапятнанности, съ какой она донесла свою архаическую чистоту до нашихъ дней. Такою является община Олонецкой губерніи въ изслѣдованіи г. Ляลоша, такою же и община Архангельской губерніи въ изслѣдованіи г. Сергѣева **). Г. Сергѣевъ далъ даже схему того процесса, какимъ эта первобытная форма переходитъ въ другія болѣе позднія формы. Всѣ эти выводы, эта одноцвѣтная окраска—одно большое заблужденіе, и ничего больше. Наша работа показываетъ, что сѣверная община, даже въ тотъ относительно короткій промежутокъ времени, который захватываетъ достовѣрная исторія (т.-е. приблизительно съ XIV вѣка), пережила нѣсколько фазисовъ. Формулируемъ ихъ.

Начало достовѣрной исторіи застаетъ на сѣверѣ господство задружной формы какъ въ семьѣ, такъ и въ организаціи поземельной собственности. Въ *Отеч. Запискахъ* была помѣ-

*) Ст. *Ляломы*: „Община Олонецкой губерніи“ (*Отеч. Записки* 1874 г., № 2).

**) *Дѣло* 1880 года, № 4, ст. „Очерки общиннаго владѣнія въ Архангельской губерніи“.

щена статья г. Красноперова: „Антошкина община". Статья эта—описаніе одной удивительно сохранившейся архаической задруги: съ трудомъ вѣрится, чтобы въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, кулачества и т. д. еще держались какимъ-то чудомъ эти обломки иныхъ, отдаленныхъ, соціальныхъ формацій. Г. Красноперовъ называетъ описываемую имъ организацію общиной; но тутъ мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же произвольнымъ и въ высшей степени научно-неудобнымъ употребленіемъ терминовъ: это—не община, а задруга, семейная коммуна (Hauskommunia, по западной терминологіи). Большая родовая семья въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, состоящая изъ многихъ простыхъ семей, живетъ въ нѣсколькихъ домахъ, группирующихся около одного центральнаго дома, служащаго сборнымъ мѣстомъ для всей коммуны: въ центральномъ домѣ сбираются для ѣды, для общихъ хозяйственныхъ занятій, для совѣщанія о дѣлахъ и, наконецъ, просто для развлеченія. Въ этомъ домѣ живетъ старшій, который дѣлается старшимъ, большею частью, въ силу естественнаго старшинства, иногда по выбору. Земля и хозяйственный инвентарь—общая собственность этой семейной коммуны; трудъ—общій, какъ обще и потребленіе. Коммуна уже сама заботится объ удовлетвореніи всѣхъ потребностей ея членовъ. Вотъ главнѣйшія черты этой формы,—черты, въ которыхъ можно узнать сербскую задругу, какъ ее рисуютъ югославянскіе этнографы, современную Антошкину общину и наконецъ ту организацію, на которую указываютъ намъ сѣверные акты болѣе ранняго періода. Такимъ образомъ первый фазисъ организаціи земельнаго владѣнія на сѣверѣ, въ предѣлахъ достовѣрной исторіи, есть фазисъ коллективной собственности семейныхъ коммунъ. Кто не знакомъ съ цѣлымъ нашей работы, тотъ можетъ сказать, что мы допускаемъ то же самое смѣшеніе понятій, въ которомъ упрекаемъ другихъ, т. е. смѣшиваемъ семью съ общиной. Но это не такъ. Мы утверждаемъ, что на сѣверѣ, въ указанный нами періодъ, не было другой единицы поземельной организаціи, кромѣ печища, нераздѣльной собственности родовой семьи. Всѣ большіе территоріальные союзы, какъ-то: волости, погосты и т. д.—не были единицами поземельной организаціи, поземельными общинами. Мы не утверждаемъ, что таково

было исконное или первобытное положеніе вещей, такъ какъ вообще избѣгаемъ всякихъ гадательныхъ утвержденій или отрицаній; утверждаемъ только, что таково оно было въ изслѣдуемой мѣстности и въ указанный періодъ. Печище заключало въ себѣ лишь воздѣланную землю, пахатную и сѣнокосную, обыкновенно съ нѣкоторыми промысловыми угодьями, варницами, морскими и рѣчными тонями, лѣшими путиками и т. п. Внѣ печищъ лежала незахваченная подъ эксплуатацію дикая земля, которая не входила въ районъ никакихъ общинъ, а была просто-на-просто Божья. Впрочемъ, бояре уже въ новгородскій періодъ успѣли позахватить себѣ куски дикой земли, а позже московскіе государи старались установить право своей верховной собственности на всю дикую землю.

Второй фазисъ въ исторіи поземельной организаціи на сѣверѣ—деревня съ долевымъ владѣніемъ. Печище, семейная коммуна, разложившись, образовала тотъ особый типъ, изъ котораго могла выработаться современная община, какъ при другихъ условіяхъ могла выработаться и индивидуальная земельная собственность. Дѣло въ томъ, что печище, дробясь и дѣлясь, все-таки продолжало смотрѣть на себя, со стороны поземельныхъ отношеній, какъ на цѣлое, до дѣлежа—простое, послѣ дѣлежа—сложное. Каждый участникъ дѣлежа получалъ не опредѣленный кусокъ земли, который бы онъ могъ выдѣлить изъ цѣлаго, а лишь право на извѣстную долю въ каждомъ изъ лоскутовъ, полей и угодій, входящихъ въ деревню. Такимъ образомъ каждый изъ крестьянскихъ (въ противоположность бобыльскимъ) дворовъ деревни представлялъ собою какую-нибудь дробь деревенской единицы. Дворъ былъ настоящимъ собственникомъ своей доли: могъ распоряжаться ею по произволу, лишь съ тѣми ограниченіями, какія проистекали изъ права выкупа, принадлежащаго родственникамъ и деревенскимъ совладѣльцамъ, складникамъ позже, также и изъ вмѣшательства государства, давившаго на тягловой міръ. Право отчужденія долей повело къ тому, что родовая схема деревни мало-помалу пропитывалась посторонними элементами, не имѣющими между собой кровныхъ связей. Но тѣмъ не менѣе патріархальная традиція деревни держалась: посторонніе какъ и

родственники, являлись представителями идеальныхъ долей деревенскаго цѣлаго. Если кто-нибудь изъ дольщиковъ находилъ, что владѣемый имъ участокъ не соотвѣтствуетъ его идеальной долѣ, онъ могъ требовать передѣла; такимъ образомъ деревенскіе дольщики время отъ времени передѣливались, переравнивались. Отсюда видно, что этотъ второй фазисъ организаціи земельной собственности на сѣверѣ—долевая деревня—заключалъ въ себѣ зародыши общиннаго владѣнія, также какъ и зародыши современнаго индивидуальнаго владѣнія. Сѣверная деревня развила послѣднюю сторону и перешла такимъ образомъ въ третій фазисъ — подворно-участковое владѣніе индивидуальнаго характера. Причинъ, въ силу которыхъ сѣверная деревня попала на этотъ путь, нельзя свести къ чему-нибудь одному: тутъ участвовало и естественное ослабленіе родовыхъ традицій, и давленіе государства, и вторженіе въ деревню посторонняго, не крестьянскаго владѣнія, но главною причиной было размноженіе населенія и земельная тѣснота, зависящая отъ естестенныхъ препятствій къ расширенію запашекъ.

Указанныхъ нами фазисовъ нельзя связать съ точно опредѣленными эпохами: въ разныхъ пунктахъ, при разныхъ условіяхъ они наступали разновременно. Такъ было и съ фазисомъ обособленнаго земельнаго владѣнія индивидуальнаго характера. Отдѣльные случаи такого владѣнія могли встрѣчаться и при господствѣ въ земельной организаціи печищной формы: всегда лицо могло выдѣляться изъ родовой семьи, устраиваясь со своей семьей на обособленномъ участкѣ земли и кладя такимъ образомъ основаніе новой деревни, новому печищу. Но и въ качествѣ правила эта форма земельнаго владѣнія появляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень рано, еще въ то время, когда долевая организація деревни была въ полномъ разцвѣтѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ волостяхъ около Холмогоръ она водворилась относительно очень давно,—преобладаніе ея въ этихъ мѣстностяхъ замѣтно по актамъ XVII вѣка и даже раньше. Доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, любопытная книга Крестинина: «Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ» (1779 г.). Книга эта представляетъ собой исторію одного крестьянскаго

рода (Вахонныхъ), извлеченную изъ документовъ, сохранившихся въ этомъ году. Изъ нея видно, что даже во второй половинѣ XVI вѣка можно было пріобрѣтать не доли деревень, а отдѣльные лоскуты деревенской земли—характерный признакъ разрушенія деревенской организаціи. Дальнѣйшее же изложеніе ясно свидѣтельствуетъ, что крестьяне, героя Крестининскаго повѣствованія, являются полными собственниками своихъ земельныхъ участковъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова. А между тѣмъ въ иныхъ мѣстностяхъ долевая деревня сохранилась даже до конца XVIII столѣтія, какъ показываютъ судебныя дѣла о деревенскихъ складникахъ. Но, вообще, надо полагать, что долевая деревня начала энергически разлагаться со второй половины XVII вѣка: XVIII вѣкъ является фазисомъ господства на сѣверѣ личнаго землевладѣнія, хотя остатки долеваго владѣнія еще сказываются кое въ чемъ, какъ, напримѣръ, въ раздѣленіи земель на статьи *).

Личное землевладѣніе привилось быстро,—корни его лежали въ прошломъ. Поземельная деревня рушилась, то-есть распалась на свои составные элементы. Порвалась сила тѣхъ путъ, частью нравственныхъ, частью юридическихъ, которыя связывали ее въ одно цѣлое. Правда, и ранній деревенскій дольщикъ былъ собственникомъ своей доли; но его права наталкивались на стѣсняющія его права деревни. Только теперь онъ узналъ, что такое полная собственность. Права его находили себѣ признаніе и со стороны государства: оно не разъ дѣлало попытки ограничить въ свою пользу права крестьянъ на ихъ землю, но въ концѣ концовъ уступало и требовало только, чтобы соблюдаемы были извѣстныя формальныя условія при переходѣ земельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. Процессъ обезземеленія однихъ и скопленіе земли въ рукахъ другихъ теперь быстро двинулся; повидимому, все шло къ насажденію того типа сильнаго крестьянскаго хозяйства, держащагося на бобыляхъ, захребетникахъ и козакахъ, который составляетъ идеалъ нѣкоторыхъ русскихъ европейцевъ. Но вдругъ на сценѣ появляется deus ex machima въ видѣ правительства, измѣнив-

*) *Крестининъ*, стр. 38—40.

шаго свои взгляды на крестьянское землевладѣніе, и все получаетъ иной видъ. Землевладѣніе нашего сѣвера вступаетъ въ свой четвертый и послѣдній общинный фазисъ.

Когда имѣешь передъ глазами отчетливую историческую перспективу явленія, забавно слышать, какъ изслѣдователи сѣверной общины увѣряютъ въ ея первобытномъ характерѣ. Тутъ заблужденіе очевидно. Но далеко не такъ очевидно оно, когда дѣло идетъ объ исконности и первобытности существующей формы поземельной общины вообще. Мы выше выразились, что считаемъ эту исконность миѳомъ, который держится лишь вѣрой въ него. Наше голословное утвержденіе, особенно въ виду исключительной важности затрогиваемаго имъ предмета, можетъ показаться простой задорной фразой. На самомъ дѣлѣ оно есть плодъ долгихъ соображеній и мучительныхъ колебаній, въ которыхъ субъективный элементъ привычной вѣры болѣзненно боролся съ все возрастающимъ сомнѣніемъ, навязываемымъ фактами. Вотъ итоги нашихъ сомнѣній.

Та историческая перспектива въ развитіи формъ поземельной организаціи, которую мы установили для избраннаго нами района, едва ли можетъ быть поколеблена въ своихъ существенныхъ чертахъ: она покоится на многочисленныхъ и несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Но тутъ является вопросъ: районъ, избранный нами для изслѣдованія, т.-е. крайній сѣверъ, бывшая Двинская земля, не представляетъ ли собой исключенія въ ряду другихъ областей Русской земли? Не выработалъ ли онъ подъ тяготѣніемъ какихъ-либо исключительныхъ условій исключительнаго жизненнаго склада, не имѣющаго ничего общаго съ обще-русскимъ складомъ жизни?

Вопросъ этотъ задается не впервые. Онъ выдвинутъ былъ на сцену во время знаменитаго спора Бѣляева съ г. Чичеринымъ объ общинѣ. Такъ какъ спорящимъ сторонамъ поневолѣ приходилось ссылаться главнымъ образомъ на акты, относящіеся до Двинской земли, — за недостаткомъ актовъ изъ другихъ районовъ, — то естественно, что пришлось натолкнуться на этотъ вопросъ. Его выдвинулъ Бѣляевъ, когда былъ вынужденъ къ тому доводами г. Чичерина; но такъ какъ онъ не привелъ ничего въ доказательство того, что

Двинская земля есть исключеніе, то г. Чичеринъ легко отпарировалъ его возраженія. Было бы утомительно вдаваться въ подробности этого спора, да и незачѣмъ; мы полагаемъ, что самый этотъ вопросъ, въ значительной степени праздный вопросъ. Каждый областной районъ, замкнутый въ свои территоріальныя, этнографическія, историко-политическія грани, конечно, есть исключеніе, если смотрѣть на него съ общерусской точки зрѣнія. Но что такое эта общерусская точка зрѣнія? Не страдала ли всегда наша историческая наука тѣмъ, что слишкомъ часто отожествляла общерусскую точку зрѣнія съ центрально-московской? Отчего Двинская земля должна быть какимъ-то сугубымъ исключеніемъ — рѣшительно не видно. Правда, она имѣетъ свои особенности, особенности рельефно выраженныя: по отношенію къ исторіи землевладѣнія, главнѣйшая, и очень типичная, ея особенность заключается въ сильномъ развитіи въ ней класса мелкихъ собственниковъ, своеземцевъ, позднѣйшихъ черносошныхъ государевыхъ крестьянъ *). Но и это ея отличіе количественнаго, а не качественнаго характера: новгородскія писцовыя книги показываютъ, что своеземцы были всюду, только чѣмъ ближе къ югу, къ центру, тѣмъ сильнѣе преобладалъ помѣстный и крупно-вотчинный характеръ землевладѣнія. Если же теперь обратиться прямо къ исторіи формъ поземельной организаціи, то, собственно говоря, даже не понадобится ставить и вопроса о томъ, составляла ли Двинская земля, исключеніе. Писцовыя книги предупреждаютъ всякіе вопросы и сомнѣнія. Разсматривая писцовыя книги Двинской земли,

*) Въ первой части нашей работы мы возражали тѣмъ изъ нашихъ ученыхъ, которые полагаютъ, что своеземцы, или земцы, составляли какое-то особое сословіе съ военнымъ и замкнутымъ характеромъ и переносили свой особый характеръ даже на землю, которая стоитъ на какихъ-то особыхъ правахъ и не выходитъ изъ ихъ сословія. Ученые опирались на одинъ актъ въ новгородскихъ купчихъ („Юридическіе акты", № 71, XXIII), собственно на одно выраженіе этого акта: „А буде Тѣруну не до земли ино мимо земца не продати". Мы дали выше свое толкованіе на это выраженіе. Послѣ того мы нашли въ нашемъ собраніи древнихъ актовъ несомнѣнное доказательство того, что „Тирунова земля" есть простая крестьянская земля, стоящая въ волостной верви съ остальной крестьянскою землей, а не какая-нибудь особенная своеземческая, состоящая яко бы на особыхъ правахъ: нашъ актъ—того же самаго XV-го вѣка, а указаніе мѣста не позволяетъ сомнѣваться, что тутъ дѣло идетъ о той же землѣ, которая указывается въ напечатанныхъ актахъ.

рядомъ съ писцовыми книгами остальныхъ новгородскихъ областей, убѣждаешься съ очевидностью, что имѣешь дѣло съ однимъ и тѣмъ же строемъ поземельныхъ отношеній. Та же маленькая деревня съ однимъ, двумя или нѣсколькими дворами, составляющая очевидно центръ поземельной организаціи; та же волость или погостъ—территоріальный союзъ съ административнымъ характеромъ. Нигдѣ никакихъ указаній на поземельную общину современнаго типа. Такимъ образомъ всякое предположеніе о томъ, что на новгородскомъ сѣверѣ господствовала поземельная община, въ извѣстномъ намъ современномъ смыслѣ слова, было бы не только произвольнымъ, но и прямо идущимъ въ разрѣзъ несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ, не допускающимъ двусмысленныхъ толкованій.

Мы говоримъ, что на сѣверѣ не было поземельной общины, т.-е. не было ея внѣ деревни. Конечно, деревня въ одинъ дворъ не могла быть общиной, развѣ въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ г. Красноперовъ назвалъ Автошкиной общиной найденную имъ семейную коммуну; но и къ деревнѣ въ два-три родственныхъ двора, образовавшихся изъ разложенія одного двора, какова бы ни была организація поземельныхъ отношеній между этими дворами, тоже странно и дико, съ современной точки зрѣнія, было бы прилагать названіе поземельной общины. Конечно, всякій ученый и не ученый, кто говоритъ объ исконной русской поземельной общинѣ, очень далекъ отъ того, чтобы представлять ее въ подобномъ видѣ. На самомъ же дѣлѣ внѣ этой мизерной деревни искать общины негдѣ.

Но не то ли же самое видимъ, когда перейдемъ и за границы Новгородской области, въ настоящій районъ Московскаго центра? Писцовыя книги и тутъ показываютъ, что единицей поземельной организаціи тоже служитъ деревня: волости или другія большія территоріальныя единицы уже по тому одному не могутъ быть сочтены за формы поземельной организаціи, что все это было сплошь разбито между помѣщиками и крупными вотчинниками. Деревня же въ XVI вѣкѣ, внѣ Новгородскаго района, представляла такой видъ. Въ Пермскомъ краѣ деревня въ большинствѣ случаевъ тоже въ одинъ дворъ, въ Тверскомъ уѣздѣ, среднимъ числомъ, въ 3

двора, въ Суздальскомъ уѣздѣ—4½ двора, въ Дмитровскомъ уѣздѣ—5½ дворовъ, въ Рязанскомъ—больше 10 *). Но при сопоставленіи этихъ цифръ не навязывается ли само собой предположеніе, что и эта деревня развилась путемъ того же процесса, какимъ и деревня Новгородской области, т.-е. путемъ разложенія двора, и только дальше успѣла уйти въ своемъ развитіи? Акты, которые и тутъ говорятъ о полудеревнѣ, о трети, о жеребьи (т.-е. $^1/_{16}$) и т. д., показываютъ, что и этой деревнѣ былъ свойственъ первоначальный долевой характеръ поземельной организаціи.

Не даетъ ли все это основаніе предполагать, что не извѣстная намъ поземельная община, а именно долевая деревня, которая развилась изъ разложившагося родоваго двора, была нѣкогда господствовавшимъ типомъ поземельной организаціи также и внѣ района Новгородской области? По крайней мѣрѣ гипотеза эта, какова бы она ни казалась на первый взглядъ, едва ли не болѣе всякихъ другихъ гипотезъ оправдывается историческими свидѣтельствами. Можетъ-быть большая разработка фактовъ, относящихся до центра, и опровергаетъ эту гипотезу; но для сѣвера едва ли что-нибудь можетъ быть измѣнено существенно. Кажется, уже пора если не сдать въ архивъ, то по крайней мѣрѣ подвергнуть тщательному историко-критическому анализу догматъ объ исконности и первобытности существующей формы поземельной общины. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ твердить объ этой исконности, когда на безчисленную массу фактовъ, безусловно отрицающихъ общину для болѣе ранняго періода, все трудолюбіе нашихъ ученыхъ могло открыть только два прямыхъ факта въ ея пользу—лишь отъ XVI-го и нѣсколько больше отъ XVII вѣка? Да и то часть этихъ фактовъ толкуется въ пользу общины по недоразумѣнію, а именно всѣ факты, гдѣ говорится о ровнянін, о ровности. Сѣверные акты показываютъ, что старинныя выраженія, повидимому, такія ясныя и несомнѣнныя, какъ „давно веревка для ровности не бывала“ (то-есть не было верьленія земли), „ровняться промежъ себя землями“—совсѣмъ не значитъ измѣрять землю для передѣла или

---

*) *Соколовскій:* „Очеркъ исторіи сельской общины“, стр. 55; *Пискаревъ:* „Древніе грамоты и акты Рязанскаго края“.

вообще передѣливаться землей, а значитъ просто измѣрять для податнаго уравненія.

Современная община развилась изъ разложившейся долевой деревни, полагаемъ мы. Когда, подъ тяготѣніемъ какихъ условій?—По аналогіи съ сѣверомъ, надо думать, что разложеніе хрупкой организаціи деревни шло по мѣрѣ усиленія того внутренняго давленія, которое вытекало изъ размноженія населенія и увеличивающагося размѣра поселеній: размноженіе населенія и расширеніе поселеній влекло за собой ослабленіе родовыхъ традицій и вмѣстѣ съ тѣмъ массу практическихъ неудобствъ, которыя мы въ своемъ мѣстѣ (когда разсматривали процессъ разложенія сѣверной деревни) подвергли подробному анализу. Но для того, чтобы разложившаяся деревня перешла въ общину, существеннымъ условіемъ была правовая оторванность земледѣльца отъ земли.

Высказывая это послѣднее предположеніе, мы очень далеки однако отъ мысли г. Чичерина, что общинная форма землевладѣнія была создана правительствомъ или помѣщиками. Не говоримъ уже объ апріорной несообразности этой мысли: противъ нея есть и несомнѣнныя историческія свидѣтельства. Вотъ одинъ изъ упомянутыхъ нами двухъ фактовъ отъ XVI вѣка, свидѣтельствующихъ объ общинѣ. По писцовой книгѣ Шелонской пятины 1500—1501 г., въ Ужинскомъ погостѣ, принадлежащемъ великому князю, 90 дворовъ рыболововъ высѣваютъ „въ сухія лѣта, коли вода мала, 27 коробовъ ржи, да они-жь пашутъ у погоста на полѣ на водопоймѣ на пазбѣ 90 участковъ полосами, а сѣютъ на тѣхъ участкахъ 90 коробовъ овса, коли вода борзо сойдетъ; да у нихъ же 90 участковъ, кошенныхъ полосами же, а ставится на тѣхъ на всѣхъ участкахъ сѣна 2700 копенъ, на участокъ по 30 копенъ“ *). Есть ли какія-нибудь основанія предполагать, что общинное владѣніе здѣсь завелось въ силу какого-нибудь внѣшняго давленія?—Ни малѣйшихъ; напротивъ, все, что извѣстно объ организаціи народнаго труда на сѣверѣ, заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ совершенно самобытнымъ. Фактъ, приведенный выше, чрезвычайно любопытный. Прежде всего бросается въ глаза его

*) *Соколовскій:* „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“, стр. 82.

исключительный характеръ. Посреди мелкихъ земледѣльческихъ деревень въ одинъ—три двора, сплошь покрывающихъ собою всю громадную область новгородскихъ пятинъ, мы наталкиваемся время отъ времени на относительно бóльшія поселенія рыболововъ. Если теперь рыболовныя поселенія сѣвера сплошь переплетены разнообразными артельными организаціями, причемъ часто цѣлыя такія села, иногда очень большія, составляютъ сплошныя артели, то почти несомнѣнно, что каждое изъ рыболовныхъ поселеній новгородскихъ пятинъ также составляло между собой артельный союзъ. Вотъ одно изъ такихъ поселеній, ловя артельно рыбу, въ то же время пашетъ и коситъ на берегу, „коли вода мала", „коли вода борзо сойдетъ", т.-е. прилагаетъ тѣ же артельныя начала и къ способу владѣнія землей. Но тутъ мы наталкиваемся на ту сторону предмета, на которую мы до сихъ поръ еще не имѣли случая указать. Всѣмъ, что мы говорили о поземельной деревенской организаціи, мы ничуть не отрицали существованія въ болѣе отдаленныя эпохи другихъ болѣе широкихъ поземельныхъ и иныхъ соціальныхъ организацій, остатки которыхъ мы видимъ до сихъ поръ въ козачьихъ общинахъ, въ артеляхъ и братствахъ. Эти соціальныя организаціи могли вліять на зарожденіе и развитіе настоящей общины, примѣръ чего мы и видимъ въ только-что приведенномъ фактѣ. Но несомнѣнные историческіе факты показываютъ, что главное русло того процесса, которымъ шло развитіе нашей общины, не тутъ, а именно въ деревнѣ съ ея долевымъ владѣніемъ.

Намъ выше не разъ уже случалось указывать на то, что долевая деревня заключала въ себѣ въ зародышѣ обѣ позднѣйшія формы землевладѣнія, какъ участковую, такъ и общинную. Какъ развилось изъ разложившейся долевой деревни участковое землевладѣніе, видно на примѣрѣ сѣвера. Теперь является вопросъ: какъ могло развиться изъ него землевладѣніе общинное? Можно указать на слѣдующія стороны долевой деревенской организаціи, какъ на такія, изъ которыхъ могло вырости владѣніе общинное. Вопервыхъ, долевая деревня представляла собой одно поземельное цѣлое; вовторыхъ, каждый дольщикъ былъ владѣльцемъ лишь идеальной доли этого поземельнаго цѣлаго, а не какого-либо опредѣленнаго

земельнаго участка; въ третьихъ, дольщики, при извѣстныхъ указанныхъ нами условіяхъ, устраивали уравниваніе или передѣлъ своихъ земель. При наличности указанныхъ сторонъ, существовало только одно препятствіе для перехода долевой деревенской организаціи въ настоящую общинную: это—право собственности крестьянъ на ихъ землю. Пока крестьяне оставались собственниками своихъ долей, едва ли возможенъ былъ переходъ къ общинѣ, даже допуская существованіе всѣхъ остальныхъ благопріятствующихъ условій. Но разъ крестьяне были лишены права собственности, которое переходило въ постороннія руки,—переходъ отъ долевой организаціи къ общинной былъ вполнѣ естественнымъ. Долевая деревня сама собой обращалась въ общину современнаго типа. Указываемъ съ настойчивостью на то, что деревня обращалась въ общину именно сама собой: нѣтъ ни малѣйшей надобности предполагать участіе въ этомъ переходѣ какого-либо посторонняго вліянія или вмѣшательства со стороны помѣщиковъ или государства,—въ виду равенства повинностей крестьяне непремѣнно должны были сами поровнять землю.

Мы говорили о томъ, что деревня крестьянъ собственниковъ, лишенныхъ государствомъ своихъ правъ на землю, должна была превратиться въ общину. Но въ Московскомъ государствѣ была масса порядчиковъ (половниковъ), которые садились на владѣльческую землю по временному договору. Какъ же было у нихъ?—Сохранились историческія свидѣтельства, указывающія, что половники сначала садились на доли деревень, т.-е. что долевая деревня существовала и на владѣльческихъ земляхъ: на такихъ доляхъ, конечно сидѣли и половники писцовыхъ книгъ. Но при увеличеніи размѣра деревень скоро должны были сказаться неудобства такой организаціи владѣнія, и даже скорѣе, чѣмъ въ деревняхъ крестьянъ-собственниковъ, такъ какъ тутъ не было той сильной скрѣпы и поддержки, какую давала деревнѣ послѣднихъ кровная связь. Такимъ образомъ переходъ отъ долевой организаціи деревни къ общинной и въ деревняхъ крестьянъ-порядчиковъ являлся также естественно необходимой дальнѣйшею ступенью процесса. Первоначальный договоръ на извѣстную долю деревни долженъ былъ смѣниться договоромъ на равное

участіе въ пользованіе землями и угодьями поселенія. По крайней мѣрѣ такой характеръ отношеній заставляетъ предполагать второй изъ двухъ, открытыхъ нашими учеными, фактовъ объ общинѣ отъ XVI вѣка: „А землями и луги и лѣсомъ верстатися крестьянамъ межъ себя самимъ поровну, а не черезъ землю, чтобъ въ крестьянѣхъ межъ себя спору и брани не было никоторыми дѣлы. А на пустые выти называть жильцовъ на льготу отъ отцовъ дѣтей, отъ дядь племянниковъ или кто небуди за волостной порядитца“ *).

Мы очень далеки отъ мысли, что владѣльцы придумали общину и въ болѣе отдаленное время вводили ее насильно на своихъ земляхъ, какъ бы можно было, пожалуй, заключить и изъ только-что приведеннаго факта, еслибъ онъ стоялъ особнякомъ. Но все-таки едва ли можно отрицать, что позже владѣльцы принимали участіе въ ея поддержкѣ и распространеніи, такъ какъ общинная форма землевладѣнія вполнѣ совпадала съ ихъ выгодами и удобствами. Напримѣръ, г. Забѣлинъ въ своей статьѣ: „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“—приводитъ распоряженіе владѣльца о передѣлѣ земель между крестьянами. Еще позднѣе правительство взяло на себя распространеніе общины.

Правительство, какъ мы видѣли, ввело общину не только въ Архангельской губ., но, вѣроятно, и на другихъ сѣверныхъ окраинахъ, гдѣ сохранились государственные крестьяне; оно же вводило ее и на южныхъ окраинахъ, какъ показываетъ хорошо извѣстный намъ примѣръ Харьковской губерніи.

Не рискуя попасть подъ упрекъ въ злоупотребленіи словомъ, можно сказать, что права собственности архангельскихъ крестьянъ на землю были ихъ исконными правами. Конечно, только часть этихъ правъ могла опереться на изстаринное владѣніе новгородскихъ земцевъ; остальная часть была позднѣйшаго происхожденія и болѣе смѣшаннаго въ юридическомъ смыслѣ характера. Но сила не въ происхожденіи и не въ характерѣ правъ, а въ томъ, что правительство, какъ московское, такъ и петербургское, всегда призна-

*) *Бѣляевъ*: „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ“ („Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей“, кн. II).

вало ихъ за настоящія права собственности—и тогда, когда держалась долевая деревня, и тогда, когда владѣніе получило индивидуальный характеръ — и давало имъ свою санкцію. Акты отчужденія крестьянами своихъ земель всегда имѣли оффиціальное значеніе и позже обязательно закрѣплялись въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Но правительство рѣшилось пройти къ утвержденію излюбленнаго имъ принципа по обломкамъ всѣхъ этихъ правъ и—прошло, хотя не безъ колебаній и временныхъ уклоненій. Насколько законными были всѣ эти права въ глазахъ самого правительства, видно изъ слѣдующаго: въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ у владѣльца хватило энергіи провести свои права черезъ всѣ бури налетавшихъ время отъ времени законовъ и указовъ, правительство въ концѣ концовъ само вставало на защиту этихъ правъ. Намъ извѣстенъ одинъ такой случай *), но можетъ-быть ихъ можно найти по губерніи и еще два-три. Выше мы изложили тотъ процессъ, какимъ государство лишило крестьянъ права собственности на землю и перевело ихъ изъ подворно-участковаго владѣнія къ общинному. Аналогичный примѣръ мы знаемъ и на югѣ — по Харьковской губерніи.

Эта южная окраина Московскаго государства, такъ-называемая Слободская Украина, представлялась во многихъ отношеніяхъ не только не сходной, но и прямо противоположной той сѣверной его окраинѣ, которой посвящена наша работа. Но тутъ, какъ и тамъ, водворилось наслѣдственное землевладѣніе на правахъ собственности (такъ-называемое малорусское старозаимочное, по царскимъ грамотамъ казакамъ, и великорусское четвертное, по царскимъ же грамотамъ служилымъ людямъ). И здѣсь первый ударъ личному землевладѣнію нанесенъ былъ при императрицѣ Екатеринѣ II межевыми инструкціями. Но оно все-таки держалось, пока въ 1814 г. харьковскій генералъ-губернаторъ не предложилъ

*) Ненокотскій посадскій человѣкъ Кологріевъ владѣлъ землей по купчей, явленной у крѣпостныхъ дѣлъ въ 1763 г. Въ 1852 г., при обмежеваніи земель посада, губернское правленіе признало этотъ документъ законнымъ. Такимъ образомъ его земля ускользнула отъ предѣла, тогда такъ земли всѣхъ остальныхъ старыхъ собственниковъ были передѣлены (изъ дѣлъ ненокотской ратуши).

казенной палатѣ „въ видахъ бездоимочнаго взноса податей и чтобы дать средства къ пропитанію“ „во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ (бывшихъ козачьихъ) всѣ имѣющіяся и обмежеванныя къ онымъ земли раздѣлить между поселянами уравнительно по числу душъ..., чтобъ казенные поселяне никакъ не смѣли ни продавать своихъ участковъ, ни закладывать, ниже какимъ бы то ни было образомъ переводить въ постороннія руки“. Однако еще въ 1829 г. командированный сенаторъ, осмотрѣвъ лично многія волости губерніи, нашелъ „весьма неуравнительное владѣніе землями, причемъ одни крестьяне имѣютъ оной весьма много, тогда какъ у другихъ вовсе таковой нѣтъ, причемъ допускается уступка земель постороннимъ лицамъ“. Сенаторъ настойчиво предлагалъ, чтобы казенная палата, „по случаю наступающаго весенняго времени, поспѣшила бы предписать всѣмъ волостнымъ правленіямъ, чтобы произвели между собой уравненіе землями“. Тогда казенная палата сдѣлала необходимое предписаніе, „чтобъ всюду земли были подѣлены по числу ревизскихъ душъ, поскольку на каждую уравнительно причитаться будетъ“ *). Такія распоряженія повторялись до тѣхъ поръ, пока уравнительное владѣніе не водворилось наконецъ почти повсемѣстно. Однимъ словомъ, повторилась та же исторія, которую мы детально разсматривали на сѣверѣ. Такимъ образомъ общинное владѣніе у государственныхъ крестьянъ Харьковской губерніи есть также продуктъ позднѣйшаго образованія и административныхъ распоряженій. Не вправѣ ли мы связывать съ этимъ обстоятельствомъ той неутѣшительной картины, какую представляетъ современная община этой мѣстности? Вотъ главнѣйшія черты этой картины, какой она представляется по свѣдѣніямъ мѣстнаго земства: частые передѣлы не позволяютъ удобрять землю; запасныхъ участковъ для новыхъ членовъ нѣтъ; непривычные къ передѣламъ и вообще къ измѣренію земли, крестьяне не могутъ контролировать дѣлильщиковъ, которые, изъ корыстныхъ видовъ, допускаютъ злоупотребленія, обдѣляя неимущихъ и прирѣзывая земли состоя-

*) Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ интересной статьи г. Шиманова „Кіевская старина“ (кн. XI и XII журн. *Кіевская Старина*).

тельнымъ; волостное начальство и горланы захватываютъ участки убылыхъ душъ и не выпускаютъ ихъ изъ своихъ рукъ *). Всѣ эти и подобныя явленія едва ли возможны тамъ, гдѣ община имѣетъ за собой исторію.

Трудно не признавать и не цѣнить всей той массы преимуществъ, какія имѣетъ общинная форма землевладѣнія передъ индивидуальной. Но въ то же время можно думать, что все громадное значеніе этихъ преимуществъ съ трудомъ окупаетъ тотъ вредъ, какой проистекаетъ отъ насилій надъ жизнью, — насилій, являющихся не результатомъ коллизіи, иногда неизбѣжной, внутреннихъ силъ соціальнаго организма, а результатомъ извнѣ идущаго произвольнаго усмотрѣнія. Форма землевладѣнія есть такая сторона народной жизни, которую нельзя затрогивать, не касаясь самыхъ интимныхъ глубинъ народной души, самой сути ея правовыхъ и нравственныхъ идей. „Старая правда" рушится подъ ударами насилія; а гдѣ возьмутся тѣ зиждительныя силы, которыя создадутъ „новую правду", если это насиліе есть дѣйствительно грубое внѣшнее насиліе, камнемъ врывающееся въ органическій процессъ жизни? Глубокое потрясеніе основъ, выражающееся пониженіемъ въ народѣ уровня права и нравственности, неизбѣжно.

Но если это справедливо даже въ томъ случаѣ, когда произвольное усмотрѣніе ставитъ цѣлью ввести въ жизнь такую форму, какъ община, — форму, съ одной стороны имѣющую корни въ прошломъ, а съ другой стороны представляющую несомнѣнныя преимущества для настоящаго и будущаго, — то насколько справедливѣе все сказанное въ томъ случаѣ, когда оно не имѣетъ за собой всѣхъ этихъ смягчающихъ условій?

А между тѣмъ что же мы видимъ?—Передъ нами та же злосчастная Архангельская губернія, которой почему-то удалось сдѣлаться ареной безконечныхъ административныхъ мѣропріятій. Каждые два-три, много пять лѣтъ тамъ происходитъ смѣна администраторовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ административныхъ принциповъ. Замѣчательно, что мѣстная адми-

---

*) „Отчеты и доклады харьковской уѣздной земской управы очередному уѣздному земскому собранію 25 мая 1882 г.", стр. 68—70.

нистрація никогда не обходится безъ принциповъ, обязательно затрогивающихъ именно тѣ коренныя стороны народной жизни, которыя должны бы были быть, повидимому, наиболѣе оберегаемы отъ колебаній. Наприм., въ послѣдніе десятокъ полтора лѣтъ можно было наблюдать переходъ отъ заботъ о водворенія общественной разработки земли до заботъ о водвореніи наслѣдственнаго землевладѣнія включительно. Въ 1869 году губернаторъ Качаловъ разсылалъ циркуляры, въ которыхъ предлагалъ крестьянамъ дѣлать обществами росчисти лѣсовъ, заводить общественныя орудія и т. п. Послѣдніе же годы представляютъ цѣлый рядъ мѣръ, клонящихся къ насажденію участковаго землевладѣнія. Совершенно ясный и давній законъ о лѣсныхъ росчистяхъ (именно указъ 15 декабря 1820 г.), предоставляющій эти росчисти въ сорокалѣтнее пользованіе расчистившаго ихъ крестьянина съ тѣмъ, чтобы потомъ онѣ поступали въ общество, начинаетъ толковаться такъ, что росчисти эти должны оставаться въ полную, наслѣдственную собственность владѣльца: такимъ образомъ земли, уже отошедшія къ общинамъ, снова возвращаются въ частное владѣніе. Право расчистокъ распространяется и на лицъ не крестьянскаго сословія, причемъ размѣры участковъ, вмѣсто крестьянскихъ 15 десятинъ, расширяются до 200 десятинъ на душу и т. д. *). Все это очевидныя стремленія къ водворенію снова того строя, съ которымъ правительство такъ энергически боролось всего какихъ-нибудь 50—100 лѣтъ тому назадъ. Неужели въ теченіе одного вѣка не достаточно одного такого грандіознаго эксперимента in anima vili и нужно снова бередить организмъ, въ которомъ только-что успѣлъ привиться ростокъ новой формы?

Ни для кого не тайна, что архангельская администрація въ своемъ сочувствіи къ участковому землевладѣнію не составляетъ какой-нибудь аномаліи въ общемъ теченіи административной жизни. И въ центральныхъ административныхъ сферахъ не разъ проявлялось желаніе содѣйствовать смѣнѣ общиннаго владѣнія участковымъ. Такъ, наприм., когда составлялись владѣнныя записи въ малорусскихъ губерніяхъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, былъ негласный циркуляръ тог-

*) *Русскій Курьеръ* 1882 г., № 204; *Недѣля* 1882 г., №№ 29 и 30.

